

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 1-4 • 2017

ISSN: 2310-8681

Издается с 2013 г.

Учредители:

Мащкевич И. М., Орлов В. Н.

Издатели:

Мащкевич И. М., Орлов В. Н.

Главный редактор:

Игорь Михайлович Мащкевич, президент Союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Владимир Семенович Овчинский, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, советник министра МВД РФ, д.ю.н. (Россия, г. Москва)

Владимир Евгеньевич Эминов, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, (Россия, г. Москва)

Олег Александрович Зайцев, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, д.ю.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, г. Москва)

Редакционная коллегия:

Елена Александровна Антонян, помощник президента Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н. (Россия, г. Москва)

Исахан Вейсал-оглы Велиев, руководитель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане, д.ю.н., профессор (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Лидия Алексеевна Воскобитова, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Евгений Петрович Ищенко, заведующий кафедрой криминологии ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Виталий Анатольевич Номоконов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальнево-

сточный федеральный университет», директор Владивостокского Центра по изучению организованной преступности, д.ю.н., профессор (Россия, г. Владивосток)
Владислав Николаевич Орлов, ответственный секретарь Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н. (Россия, г. Москва)
Алексей Иванович Рарог, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Елена Рафаиловна Россинская, заведующая кафедрой судебной экспертизы «ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)
Уве Хельмманн, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, dr. iur. habil., профессор (Германия, г. Потсдам)

Представители:

в Южном федеральном округе России: **Алексей Николаевич Ильяшенко**, руководитель Южного отделения Союза криминалистов и криминологов, д.ю.н., профессор (Россия, г. Краснодар)

Ассистенты журнала:

Елена Вадимовна Бочкарева, аспирант кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (Россия, г. Москва)

Евгения Алексеевна Рыбакова, член Союза криминалистов и криминологов, старший инспектор отдела комплектования аттестационных дел соискателей ученых степеней Управления организации научной деятельности ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Научный редактор:

Татьяна Владимировна Редникова, член Союза криминалистов и криминологов, к.ю.н., научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Россия, г. Москва)

Редактор:

Аристова Мария Александровна

Адрес: 121357, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, дом 65, кв.9

Тел.: 8 (499) 244-85-62; 8-915-051-16-65 E-mail: skix_ykk@mail.ru

<http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. – 2017. – № 1–4.

М.: МГЮУ им. О. Е. Кутафина, 2017. – 208 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-53307 от 29 марта 2013 г.

Подписано в печать 06.12.2017 г. Формат 60*90 1/8. Бумага офсетная. 26 п. л. Тираж 1650. Цена свободная.

© Мащкевич И. М. © Орлов В. Н

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 1-4 • 2017

ISSN: 2310-8681

Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Mazkevitsch I.M., Orlov V.N.

Verleger:

Mazkevitsch I.M., Orlov V.N.

Chefredakteur:

Igor Michailovitsch Mazkevitsch, Präsident des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Leiter des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Russland, Moskau)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Wladimir Semenowitsch Ovtshinskij, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Minister Berater des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften (Russland, Moskau)

Ildar Jevgensevitsch Eminov, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Professor am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation (Russland, Moskau)

Zaitsev Oleg Aleksandrovich, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Arbeiter der Hochschulbildung der Russischen Föderation (Russland, Moskau)

Redaktionskollegium:

Elena Aleksandrovna Antonjan, Assistentin des Präsidenten des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Professor am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)», Doktorin der Rechtswissenschaften (Russland, Moskau)

Isahan Veysale-ogly Veliev, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Aserbaidschan, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Republik Aserbaidschan, Baku)

Lidija Aleksewna Voskobitova, Leiterin des Lehrstuhls für Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)», Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin (Russland, Moskau)

Evgenij Petrovic Ishchenko, Leiter des Lehrstuhls für Kriminalistik an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)»,

Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Russland, Moskau)

Witalij Analoljewitsch Nomokonow, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminalistik an der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Fernöstliche Föderale Universität», Direktor des Zentrums für Erforschung des organisierten Verbrechertums, Doktor der Rechtswissenschaften, (Russland, Wladiwostok)

Wladislaw Nikolajewitsch Orlow, verantwortlicher Sekretär des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Dozent am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)», Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent (Russland, Moskau)

Aleksei Iwanowitsch Rarog, wissenschaftliche Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Russland, Moskau)

Elena Rafailowna Rossinskaja, Leiterin des Lehrstuhls für Gerichtsgutachten an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)», Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin (Russland, Moskau)

Uwe Hellmann, Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam, Dr. jur. habil., Professor (Deutschland, Potsdam)

Vertreter:

im südlichen föderalen Bezirk Russlands: **Aleksei Nikolaewitsch Ilyashenko**, Leiter der südlichen Abteilung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Russland, Krasnodar)

Assistenten der Zeitschrift:

Elena Wadimowna Bochkarewa, Aspirantin an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)», (Russland, Moskau)

Evgeniya Aleksewna Rybakowa, Mitglied des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Oberinspektor des Abteilungs Erwerbs der Zertifizierung Kandidaten des Leitungs der wissenschaftlichen Tätigkeit an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie)»

Wissenschaftlicher Redakteur:

Tatjana Wladimirowna Rednikowa, Mitglied des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, wissenschaftlichen Mitarbeiter am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, Kandidat der Rechtswissenschaften (Russland, Moskau)

Redakteur:

Aristowa Maria Alexandrowna

Adresse: 121357, Russland, Moskau, Kutuzowskij Prospekt, 65-9

Telefon: 8 (499) 244-85-62; 8-915-051-16-15 E-mail: skix_vkk@mail.ru <http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>
Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. – 2017. – Nr. 1–4. Moskau: Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Akademie, 2017. – 208 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.
die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,
Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbescheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-53307 vom 29. März 2013.

Am 06.12.2017 in Druck gegeben, Format 60x90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 26. Auflage 1050 Exemplare. Der Preis ist frei.

© Mazkevitsch I.M., Orlov W.N

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 1-4 • 2017

ISSN: 2310-8681

Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N.

Publishers:

Matskevich I.M., Orlov V.N.

The Editor-in-Chief

Igor Mikhailovich Matskevich, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Head of Criminology and Criminal Executive Law Chair of the «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Doctor of Law, Professor, Honored scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Vladimir Semenovich Ovchinsky, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Councillor to the Minister Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law (Moscow, Russia)

Vladimir Evgenievich Eminov, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Oleg Aleksandrovich Zaytsev, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law, Professor, Honored scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia), Honored worker Higher Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

The Editorial Board:

Elena Aleksandrovna Antonyan, Assistant to the President of the Union of Criminalists and Criminologists, Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Doctor of Law (Moscow, Russia)

Isakhan Veysale-ogly Veliev, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Azerbaijan, Doctor of Law, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Lidia Alekseevna Voskobitova, Head of the Criminal Procedural Law Chair of the «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Doctor of Law (Moscow, Russia)

Evgeny Petrovich Ischenko, Head of Criminalists Chair of the «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Vitaly Anatolievich Nomokonov, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the «Far-Eastern Federal University», Director of Vladivostok Centre on Organized Criminality Studying, Doctor of Law, Professor (Vladivostok, Russia)

Vladislav Nikolaevich Orlov, Senior secretary of the Union of Criminalists and Criminologists, Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Doctor of Law (Moscow, Russia)

Aleksey Ivanovich Rarog, Research supervisor of Criminal Law Chair of the «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Doctor of Law, Professor, Honored scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena Rafailovna Rossinskaya, Head of Forensic Chair of the «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Uwe Hellmann, Head of Criminal and Economical Criminal Law Chair of Potsdam University, dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Germany)

Representatives:

In the Southern Federal Region of Russia: **Aleksey Nikolaevich Ilyashenko**, Head of Southern Department of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)

Assistants:

Elena Vadimovna Bochkareva, Postgraduate student of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)» (Moscow, Russia)

Evgeniya Alekseevna Rybakova, Member of the Union of Criminalists and Criminologists, Senior Inspector of the Department of Applicants Attestation of the Scientific Activity Management Directorate of the «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)» (Moscow, Russia)

Scientific editor:

Tatiana Vladimirovna Rednikova, Member of the Union of Criminalists and Criminologists, candidate of legal sciences, researcher at the State and Law Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

Editor:

Aristova Maria Alexandrovna

Address: Appart. 9, Building 65, Kutuzov Avenue, Moscow, 121357, Russia

Telephone: 8 (499) 244-85-62; 8-915-051-16-15 E-mail: skk_vkk@mail.ru Web-site: <http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. – 2017. – No. 1–4. – Moscow :

MSAL named after O.E. Kutafin, 2017. – 208 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-53307 issued on March 21, 2013.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 06.12.2017. Format 60*90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 26. Circulation 1050. Openprice.

© Matskevich I.M. © Orlov V.N.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Федоров А.В.
Ответственность юридических лиц: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты
Тезисы доклада на заседании Союза криминалистов и криминологов 22 декабря 2016 г., г. Москва..... 7

Мацкевич И.М.
Криминология уголовной ответственности
юридических лиц..... 14

Есаков Г.А.
Уголовная ответственность юридических лиц как годный конструкт, должный быть забытым..... 21

Лебедев С.Я.
Уголовная ответственность юридического лица такая же правовая фикция, как и само юридическое лицо (полемические заметки на полях законопроекта «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц»)..... 26

Кулаков В.В., Кирпичев А.Е.
О гражданско-правовой ответственности физических и юридических лиц при совершении коррупционных правонарушений 33

Серова О.А.
Уголовная ответственность юридических лиц: проблемы теории и практики 40

Дубовик О.Л.
Юридическая ответственность за экологические правонарушения в Венгрии, Польше, Чехии и России: противоречия и точки соприкосновения..... 46

Трибуна вуза. Представительство Союза криминалистов и криминологов в Германии (Конференция в Потсдамском университете 11–14 декабря 2016 года)

Альбрехт А.
Риски наступления уголовной ответственности руководства предприятия при совершении преступления сотрудниками этого предприятия..... 56

Барышева К.А.
Киберсталкинг как новый вид уголовно-наказуемого деяния 63

Бодров Н.Ф.
Проблемы привлечения к уголовной ответственности за экстремизм в сети Интернет по российскому законодательству..... 67

Дубовик О.Л.
Уголовно-экологическая политика российского государства на современном этапе 71

Зайцев О.А.
Разъяснение свидетелям их прав в ходе производства по уголовному делу (сравнительный анализ законодательства России и Германии)..... 76

Мацкевич И.М.
Дополнительное уголовное право России 81

Мацкевич О.В.
Уголовная ответственность за невыплату заработной платы..... 85

Митч В.
Глифосат и уголовное право..... 90

Понятовская Т.Г.
Тревожная тенденция российской уголовно-правовой политики 96

Рарог А.И.
Мелкое взяточничество в уголовном праве России 99

Редникова Т.В.
Практика применения норм статьи 258.1 УК РФ..... 103

Rudakouskaya A., Stage D., Storey J.
Offences against the person – A comparative overview of the German, English and Belarusian criminal law..... 108

Серебрянникова А.В.
Уголовная ответственность за женское обрезание: за и против..... 118

Штайнберг Г.
Подлежит ли уголовно-правовой защите нелегальное имущество? Комментарий к Постановлению Федерального верховного суда от 1 июня 2016, BGH 2 StR 335/15 123

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Степанов-Егиянц В.Г.
Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: проблемы квалификации..... 127

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Галяшина Е.И.
Установление положения лица в иерархии преступного сообщества (организации) по телефонным переговорам 133

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
Интервью Виктора Васильевича Лунева для Криминологического кабинета..... 140

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Захарова М.В.
Национальный интерес и (или) холодный расчет: к вопросу о конкуренции правовых систем мира 155

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Белик В.Н.
Новый Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: анализ судебной практики в области реализации права на защиту осужденных..... 160

Селиверстов В.И.
Научно-теоретическая модель Общей части УИК РФ: обоснование новелл и результатов моделирования..... 165

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ-КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Морозов А.А.
Джеффри Чосер – автор и персонаж «Кентерберийских рассказов»..... 173

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 177

ABOUT THE AUTHORS 179

ПАМЯТКА ПО ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»..... 181

ZUSAMMENFASSUNG UND SCHLÜSSELWÖRTER..... 183

ANNOTATIONS AND KEYWORDS..... 196

INHALT

KOLUMNE VON CHEFREDAKTEUR

Fedorov A.V.

Unternehmenshaftung: Strafrecht und Strafverfahrens Aspekte Thesen des Berichts auf einer Sitzung der Union der Kriminalisten und Kriminologen 22. Dezember 2016, Moskau 7

Matskevich I.M.

Kriminologie, strafrechtliche Haftung juristischer Personen 14

Esakow G.A.

Strafrechtliche Haftung juristischer Personen als geeignete Konstruktion, die vergessen werden sollte.....21

Lebedew S.Y.

Die strafrechtliche Haftung der juristischen Person ist die gleiche rechtliche Fiktion, wie auch eine juristische Person selbst (polemische Randnotizen der Rechnung «Über die Modifizierung in einigen Gesetzgebungsakten der Russischen Föderation im Zusammenhang mit der Einführung des Instituts der strafrechtlichen Haftung juristischer Personen»).....26

Kulakov V.V., Kirpichev A.E.

Über die zivilrechtliche Haftung von natürlichen und juristischen Personen bei der Begehung von Korruptionsdelikten 33

Serova O.A.

Strafrechtliche Haftung juristischer Personen: Probleme der Theorie und Praxis.....40

Dubovik O.L.

Rechtliche Verantwortung für umweltdelikte in Ungarn, Polen, Tschechien und Russland: Konflikte und Berührungspunkte 46

UNIVERSITÄT TRIBÜNE. DER UNION VON KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN REPRÄSENTANZ IN DER BUNDESREPUBLIK DEUTSCHLAND (Internationale konferenz an der universität Potsdam 11 bis 14 dezember 2016)

Albrecht A.H.

Strafbarkeitsrisiken für die Unternehmensleitung bei Straftatbegehung durch Mitarbeiter 56

Barysheva K.A.

Cyberstalking als eine neue Form der strafbaren Tathandlung.....63

Bodrov N.F.

Probleme der Heranziehung zur strafrechtlichen Verantwortung wegen Extremismus im Internet gemäß russischer Gesetzgebung 67

Dubovik O.L.

Strafrechtliche Umweltpolitik des russischen Staates in der Gegenwart 71

Zaytsev O.A.

Belehrung des Zeugen über seine Rechte im Strafverfahren 76

Matskevich I.M.

Strafrechtliche Nebengesetze der Russischen Föderation 81

Matskevich O.V.

Strafbarkeit der Nichtzahlung des Arbeitslohns.....85

Mitsch W.

Glyphosat und Strafrecht 90

Ponyatovskaya T.G.

Beunruhigende Entwicklung der Russischen strafrechtlichen Politik 96

Rarog A.I.

„Kleine“ Bestechung im russischen Strafrecht 99

Rednikova T.V.

Die Praxis der Anwendung der Normen des Art. 258.1. des Strafkodexes der Russischen Föderation 103

Rudakouskaya A., Stage D., Storey J.

Körperverletzungsdelikte – Eine vergleichende Darstellung des deutschen, englischen und belarussischen Strafrechts 108

Serebrennikova A.V.

Die Strafbarkeit der weiblichen Genitalverstümmelung: pro und contra 118

Steinberg G.

Strafrechtlicher Schutz illegalen Vermögens? Bemerkungen zum Beschluss des BGH vom 1. Juni 2016, BGH 2 StR 335/15 123

STRAFRECHT

Stepanov-Egijants W.G.

Strafrechtliche Haftung für die Förderung terroristischer Aktivitäten: Probleme der Qualifikation 127

FORENSISCHE GUTACHTERTÄTIGKEIT

Galyashina E.I.

Die Festlegung der Position der Person in der Hierarchie einer kriminellen Vereinigung (Organisation) aus Telefonaten 133

DIE MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE RAUM

Interview von Viktor Wassiljewitsch Luneew für der Moskauer kriminologische Raum 140

THEORIE DES STAATES UND DES RECHTS

Zakharova M.V.

Das nationale Interesse und (oder) kalte Berechnung: zur Frage der Konkurrenz der Rechtssysteme der Welt 155

STRAFVOLLSTRECKUNGSRECHT

Belik V.N.

Neues Strafgesetzbuch der Russischen Föderation: eine Analyse der Rechtsprechung im Bereich der Umsetzung des Rechts auf Verteidigung Verurteilter 160

Seliverstov V.I.

Das wissenschaftlich-theoretische Modell des Allgemeinen Teils der Strafvollstreckungsordnung der Russischen Föderation: die Begründung der Novellen und Simulationsergebnisse 165

SCHRIFTSTELLER-PUBLIZIST-KRIMINALIST-KRIMINOLOGE

Morozov A.A.

Geoffrey Chaucer – der Autor und Charakter «Canterbury Tales» 173

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN 181

ZUSAMMENFASSUNG UND SCHLÜSSELWÖRTER 183

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF COLUMN

Fedorov A.V.

Liability of legal entities: criminal law and criminal procedure aspects. Theses of the report at the meeting of the Union of Criminalists and Criminologists December 22, 2016, Moscow.....7

Matskevich I.M.

Criminology of the criminal liability of legal entities.....14

Esakov G.A.

Corporate Criminal Liability as a Useful Construct Which Should be Forgotten.....21

Lebedev S. Y.

Criminal liability of a legal entity same legal fiction as the legal entity itself (polemical notes in the margins of the draft law "On amendments to legislative acts of the Russian Federation in connection with the introduction of criminal liability of legal persons").....26

Kulakov V.V., Kirpichev A.E.

On the civil liability of physical persons and legal entities, committed acts of corruption.....33

Serova O.A.

Criminal liability of legal entities: problems of theory and practice.....40

Dubovik O.L.

Legal liability for environmental offences in Hungary, Poland, Czech Republic and Russia: contradictions and points of contact.....46

UNIVERSITY TRIBUNE. THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS REPRESENTATIVE OFFICE IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY (International conference at the university of Potsdam 11 to 14 december 2016)

Albrecht A.H.

Risks of criminal liability of company management in the Commission of a crime by employees of the company.....56

Barysheva K.A.

Cyberstalking as a new kind of criminal acts.....63

Bodrov N.F.

Problems of criminal liability for extremism on the Internet according to the Russian legislation.....67

Dubovik O.L.

Criminal environmental policy of the Russian state at the present stage.....71

Zaytsev O.A.

Informing the witnesses of their rights during the criminal proceedings (comparative analysis of Russian and German legislation).....76

Matskevich I.M.

Complementary criminal law of the Russian Federation.....81

Matskevich O.V.

Criminal liability for non-payment of wages.....85

Mitsch W.

Glyphosate and criminal law.....90

Ponyatovskaya T.G.

A worrying trend of Russian penal policy.....96

Rarog A.I.

Petty bribery in criminal law of Russia.....99

Rednikova T.V.

The practice the implementation of article 258.1 of the Russian Federation Criminal code.....103

Rudakouskaya A., Stage D., Storey J.

Offences against the person – A comparative overview of the German, English and Belarusian criminal law.....108

Serebrennikova A.V.

Criminal liability for female circumcision: pros and cons.....118

Steinberg G.

Federal Supreme court of 1 June 2016, BGH 2 StR 335/15.....123

CRIMINAL LAW

Stepanov-Egijants V.G.

Criminal liability for assistance to terrorist activities: problems of qualification.....127

COURT EXPERTISE ACTIVITY

Galyashina E.I.

The establishment of personal position in the hierarchy of criminal community (organization) by phone talks.....133

MOSCOW CRIMINOLOGY OFFICE

Interview of Viktor Vasilyevich Luneev for the Criminological Cabinet.....140

THEORY OF STATE AND LAW

Zakharova M.V.

National interest and (or) cold calculation: to the question of competition of legal systems of the world.....155

CRIMINAL ENFORCEMENT LAW

Belik V.N.

New Criminal-Executive code of the Russian Federation: analysis of judicial practice in the implementation of the right to protection of prisoners.....160

Seliverstov V.I.

The scientific and theoretical model of the General Part of the Penitentiary Code of the Russian Federation: justification of novels and simulation results.....165

WRITER-PUBLICIST-CRIMINALIST-CRIMINOLOGIST

Morozov A.A.

Geoffrey Chaucer – the author and the character of "The Canterbury tales".....173

ABOUT THE AUTHOURS.....179

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS".....181

ANNOTATIONS AND KEYWORDS.....196

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Тезисы доклада на заседании Союза криминалистов и криминологов
22 декабря 2016 г., г. Москва

Федоров Александр Вячеславович

***Цель.** Уже более чем в 70 странах мира введена уголовная ответственность юридических лиц, и имеет место тенденция к увеличению числа таких стран. Это обусловлено объективными причинами, связанными, в первую очередь, с развитием социально-экономических отношений, когда применительно к отдельным видам преступлений роль отдельного человека как преступника отходит на второй план, юридическое же лицо выдвигается на передний план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные или иные выгоды от преступной деятельности.*

***Методология:** диалектический метод, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, социологический метод, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что сложились предпосылки для введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации. Анализ законодательного регулирования уголовной ответственности юридических лиц за рубежом и практики ее реализации позволяет определить возможные варианты установления уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации.*

***Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование развивает и уточняет сложную и практически значимую проблему уголовной ответственности юридических лиц. Автор обосновывает необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц в России, ссылаясь на зарубежный опыт и на неэффективность существующих в российском праве мер, применяемых к юридическим лицам.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, преступление, вина, субъект преступления, уголовная ответственность юридических лиц, административная ответственность юридических лиц, субъект уголовной ответственности, общественная опасность деяний юридических лиц, уголовно-процессуальный порядок расследования и рассмотрения административных правонарушений юридических лиц.*

Вопрос об установлении уголовной ответственности юридических лиц, то есть о признании юридического лица субъектом преступления либо субъектом уголовной ответственности, в российской уголовно-правовой науке относится к числу наиболее дискуссионных и активно обсуждаемых. В зависимости от происходящих в стране и мире социально-экономических процессов полемика по поводу введения уголовной ответственности юридических лиц то вступает в активную фазу, то «затухает», чтобы спустя какое-то время вновь стать предметом бурной научной дискуссии.

С точки зрения научного осмысления этого института и оценки возможностей его реализации, в российском праве можно выделить несколько исторических периодов:

- дореволюционный период (до 1917 г.);
- советский период (1917–1991 гг.);
- постсоветский период (с 1992 г. по настоящее время).

Если в первый из этих периодов в исследованиях XIX – начала XX веков рядом ученых допускалось установление уголовной ответственности юридических лиц, хотя и доминировала противо-

положная точка зрения, то в советский период такая ответственность оценивалась исключительно с критических позиций, как обеспечивающая интересы капиталистов и направленная на ограничения прав трудящихся.

Представители советской уголовно-правовой науки однозначно исходили из того, что субъектом преступления может быть только физическое лицо, и категорично утверждали, что ни при каких условиях юридические лица по советскому законодательству не могут быть привлечены к уголовной ответственности [4, с. 206].

С началом глубинных социально-экономических преобразований, основанных на переходе к рыночным экономическим отношениям, совпавших с распадом Советского Союза, оценки уголовной ответственности юридических лиц стали меняться. Так, многие ученые сформулировали позитивные позиции по отношению к введению в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц.

В числе первых такую позицию высказал в 1991 г. профессор А.В. Наумов [6, с. 3; 7, с. 35].

Поддержали введение уголовной ответственности юридических лиц и авторы разработанной в 1992 г. Концепции уголовного законодательства Российской Федерации [3, с. 44].

Тем не менее разработанные предложения о введении уголовной ответственности юридических лиц законодатель не воспринял, и они не вошли в УК РФ 1996 г.

Вопрос об установлении уголовной ответственности юридических лиц остается открытым и по-прежнему активно обсуждается учеными и практиками. Многие из них констатируют объективную обусловленность введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации.

В период истории России, именуемый социалистическим, когда экономика развивалась в условиях государственной собственности на орудия и средства производства, уголовная ответственность юридических лиц исключалась, так как не соответствовала характеру господствующих экономических отношений. При переходе к рыночной экономике ситуация изменилась.

Уголовное право постсоветского – рыночного периода развития экономики и общества – направлено на защиту новых экономических отношений [19] и, как показывает зарубежный опыт, уголовная ответственность юридических лиц является весьма эффективным уголовно-правовым инструментом противодействия преступности в этих условиях [12, с. 93–237, 414–444].

Таким образом, за введением уголовной ответственности юридических лиц стоит потребность использования уголовно-правовых средств для защиты и регулирования отношений, сформировавшихся на данном этапе социально-экономического развития Российской Федерации.

Как переход от ранее сложившихся в СССР экономических отношений к рыночным обусловил отказ от признания уголовно наказуемым деянием спекуляции (ст. 154 УК РСФСР) и устранение деления преступлений против собственности на совершенные в отношении социалистической собственности (глава 2 Особенной части УК РСФСР) и в отношении личной собственности граждан (глава 5 Особенной части УК РСФСР), ибо эти институты уголовного права уже не соответствовали характеру новых экономических отношений, так переход к рыночным отношениям с неизбежностью повлечет введение уголовной ответственности юридических лиц.

Не все разделяют эту точку зрения. Многие ученые и практики считают, что у нас уже установлена достаточная административная ответственность юридических лиц и внесение соответствующих изменений в Уголовный кодекс не требуется.

Часть сторонников указанной точки зрения исходит из того, что за рубежом уголовная ответ-

ственность юридических лиц часто устанавливается за совершение уголовно наказуемых деяний (правонарушений), каковыми признаются не только преступления, но и проступки.

По их мнению, при рассмотрении существующих в Российской Федерации административных правонарушений с позиции зарубежного права значительная часть таких нарушений фактически представляет собой проступки, а административная ответственность за них может быть сопоставима с уголовной ответственностью за рубежом.

Например, В.И. Михайлов неоднократно отмечал, что в Российской Федерации в связи с отсутствием уголовной ответственности юридических лиц ее компенсирует административная ответственность, что вполне достаточно для обеспечения должной корпоративной ответственности [5].

На наш взгляд, у административной ответственности юридических лиц имеются очевидные «минусы», не позволяющие обеспечить эффективное, соразмерное и сдерживающее воздействие на юридических лиц. В этом плане уголовная ответственность юридических лиц, по сравнению с административной, имеет ряд существенных преимуществ, что подтверждается данными изучения зарубежного опыта.

Не все доводы, свидетельствующие о явных преимуществах уголовной ответственности юридических лиц по сравнению с административной, имеют уголовно-правовой характер. Но без рассмотрения полной совокупности аргументов, приводимых в этой части, нельзя сделать вывод о целесообразности принятия соответствующих уголовно-правовых решений.

К числу доводов, указывающих на необходимость установления именно уголовной ответственности юридических лиц, можно отнести следующие:

1. Учитывая, что правонарушения юридических лиц обычно выявляются в ходе расследования уголовных дел в отношении физических лиц, совершавших противоправные деяния от имени или в интересах соответствующего юридического лица, расследование содеянного намного эффективнее проводить в рамках единого процесса. Практика свидетельствует, что, когда ответственность физических и юридических лиц за взаимосвязанные деяния урегулирована различными отраслями права, а доказательства собираются по разным делам и, соответственно, эти дела рассматриваются отдельно разными судебными инстанциями, возникают большие сложности с установлением содеянного юридическим лицом и его вины.

Это, в частности, обусловлено тем, что по делам об административных правонарушениях не проводится всестороннего расследования, как по уголовным делам, ибо административный процесс предназначен для обеспечения реализации ответственности за правонарушения, признаваемые намного менее опасными, чем преступления.

Кроме того, по делам этой категории имеет место упрощенное судебное рассмотрение, и насколько возможно всесторонне и объективно оценить деяние юридического лица в такого рода упрощенном процессе, большой вопрос.

При этом сложившаяся практика показывает, что работа по привлечению юридических лиц к административной ответственности, как правило, начинается (да и то далеко не всегда) лишь после осуждения физических лиц. Упущенное время позволяет юридическим лицам принять меры по уклонению от ответственности.

2. По делам об административных правонарушениях фактически отсутствует международное сотрудничество. Международные договоры ориентированы на такое сотрудничество по делам о преступлениях. Более того, расследование ряда противоправных деяний юридических лиц часто требует активного международного сотрудничества правоохранительных органов. В рамках административного процесса это, на данный момент, осуществить не представляется возможным.

Также следует учитывать, что по административным правонарушениям в настоящее время не проводится оперативно-розыскная деятельность, что существенно снижает результативность работы по делам этой категории.

3. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации пока отсутствует указание на возможность совершения преступлений юридическими лицами. Тем не менее фактически такие преступления имеют место в реальной жизни. С учетом особенностей современной российской правовой системы они в настоящее время, как уже было отмечено, признаются административными правонарушениями.

Например, такого рода ответственность предусмотрена ст. 19.28 КоАП «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица» [9]. При этом потенциал санкций ст. 19.28. КоАП РФ сопоставим с размерами соответствующих уголовных наказаний, а зачастую и превышает эти размеры. Согласно данным судебной статистики по статье 19.28. КоАП РФ в административном порядке в 2011 году на 27 юридических лиц наложено штрафов на сумму немногим более 81 миллиона

рублей, а в 2012 г. 60 юридических лиц оштрафованы на 69 миллионов рублей [2, с. 16].

Так, по части 3 ст. 19.28. КоАП РФ за незаконное вознаграждение в особо крупном размере для юридического лица предусмотрен административный штраф в размере до стократной суммы денежных средств, незаконно переданных либо обещанных или предложенных от имени юридического лица, но не менее ста миллионов рублей с конфискацией денег, ценных бумаг, иного имущества или стоимости услуг имущественного характера, иных имущественных прав.

Столь значительные санкции, предусмотренные ст. 19.28. КоАП РФ, с точки зрения Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), нашедшей отражение в решениях этого судебного органа, позволяют определять такого рода правонарушения юридических лиц как преступления и констатировать необходимость проведения расследования уголовно-правового характера по соответствующим делам [10].

4. Еще одним доводом, указывающим на объективную обусловленность введения в Российской Федерации института уголовной ответственности юридических лиц, является стирание «границ» между преступлениями и административными правонарушениями.

В юридической литературе обычно приводится точка зрения, что основным признаком разграничения административных правонарушений и преступлений является наличие либо отсутствие общественной опасности у соответствующего вида деяний. Преступления имеют этот признак, а административные правонарушения – нет.

На самом деле это не так: противоправные деяния, признаваемые административными правонарушениями, являются общественно опасными, а преступления – противоправными деяниями.

Так, Конституционным Судом Российской Федерации признано, что правонарушения юридических лиц могут представлять общественную опасность, сопоставимую с общественной опасностью преступлений, а в некоторых случаях – и более высокую [8].

Пора отказаться от сокрытия такого рода преступлений под видом административных правонарушений.

5. Необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц возникает также в связи с членством Российской Федерации в некоторых международных организациях и участием в ряде международных договоров, предусматривающих необходимость такой ответственности [11; 15].

При этом выполнение международных обязательств – это лишь один из поводов для принятия решения о введении уголовной ответственности юридических лиц. Причины же принятия такого решения, как уже было отмечено, внутренние, имеющие социально-экономический характер.

6. Представляется нелогичной и нарушающей интересы российской стороны ситуация, когда иностранные органы имеют возможность привлекать российских юридических лиц к уголовной ответственности, а российская сторона может ставить вопрос о привлечении иностранных юридических лиц лишь к административной ответственности.

В настоящее время более чем в 70 странах мира установлена уголовная ответственность юридических лиц, ставшая в них одной из важных составляющих противодействия преступности.

Причиной введения наряду с гражданско-правовой и административной еще и уголовной ответственности юридических лиц является рост числа и масштабов преступлений, совершаемых от имени юридических лиц или за их счет либо для их выгоды (в их пользу) физическими лицами, а именно: лицами, осуществляющими управленческие функции; законными представителями юридического лица; иными лицами, находящимися в подчинении у вышеуказанных лиц и действующими за счет или в пользу юридического лица в случае, если юридическое лицо не обеспечило достаточную степень контроля за их действиями с учетом конкретных обстоятельств.

При этом, как точно подмечено Н.А. Головановой, «роль отдельного человека как преступника отходит на второй план, юридическое же лицо выдвигается на передний план в качестве реального преступника, незаконно получающего денежные или иные выгоды от преступной деятельности» [1, с. 153].

Приведенные доводы подтверждают, что введение уголовной ответственности юридических лиц объективно обусловлено развитием экономических и социальных отношений, сопряжено с международными обязательствами Российской Федерации, соответствует национальным интересам и неизбежно в будущем, возможно даже не столь далеко [13; 14; 16].

При этом введение института уголовной ответственности юридических лиц не умаляет значение других видов ответственности. Наиболее оптимальной является ситуация, когда существует возможность применения к юридическим лицам всех трех видов ответственности: гражданско-правовой, административной и уголовной.

Можно констатировать, что, используя имеющиеся научные разработки и зарубежный опыт, российский законодатель сможет принять решение об установлении уголовной ответственности юридических лиц. Вопрос заключается в другом — насколько это необходимо. Основопологающим в развернувшейся дискуссии об установлении в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц является вопрос о целесообразности (необходимости) введения такой ответственности. Это политико-правовой вопрос, касающийся как объективной обусловленности уголовной ответственности юридических лиц, так и содержательной оценки причин и поводов ее введения, возможных законодательных решений, связанных с установлением такой ответственности.

При этом промежуточным решением может быть вариант, основанный на сохранении существующих видов ответственности (уголовной — для физических лиц и административной — для юридических лиц) в сочетании с отказом от разных процессуальных моделей привлечения к ответственности физических и юридических лиц в случае совершения ими сопряженных противоправных деяний [18, с. 36–37].

То есть, при сохранении уже существующей административной ответственности юридических лиц за совершение противоправных деяний, совпадающих по объективной стороне с соответствующими преступлениями физических лиц, предлагается включить дела об административной ответственности юридических лиц за такие правонарушения в сферу уголовного процесса.

Речь идет о том, чтобы в рамках одного дела расследовались преступление, совершенное физическим лицом, и сопряженное с ним административное правонарушение, совершенное юридическим лицом, и в приговоре по делу фиксировалось решение о виновности или не-

виновности этих подсудимых и о назначении им наказания (физическому лицу — в соответствии с Уголовным кодексом, а юридическому лицу — в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях), либо об освобождении этих подсудимых от наказания.

На преимущества в современных условиях именно такого промежуточного законодательного решения объективно указывают многие обстоятельства.

Его реализация не потребует изменений уголовного законодательства, против чего пока еще возражают многие ученые, а ограничится лишь незначительными изменениями уголовно-процессуального и административного законодательства.

При этом апробация расследования и рассмотрения дел о правонарушениях юридических лиц в уголовно-процессуальном порядке позволит выработать оптимальные процессуальные механизмы работы по делам этой категории и разработать методики расследования отдельных видов правонарушений (фактически — преступлений), совершаемых юридическими лицами.

Одновременно должна быть продолжена разработка возможных вариантов введения уголовной ответственности юридических лиц с учетом особенностей российской правовой системы и имеющегося зарубежного опыта [17].

Кроме того, исходя из факта наличия преступности юридических лиц, настало время для постановки вопроса о разработке новой криминологической теории — теории корпоративной преступности или криминологии юридических лиц.

Криминология как наука о преступности и преступниках не может, образно говоря, закрывать глаза на появление нового вида преступности и новых преступников.

Ссылки и библиография:

1. Голованова Н.А. Тенденции развития института уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Юридическая ответственность: современные вызовы и решения: Материалы для VIII Ежегодных научных чтений памяти профессора С.Н. Братуся / отв. ред. Н.Г. Доронина, — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2013. С. 153–163.
2. Деятельность прокуроров по привлечению к ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения: пособие / авт. кол. под рук. С.К. Илия. — М., 2013. — 80 с.
3. Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право. 1992. № 8. С. 39–46.
4. Курс советского уголовного права. Том II. Общая часть. Преступление. — М.: Наука, 1970. — 516 с.
5. Михайлов В.И. Нужна ли уголовная ответственность юридических лиц в Российской Федерации? // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-не-

мецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2012 г.) / Отв. ред.: Богуш Г.И.; Науч. ред.: Зибер У., Комиссаров В.С. — М.: Юрлитинформ, 2013. С. 97–102.

6. Наумов А.В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. 1992. № 17/18. С. 3.

7. Наумов А.В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. 1991. № 2. С. 28–35.

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 2014 г. № 1308-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Приоритет» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 2360-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы закрытого акционерного общества «Корпорация «ГРИНН» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

10. Постановление ЕСПЧ от 20 сентября 2011 г. по делу «ОАО «Нефтяная компания ЮКОС» против Российской Федерации (Жалоба № 14902/04) // Приложение к Бюллетеню Европейского Суда по правам человека. Российская хроника Европейского Суда. Специальный выпуск. №3/2012.

11. Сидоренко Э.Л., Князев А.Д. Международно-правовые основы уголовной ответственности юридических лиц // Международное уголовное право и международная юстиция. 2014. №3. С. 13–16.

12. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. I. Субъект преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. — 536 с.

13. Федоров А.В. Введение в Российской Федерации уголовной ответственности юридических лиц как результат объективной обусловленности развития уголовного права в пространстве и времени // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 6. С. 1063–1067.

14. Федоров А.В. Введение уголовной ответственности юридических лиц — прогнозная тенденция развития российской уголовно-правовой политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 3. С. 429–433.

15. Федоров А.В. Международные договоры об установлении уголовной ответственности юридических лиц // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. № 2. С. 112–124.

16. Федоров А.В. О перспективах введения уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации: политико-правовой анализ // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2014. № 2. С. 135–144.

17. Федоров А.В. Основные положения и особенности регламентации уголовной ответственности юридических лиц за рубежом // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 4. С. 14–26.

18. Федоров А.В. Оценка эффективности ответственности юридических лиц как одно из направлений партнерства государства и бизнеса в противодействии коррупции // Юридический мир. 2015. № 12. С. 36–37.

19. Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц как атрибут рыночной экономики // Правовое поле современной экономики. 2015. № 7. С. 11–18.

References (transliterated)

1. Golovanova N.A. Tendentsiya razvitiya institute ugovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits za rubezhom // Yuridicheskaya otvetstvennost': sovremenny'e vy'zovy' i resheniya: Materialy' dlya VIII Ezhegodny'kh nauchny'kh chtenij pamyati professora S.N. Bratusya / otv. red. N.G. Doronina, — M: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF: INFRA-M, 2013. S. 153–163.

2. Deyatel'nost' prokurorov po privlecheniyu k otvetstvennosti yuridicheskikh lits za korruptsionny'e pravjnarusheniya; posobie / avt. kol.pod ruk. S.K.Iliya. — M.: 2013, — 80 s.

3. Kontseptsiya ugovnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federatsii // Gosudarstvo i pravo. 1992. № 8. S. 39–46.

4. Kurs sovetskogo ugovnogo prava. Tom II. Obshhaya chast'. Prestuplenie. — M.: Nauka, 1970. — 516 s.

5. Mikhajlov V.I. Nuzhna li ugovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v Rossijskoj Federatsii? // Ugolovno-pravovoe vozdejstvie v otnoshenii yuridicheskikh lits: materialy' rossisko-nemetskogo ugovno-pravovogo seminaru (26 iyunya 2012 g.) / Otv. Red.: Bogush G.I.; Nauch. red. Ziber U., Komissarov V.S. – M.: Yurlitinform, 2013. S. 97–102.

6. Naumov A.V. Predpriyatie na skam'e podsudim'y'kh? // Sovetskaya yustitsiya. 1992. № 17/18. S. 3.

7. Naumov A.V. Ugolovny'j zakon v usloviyakh perekhoda k ry'nochnoj' e'konomiki // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1991. № 2. S. 28–35.

8. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossijskoj Federatsii ot 5 iyunya 2014 g. № 1308-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby' obshhestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Prioritet» na narushenie konstitutsionny'kh prav i svobod chast'yu 1 stat'i 19.28 Kodeksa Rossijskoj Federatsii ob administrativny'kh pravonarusheniyakh».

9. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossijskoj Federatsii ot 24 dekabrya 2012 g. № 2360-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby' zakry'togo aktsionernogo obshhestva «Korporatsiya «GRINN» na narushenie konstitutsionny'kh prav i svobod stat narushenie konstitutsionny'kh prav i svobod stat'ej 19.28 Kodeksa Rossijskoj Federatsii ob administrativny'kh pravonarusheniyakh».

10. Postanovlenie ESPC ot 20 sentyabrya 2011 g. Po delu «OAO «Neftyanaya kompaniya YuKOS» protiv Rossijskoj Federatsii (Zhaloba № 14902/04) // Prilozhenie k Byulletenyu Evropejskogo Suda po Pravam Cheloveka. Rossijskaya khronika Evropejskogo Suda. Spetsial'ny'j vy'pusk. №3/2012.

11. Sidorenko E'.L., Knazev A.D. Mezhdunarodno-pravovy'e osnovy' ugovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lits // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya. 2014. № 3. C. 13–16.

12. Ugolovnoe pravo. Obshhaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskij kurs; v 10 t. T. VII. Sub'ekt prestupleniya. Sub'ektivnaya storona prestupleniya. Kn. I. Sub'ekt prestupleniya / pod. red. N.A. Lopashenko. M.: Yurlitinform, 2016. – 536 s.

13. Fedorov A.V. Vvedenie v Rossijskoj Federatsii ugovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lits kak rezul'tat ob'ektivnoj obuslovlennosti razvitiya ugovnogo prava v prostranstve i vremeni // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2014. № 6. S. 1063–1067.

14. Fedorov A.V. Vvedenie ugovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lits – prognozyaya tendentsiya razvitiya rossijskoj ugovno-pravovoj politiki // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2014. № 3. S. 429–433.

15. Fedorov A.V. Mezhdunarodny'e dogovory' ob ustanovlenii ugovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lits // Uchenu'e zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B.Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2015. № 2. S. 112–124.

16. Fedorov A.V. O perspektivakh vvedeniya ugovnoj otvetstvennosti uridicheskikh lits v Rossijskoj Federatsii: politiko-pravovoj analiz // Uchenu'e zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B.Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2014. № 2. S. 135–144.

17. Fedorov A.V. Osnovny'e polozheniya i osobennosti reglamentatsii ugovnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lits za rubezhom // Rassledovanie prestuplenij: problemy' i puti ikh resheniya. 2016. № 4. S. 14–26.

18. Fedorov A.V. Otsenka e'ffektivnosti otvetstvennosti yuridicheskikh lits kak odno iz napravlenij partnerstva i biznesa v sfere protivodejstviya korrupsii // Yuridicheskij mir. 2015. № 12. S. 36–37.

19. Fedorov A.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits kak atribut ry'nochnoj' e'konomiki // Pravovoe pole sovremennoj e'konomiki. 2015. № 7. S. 11–18.

КРИМИНОЛОГИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Мацкевич Игорь Михайлович

Цель. Дать характеристику уголовной ответственности юридических лиц. Исследовать дискуссионные вопросы, связанные с необходимостью введения такой ответственности. Проанализировать доводы – за введения уголовной ответственности юридических лиц и против введения такой ответственности. Рассмотреть предлагаемые законодательные конструкции уголовной ответственности юридических лиц.

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Предлагается классификация основных точек зрения на уголовную ответственность юридических лиц: 1) проблема уголовной ответственности юридических лиц наиболее остро встала после Второй Мировой войны; 2) пионерами введения уголовной ответственности юридических лиц стали, как и по многим другим правовым вопросам, США; 3) в советском праве не было места концепции уголовной ответственности юридических лиц. Делается вывод о необходимости поэтапного введения уголовной ответственности юридических лиц.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи состоит в обобщении существующих подходов к введению уголовной ответственности юридических лиц в российское законодательство. На основании разработанных подходов к введению такой ответственности в проекте УК РФ 1994 года делается предположение о возможном влиянии на законодательные процессы правоприменительной практики. Если бы уголовная ответственность юридических лиц была бы введена в то время, вероятно, многие сложные вопросы удалось бы разрешить судебной практикой.

Ключевые слова: концепция, закон, сделка, юридическое лицо, уголовная ответственность, административная ответственность, корпорация, правоприменитель, коллективный субъект, конвенция, прокуратура, суд.

История уголовной ответственности юридических лиц в последнее время достаточно широко освещалась в литературе, поэтому нет никакой необходимости подробно останавливаться на этом вопросе. Отмечу только, что в основном все сводится к нескольким тезисам: 1) проблема уголовной ответственности юридических лиц наиболее остро встала после Второй Мировой войны (некоторые ученые полагают, что решения Нюрнбергского Трибунала явились первыми юридическими актами, устанавливающими такую уголовную ответственность, хотя еще в 1929 г. Международный конгресс по уголовному праву в Бухаресте высказался за введение уголовной ответственности для юридических лиц.) [1];

2) пионерами введения уголовной ответственности юридических лиц стали, как и по многим другим правовым вопросам, следует это признать, США, которые не только ввели такую ответственность, но и провели несколько показательных процессов против довольно крупных компаний (электрические компании, некоторые автомобильные гиганты т.п.) (впрочем, еще в 1944 году Высокий Суд Англии (High Court of Justice) пришел к выводу, что наличие у преступника – сотрудника корпорации – виновной воли (*mens rea*) может быть применимо к самому юридическому лицу, несмотря на то, что последние, в отличие от человека, не имеют рассудка); [2, с. 67]; 3) в советском праве не было места

концепции уголовной ответственности юридических лиц.

Что касается последнего тезиса, то следует отметить, что в советское время не только не было концепции уголовной ответственности юридических лиц, но и не могло быть места такой концепции по той простой причине, что все юридические лица были государственными предприятиями. Поэтому введение уголовной ответственности юридических лиц означало бы введение уголовной ответственности государства или, во всяком случае, отдельных государственных институтов, что выглядит абсурдом не только для советского типа государства, но и для любого другого.

Что касается предпоследнего тезиса, то США не только являются пионерами введения уголовной ответственности юридических лиц, но они весьма хитроумно придумывают мировую юрисдикцию уголовной ответственности юридических лиц, подводя под разработанные ими стандарты всю систему ответственности юридических лиц во всем мире. Появился даже остроумный термин – законодательство штата Делавэр. Его разрабатывают профессора Делавэрского университета, весьма неплохого, кстати, хотя он и не так, как говорится, «раскручен», как, скажем, Гарвардский или Колумбийский университет. При этом сам штат Делавэр стал настоящим раем для сомнительных предприятий, укрывающихся от налогообложения под действием офшорных схем, которые здесь эффективно и эффективно применяются. Таким образом, разработчики уголовной ответственности юридических лиц странным образом не хотят применять этот правовой инструмент для борьбы с мошенническими компаниями на своей территории.

Отдельные авторы полагают, что некоторые элементы уголовной ответственности юридических лиц существовали в дореволюционной России. Действительно, как говорит В.В. Качалов, ссылаясь на соответствующие нормативные правовые акты, отдельные положения об ответственности коллективных субъектов можно найти и в дореволюционном российском уголовном праве. [3, с. 489]

Однако мне представляется, что подобные утверждения грешат большими допущениями. Это все равно, как утверждать, что организованная преступность существовала при царе Иване IV Грозном (я видел такие работы, которые появляются в последнее время, – в них утверждается, что в то время существовала не только организованная преступность, но и специальные правоохранительные подразделения по борьбе с ней).

Все-таки, как я полагаю, и организованная преступность, в современном ее понимании, а также юридические лица сегодня – это весьма разные категории и в юридическом значении, и в практическом понимании по сравнению с теми, которые существовали даже еще чуть более ста лет назад.

Доказывание по уголовным делам в США, в отличие от Англии, где объектами уголовного преследования выступают корпорации (юридические лица), ограничивается установлением того, что один или более должностных лица-представителя корпорации совершили преступление. При этом не требуется установление конкретного физического лица (т.е. фамилия, имя, отчество), совершившего противоправное деяние. В том случае, если физическое лицо (сотрудник корпорации) действовало исключительно в личных интересах, корпорация (юридическое лицо) не может нести за него ответственности и являться субъектом преступления. [4, с. 68]

В.В. Качалов совершенно обоснованно утверждает, что институт юридического лица совершенствуется и трансформируется. Представления о юридическом лице требуют новых подходов к решению вопроса об уголовной ответственности юридических лиц. И самое главное, что подобная ситуация характерна для большинства экономически развитых стран, в которых институт уголовной ответственности юридических лиц уже существует. [5]

Невозможно возразить А.В. Федорову, который говорит, что в условиях мировой экономики, мы сами себя загоняем в правовой тупик, когда не вводим уголовную ответственность юридически лиц, при том что российские компании (юридические лица) отвечают в уголовном порядке, когда оказываются под юрисдикцией других государств. Другими словами, мы ставим (даже в собственной стране) отечественные компании в заведомо худшие условия по сравнению с зарубежными компаниями.

Есть еще один, что называется, «убийственный» аргумент в пользу скорейшего введения уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве.

Согласно Конвенции ООН Против коррупции (принята Резолюцией 58/4 31 октября 2003 года) – каждое государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией (статья 26 Ответственность юридических лиц).

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию Федеральным законом от 8 марта 2016 года. [6]

Впрочем, в п. 2 этой статьи сказано, что при условии соблюдения правовых принципов государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной.

Кстати, в этом смысле мы не одиноки, поскольку административная, а не уголовная ответственность юридических лиц закреплена в законодательстве, например, Италии, Испании, Португалии и Греции.

Таким образом, мы вроде выполнили требования Конвенции, поскольку и гражданская, и административная ответственность юридических лиц у нас есть, несмотря на то, что уголовную ответственность юридических лиц мы так и не ввели.

Однако существует еще Конвенция Об уголовной ответственности за коррупцию Совета Европы, которую Россия ратифицировала Федеральным законом от 8 июля 2006 года, т.е. 11 лет назад. Причем, без оговорок. [7]

В п. 1 статьи 18 Конвенции Об уголовной ответственности за коррупцию Совета Европы (Ответственность юридических лиц) говорится, что каждая сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут потребоваться для обеспечения того, чтобы юридические лица могли быть привлечены к ответственности в связи с совершением уголовных правонарушений, заключающихся в активном подкупе, злоупотреблении влиянием в корыстных целях и отмыивании доходов, признанных в качестве таковых в соответствии с настоящей Конвенцией и совершенных в их интересах каким-либо физическим лицом, действующим в своем личном качестве или в составе органа юридического лица и занимавшим руководящую должность в юридическом лице, в процессе: а) выполнения представительских функций от имени юридического лица; б) или осуществления права на принятие решений от имени юридического лица; в) или осуществления контрольных функций в рамках юридического лица; г) а также в связи с участием такого физического лица в вышеупомянутых правонарушениях в качестве соучастника или подстрекателя.

Более того, в п. 2 указанной статьи прямо говорится, что каждая сторона принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы юридическое лицо могло быть привлечено к ответственности тогда, когда вследствие отсутствия надзора или контроля со стороны физического

лица, о котором говорится в пункте 1, появляется возможность совершения уголовных правонарушений, указанных в пункте 1, в интересах этого юридического лица физическим лицом, осуществляющим свои полномочия от его имени.

Таким образом, Конвенция не просто рекомендует, а предписывает установление уголовной ответственности юридических лиц для тех стран, которые ее подписали, в которых такой ответственности не было.

На деле, разумеется, все не так просто.

Отечественный законодатель все последние годы с завидным упорством работает в направлении создания особых условий привлечения к уголовной ответственности предпринимателей. Дошло до того, что одно из предложений заключается в том, что привлекать предпринимателя к уголовной ответственности можно только с письменного согласия прокурора (не много и не мало). Работая в военной прокуратуре еще в советское время я удивлялся имевшемуся тогда правовому предписанию, что возбуждать уголовные дела в отношении офицеров можно было только с письменного согласия командира воинской части. Я понимал, откуда это правовое положение взялось и почему оно действовало, — статус офицера был важен для советской армии, особенно после Великой Отечественной войны, в которой погиб весь цвет кадрового офицерского корпуса. Но, помимо того, что это было прямое нарушение Конституции СССР (в статье 34 Конституции Советского Союза 1977 года говорилось: граждане СССР равны перед законом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств), меня всегда интересовал вопрос, если офицер кого-то, не дай бог, убьет, и командир воинской части по каким-то одним ему ведомым соображениям, не даст письменного согласия на возбуждение уголовного дела, что тогда будет делать прокурор?

Введение уголовной ответственности юридических лиц в условиях, когда мощное предпринимательское лобби буквально таранит всю систему уголовного и уголовно-процессуального законодательства с тем чтобы добиться исключительных привилегий, выглядит крайне сомнительным.

Не случайно главный контраргумент тех, кто выступает против введения уголовной ответственности юридических лиц сводится к тому, что эта ответственность будет использоваться недобросовестными правоприменителями (читай — по-

лицейскими) в корыстных интересах – либо собственных, либо в интересах других предпринимателей. Другими словами, будет использоваться как средство незаконной и несправедливой конкурентной борьбы.

Попутно отмечу, что меня всегда удивляет, если не сказать возмущает, сетование на то, что представители правоохранительных органов ненадлежащим образом исполняют закон, поэтому надо этот закон изменить. Не правильнее заменить этих, прямо скажем, недобросовестных представителей правоохранительных органов? Во-первых, в действительности откровенно непорядочных правоприменителей в правоохранительной системе не так много, как это часто преподносится. Во-вторых, это значительно дешевле, чем менять закон, который плох не потому, что он такой, а потому, что его плохо исполняют.

А.В. Федоров говорит, что понятия «юридическое лицо» и «организация» не являются тождественными. Например, в законодательстве различных стран они различаются, в том числе и как субъекты преступлений. Так, в уголовных законах Австрии, Литвы, Словении, Франции, Хорватии, Чехии, Чили, Эстонии юридическое лицо определено как субъект преступления. В уголовных законах Австралии и США субъектом преступления выступает юридическое лицо – корпорация. В уголовном законе Швейцарии уголовной ответственности подлежит предприятие. В Польше введена уголовная ответственность коллективных субъектов, включая субъектов, не имеющих статуса юридического лица. В Хорватии, наоборот, признано, что объединения, не имеющие статуса юридического лица, к уголовной ответственности не могут быть привлечены. Согласно ст. 2 УК Канады субъектом ответственности является организация, которая определяется как: 1) государственный орган, юридическое лицо, общество, предприятие, фирма, товарищество, профсоюз или муниципальное образование; 2) объединение лиц: а) созданное для общей цели, б) имеющее оперативную структуру и в) представляющее себя вовне как объединение лиц. [8]

Тем самым А.В. Федоров, как я полагаю, сам того, не желая, подтверждает опасения противников введения уголовной ответственности юридических лиц. Нет не только единообразия такой ответственности, но и трактовки субъекта ответственности (юридического лица) довольно существенно разнятся. Кроме того, добавлю от себя, у меня нет сомнений, что применение ответственности для конкретных юридических лиц не только в нашей стране, но во всем мире

происходит избирательно. В этом смысле введение уголовной ответственности юридических лиц в России ничего не изменит в плане особого (специфического) правоприменения – при прочих равных условиях уголовному наказанию будут подвергнуты российские, а не американские юридические лица.

Я не знаю, облегчит ли нам всем жизнь, в самом широком понимании этого слова, введение уголовной ответственности юридических лиц (я наивно полагаю, что любые изменения в законе, а тем более такие системные, как введение уголовной ответственности юридических лиц, что кардинальным образом меняет всю законодательную конструкцию УК РФ, должны быть направлены на улучшение существующего положения дел вообще, либо в конкретной области деятельности, в частности), но я совершенно точно убежден, что если и вводить такую ответственность, то делать это нужно в стабильной социальной и экономической обстановке. Нынешнюю ситуацию в стране к стабильной никак не отнесешь.

В этой связи приведу в качестве примера, как к решению фундаментальных правовых вопросов подходят в Китае. Не уверен, что все это знают, но прежде чем начать масштабные экономические реформы, политическое руководство КНР, провело огромную подготовительную работу, прежде всего, связанную с созданием правовой базы экономических и социальных преобразований.

В 1978 г. 3 Пленарная Сессия 11го Центрального Комитета КПК суммировала опыт и уроки, полученные с момента основания Нового Китая, сделала историческое решение сместить центр работы Партии и государственного экономического развития и принять политику реформ и открытости и заявила: «Для обеспечения народной демократии мы должны укреплять нашу социалистическую правовую систему, которая будет включить демократию с утвердившейся и кодификацией и обеспечат, что такая система и законы являются стабильными, постоянными и авторитетными. Все это обеспечит, что есть законы для движения, что они будут наблюдать и строго соблюдать, и что нарушители будут привлекаться к ответственности по закону». [9] Мне представляется, что такого концептуального стратегического документа у нас до сих пор нет, и отсюда многие наши беды. Мы до сих пор не знаем, что мы строим.

Кроме того, меня настораживает навязывание уголовной ответственности юридических лиц зарубежными, как часто говорят, партнерами. Они нам за последние 20 лет столько всего «навяза-

ли». Причем мы с упорством достойным лучшего применения вводим чуждые нам элементы культурно-исторического и правового характера, от которых потом с большим трудом и потерями вынужденно отказываемся. Так происходит с единым экзаменом (замечу, что такие, далеко не последние страны в Европейском Союзе, как Франция и Германия не стали реализовывать у себя, так называемые, Болонские процессы), так будет, я уверен, со временем, с досудебным соглашением, которое никогда не станет естественным правовым элементом отечественной уголовно-процессуальной системы.

При этом сами эти страны, которые придумывают такие нововведения, нередко первыми же от них отказываются. Два года назад мне попала на глаза заметка в одной из американских газет, из которой я, с удивлением, узнал, что в США идет полномасштабная образовательная реформа. Оказывается, американцы поняли, что их школьное образование в век коммуникации и интеллектуальной экономики никуда не годится. Поэтому они разработали совершенно новые стандарты школьного образования. Но когда они стали внедрять в школах, то выяснилось, что педагоги не могут учить детей по этим стандартам. Почему? Потому что они не знают того, чему они должны учить.

Очень сильно опасаясь, что когда мы наконец полностью убедимся в никчемности навязанной нам системы школьного обучения с идеей натаскивания на тесты и бесконечным вымоганием денег у родителей за каждый дополнительный чих со стороны учителя, то не найдем, как и американцы, настоящих учителей, которые могут учить детей тому, что им будет необходимо в новых общественных и экономических условиях.

Кстати, когда я попросил своего германского коллегу оказать мне содействие в опубликовании статьи в каком-либо журнале из базы цитирования Scopus, он совершенно искренне спросил у меня, что это за база?! Это при том, что в нашей стране Scopus (к слову сказать, частная компания с ограниченным числом собственников) стал главным наукометрическим показателем, по которому не только измеряется эффективность ученого, но и в зависимости от которого (есть публикации в Scopusе или нет) выделяются, ни много ни мало, бюджетные деньги на проведение исследований. Подумать только! Субсидирование научных исследований прямо зависит (называя вещи своими именами) от того, заплатил ли ученый деньги владельцам Scopusа или нет.

Показательно, что Г.О. Греф договорился до того, что образованные и знающие люди мешают в работе: «Любое массовое управление подразумевает элемент манипуляции. Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность получать напрямую не препарированную информацию через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины, которые спущены на головы, средства массовой информации, которые как бы независимы, а на самом деле мы понимаем, что все средства массовой информации все равно заняты построением, сохранением страт?» [10]

Другими словами, Г.О. Греф не оставляет людям шансов самим разобраться, что хорошо, а что плохо. А чтобы они точно понимали, что именно для них хорошо, – образование не нужно. Необходимо – манипуляция общественным сознанием.

Отдельно скажу о досудебном соглашении, поскольку видел, как работает эта, так называемая, сделка со следствием в тех же США. Один американский адвокат мне рассказывал, что как-то он нарушил правила дорожного движения и полицейский выписал ему штраф в 300 долларов США. Сумма, по его мнению, была явно завышена, да и само нарушение было, как говорится, пограничным. Он подал заявление в суд. Дальше произошло следующее. Когда адвокат пришел в суд, он встретил там даже не помощника судьи, а какого-то студента-практиканта. Студент, выяснив суть спора, ушел к помощнику судьи и вернулся буквально через 5 минут с предложением подписать досудебное соглашение – адвокат платит не 300 долларов США, а 10 долларов США, и судья прекращает исполнительное производство. Конечно адвокат согласился, но где здесь правосудие? Боюсь, что в скором времени, так будет и у нас.

Строго говоря, это уже действует у нас. Только так я могу оценить принятую систему оплаты штрафов за нарушение правил дорожного движения, когда на неоспариваемый штраф, оплачиваемый в течение первых нескольких дней после получения соответствующего уведомления, действует скидка в 50%. Слава юридическим богам, что до таких нововведений не дожил, например, известный административист Ю.М. Козлов. Мне даже страшно представить, что с ним сейчас творится там, где живут те самые юридические боги, когда он видит такие юридические изобретения.

Интересно, кого-то вообще сейчас интересует факты того или иного события, или все правоприменители заняты только оформлением юри-

дических документов и сдачей их в срок уполномоченному лицу?

Между прочим, если кто-то думает, что я сгущаю краски, я приведу только один пример. А.В. Федоров был тому свидетелем.

На одном совещании, где обсуждалась проблема уголовной ответственности юридических лиц, один профессор очень (поверьте, очень-очень) уважаемой научной образовательной организации, нисколько не смутившись, заявил, что для окончательного решения спора о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц, следует провести эксперимент и *ввести такую ответственность в каком-то одном субъекте Российской Федерации*. И это говорит действующий профессор!

Можно как угодно относиться к В.И. Ленину, но он был образованным человеком, хорошим организатором и управленцем, и грамотным юристом. В начале далеких 1920-х годов он сказал, что законность не может быть Рязанской или Калужской, она может быть только российской. Мысль, в общем-то, не новая, даже на тот период времени, но очень правильная.

(Не учитывать во всех этих вопросах местных отличий значило бы впадать в бюрократический централизм и т. п., значило бы мешать местным работникам в том учете местных различий, который является основой разумной работы. Между тем, законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно русского взгляда и привычки полудикарей, желающих сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской). [11]

Честно говоря, услышав предложение о введении уголовной ответственности в виде эксперимента на территории субъекта Российской Федерации, я едва не спросил автора этого предложения, не Чеченскую ли Республику он хотел бы предложить в качестве экспериментальной базы? Или, скажем, Чукотский Автономный округ? (Не хочу обидеть ни эти, ни какой другой субъект Российской Федерации).

В заключение отмечу, что я не могу сказать какой позиции придерживаюсь сам. Во всяком случае, я предвижу огромное количество трудностей, с которыми столкнутся буквально все, в случае введения уголовной ответственности юридических лиц.

В качестве возможного варианта минимизации таких трудностей можно предложить использование института дополнительного уголовного права. Впрочем, его введение, в свою очередь,

также приведет к серьезной ломке отечественного уголовного законодательства. Простого решения здесь нет.

Интересно, что в 1994 году был опубликован проект Общей части УК РФ, в котором предполагалось ввести уголовную ответственность юридических лиц. Сама эта ответственность была сформулирована следующим образом: «Юридическое лицо подлежит уголовной ответственности за деяние, предусмотренное уголовным законом, если:

юридическое лицо виновно в неисполнении или ненадлежащем исполнении прямого предписания закона, устанавливающего обязанности, либо запрет на осуществление определенной деятельности;

юридическое лицо виновно в осуществлении деятельности, не соответствующей его учредительным документам или объявленным целям;

деяние, причинившее вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, обществу или государству, было совершено в интересах данного юридического лица, либо допущено, санкционировано, одобрено, использовано органом или лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом. Уголовная ответственность юридических лиц не исключает ответственность физического лица за совершенное им преступление» [12, с. 308]

Возможно, противореча сам себе и всему тому, что было сказано выше, замечу, что если бы в 1996 году наши законодатели не испугались бы собственной смелости (институт уголовной ответственности юридических лиц был в проекте УК РФ), то сегодня не обсуждалась бы сама возможность его введения. Более того, все те многочисленные теоретические споры, которые сотрясают воздух научных конференций и совещаний в кабинетах чиновников разного уровня, были большей частью уже решены практическим применением положений УК РФ, касающихся уголовной ответственности юридических лиц.

Когда-то идеолог китайских преобразований Ден Сяопин учился в Советском Союзе. Не лишне и нам теперь будет поучиться у китайских коллег.

«Мы будем основывать и улучшать механизм будущих технико-экономических обоснований, прежде чем принимать новые законы и оценивать наступившие последствия после принятия законодательства, постоянно прилагая усилия для того, чтобы делать законодательство более научным и обоснованным, в целях дальнейшего улучшения практики применения закона и установленных правил поведения». [13]

Ссылки и библиография

1. Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против. *Lex Russica*. 2016. № 12. С. 32–38
2. Калашников М. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству США / Право в современном мире. 2015. № 2. С. 67.
3. См.: Энциклопедия уголовного права. СПб., 2010. Т. 4. Состав преступления. С. 489.
4. Калашников М. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству США / Право в современном мире. 2015. № 2. С. 68.
5. Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // *Lex Russica*. 2016. № 12. С. 32–38.
6. Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1231.
7. Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3424.
8. Федоров А.В. Влияние международного правосудия на развитие права: значение Нюрнбергского процесса для формирования международно-правового института уголовной ответственности юридических лиц // *Российский следователь*. 2017. № 4. С. 52–56.
9. *Chine Daily*. 2014. October. 28. Socialist democracy milestone.
10. <http://clck.ru/1DMXR>.
11. Ленин В.И. О двойном подчинении и законности. Полн. собр. соч. Т. 45.
12. Дворецкий М.Ю. Уголовная ответственность юридических лиц в законодательстве Великобритании, США и РФ: проблемы теории и практики применения // *Вестник Тамбовского государственного университета*, 2011. Вып. 4. С. 308.
13. *Chine Daily*. 2014. October. 28. Socialist democracy milestone.

References (transliterated)

1. Kachalov V.V. The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against. *Lex Russica*. 2016. No. 12. P. 32–38
2. Kalashnikov M. Criminal liability of legal entities under US law / *Law in the modern world*. 2015. № 2. P. 67.
3. *Encyclopedia of criminal law*. St. Petersburg, 2010. 4. The composition of the crime. P. 489.
4. Kalashnikov M. Criminal liability of legal entities under US law / *Law in the modern world*. 2015. № 2. P. 68.
5. Kachalov V.V. The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against // *Lex Russica*. 2016. No. 12. P. 32–38.
6. *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2006. № 12. Art. 1231.
7. *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2006. № 31 (h. 1). Art. 3424.
8. Fedorov A.V. The influence of international justice on the development of law: the importance of the Nuremberg process for the formation of an international legal institution of criminal liability of legal entities // *The Russian Investigator*. 2017. № 4. P. 52–56.
9. *Chine Daily*. 2014. October. 28. Socialist democracy milestone.
10. <http://clck.ru/1DMXR>.
11. Lenin V.I. About double submission and legality. *Full. Coll. Works*. T. 45.
12. Dvoretzky M.Yu. The criminal liability of legal entities in the legislation of Great Britain, the United States and the Russian Federation: problems of theory and practice of application // *Bulletin of Tambov State University*, 2011. Issue. 4. P. 308.
13. *Chine Daily*. 2014. October. 28. Socialist democracy milestone.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК ГОДНЫЙ КОНСТРУКТ, ДОЛЖНЫЙ БЫТЬ ЗАБЫТЫМ

Есаков Геннадий Александрович

Цель. Путем критического осмысления дать аргументированную оценку полезности и необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц Российской Федерации.

Методология: Диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод.

Выводы. Автор статьи приходит к выводу, что с точки зрения материального права давно назрела необходимость надлежащего разграничения права административных правонарушений и уголовного права и более широкой дискуссии вообще о карательных областях нашего права и систематизации санкций. В то же время привычные аргументы в поддержку введения уголовной ответственности юридических лиц могут получить ответ при помощи существующих законодательных моделей юридической ответственности.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи состоит в оценке необходимости введения в современном российском уголовном законодательстве института уголовной ответственности юридических лиц. Автором аргументированно обосновывается преждевременность его введения, а также возможность использования взамен данного института существующих законодательных моделей юридической ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, юридическое лицо, административное правонарушение, преступление, наказание, уголовный процесс

N'être pas républicain à vingt ans est preuve d'un manque de cœur; l'être après trente ans est preuve d'un manque de tête.

Слова неизвестного автора, по большей части приписываемые Франсуа Гизо, французскому историку и политику (1787–1874)

Когда на занятиях со студентами встает вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, в отличие от многих других ситуаций, где не хочется обозначать свою точку зрения, дабы не искушать их уверовать в нее, здесь можно честно признаться, что мои взгляды на нее претерпели определенную эволюцию с течением времени. Если сначала она полагалась не только допустимой, но и необходимой в российском уголовном праве [1, 2], то потом необходимость сменилась осторожным «да, но не сейчас» [3, 4, 5], и наконец, твердым убеждением, что

в обозримой перспективе она излишня в нашем законодательстве [6]¹.

Причина этого кроется не в каких-либо скрытых пороках уголовной ответственности юридических лиц самой по себе. Напротив, сравнительно-правовые наблюдения показывают, что этот институт достаточно хорошо разработан и даже позитивно себя зарекомендовал в разных уголовно-правовых системах, в том числе принадлежащих к отличающимся правовым традициям, начиная от стран семьи общего права и заканчивая континентальным законодательством. Применительно к российскому праву уже также делались определенные наброски, основанные на самых различных конструкциях уголовной ответственности юриди-

¹ Наверное, настоящая статья является первым личным открытым признанием этой позиции. Развитие теоретических идей, которые в том числе привели к этому, рассмотрены в данной статье

ческих лиц с учетом накопившегося зарубежного опыта. Все они обосновывались с разной долей убедительности, получали неоднозначную оценку в академическом сообществе. Некоторые идеи дошли даже до парламента, как то было, в частности, с проектом уголовного кодекса середины 1990-х гг. и формально еще не отклоненным, но, надеемся, не имеющим никаких перспектив принятия законопроектом № 750443-6. Так что тактически решить вопрос об уголовной ответственности юридических лиц можно, и доводы ее противников в этой части о несогласованности ее с учением о составе преступления и в особенности с принципом вины, о сложностях конструирования и т.п. вряд ли убеждают. Однако остается главный, стратегический вопрос: а нужно ли?

В обоснование такой ответственности из работы в работу (и автор не исключение, так как сам использовал их) «кочует» один и тот же стандартный набор аргументов [7]¹.

Первую группу аргументов можно условно назвать доводами «мы должны, ибо так того требуют международные обязательства». (Мимоходом заметим, что неплохо было бы этот аргумент использовать не выборочно, а по всей области уголовного права, где в части, например, криминализации в преступлениях против мира и безопасности человечества до сих пор наблюдаются серьезные проблемы, связанные с неисполнением Россией своих обязательств по имплементации соответствующих положений международных документов.) Обычно в качестве обоснования приводятся международные договоры о противодействии коррупции, терроризму, отмыванию преступно полученных доходов и проч. Хотя всеобъемлющий анализ нами и не проводился, основные документы указывают действительно на необходимость ответственности за деяния в этой сфере как физических, так и юридических лиц. Однако при этом всегда делается оговорка об учете особенностей национальной правовой системы.

Например, ратифицированная Россией Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г. в ст. 26 предусматривает, что «каждое Государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией»; при этом «при условии соблюдения правовых принципов Государства-участника ответственность юридических

лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной», а «каждое Государство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьей, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции». Иными словами, международное сообщество больше интересуется не столько наименованием санкции, сколько ее эффективность, соразмерность и сдерживающий характер. Так что требование именно уголовной репрессии основывается на искаженном понимании международных соглашений.

В пояснениях к рекомендации 3 ФАТФ указывается, что каждое государство должно применять в связи с правонарушением отмывания денег меры уголовной ответственности к юридическим лицам, а если это невозможно ввиду особенностей национальной правовой системы, то меры административной или гражданской ответственности (пункт 7(b)) [8]. В отчете ФАТФ по России 2013 г. рекомендация 3 не отмечается как невыполненная / частично выполненная [9], что показывает удовлетворенность ФАТФ существующими российскими механизмами ответственности юридических лиц в сфере отмывания преступно полученных доходов.

Вариацией анализируемого довода является тезис о том, что является «нелогичной и нарушающей интересы российской стороны ситуация, когда иностранные органы имеют возможность привлекать российских юридических лиц к уголовной ответственности, а российская сторона может ставить вопрос о привлечении иностранных юридических лиц лишь к административной ответственности». Во-первых, уголовная ответственность – это не та сфера, где взаимность является определяющей. Если в каком-то государстве существует смертная казнь, и к ней за совершение преступления будет приговорен россиянин, то можем ли мы ввести в качестве ответной меры смертную казнь для граждан этой страны? Во-вторых, пока ярких примеров такого привлечения российских юридических лиц, позволяющих оценить обоснованность довода, не наблюдается. В-третьих, с формальной точки зрения есть ощутимые барьеры для привлечения иностранных юридических лиц к ответственности на территории России. Если преступление ими совершается на территории России, то применим территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве, и к ответственности мы можем привлечь филиал, представительство такого иностранного юридического лица (органи-

¹ За основу взят текст доклада

зации), аккредитованные на территории Российской Федерации. Если преступление совершается вне территории России, то требуется распространение экстраюрисдикционной юрисдикции России на их деяния с неизбежными сложностями судопроизводства *in absentia* и эффективностью в целом такого уголовного преследования.

Вторая группа аргументов основывается на ссылках на положительный зарубежный опыт стран с рыночной экономикой в установлении уголовной ответственности юридических лиц. При этом, во-первых, в тех же самых широко известных словах Н. Д. Сергеевского о зарубежном опыте («...научное исследование не может ограничиться положительным правом одного какого-либо народа (правом отечественным). В качестве необходимого материала должны быть привлекаемы определения права других государств. ...Цивилизованным народам нашего времени не суждена замкнутая жизнь... Вся задача, при пользовании чужеземным материалом, заключается в том, чтобы не дать ему того значения, которого он не имеет, — он должен служить средством для ознакомления с опытом других народов и запасом готовых знаний, но не предметом слепого подражания» [10]) внимание нужно обратить на последние слова о «слепого подражании». Во-вторых, в целом ряде стран с рыночной экономикой уголовной ответственности юридических лиц как таковой нет (и Германия самый яркий тому пример).

Наконец, самая весомая группа доводов связана с политико-правовым обоснованием необходимости уголовной ответственности юридических лиц. Аргументация здесь носит разветвленный и усложненный характер, а потому ее детальный разбор — это предмет отдельного исследования.

В целом в качестве первого тезиса обычно указывается на неэффективность действующей системы административной и гражданско-правовой ответственности юридических лиц за преступные деяния, совершаемые в процессе их деятельности (ср.: «...у административной ответственности юридических лиц имеются очевидные “минусы”, не позволяющие обеспечить эффективное, соразмерное и сдерживающее воздействие на юридических лиц. В этом плане уголовная ответственность юридических лиц по сравнению с административной, имеет ряд существенных преимуществ»). Однако самый потаенный момент заключается в уходе от ответа на вопрос о том, а в чем же эта неэффективность заключается? Если следовать идеям Чезаре Беккариа, то наказание должно быть неотвратимым, скорым и сдерживающим. С неотвратимостью сегодня очевидно есть про-

блемы и в уголовном, и в административном праве. Но что скорее и более эффективно с точки зрения превенции, уголовное или административное наказание? Полагаем, что в сложившейся модели публично-правовой ответственности в современной России это именно административное наказание. Природа юридических лиц такова, что к ним применим лишь ограниченный арсенал санкций, основными среди которых являются штраф, ограничение деятельности (в различных вариациях в виде приостановления деятельности, отзыва лицензии и т.п.) и ликвидация. Все эти санкции так или иначе существуют в нашем праве и могут применяться к юридическим лицам преимущественно в рамках процедур, предусмотренных КоАП РФ и специальными отдельными законами (например, о противодействии экстремизму и терроризму). При этом ст. 3.5 КоАП РФ устанавливает для юридических лиц ощутимые, в том числе кратные штрафы, которые носят вполне превентивный характер. Если, по мнению сторонников уголовной ответственности юридических лиц, они не превентивны, то речь должна идти о повышении штрафов, но не о введении уголовной ответственности юридических лиц, ибо никаких новых карательных механизмов по сравнению с уже существующими уголовное право предложить не может. Единственное, что может дать уголовное право, — это моральную стигму осуждения, но с учетом отсутствия души у юридического лица (© Папа Римский Иннокентий IV, 1245 год) эта стигма воспринимается только обществом, т.е. составляющими его физическими лицами. Однако последним нужна стигма или же эффективное превентивное наказание? Наверное, последнее, и его действующие правовые механизмы предоставляют. Повторимся, обратное пока не доказано, так как рассуждения здесь крайне общи и аморфны. К тому же уголовные процедуры очевидно длительнее и затратнее в сравнении с административными механизмами.

При этом в последнее время аргументация сдвигается здесь в ином направлении, следуя в целом за развитием европейских идей о *matière pénale*. Иными словами, утверждается, что серьезность санкций административного права в свете практики ЕСПЧ обуславливает «стирание “границ” между преступлениями и административными правонарушениями» и тем самым указывает на «объективную обусловленность введения в Российской Федерации института уголовной ответственности юридических лиц»; или, другими словами, «пора отказаться от сокрытия такого рода преступлений под видом административных правонарушений».

(При этом интересно, как при переходе на этот уровень аргументации вдруг исчезают апелляции к «неэффективности» административной ответственности — она вдруг становится в своих размерах вполне приемлемой!) Вопрос о соотношении права административных правонарушений и уголовного права действительно обострился последнее время под влиянием и практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, и теоретической дискуссии об уголовных проступках и их месте в системе публично-правовых деликтов. Но перенос административной ответственности юридических лиц в УК РФ — ложное решение проблемы, носящее частный характер (что делать с физическими лицами, к которым применимы «уголовные» по существу санкции КоАП РФ?) и не отвечающее на более общий вопрос о систематизации карательных отраслей нашего права.

В развитие тезиса о фактически «криминальной» природе современной административной ответственности юридических лиц приводится, на наш взгляд, основной лоббистский аргумент в пользу введения уголовной ответственности юридических лиц. Ее сторонники утверждают, среди прочего, что поскольку «правонарушения юридических лиц обычно выявляются в ходе расследования уголовных дел в отношении физических лиц, совершавших противоправные деяния от имени или в интересах соответствующего юридического лица, расследование содеянного намного эффективнее проводить в рамках единого (т.е. уголовного. — Г. Е.) процесса»; «по делам об административных правонарушениях не проводится всестороннего расследования, как по уголовным делам»; «по делам этой категории имеет место упрощенное судебное рассмотрение, и насколько возможно всесторонне и объективно оценить деяние юридического лица в такого рода упрощенном процессе, большой вопрос»; «по административным правонарушениям в настоящее время не проводится оперативно-розыскная деятельность, что существенно снижает результативность работы по делам этой категории». Суммируя эти доводы, речь идет о переносе расследования в уголовно-процессуальную плоскость, и неудивительно, что основными сторонниками идеи уголовной ответственности юридических лиц в последние годы выступают представители Следственного комитета РФ. По нашему мнению, ничем иным, кроме как желанием усилить свои силовые полномочия, заполучить в свои руки лишний рычаг давления на бизнес-сообщество через оперативно-розыскные мероприятия и уголовное преследования, такой неприкрытый лоббизм объяснить нельзя. Центр

тяжести во всех законопроектах, связанных с уголовной ответственностью юридических лиц, начиная с 2011 г. разрабатывающихся под эгидой Следственного комитета РФ, смещен на детальную регламентацию расширения процессуальных полномочий следственных органов в отношении юридических лиц в рамках их уже не административного, а уголовного преследования. В части же материального уголовного права авторами предлагаются очевидные теоретические химеры, начиная с модели «причастности к совершению преступления» и заканчивая вариантом, основанным «на сохранении существующих видов ответственности (уголовной — для физических лиц и административной — для юридических лиц) в сочетании с отказом от разных процессуальных моделей привлечения к ответственности физических и юридических лиц в случае совершения ими сопряженных противоправных деяний». И как и в 2011 г., авторам таких моделей хотелось бы напомнить слова профессора Преображенского о том, что каждый должен заниматься своим прямым делом: одни — ловить преступников, а совершенно другие персонажи — строить теоретические конструкции.

Сказанное выше, конечно же, не означает удовлетворенности текущим положением вещей. С точки зрения материального права давно назрела необходимость надлежащего разграничения права административных правонарушений и уголовного права и более широкой дискуссии вообще о карательных областях нашего права и систематизации санкций. С точки зрения процесса производство по делам об административных правонарушениях нуждается в совершенствовании, связанном с повышением здесь стандартов правовой защиты. И вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, как представляется, сам по себе утратит всякую актуальность, если две эти задачи будут решены. В любом случае, все рассуждения о корпоративной криминальности пока основываются во многом на домыслах — нам очевидно не хватает значимых криминологических и социологических исследований преступности юридических лиц в России, без чего строить какие-либо теоретические конструкции бессмысленно.

***

Слова, поставленные эпиграфом к статье, часто ошибочно приписываются Уинстону Черчиллю. Однако авторство не меняет их смысла. Радикальные устремления нужно преодолевать и идти дальше. Уголовная ответственность юридических лиц — хороший институт, но ему не место в российской правовой системе в обозримой перспективе.

Ссылки и библиография

1. Есаков Г. А. Юридические лица и ответственность за убийство (о новом английском законе) // Уголовное право. 2007. № 6. С. 16–20
2. Есаков Г. А. Уголовная ответственность юридических лиц в российском праве: история и современность // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: мат. совмест. рос.-герм. круглого стола, 9 октября 2009 г. / редкол.: А. И. Рарог (отв. ред.). М., 2009. С. 76–89.
3. Есаков Г. А. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц: критическая оценка // Уголовное право. 2011. № 3. С. 26–30
4. Есаков Г. А., Понятовская Т. Г., Рарог А. И., Чучаев А. И. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А. И. Рарога. М., 2012. С. 252–284
5. Есаков Г. А. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц (постановка проблемы) // Уголовно-правовое воздействие в отношении юридических лиц: материалы российско-немецкого уголовно-правового семинара (26 июня 2013 г.) / науч. ред.: В. С. Комиссаров, Ульрих Зибер; отв. ред.: Г. И. Богуш. М., 2013. С. 81–88.
6. Есаков Г. А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 1 (6). – С. 37–45.
7. Текст доклада А.В. Федорова на заседании Союза криминалистов и криминологов 22 декабря 2016 г.
8. FATF (2012), International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation, updated October 2016, FATF, Paris, France, p. 34.
9. FATF (2013), Mutual Evaluation of the Russian Federation: 6th Follow-up Report.
10. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть Общая. Издание седьмое. СПб., 1908. С. 2–3.

References (transliterated)

1. Esakov G. A. Yuridicheskie lica i otvetstvennost' za ubijstvo (o novom an-glijskom zakone) // Uголовное право. 2007. № 6. S. 16–20
2. Esakov G. A. Uголовnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic v rossijskom prave: istoriya i sovremennost' // Prestupleniya v sfere ehkonomiki: ros-sijskij i evropejskij opyt: mat. sovmest. ross.-germ. kruglogo stola, 9 oktyabrya 2009 g. / redkol.: A. I. Rarog (otv. red.). M., 2009. S. 76–89.
3. Esakov G. A. Mery uголовno-pravovogo haraktera v otnoshenii yuridicheskikh lic: kriticheskaya ocenka // Uголовное право. 2011. № 3. S. 26–30
4. Esakov G. A., Ponyatovskaya T. G., Rarog A. I., Chuchaev A. I. Uголовno-pravovoe vozdejstvie / pod red. A. I. Raroga. M., 2012. S. 252–284
5. Esakov G. A. Mery uголовno-pravovogo haraktera v otnoshenii yuridicheskikh lic (postanovka problemy) // Uголовno-pravovoe vozdejstvie v otnoshe-nii yuridicheskikh lic: materialy rossijsko-nemeckogo uголовno-pravovogo seminar (26 iyunya 2013 g.) / nauch. red.: V. S. Komissarov, Ul'-rih Ziber ; отв. red.: G. I. Bogush. M., 2013. S. 81–88.
6. Esakov G. A. Ot administrativnyh pravonarushenij k uголовnym prostupkam, ili o sushchestvovanii uголовного права v «shirokom» smysle // Bib-lioteka kriminalista. – 2013. – № 1 (6). – S. 37–45.
7. Tekst doklada A.V. Fyodorova na zasedanii Soyuz (a) kriminalistov i krimi-nologov 22 dekabrya 2016 g.
8. FATF (2012), International Standards on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism & Proliferation, updated October 2016, FATF, Paris, France, p. 34.
9. FATF (2013), Mutual Evaluation of the Russian Federation: 6th Follow-up Re-port.
10. Sergeevskij N.D. Russkoe uголовное право. Posobie k lekciyam. CHast' Ob-shchaya. Izdanie sed'moe. SPb., 1908. S. 2–3.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ТАКАЯ ЖЕ ПРАВОВАЯ ФИКЦИЯ, КАК И САМО ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО¹ (ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ЗАКОНОПРОЕКТА «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ВВЕДЕНИЕМ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ»)

Лебедев Семен Яковлевич

«Ну, ты даешь.
Кто ж его посадит?!
Он же памятник!»
(из к/ф «Джентльмены удачи», 1971 г.)

Цель. Дать характеристику возможным негативным последствиям введения в Российской Федерации института уголовной ответственности юридических лиц, предложить альтернативные его введению правовые средства решения проблем.

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Развитие в рамках отечественного уголовного права института уголовной ответственности юридического лица способно подорвать устои большинства из существующих, по крайней мере, в общей его части, уголовно-правовых институтов и тем самым в итоге привести к разрушению сложившейся в России системы уголовного судопроизводства. По мнению автора, ответственность юридических лиц — есть фикция, и, следовательно, ее правовая легализация есть ликвидация принципа вины как основы уголовной ответственности. Аналогичные проблемы возникают с применением и других принципов уголовного закона. Взамен установления самостоятельной уголовной ответственности юридического лица автором предлагается введение в российский уголовно-правовой оборот института совершения преступления в интересах и (или) с использованием организационно-правовой формы юридического лица. Автором также предлагается для достижения цели весьма строгой правовой ответственности юридического лица использовать существующую возможность ликвидации юридического лица в соответствии с положениями ст. 61 Гражданского Кодекса Российской Федерации.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи состоит во всестороннем анализе возможных правовых последствий введения в Российской Федерации института уголовной ответствен-

¹ Справка: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде» [1, ч. 1 ст. 48].

«Юридическое лицо — искусственное создание, **фикция** (выделено мной, С.Л.). Следовательно, оно не может родиться, подобно физическому лицу, а должно быть создано, как создается манекен или машина...» [2].

ности, проблем применения к юридическому лицу принципов уголовного закона, основания уголовной ответственности, признаков субъективной стороны.

Ключевые слова: закон, юридическое лицо, уголовная ответственность, принцип вины, критерии вины, преступление, суд, личность виновного, субъективная сторона, преступность деяния.

Чуть более года назад на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации тогдашним заместителем председателя Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству А.А. Ремезковым был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц». Как водится, развернувшаяся вслед за этой законодательной инициативой в профессиональных и общественно-политических кругах полемика специалистов вокруг предмета означенного законопроекта всколыхнула уже было некогда увядшую дискуссию правоведов об уголовной ответственности юридических лиц в отечественном уголовном праве, побудила, главным образом юристов, одних вновь доставать из интеллектуальных сундуков давно принятые в нашей уголовно-правовой семье аргументы против такой идеи, других – вооружаться новыми доводами о необходимости формирования с учетом современных социально-правовых реалий самостоятельного уголовно-правового института ответственности юридического лица.

Принимая известные постулаты и оставаясь на классической платформе отрицания признания юридического лица субъектом преступления по российскому уголовному праву [3, 4, 5], автору настоящей статьи можно было бы тем и ограничиться, что, сославшись на авторитетные, логически выверенные и, как представляется, вполне безупречные с точки зрения и отечественной уголовно-правовой доктрины, и даже формальной логики, мысли, лежащие в основе такой научной позиции, вновь методично продемонстрировать их и тем самым формально укрепить незыблемость и достойную юридическую состоятельность известного научного базиса. Между тем обнаруживающие себя в ориентациях на достижение цели решения заявленного в законопроекте юридического вопроса, натиск и, подчас, бескомпромиссная напористость, исходящие не столько из научных, сколько из административных источников, заставляют автора вооружаться для соответствующей оппонентской контратаки не только имеющимися в арсенале российского уголовного права интеллектуальными (надеюсь, других, все

же, не потребуется) средствами, но и пытаться модернизировать таковые, а равно создавать, как бы сейчас сказали, инновационные механизмы его (уголовного права) защиты от новых угроз разрушения. Именно разрушения, поскольку, по моему глубокому убеждению, развитие в рамках отечественного уголовного права института уголовной ответственности юридического лица способно подорвать устои большинства из существующих, по крайней мере, в общей его части, уголовно-правовых институтов (достаточно упомянуть об основополагающих – преступления и наказания) и, тем самым, в итоге привести к разрушению сложившейся в России системы уголовного судопроизводства, которая и так ежедневно ощущает на себе катастрофическое воздействие издержек непрекращающихся законодательных инноваций, большей частью дезорганизующих и дезориентирующих правоохранительную практику. И ради чего? Думается, исключительно ради удовлетворения, по большей части, идеологических амбиций соответствующего законодательного (у которого, разумеется, есть свои правоприменяющие инициаторы и союзники) лобби. То есть, на самом деле, – все ради упрощения известному правоприменяющему органу процедуры применения уголовно-правовой репрессии в отношении какой-либо компании, вместе с входящими в нее физическими лицами, в результате действий которой наступили какие-либо общественно опасные последствия, формально определенные в качестве преступлений соответствующими статьями Особенной части Уголовного Кодекса Российской Федерации. То есть ради права применять уголовно-правовую репрессию без установления главной и незыблемой предпосылки уголовной ответственности за совершение преступления, главного, установленного в ст. 5 УК РФ, ее принципа, а именно, – вины. Ибо вина, как известно каждому студенту юридического образовательного учреждения, есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному действию (бездействию) и его последствиям, и без нее уголовной ответственности быть не может. Потому в ч. 2 ст. 5 УК РФ указано: «Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается».

Ясно, что у неодоушевленного конструкта, каковым является юридическое лицо, вины по

определению быть не может. Потому уголовная ответственность юридических лиц есть фикция, и, следовательно, ее правовая легализация есть ликвидация принципа вины как основы уголовной ответственности. Вслед за этим легко предвидится расширение уголовно-правовой орбиты объективного вменения и непременно сопровождающего его расширения масштабов незаконной (правильнее сказать, неправовой) уголовной репрессии. Кстати, именно аргумент об отсутствии у юридического лица вины перед своими уголовно наказуемыми действиями и их последствиями, положенный в основу исключения его (лица) уголовной ответственности, являлся главным в ведущейся в прошлом дискуссии по анализируемому вопросу.

Однако, если даже смириться с тем, что инициаторам законопроекта удастся добиться успеха в уголовно-правовой легализации уголовной ответственности юридического лица, невзирая на отсутствие у такового вины в совершении преступления, трудно будет не заметить, что в этом случае придется менять и собственно доктрину преступления в уголовном праве. Потому как, в соответствии с ч. 1 ст. 14 УК РФ «Преступлением признается **виновно** (выделено мной, С.Л.) совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Тогда принципы формальной логики (кстати, если их тоже не попытается отменить законодатель) заставят нас признать, что с учетом предыдущей аргументации юридические лица собственно преступлений (в их формально юридическом смысле) совершать не могут. Или ради установления уголовной ответственности юридического лица поменяем определение преступления, или изменим уголовно-правовую доктрину, заменив в ней институт преступления на какой-либо другой, более удобный для применения уголовно-правовой репрессии в отношении злодеяний юридических лиц. Кстати, чем не новый уголовно-правовой термин, обозначающий общественно опасное деяние, — «злодеяние»? То есть, по смыслу инициаторов установления уголовной ответственности юридического лица неважно, виновно либо невиновно этим лицом причинено зло. Главное — покарать источник, из которого оно исходило. Как видим, и в этом случае инициаторы законопроекта попадают в ловушку собственных умозаключений, ведь преступление, совершенное юридическим лицом без вины, есть не что иное, как правовая фикция.

Справедливости ради, нельзя не отметить, что в пояснительной записке к законопроекту мы

находим авторские аргументы, представляющие собой попытку (хотя, на мой взгляд, и довольно лукавую) определить критерии вины юридического лица, а именно: «Определение понятия вины юридического лица, содержащееся в проекте закона, основывается на передовых зарубежных доктринах, реализованных в законодательстве всех странах, где существует уголовная ответственность юридических лиц ..., когда вина юридического лица определяется **виной физического лица, официально действовавшего от ее имени** (выделено мной, С.Л.)» [6]. И далее еще более лукаво: «...организация **может быть виновна** (выделено мной, С.Л.) в том, что не обеспечила должный уровень корпоративного контроля за деятельностью членов своих органов управления и контроля и не приняла всех зависящих от нее мер к соблюдению запретов, нарушение которых влечет уголовную ответственность» [6]. Остается спросить: организация — это кто (то есть, даже с точки зрения русского языка, обозначающего одушевленный предмет), если она может быть виновна? Или все-таки — что (тогда, точно, неодушевленный и, соответственно, быть виновной не может)? А ответ очевиден: это как раз те руководители организации, то есть опять-таки физические лица, которые своими действиями или бездействиями, так или иначе, либо сами совершали преступления, либо способствовали совершению преступлений другими членами организации. Кстати, в этом случае еще необходимо установить причинную связь между действиями или бездействиями первых и деяниями и их последствиями вторых, а не просто основываться на утверждении, что первые лица в образе организации **могут быть виновными** (снова объективное вменение). Нетрудно заметить, что и в этом случае юридическое лицо, якобы совершившее преступление, не более чем уголовно-правовая фикция.

Есть в этой части пояснительной записки к законопроекту еще одно (хотя, подобных не перечать) обстоятельство, удержаться от уголовно-правовой критики которого представляется довольно сложным, заключающееся в тезисе о том, что «...наличие вины юридического лица обуславливается извлечением от совершенного преступления выгоды для этого юридического лица». На первый взгляд, понятно, что юридическое лицо не может существовать без ориентации на какую-либо предметную деятельность выгоду. Да и судя по анализируемой предыдущей аргументации авторов законопроекта, **вина юридического лица выражается в совершении преступления физическим лицом, действовавшим в подоб-**

ном случае в интересах юридического лица. Но если признать такой аргумент в качестве обоснованного, возникает опять-таки вполне оправданная аналогия с другими подобными сюжетами, когда преступные действия (бездействия) физического лица осуществляются в интересах, к примеру, какого-либо социального или технического проекта (мероприятия, механизма, рационализаторской идеи и др.). Логика подсказывает, что в таком случае проект, реализация которого привела к каким-либо общественно опасным последствиям, также следует (по аналогии с юридическим лицом) рассматривать в качестве субъекта преступления. К примеру, привлечь к уголовной ответственности Чернобыльскую АЭС, преступная халатность руководителей которой, действовавших в ее интересах, привела к самой масштабной технической катастрофе XX века, смертельные последствия которой множатся до сих пор, спустя 30 лет, и конца им не видно. Абсурд? Разумеется! Однако, руководствуясь аргументацией авторов критикуемого законопроекта, именно так и следовало поступить. Тем более, истории хорошо известны подобные примеры. Достаточно вспомнить о колоколе Спасского собора в Угличе, отправленном в конце XVI века по приказу Бориса Годунова в ссылку в Сибирь за подстрекательство к бунту. По нынешней уголовно-правовой квалификации, – публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), включенный авторами законопроекта в перечень предполагаемых составов преступлений, по которым следует привлекать к уголовной ответственности юридических лиц.

Конечно, действия физического лица в интересах организации может выступать мотивирующим фактором, который, как известно, безусловно, учитывается уголовным законом, в рамках института обоснованного риска, исключающего преступность деяния и, следовательно, уголовную ответственность (ст. 41 УК РФ). Разумеется, он применим, когда речь идет о достижении путем причинения вреда третьим лицам **полезной** для общества цели, преследуемой юридическим лицом. И как в этой ситуации поступать правоприменителю, если быть последовательным в оценке аргументов в защиту установления уголовной ответственности юридическому лицу, деятельность которого в целом направлена на достижение полезной для общества цели, руководствуясь которой его сотрудники совершают какие-либо, мягко говоря, неблагоприятные деяния? Например, как юридически оценивать деятельность руководителей известного своей в целом позитивной

направленностью Фонда борьбы с коррупцией, спровоцировавших массовые беспорядки: освобождать их от уголовной ответственности за формально обоснованный риск или, напротив, привлекать к уголовной ответственности сам Фонд, как юридическое лицо, «не обеспечившее (по аргументации, изложенной в пояснительной записке к законопроекту) должный уровень корпоративного контроля за деятельностью членов своих органов управления и контроля и не принявшее всех зависящих от нее мер к соблюдению запретов, нарушение которых влечет уголовную ответственность»?

Следует признать, что в случае установления уголовной ответственности юридических лиц подобных вопросов возникает великое множество. И в большинстве случаев ответ на каждый из них порождает новую череду проблем, превращающих существующую в российском уголовном праве систему инструментов уголовной ответственности в правовой (правильнее сказать, неправовой) беспредел, а по сути – в хаос. Ведь даже если просто, без глубокой уголовно-правовой аргументации и критики, задаться, к примеру, безусловно, требующими своего решения в случае установления в уголовном праве России ответственности юридических лиц, имеющими к действиям последних прямыми вопросами, можно тут же оценить масштабы прогнозируемых негативных последствий для отечественного уголовного правосудия. Начать, хотя бы, с принципов уголовного закона, а именно: в чем для юридического лица будет выражаться принцип равенства перед законом, независимо от каких его (лица) признаков (ст. 4 УК РФ); каким по своей сути применительно к юридическим лицам должен быть принцип справедливости, особенно в части соотношения применяемого к такому лицу наказания с, опять-таки, какими критериями личности виновного (ст. 6 УК РФ), памятуя о том, что ни личности, ни виновности у юридического лица нет? О принципе вины уже были высказаны аргументы, хотя таковых, на самом деле, гораздо больше. Да и вообще, как быть с самим основанием уголовной ответственности для юридического лица, если в его деянии отсутствует такой признак состава преступления, как субъективная сторона (ст. 8 УК РФ)? То же касается самого института субъекта преступления применительно к юридическому лицу, вызывающего массу уголовно-правовых вопросов: надо ли устанавливать для него традиционные уголовно-правовые критерии возраста уголовной ответственности (ст. 20 УК РФ) и вменяемости (ст. 21 УК РФ)? Обоснованно возникают про-

блемы с некоторыми признаками субъективной стороны преступления: умысла, неосторожности (ст.ст. 24–27 УК РФ), невиновного причинения вреда (ст. 28 УК РФ) и т.д., и т.п. Список проблемных вопросов можно продолжать, да вряд ли целесообразно, поскольку сама их постановка будет выглядеть в итоге такой же уголовно-правовой фикцией, как и общий вопрос уголовной ответственности юридических лиц.

Между тем есть в аргументах авторов законопроекта одно, на мой взгляд, важное обстоятельство, которое довольно трудно, на первый взгляд, опровергнуть традиционной логикой уголовно-правовых возражений и которое, как представляется, стало основным в инициации заявленного правового института. Речь идет о международно-правовых критериях признания уголовной ответственности юридических лиц, способных отражаться на эффективности отечественного уголовного судопроизводства. В частности, нельзя отрицать высказанной авторами законопроекта в пояснительной записке к нему озабоченности по поводу существующей сегодня правовой бесперспективности «...репатриации нажитого на территории Российской Федерации преступного капитала, выведенного за рубеж и поставленного на баланс иностранной организации, так как в условиях действия принципа самостоятельной уголовной правосубъектности юридических лиц для истребования этого имущества и передачи его потерпевшему либо конфискации необходимо решение российского суда, устанавливающего вину этой организации (а не физического лица) в транснациональном преступлении».

В то же время представляется, что эту проблему можно было бы решить и менее кардинальным путем, нежели установлением самостоятельной уголовной ответственности юридического лица, способной, как уже констатировалось, перевернуть все российское уголовное право с ног на голову, а именно — введением в российский уголовно-правовой оборот института (и, соответственно, отражающих его признаки квалифицированных составов преступлений по отдельным статьям Особенной части УК РФ) **совершения преступления в интересах и (или) с использованием организационно-правовой формы юридического лица**. Разумеется, с определением адекватной ему уголовной ответственности. В этом случае, кстати, можно было бы согласиться и с предложением в пояснительной записке к законопроекту перечнем тех статей УК РФ, которые его авторы считают приоритетными для установления уголовной ответственности юридических лиц. Думается,

что дополнение таковых предлагаемым квалифицирующим признаком, формирующим как квалифицированные, так и особо квалифицированные составы преступлений, способно создать правовую основу для решения рассматриваемой уголовно-процессуальной проблемы без фундаментальных разрушений существующей в России доктрины уголовной ответственности физического лица. Вполне логичным в случае установления такого квалифицирующего обстоятельства будет и определение в уголовном законе критериев уголовно-правовых последствий для юридического лица, представителями которого в его интересах и с использованием его организационно-правовой формы были совершены такие преступления. Конечно, предлагаемое, как видится, в качестве разумной альтернативы самостоятельному институту уголовной ответственности юридических лиц, установление означенного квалифицирующего признака нуждается в более подробном обосновании. Тем не менее смею утверждать, что оно может быть заявлено в качестве приемлемого компромисса в решении проблемы уголовной ответственности юридических лиц.

Есть во всей этой юридической истории и в предполагаемой оценке ее возможных правовых последствий (в случае установления уголовной ответственности юридических лиц) еще одно, на мой взгляд, весьма деликатное и в то же время явно небезопасное обстоятельство. Помимо правовых нюансов, оно способно представлять собой некий уголовно-политический ресурс решения теми или иными, главным образом, политическими силами и институтами своих корпоративных вопросов, направленных на достижение, опять-таки, политических целей именно с помощью инициации обвинения организаций (юридических лиц) — противников своего политического курса — в совершении ими преступлений и, таким образом, легальным уголовно-правовым путем устранения с поля политических дискуссий идеологического «врага». Ведь руководствуясь логикой авторов законопроекта, достаточно будет доказать вину в совершении преступления кого-либо из представителей такого юридического лица и на этом основании привлечь к уголовной ответственности само юридическое лицо.

По аналогии с высказанным опасением вполне реальными могут стать фантастические уголовно-правовые решения в отношении сюжетов, каких сегодня хоть отбавляй: привлекли к уголовной ответственности министра обороны, действовавшего в интересах своего юридического лица, и юридическое лицо — следом; поймали губернатора на взятке (сколько сегодня таких!), и его

администрацию — в кандалы; уличили кого-либо из руководителей ведомства в финансовых злоупотреблениях — ведомство за решетку, тем более, по известному сюжету с электронными браслетами это ведомство как раз «решетками» и ведает. Череду абсурдных с точки зрения действующего российского уголовного права аналогичных ситуаций можно продолжать бесконечно, сколько фантазии хватит. И каждое из них — ни что иное, как фикция, ибо сугубо формальная юридическая оценка в таком случае, какой бы казуистической (а по сути, абсурдной) она ни была, право на существование, безусловно, будет иметь, согласись наше юридическое сообщество, а вместе с ним и государство с идеей установления уголовной ответственности юридических лиц.

Таким образом, представляемая с учетом изложенных авторских аргументов сегодня в качестве фикции уголовная ответственность юридических лиц в своем реальном воплощении способна сломать не только систему существующего материального уголовного права, но вслед за ним, — уголовно-процессуального, а далее, неизбежно, — систему исполнения уголовных наказаний. О закономерном в такой печальной перспективе разрушении системы правоохранительных органов уже говорить не приходится. Так стоит ли таких средств цель «...создания эффективного механизма противодействия преступности юридических лиц», каковую намереваются достигнуть авторы законопроекта? Какой будет цена такой эффективности? Да и способна ли будет новая исковерканная предлагаемыми «инновациями» машина отечественного уголовного судопроизводства достигнуть заявленной эффективности? Как видим, предлагаемый к принятию законопроект порождает больше вопросов, чем ответов. Тем более, каждый ответ требует огромных ресурсов (правовых, организационных, материально-технических, финансовых, кадровых и др.). И самое главное, что такие масштабные затраты на реализацию уголовной ответственности юридических лиц способны изменить в лучшую сторону в рос-

сийской уголовной политике с точки зрения адекватности уголовно-правовой репрессии реальной угрозе, исходящей, якобы, от юридических лиц, а на самом деле, — от человека, в разуме и руках которого юридическое лицо — лишь средство достижения криминальной цели?

И в завершение своей аргументации позволю напомнить инициаторам законопроекта еще один, как мне представляется, безупречный для достижения цели весьма строгий (хотя и не уголовной) правовой ответственности юридического лица довод, вообще превращающий в юридически бессмысленную акцию введение каких-либо подобных предмету законопроекта уголовно-правовых инноваций, содержащийся в ст. 61 Гражданского Кодекса Российской Федерации. В соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 61 ГК РФ юридическое лицо ликвидируется (т.е. по аналогии с исключительной мерой уголовного наказания формально юридически подвергается смертной казни) «...по иску государственного органа или органа местного самоуправления, которым право на предъявление требования о ликвидации юридического лица предоставлено законом, **в случае осуществления юридическим лицом деятельности, запрещенной законом, либо с нарушением Конституции Российской Федерации, либо с другими неоднократными или грубыми нарушениями закона или иных правовых актов** (выделено мной, С.Л.)». «Finita la comedia», как говорят французы!

Прошу считать изложенные в настоящей статье авторские полемические (а потому, возможно, дискуссионные) заметки на полях законопроекта «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» научно-публицистическим приложением к уже имеющимся официальным правовым оценкам, содержащимся в отзывах о нем Правительства Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации [7], с отрицательными аргументами которых по поводу критикуемого сюжета соглашаюсь, безусловно.

Ссылки и библиография

1. Гражданский кодекс Российской Федерации) / СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Академик: словари и энциклопедии/ http://investments.academic.ru/1564/Юридическое_лицо.
3. Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961.
4. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции: в 2 т. Т. 1. Часть общая М., 1996.
5. Шаргородский М.Д. Вина и наказание в советском уголовном праве. М., 1945.
6. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» / Справочная правовая система «Консультант Плюс» / <http://www.consultant.ru/>.

7. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности / <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=750443-6>.

References (transliterated)

1. Chast' 1 st. 48 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii) / SZ RF. 1994. N 32. St. 3301.
2. Akademik: slovari i ehnciklopedii/ http://investments.academic.ru/1564/YUridicheskoe_lico.
3. Piontkovskij A.A. Uchenie o prestupenii. M., 1961.
4. Tagancev N.S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lekcii. CHast' obshchaya. V 2 t., tom 1. M., 1996.
5. SHargorodskij M.D. Vina i nakazanie v sovetskom ugovolnom prave. M., 1945.
6. Poyasnitel'naya zapiska "K proektu Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s vvedeniem instituta ugovolnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic" / Spravochnaya pravovaya sistema «Konsul'tant Plyus» / <http://www.consultant.ru/>.
7. Avtomatizirovannaya sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti / <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28Spravka%29?OpenAgent&RN=750443-6>.

О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ ПРИ СОВЕРШЕНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Кулаков Владимир Викторович, Кирпичев Александр Евгеньевич

Цель. В статье анализируются вопросы гражданско-правовой ответственности при совершении коррупционных правонарушений. Анализируются положения Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию Совета Европы 1999 г. на ее соответствие российскому законодательству. Авторы статьи рассматривают гражданско-правовые меры воздействия, применяемые за коррупционные правонарушения. Данные меры являются эффективными, так как они носят имущественный характер, и наряду с уголовным преследованием, способны эффективно противодействовать коррупции, что отвечает интересам Российской Федерации. Авторы одновременно рассматривают как национальные, так и международно-правовые нормы в области борьбы с коррупцией.

Методология: диалектический метод, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, социологический метод, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу о необходимости использования наряду с мерами уголовной ответственности эффективных гражданско-правовых мер по противодействию коррупции. Указанные меры эффективно применяются в зарубежных странах.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование развивает и уточняет сложную и практически значимую проблему гражданско-правовой ответственности физических и юридических лиц при совершении коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: Коррупция, гражданско-правовая ответственность, сделки, недействительные сделки, исковая давность, международный договор, Гражданский кодекс РФ, физические лица, юридические лица.

Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы в Страсбурге 4 ноября 1999 года, представляет собой уникальный документ, впервые специально посвященный применению частноправовых средств в рамках противодействия коррупции. Основной целью Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, согласно статье 1, является обеспечение наличия во внутреннем праве каждого государства-участника эффективных средств правовой защиты для лиц, понесших ущерб в результате актов коррупции, позволяющих им защищать свои права и интересы, включая возможность получения компенсации за ущерб. Гражданско-правовые меры воздей-

ствия за коррупционные правонарушения имеют действенную силу, так как носят имущественный характер, и наряду с уголовным преследованием, способны эффективно противодействовать коррупции, что отвечает потребностям общественного развития нашей страны. По поручению Президента РФ был подготовлен План мероприятий («дорожная карта») по совершенствованию действующего законодательства в целях обеспечения эффективного участия Российской Федерации в указанной Конвенции.

Ключевым вопросом реализации «дорожной карты» является оценка возможности включения в ГК РФ специального раздела о недействительности сделок, сопряженных с совершением коррупционного правонарушения. Представляется,

что включение в ГК подобного раздела (независимо от того, глава или параграф это будет) может быть положительно оценено, если будет доказано, что акты коррупции обладают достаточной спецификой по сравнению с иными гражданско-правовыми правонарушениями, выявлено, насколько специфичен их субъект, условия привлечения к ответственности и меры таковой.

Первый раздел Конвенции посвящен мерам, принимаемым на национальном уровне, и состоит из 12 статей, именно он является основным предметом настоящего исследования. При этом следует иметь в виду, что русскоязычное наименование Конвенции «Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию» не отражает ее содержание и является, как представляется, неправильным переводом. Официальные названия конвенции на английском (Civil Law Convention on Corruption) и французском (Convention civile sur la corruption), а также испанском (Convenio Civil sobre la Corrupción [1]), чешском (Občanskoprávní úmluva proti korupci [2]) и украинском (Цивільна конвенція про боротьбу з корупцією [3]) языках (т.е. языках стран, ратифицировавших данную конвенцию) не содержат указания на регулирование ею гражданско-правовой ответственности. Основным последствием коррупции, предусмотриваемым текстом Конвенции, является не гражданско-правовая ответственность, а недействительность сделок, которая, в свою очередь, не является мерой гражданско-правовой ответственности. Исходя из этого, адекватным переводом названия конвенции представляется «Конвенция о гражданско-правовых последствиях коррупции».

Формально меры гражданско-правового характера, предусмотренные в Конвенции, уже охвачены нормами действующего ГК РФ:

1) недействительность сделки, предусматривающей совершение акта коррупции, которая таковой может быть признана также и в судебном порядке (ст. 8 Конвенции);

2) возмещение ущерба в исковом судопроизводстве, которое включает в себя реальный ущерб, упущенную выгоду, компенсацию морального вреда (ст. 3 Конвенции);

3) условия наступления ответственности: акт коррупции, причиненный ущерб, причинно-следственная связь между ними (ст. 4 Конвенции), а также освобождение от гражданско-правовой ответственности или уменьшение возмещения при вине истца (ст. 6 Конвенции);

4) требование возмещения ущерба от государства при совершении акта коррупции должност-

ными лицами, при исполнении ими своих полномочий (ст. 5 Конвенции);

5) срок исковой давности по таким правонарушениям составляет не менее 3 лет (ст. 7 Конвенции).

Соответственно можно отметить присутствие всех перечисленных институтов в российском гражданском законодательстве:

– ст. 8 Конвенции (недействительность сделки) – ст. 166, 168, 169, 179, п.1 ст. 10 ГК РФ;

– ст. 3 Конвенции (возмещение ущерба) – ст. 15 ГК РФ;

– ст. 4 Конвенции (условия наступления ответственности) – ст. 1064 ГК РФ;

– ст. 6 Конвенции (освобождение от гражданско-правовой ответственности при вине кредитора – ст.404, ст. 1083 ГК РФ);

– ст. 5 Конвенции (требование возмещения ущерба от государства) – ст. 1069 ГК РФ;

– ст. 7 Конвенции (срок исковой давности) – ст. 196 ГК РФ.

Вместе с тем полагаем, что коррупционные акты по своей направленности должны быть выделены в особую группу, что требует специального правового регулирования. Гражданско-правовая ответственность как антикоррупционная мера наступает вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения субъектом коррупционного акта предусмотренных гражданским законодательством обязанностей. Соответственно важным представляется установить, какие конкретно гражданские правонарушения соответствуют коррупционным актам.

В Конвенции дается определение коррупции, которая представляет собой «просьбу, предложение, дачу или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового» (ст. 2); данное определение несколько отличается от того, которое дается в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [4].

Многие деяния граждан и юридических лиц одновременно могут быть квалифицированы как правонарушения публично-правовые (административные проступки и преступления) и как гражданско-правовые. Последние могут иметь форму как сделки (незаконной), так и иных действий (бездействий).

Сложность заключается в квалификации как незаконных сделок тех коррупционных действий,

которые явно не подпадают под тот или иной состав уголовного преступления (взятка и т.п.). В таком случае следует учитывать соответствие целей участников коррупционного деяния требованиям законодательства. Цели участников любой каузальной сделки должны соответствовать такой типовой цели, которая в любом случае определяется исходя из требований ст. 2 ГК РФ, в которой определяется предмет гражданского законодательства. Сделки имеют под собой основание (каузу), под которым, мы считаем, следует понимать как типовой юридический результат, установленный законом, с которым стороны конкретной сделки должны соотносить свои конкретные цели и имеющие правовое значение мотивы. Конкретные стремления, цели сторон должны также соответствовать определенным требованиям, которые и закладываются в правовых нормах об основании сделок, иначе не выполняется задача правового регулирования соответствующих общественных отношений. Таким образом, каузу сделки и конкретные цели ее участников следует ограничивать друг от друга так же, как правоотношение и фактическое отношение. В каузе сделки, установленной в законе, отражается экономическое назначение обязательства.

Как отмечалось, коррупционные сделки подпадают под признаки недействительных сделок, предусмотренных ст. п. 1 ст. 10, 169 [5], 170, 179 ГК РФ.

Определенные сложности возникают при квалификации коррупционных сделок как антисоциальных (ст. 169 ГК РФ). М.Н. Илюшина обращает внимание на следующее. Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 10 апреля 2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» внес некоторые коррективы в применение указанного основания признания сделок недействительными, существенно изменив место данных сделок в системе гражданско-правовых мер как последствий коррупционных правонарушений. В Постановлении Пленума указано, что ст. 169 ГК не подлежит применению к сделкам, совершенным с нарушениями, последствия которых предусмотрены иными законодательными актами (например, сделок с заинтересованными лицами, сделок с целью преимущественного удовлетворения требований одних кредиторов перед другими кредиторами — ст. 103 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). И, кроме того, санкции, установленные за совершение публичных правонарушений, не могут

квалифицироваться как последствия недействительности сделок. В тех случаях, когда сделка сама по себе образует состав публичного правонарушения либо это правонарушение связано с совершением такой сделки, в рамках рассмотрения публичного спора подлежит применению ответственность, установленная за публичное правонарушение, а не последствия, предусмотренные ст. 169 ГК РФ. Например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 февраля 2009 г. № 2-В08-13 при рассмотрении надзорной жалобы по делу по иску ООО «Мебельная фирма „Прогресс“ к Риммеру Александру Аркадьевичу, ООО «Байкорт», Ульянову Артему Николаевичу о признании недействительными договоров купли-продажи имущества было указано, что для применения ст. 169 ГК РФ необходимо, в частности, установление того, что сделка нарушала требования правовых норм, обеспечивающих основы правопорядка, т.е. направленных на охрану и защиту основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обороноспособности, безопасности и экономической системы государства. Однако судебные инстанции не учли, что в том случае, когда при рассмотрении требований, связанных с оспариванием сделок, цена и иные условия их существенно отличаются от цены и иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки, это обстоятельство само по себе не является основанием для квалификации таких сделок как ничтожных в соответствии со ст. 169 ГК РФ. Сделки могли быть оспорены по основаниям, специально установленным законом (ст. 103 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Кроме того, во второй части в ряде глав имеются нормы, уже запрещающие сделки с признаками коррупции. Так, многие составы формально охватываются нормами ГК РФ о дарении, в том числе оферта и акцепт данного договора отдельно и вступают в противоречие с императивными нормами абзаца второго п. 1 ст. 572 ГК РФ, так как предполагают некую встречность (в виде незаконного действия), а также подпункта 3 п. 1 ст. 575 ГК РФ. Такие сделки являются недействительными (ст. 168, 170 ГК РФ).

Коррупционные нарушения, кроме того, могут быть квалифицированы как обход закона, запрет на который введен в п. п. 1 и 3 ст. 10 ГК РФ в новой редакции. Полагаем, следует согласиться, что необходимо проводить различия между действиями, направленными на обход закона,

и притворными сделками. При совершении действий, направленных на обход закона, воля лиц направлена на достижение именно того правового результата, который и заявляется заключаемыми сделками. Никакая иная сделка при обходе закона не прикрывается, стороны открыто декларируют достижение правового результата, который не может быть достигнут законным образом при использовании предназначенных для этого правовых средств. Однако несовершенство законодательства позволяет им добиться такого результата при формальном игнорировании законодательно установленных запретов.

Полагаем, что как обход закона могут быть квалифицированы, как правило, несколько формально законных сделок (совокупность действий), имеющих общую цель, в итоге отличную от отдельных оснований составных сделок. В данном случае действительную волю можно определить по правилам ст. 431 ГК РФ.

К действиям, направленным на обход закона, теперь должны применяться те же последствия, которые установлены для злоупотребления правом, если иное не указано в тексте Гражданского кодекса РФ. Последствие злоупотребления правом – это полный или частичный отказ суда в защите права, а также иные меры, предусмотренные законом (п. 2 ст. 10 ГК РФ в редакции Закона). Указание на иные меры связано с тем, что лицо, злоупотребляющее своим правом, далеко не всегда защищает это право в суде. Закон предусматривает, что если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, то такое лицо вправе требовать возмещения причиненных этим убытков по правилам ст. ст. 15, 1064 ГК РФ.

Направленность коррупционного акта на «необоснованное преимущество» (что отличает их от других незаконных актов) делает возможным обособление специальных норм. Заметим, что в институте недействительности сделок наблюдается тенденция к появлению специальных оснований недействительности. В настоящее время, сделки, совершенные в результате совершения акта коррупции, охватываются рядом иных оснований. Например, к таким сделкам может применяться ст. 169 ГК РФ. Последствия недействительности, предусмотренные данной статьей вполне адекватны совершению коррупционного правонарушения, однако, отсутствие прямого указания на акт коррупции вынуждает суды, применяя данную норму, каждый раз оценивать, противоречит ли сделка, совершение которой сопряжено с актом коррупции, основам правопорядка. Выделение самостоятельного основания недействительно-

сти сделок – совершение акта коррупции – не повлечет коллизии между этим новым основанием и нормами ст. 169 ГК РФ, поскольку новая норма будет являться специальной по отношению к ст. 169 ГК РФ. В настоящее время ряд оснований недействительности являются специальными по отношению к основанию, предусмотренному ст. 168 ГК РФ, каких-либо проблем в правоприменительной практике это не создает.

Кроме того, последствия недействительности «коррупционных сделок» должны быть связаны, прежде всего, с прекращением соответствующего обязательства. Для тех обязательств, которые являются наиболее коррупционными (государственные и муниципальные контракты, приватизационные договоры, договоры аренды государственного и муниципального имущества), как правило, свойственно наличие в качестве основания возникновения не одной сделки – договора – а сложного юридического состава, включающего, например, проведенные торги или подобные им процедуры (запрос котировок, запрос предложений). Доктринально признано, что торги в целом или отдельные их элементы представляют собой сделки. Поэтому российскому гражданскому праву известен самостоятельный институт недействительности торгов. Но в случае если торги признаются недействительными как проведенные с совершением коррупционного правонарушения, из закона прямо не следуют последствия этого для обязательства, возникшего из заключенного на торгах договора. В соответствии с п. 2 ст. 449 ГК РФ «признание торгов недействительными влечет недействительность договора, заключенного с лицом, выигравшим торги». Но для признания договора недействительным возможны разные последствия в зависимости от основания недействительности, ст. 449 ГК РФ не определяет, какие именно последствия применяются к договору, заключенному на недействительных торгах.

Заключение сделки с совершением акта коррупции причиняет вред не только публичным интересам, но и интересам частных лиц. Так, заключение государственного или муниципального контракта с нарушением процедуры определения поставщика (исполнителя, подрядчика) в результате совершения коррупционного правонарушения влечет убытки для того предпринимателя, который при объективном и законном проведении процедуры определения поставщика (торгов, иных конкурентных процедур в соответствии с законодательством о контрактной системе в сфере закупок), мог бы заключить государственный или муниципальный контракт. Подобное лицо

имеет право потребовать возмещения убытков от публично-правового образования, что в свою очередь повлечет убытки для бюджета, а, следовательно, и для граждан, для удовлетворения потребностей которых предназначены бюджетные средства. В соответствии с п. 3.1. ст. 1081 ГК РФ Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование в случае возмещения ими вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами, имеют право регресса к лицу, в связи с незаконными действиями (бездействием) которого произведено указанное возмещение. Антикоррупционный характер данного правила очевиден. Однако само по себе оно является коррупциогенным, поскольку не предусматривает обязанности публично-правового образования обратиться с подобным регрессным требованием. Такая обязанность, как представляется, должна быть предусмотрена в специальном параграфе ГК РФ о недействительности «коррупционных сделок».

В случае если акты коррупции не подпадают под определение сделки (незаконной сделки), например, в случае действий (бездействий) публично-правовых образований и должностных лиц, применяются действующие нормы (например, ст. 1069, 1070 ГК РФ).

Таким образом, в целях правовой определенности необходимо законодательно закрепить специальные нормы об ответственности за «коррупционные сделки» в ГК РФ. Считаем целесообразным введение специального параграфа, регулирующего последствия недействительности сделок, сопряженных с актом коррупции, что может устранить данный пробел за счет установления введения правил о конфискационных последствиях недействительности коррупционных сделок (в том числе торгов) для обязательств, возникших из заключенных по результатам таких торгов договоров. Следует закрепить специальную презумпцию виновности за коррупционные акты. Вместе с тем, заметим, что анализ кодифицированных актов государств, ратифицировавших Конвенцию (проанализированы последние редакции соответствующих кодифицированных актов ФРГ, Франции, Испании, Чехии, Украины), свидетельствует, что специальных норм об ответственности за коррупцию в них имплементировано не было, очевидно, в силу устойчивой традиции прямого применения международного акта. Согласно ст. 7 ГК РФ международные договоры имеют приоритет перед внутренним законодательством, что при ратификации Конвенции не делает обязательным включение специальных

норм ГК РФ, однако, как показано, возникнут затруднения в отграничении коррупционных актов от иных недействительных сделок, что не будет способствовать эффективному правоприменению.

В качестве коррупционных актов согласно ст. 4 Конвенции могут выступать санкционирование и бездействие. Очевидно, что их субъектами являются должностные лица и публично-правовые образования. Соответственно такие действия подпадают под действие нормы ст. 1069 ГК РФ.

В специальном параграфе целесообразно закрепить нормы об условиях, форме, размере, субъектах ответственности и др. Условия ответственности закреплены в нескольких статьях Конвенции. В частности, статья 4 определяет условия, которые должны быть выполнены для того, чтобы ущерб подлежал возмещению: во-первых, ответчик совершил или санкционировал акт коррупции или не предпринял разумные шаги для предотвращения акта коррупции; во-вторых, истец понес ущерб; и, наконец, в-третьих, должна существовать причинно-следственная связь между актом коррупции и нанесенным ущербом. Обратим внимание на следующие аспекты.

В соответствии со статьей 3 Конвенции стороны, подписавшие Конвенцию, должны предусмотреть в своем внутреннем праве нормы, которые бы закрепляли право лиц, понесших ущерб в результате коррупции, подать иск с целью получения полного возмещения ущерба, при этом указанное возмещение может охватывать нанесенный материальный ущерб, упущенную выгоду и нематериальный вред. Представляется во избежание ограничения ответственности (например, реальным вредом) в силу такового допущения государству, присоединившемуся к Конвенции («возмещение *может* охватывать...»), в ГК РФ следует закрепить правило о полной ответственности за вред, причиненный актом коррупции либо умолчать об этом. Кроме того, для возможности компенсации морального вреда необходимо специальное указание.

Акт коррупции могут совершить несколько лиц. В связи с этим возникает вопрос о том, какая множественность лиц возникает в таком случае. В части 2 ст. 4 Конвенции установлена обязательность несения ими солидарной и долевой ответственности. Таким образом, внутренним законодательством возможно определить вид такой множественности. Общим правилом является долевая ответственность таких лиц, однако, если исходить из логики законодателя, устанавливающего солидарную ответственность лиц, совместно причинивших вред, следует специально закрепить

правило о солидарной ответственности лиц, совершивших акт коррупции.

Необходимым элементом является только причинение в результате акта коррупции гражданско-правового вреда законным интересам конкретных физических или юридических лиц. В силу отмеченных моментов рассматриваемая дефиниция, данная в Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, представляется в определенной степени точной и универсальной.

В соответствии со статьей 5 каждая Сторона в своем внутреннем праве должна установить надлежащие процедуры, позволяющие лицам, понесшим ущерб в результате акта коррупции, совершенного ее публичными должностными лицами в ходе осуществления ими своих функций, требовать возмещения ущерба от государства или, в случае если Сторона не является государством, от соответствующих властей данной Стороны. В литературе высказывается мнение, что положения в отношении «Стороны, не являющейся государством» применимы в современной практике только к Европейскому Сообществу, поскольку это единственный субъект, не являющийся государством, была бы более предпочтительной формулировка, содержащая прямую ссылку на Европейское сообщество и его соответствующие власти, как в смысле корректности, так и в смысле отхода от искусственного усложнения структуры текста [6]. Однако представляется, что в данном случае применительно к России данная норма предполагает в качестве такого субъекта должностных лиц, соответственно логично правило о возмещении ущерба за их действия казной соответствующего публично-правового образования.

Говоря о коррупционных актах, совершенных юридическими лицами, заметим, что по действующему отечественному законодательству за совершение правонарушений коррупционного характера, юридическое лицо может быть привлечено только к административной ответственности. При этом привлечение юридического лица к административной ответственности за совершение коррупционных правонарушений не исключает привлечения конкретных субъектов (физических лиц), участвовавших в совершении коррупционных правонарушений, к ответственности уголовной или административной. И наоборот, даже если физические лица — участники (работники, руководители) юридического лица — привлечены к ответственности, одновременно с этим ответственность может быть возложена и на само юридическое лицо. Выделение специального параграфа о коррупционных актах в ГК РФ будет способствовать ясности в вопросе

о привлечения таких юридических лиц к гражданско-правовой ответственности за коррупцию.

При этом некоторые положения Конвенции в достаточной степени отражены в нормах ГК РФ. Так, ст. 6 Конвенции предусматривает, что объем возмещения ущерба уменьшается или в его возмещении может быть отказано, принимая во внимание все обстоятельства, если истец по своей собственной вине способствовал причинению ущерба или его усугублению. Полагаем, что специального указания на вину кредитора в данном разделе не требуется, так как достаточно норм ст. 404 ГК РФ.

Анализ действующих редакций соответствующих кодифицированных актов ФРГ, Франции, Испании, Чехии, Украины показал, что специальных норм об исчислении сроков исковой давности по коррупционным правонарушениям в них нет. В ст. 7 Конвенции содержится отсылочная норма к внутреннему законодательству Сторон, регулирующему приостановление или перерыв сроков исковой давности, полагаем в этой части изменения ГК РФ не потребуются. Между тем в ГК РФ, на наш взгляд, требуется изменения касательно длительности сроков исковой давности по делам о коррупции. Срок исковой давности применительно к судопроизводству по возмещению ущерба, который устанавливается ст. 7, составляет не менее трех лет со дня, когда лицу, понесшему ущерб, стало известно о возникновении ущерба или о совершенном акте коррупции и о лице, ответственном за него. В соответствии с этой же статьей общий срок для предъявления такого иска составляет не менее десяти лет с момента совершения коррупционного действия. Действующая редакция ГК РФ не вполне соответствует такому требованию, хотя именно десятилетний срок был избран в качестве максимального срока исковой давности при совершенствовании данного института в рамках Реформы гражданского законодательства (п. ст. 196 ГК РФ). Следовательно, в специальном параграфе о коррупционных сделках следует сделать соответствующую оговорку, текстуально соответствующую Конвенции. Также важно, что срок исковой давности по таким сделкам — три года, что позволяет сохранить право на удовлетворение иска при длежащих правоотношениях, при наличии какой-либо зависимости лица и т.д. Иск не может быть предъявлен по истечении не менее десяти лет с момента совершения коррупционного действия. Последствие совершения запрещенной законодательством гражданско-правовой сделки — возврат сторон в первоначальное положение (п. 2 ст. 167 ГК РФ). В то же время установление срока исковой давности более трех лет со дня, когда лицу,

понесшему ущерб, стало известно о возникновении ущерба или о совершенном акте коррупции и о лице, ответственном за него, представляется нецелесообразным, так как возможность признания сделки недействительной в течение более длительного срока создает угрозу стабильности оборота и является само по себе коррупциогенным: лицо, имеющее информацию о совершении акта коррупции, имеет возможность злоупотреблять данным знанием, не сообщая о нем и не подавая иск. Трехлетний срок исковой давности является оптимальным, так как он позволяет потерпевшей стороне максимально подготовиться к подаче иска и в то же время стимулирует ее к более скорому принятию решения об обращении в суд. Подобная логика легла в основу так называемой «приватизационной амнистии» — сокращению срока исковой давности по ничтожным сделкам с десяти до трех лет. Предваряя данную реформу, Президент Российской Федерации отметил: «обязан заметить: три года — это тоже большой срок, который вполне позволяет и заинтересованным лицам, и государству выяснить в суде свои взаимоотношения. Подчеркнем также, что именно трехлетний срок исковой давности был самым длительным в нашем законодательстве в течение последних ста лет» [7].

Следует обратить внимание также, что норма п. 2 ст. 168 ГК РФ в новой редакции устанавливает теперь только в качестве исключения, что сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки. В связи с нечеткостью понятия публичного интереса, полагаем, что действующий механизм правового регулирования ничтожных сделок, их последствий в новой редакции ГК РФ не вполне отвечает особенностям коррупционных правоотношений. Более приемлемо сохранение в отношении них старого порядка, когда по инициативе любого заинтересованного лица и суда могут быть применены соответствующие последствия. В данной сделке, как правило, нет лиц, заинтересованных в ее раскрытии, поэтому общее правило о возможности заявить иск о признании ничтожной сделки недействительной любым лицом представляется единственной гражданско-процессуальной возможностью оспорить последствия данной сделки.

Библиография и ссылки.

1. Instrumento de Ratificación del Convenio Civil sobre la Corrupción (número 174 del Consejo de Europa) hecho en Estrasburgo el cuatro de noviembre de mil novecientos noventa y nueve// BOE núm. 78 de 31 de Marzo de 2010.
2. Sbírka mezinárodních smluv České republiky č. 3/2004.
3. Закон України «Про ратифікацію Цивільної конвенції про боротьбу з корупцією»// Відомості Верховної Ради України. 2005. № 16. Ст. 266.
4. СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
5. Илюшина М.Н. Недействительность сделок как гражданско-правовое последствие коррупционных правонарушений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 12. С. 26–31.
6. Швец В.В. Некоторые аспекты международно-правового сотрудничества государств — членов Совета Европы в области борьбы с коррупцией // Журнал российского права. — 2000. — № 7. — С. 18.
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005//Российская газета. № 86. 2005.

References (transliterated)

1. Instrumento de Ratificación del Convenio Civil sobre la Corrupción (número 174 del Consejo de Europa) hecho en Estrasburgo el cuatro de noviembre de mil novecientos noventa y nueve// BOE núm. 78 de 31 de Marzo de 2010.
2. Sbírka mezinárodních smluv České republiky č. 3/2004.
3. Zakon Ukraïni «Pro ratifikaciyu Civilnoï konvencii pro borotbu z korupcieyu»// Vidomosti Verhovnoï Radi Ukraïni. 2005. N 16. St.266.
4. SZ RF. 2008. № 52 (ch. 1). St. 6228.
5. Ilyushina M.N. Nedejstvitelnost sdelok kak grazhdansko-pravovoe posledstvie korrupcionnyx pravonarushenij // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2009. N 12. S. 26–31.
6. Shvec V.V. Nekotorye aspekty mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva gosudarstv — chlenov Soveta Evropy v oblasti borby s korrupciej // Zhurnal rossijskogo prava. — 2000. — № 7. — S. 18.
7. Poslanie Prezidenta RF Federalnomu Sobraniyu ot 25.04.2005//Rossijskaya gazeta. N 86. 2005.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Серова Ольга Александровна

***Цель.** Проанализировать практику применения уголовной ответственности за рубежом. Провести сравнительный анализ аргументов «за» и «против» введения института уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации, выявить проблемы и возможные негативные последствия ее введения.*

***Методология:** диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** Введение института уголовной ответственности юридических лиц в России потребует серьезных изменений всей правовой системы. Основная вина юридического лица связана с отсутствием механизма контроля за деятельностью участников, представителей юридического лица. В статье автором обосновывается необходимость более длительного изучения проблемы, поскольку внедрение уголовной ответственности юридических лиц может привести к неблагоприятным последствиям.*

По мнению автора, реализация идеи введения в российское законодательство уголовной ответственности юридических лиц требует колоссальных преобразований – не только изменения законодательства, но и формирования специальных правовых доктрин, как в сфере уголовного права, так и в гражданском праве, общей теории права.

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи состоит в анализе зарубежного опыта применения института уголовной ответственности юридических лиц, а также в определении важнейших препятствий, которые стоят на пути введения в российское право концепции уголовной ответственности юридических лиц.*

***Ключевые слова:** уголовная ответственность, юридическое лицо, административная ответственность, правовая доктрина, фикция, уголовное право, вина, преступление, гражданское право, субъект преступления, контроль, наказание.*

В последние годы достаточно активно ведутся споры об имплементации норм ряда зарубежных правовых порядков об уголовной ответственности юридических лиц в российское законодательство. Необходимость введения уголовной ответственности юридических лиц определяется «потребностью использования уголовно-правовых средств для защиты и регулирования отношений, сформировавшихся на данном этапе социально-экономического развития Российской Федерации» [17]. Особенности современного периода можно считать широкое распространение в экономике корпоративных юридических лиц, ростом правонарушений и злоупотреблений со стороны

хозяйствующих субъектов в сфере экономики и пр. В частности, именно эту причину введения наряду с гражданско-правовой и административной еще и уголовной ответственности юридических лиц называет А. В. Федоров. А именно, «рост числа и масштабов преступлений, совершаемых от имени юридических лиц или за их счет либо для их выгоды (в их пользу) физическими лицами, а именно: лицами, осуществляющими управленческие функции; законными представителями юридического лица; иными лицами, находящимися в подчинении у вышеуказанных лиц и действующими за счет или в пользу юридического лица в случае, если юридическое лицо не

обеспечило достаточную степень контроля за их действиями с учетом конкретных обстоятельств» [17]. Использование столь значительной по объему цитаты было необходимо для того, чтобы четко расставить акценты для дальнейших рассуждений. Во-первых, подчеркивается, что угроза исходит от юридического лица как правовой конструкции, которая используется иными лицами – физическими лицами! – для совершения ряда противоправных действий. Юридическое лицо рассматривается как фикция. Большинство исследователей осознают отсутствие реального субъекта за данным понятием (вне правового поля, так как правовой статус юридического лица как субъекта права очевиден) [14]. Во-вторых, непосредственным субъектом преступления, его инициатором и выгодоприобретателем остается физическое лицо, человек. В третьих, основная вина юридического лица связана с отсутствием надлежащего механизма контроля за деятельностью участников, представителей, лиц, входящих в органы управления организацией, и пр. При этом попытка «привязать» рассмотрение спора о введении уголовной ответственности юридических лиц к таким категориям, как справедливость уголовного наказания, представляется неверной. Смирнов Г. аргументирует подобное предложение тем, что «у компаний фактически отсутствует мотивация к соблюдению закона в ситуации, когда его нарушение позволяет извлечь экономическую выгоду» [16, 17]. В подобных дискуссиях необходимо изначально определиться с той сущностью, которую мы вкладываем в категорию юридического лица. Более того, даже в случае установления единого подхода к рассмотрению природы юридического лица (фикционного, реалистического или иного), в конкретной ситуации оценки деятельности юридического лица нужно определиться с тем классификационным видом, к которому это юридическое лицо относится. Цивилисты, как верно было отмечено Е. В. Богдановым, по своей природе сегодня фактически является лишь инструментом прикрытия интересов людей и прежде всего ответственности тех, кто оперирует данным инструментом в гражданском обороте [1]. (*«цивилисты – является» – нет согласования или что-то пропущено? – М.А.*) Бороться с данным явлением, в том числе уголовно-правовыми средствами, необходимо. Но мотивация к соблюдению компанией закона может (или должна) исходить, в одном случае, от группы лиц – участников корпорации, в другом, от единоличного учредителя организации. При этом не стоит забывать, что в России доля государства и государственных компаний

в экономике достаточно велика [3]. Привлечение к уголовной ответственности государственной корпорации, иных видов компаний с государственным участием выглядит сомнительной идеей и с позиции падения авторитета государства, усиления нигилизма в обществе. Однако применение доктрины «прокалывания корпоративного завеса», предлагаемой [16] в качестве юридического механизма реализации идеи введения института уголовной ответственности юридических лиц, должно найти ответ и на этот вопрос. Можно ли привлечь к уголовной ответственности юридические лица публичного права? Используемые в научных публикациях термины «корпоративные образования, не обладающие надлежащей юридической личностью» (в отношении фиктивных организаций, компаний-«прокладок») и «организаций, обладающих надлежащей юридической личностью» [16] не может быть использовано на практике. (*некорректное включение цитаты: невозможно понять, что с чем согласуется – М.А.*) Та или иная организация, в зависимости от желания ее участников или лиц, входящих в органы управления, может в тех или иных правоотношениях выступить со своей формальной стороны в качестве инструмента незаконного получения экономической выгоды. А в другом случае, напротив, используется для осуществления обычной хозяйственной деятельности. Так, например, судом признано недействительным решение налогового органа, так как затраты налогоплательщика документально подтверждены и экономически обоснованы, в ходе судебного разбирательства налоговый орган не смог опровергнуть реальность хозяйственных операций налогоплательщика, недобросовестность последнего не доказана [10]. В другом случае дело передано на новое рассмотрение, так как, по мнению вышестоящей судебной инстанции, судом не была дана надлежащая правовая оценка доводам налогоплательщика о том, что при выборе контрагентов была проявлена должная степень осторожности [9]. Выявление конкретных обстоятельств совершения того или иного правонарушения со стороны юридического лица безусловно необходимо. Нельзя выявить признаки тех юридических лиц, которые изначально говорили бы об их ущербности как субъектов права. Можно лишь вводить критерии для признания той или иной организации прекратившей свою деятельность (ст. 64.2 Гражданского кодекса РФ «Прекращение недействующего юридического лица»). Но если организация будет предоставлять все требуемые законом документы отчетности, даже не осуществляя каких-либо хо-

зяйственных операций, то применить подобную норму нельзя.

Проблема фиктивности юридического лица, понимание того, что реальные правонарушения осуществляются лицами, представляющими его интересы, работниками организации, неоднократно поднималась не только в науке, но и в практике. В одних судебных спорах указывается, что отсутствие доказательств вины сотрудников организации является основанием для отказа в удовлетворении требований. Например, хозяйственное общество обратилось в суд с требованием о взыскании убытков в размере списанных с расчетного счета денежных средств, так как списание, по его мнению, было неправомерным. Судом в удовлетворении требования отказано, поскольку обществом не представлены доказательства, подтверждающие причастность сотрудников банка к подделке карточки с образцами подписей и печати общества и их вину [11]. В иных ситуациях суды не пытаются определить конкретное виновное лицо (группу лиц), которое должно отвечать за нарушение прав и законных интересов. Субъектом ответственности выступает сама компания. Так, истец был восстановлен в правах участника общества с ограниченной ответственностью, так как утратил спорную долю помимо собственной воли в результате действий самого общества [12]. Фикционный подход позволяет в зависимости от цели правового регулирования «уходить» от антропологического подхода, рассматривать юридическое лицо как самостоятельный субъект права. Однако этот подход применим именно к правоотношениям в целом. Он не может применяться выборочно, в зависимости от того, каким субъектом (надлежащим или нет) мы признаем то или иное юридическое лицо. Соответственно, и применение доктрины «срыва корпоративного завеса (вуали)» должно иметь общие основания, а не зависеть от субъективного усмотрения конкретного субъекта.

При анализе законодательства тех стран, которые ввели уголовную ответственность юридических лиц, исследователями обнаруживается, что применяемые санкции сопоставимы с теми, что существуют и в российском праве. Это штраф; запрет юридическому лицу заниматься определенными видами деятельности; временное прекращение деятельности юридического лица; компенсация причиненного ущерба; ликвидация юридического лица; конфискация доходов, имущества и предметов, полученных незаконным путем [5, 6]. Такие меры применяются в РФ при привлечении юридического лица к администра-

тивной ответственности. Но сторонники концепции введения в российское право уголовной ответственности юридических лиц считают, что наличие административной ответственности является лишь подменой уголовной ответственности [16, с. 19–20] и не может «обеспечить эффективное, соразмерное и сдерживающее воздействие на юридических лиц» [17]. Однако нам представляется, что в большей степени низкая эффективность связана с проблемами правоприменения, необходимостью одновременного расследования правонарушения как в отношении юридического лица, так и в отношении виновных физических лиц. Верховный Суд РФ, тем не менее, не рассматривает в качестве непреодолимого препятствия то обстоятельство, что при привлечении к административной или уголовной ответственности физического лица необходимо привлекать к административной ответственности за данное правонарушение и юридическое лицо [8]. Действующее законодательство не исключает возможность одновременного возбуждения уголовного дела в отношении физического лица и дела об административном правонарушении в отношении юридического лица, в интересах которого действовало это физическое лицо [13]. Другое дело, что подобный подход к расследованию правонарушения достаточно сложен и трудоемок. В этом смысле нельзя не согласиться с мнением А. В. Федорова: «Когда ответственность физических и юридических лиц за взаимосвязанные деяния урегулирована различными отраслями права, а доказательства собираются по разным делам и, соответственно, эти дела рассматриваются отдельно разными судебными инстанциями, возникают большие сложности с установлением содеянного юридическим лицом и его вины» [17]. Но может ли указанное обстоятельство являться основанием для введения нового института, который существенным образом повлияет на всю правовую систему страны? Многие проблемы на практике возникают из-за отсутствия должной координации в расследовании подобных дел, отсутствием должной квалификации лиц, занимающихся сложнейшими правонарушениями, основа которых так или иначе связана с гражданским правом, корпоративными правоотношениями. Сомнительно, что лишь введением института уголовной ответственности юридических лиц мы устраним все проблемы.

В научной литературе большинством авторов отмечается, что растет число стран, включивших в свое законодательство положения об уголовной ответственности юридических лиц. Хотя некото-

рые страны (Германия, Россия, Италия) остаются принципиальными сторонниками сохранения уголовной ответственности за индивидуальную вину [2, с. 82]. Выделяется и пример Польши, где после принятия Закона об ответственности коллективных субъектов за деяния, запрещенные под угрозой наказания, Конституционный трибунал в 1994 г. принял решение считать эту ответственность не уголовной, а ответственностью особого рода (*sui generis*) [2, с. 82].

Европейский законодатель пытается добиться унификации применяемых санкций на территории Европейского Союза. Необходимость усиления уголовно-правового воздействия отмечается и в отношении институтов, которые ранее рассматривались как частно-правовые. Например, акцентируется внимание на том, что соблюдение норм о злоупотреблениях на рынке должно было подкреплено наличием уголовных санкций, которые представляют собой более строгую форму общественного неодобрения по сравнению с административными санкциями [7, ст. 6]. Естественно, угроза уголовного наказания для физического лица может являться существенным моментом при выборе того или иного типа поведения. Это сигнал от правоохранительной системы, государства, да и общество в целом, что такое поведение особо порицаемо и подлежит негативной оценке. Не случайно, в рассматриваемой Директиве о злоупотреблениях на рынке в п. 16 говорится о том, что для того чтобы санкции за преступления были эффективными и оказывали сдерживающее воздействие, в настоящей Директиве следует установить минимальный уровень максимальной продолжительности тюремного заключения [7, ст. 16]. Таким образом, эффективность мер уголовно-правового воздействия в большей степени связана с неблагоприятными последствиями личного характера для физического лица. Насколько эффективно на поведение физического лица будет воздействовать установленное правило об уголовной ответственности юридического лица? Очевидно, что между данным обстоятельством и мотивацией субъекта на совершение правонарушения, желания обогатиться и пр. зависимости нет.

Даже в тех странах, где рассматриваемая концепция уголовной ответственности юридических лиц введена на законодательном уровне, отмечается, что «абсолютная ответственность (т.е. ответственность независимо от наличия вины) прямо противоположна двойным целям уголовного права — сдерживанию и возмездию. <...> Там, где стремятся к предъявлению обвинений

корпорации с точки зрения уголовного права, правительство должно установить в качестве дополнительного элемента преступления то, что корпорация не сумела установить надлежащую методику действий (политику) и процедуры для предотвращения действия своего сотрудника» [18, с. 15–16]. Корпорация должна создать условия, препятствующие отдельным лицам использовать правосубъектность юридического лица как основание для прикрытия совершаемых противоправных действия. И в большей степени эта задача находится в зоне ответственности учредителей и органов управления компанией. Уже обосновывалась потребность в создании системы контроля за деятельностью создаваемых организаций со стороны учредителя, необходимость повышения эффективности существующих правовых механизмов. Явно недостаточно сегодня реализуется контроль за соблюдением правовых процедур, регламентированных локальными нормативными актами организаций. На сегодняшний день роль таких документов низка, как и роль трудового коллектива в организации контроля за деятельностью руководства юридическими лицами [15, с. 125]. И решение этих проблем также должно носить комплексный характер, так как зависит от целого ряда причин, связанных и с менталитетом наших граждан, боязнью потери работы, недостаточным уровнем защиты трудовых прав, недоверием к судебной системе и пр.

Подводя итог сказанному, можно выделить важнейшие препятствия, которые стоят на пути введения в российское право концепции уголовной ответственности юридических лиц.

Признание юридического лица фикцией в цивилистике окажет влияние и на рассматриваемые правоотношения, «заставит» признать взаимосвязь особой правовой природы юридических лиц и особой категории вины, которая может быть признана за организациями [6, с. 70]. В конечном итоге, это может привести к продолжению той основной функции, которую выполняют юридические лица в гражданском обороте — функции ограничения ответственности учредителей — на отношения, связанные с уголовной ответственностью. Нельзя в связи с этим поддержать опасения Е. В. Богданова о неблагоприятных социальных последствиях, если и в уголовно-правовой ответственности перед действительным виновником будет установлен буфер в виде юридического лица [1, с. 33–35].

Многие исследователи отмечают, что реализация идеи введения в российское законодательство уголовной ответственности юридических лиц требует колоссальных преобразований [5, с. 5]. Дей-

ствительно, потребуется не только изменение законодательства, но и формирование специальных правовых доктрин, как в сфере уголовного права, так и в гражданском праве, общей теории права. Предложения о поэтапном введении уголовной ответственности юридических лиц в качестве пилотного проекта в отдельных субъектах РФ [5, с. 5] представляются нам не только ошибочными, но и крайне вредными. Общие условия осуществления экономической деятельности должны быть едиными на всей территории страны. Подобные эксперименты явно отрицательно отразятся на инвестиционной привлекательности регионов. Отдельные авторы справедливо опасаются того, что реализация подобных проектов «будет означать отказ от принципа ответственности за вину и откроет путь в наше уголовное право стихии объективного вменения» [2, с. 89].

На наш взгляд, наведение порядка в экономической сфере требует системной работы всех правоохранительных органов и судебной системы, устранения каких-либо коррупционных проявлений, стабильности и правовой определенности в законодательных правилах. Нельзя не согласиться с тем, что многие «исследователи зачастую пытаются «втиснуть» законодательные новеллы в существующие научные юридические конструкции, порой размывая сущность последних до неузнаваемости» [4, с. 20]. Вопрос об уголовной ответственности юридических лиц не должен сниматься с повестки дня научных исследований, так как опыт других государств, несомненно, должен анализироваться. Но кардинальное изменение правовой системы требует длительной подготовки и реализации, готовности всех элементов этой системы и внедрения на доктринальном уровне новых концепций.

Ссылки и библиография

1. Богданов Е.В. Проблема уголовной ответственности юридических лиц // Российская юстиция. – 2011. – № 8. – С. 33–35.
2. Власов И.С. О введении в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. – 2015. – № 11. – С. 82–89.
3. Доклад Федеральной Антимонопольной службы о состоянии конкуренции в Российской Федерации. М., 2016. 248 с.
4. Кузнецова О.А. Гражданско-правовая ответственность: необходимость смены методологической парадигмы / Проблемы взыскания убытков в российском правопорядке. Сборник статей VI ежегодной международной научно-практической конференции. – М., 2016. – С. 10–24.
5. Лафитский В.И., Семькина О.И. Уголовная ответственность юридических лиц в отечественном законодательстве: к истории вопроса «pro et contra» // Журнал российского права. – 2014. – № 2. – С. 5–13.
6. Новокрещенов Д.Н. К вопросу о вине юридического лица // Сибирский юридический вестник. – 2009. – № 1. – С. 70–73.
7. Об уголовных санкциях за злоупотребления на рынке (Директива о злоупотреблениях на рынке): директива Европейского парламента и Совета ЕС) № 2014/57/ЕС (Страсбург, 16 апреля 2014 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2006 года: утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 07.03.2007 (ред. от 04.07. 2012) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.06.2016 №Ф06–9180/2016 по делу №А12–26238/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.06.2016 №Ф06–9659/2016 по делу №А06–8454/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 02.06.2016 №Ф06–8536/2016 по делу №А72–17743/2014 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.01.2017 по делу №А56–73759/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Верховного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. №56-АЛ16–5 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
14. Серова О.А. К вопросу о реальности юридического лица / Проблема правосубъектности: современные интерпретации. Материалы научно-практической конференции. Отв. ред. Ю.Е. Пермяков. – Самара, 2003. – С. 45–49.

15. Серова О.А. Предупреждение преступлений по нецелевому расходованию средств некоммерческих организаций // Юридическая наука. – 2016. – №5. – С. 123–127.
16. Смирнов Г. Есть ли душа у юридического лица. Корпорации должны нести уголовную ответственность наравне с физическими лицами // Юрист спешит на помощь. – 2014. – № 8. – С. 17–24.
17. Федоров А.В. Ответственность юридических лиц: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Тезисы доклада на заседании Союза криминалистов и криминологов 22 декабря 2016 г., г. Москва.
18. Чиненова А. Эндрю Вайсманн и Дэвид Ньюман. Переосмысливая уголовную ответственность юридических лиц // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». – 2011. – № 2. – С. 15–17.

References (transliterated)

1. Bogdanov E.V. Problema ugovolnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic // Rossijskaya yusticiya. – 2011. – № 8. – S. 33–35.
2. Vlasov I.S. O vvedenii v Rossii instituta ugovolnoj otvetstvennosti yuridicheskikh lic // Zhurnal rossijskogo prava. – 2015. – № 11. – S. 82–89.
3. Doklad Federal'noj Antimonopol'noj sluzhby o sostoyanii konkurencii v Rossijskoj Federacii. M., 2016. 248 s.
4. Kuznecova O.A. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost': neobhodimost' smeny metodologicheskoy paradigmy / Problemy vzyskaniya ubytkov v rossijskom pravoporyadke. Sbornik statej VI ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – M., 2016. – S. 10–24.
5. Lafitskij V.I., Semykina O.I. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lic v otechestvennom zakonodatel'stve: k istorii voprosa «pro et contra» // Zhurnal rossijskogo prava. – 2014. – № 2. – S. 5–13.
6. Novokreshchenov D.N. K voprosu o vine yuridicheskogo lica // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2009. – №1. – S.70–73.
7. Ob ugovolnykh sankciyakh za zloupotrebleniya na rynke (Direktiva o zloupotrebleniyakh na rynke): direktiva Evropejskogo parlamenta i Soveta ES) № 2014/57/ES (Strasburg, 16 aprelya 2014 g.) // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Obzor zakonodatel'stva i sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii za chetvertyj kvartal 2006 goda: utv. Postanovleniem Prezidiuma Verhovnogo Suda RF ot 07.03.2007 (red. ot 04.07. 2012) // SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 21.06.2016 №F06–9180/2016 po delu №A12–26238/2015 // SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 24.06.2016 №F06–9659/2016 po delu №A06–8454/2015 // SPS «Konsul'tantPlyus».
11. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 02.06.2016 №F06–8536/2016 po delu №A72–17743/2014 // SPS «Konsul'tantPlyus».
12. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 16.01.2017 podelu №A56–73759/2015 // SPS «Konsul'tantPlyus».
13. Postanovlenie Verhovnogo Suda RF ot 19 aprelya 2016 g. №56-AL16–5 [EHlektronnyj resurs] // SPS «Konsul'tantPlyus».
14. Serova O.A. K voprosu o real'nosti yuridicheskogo lica / Problema pravosub'ektnosti: sovremennye interpretacii. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. Otv. red. Yu.E. Permyakov. – Samara, 2003. – S. 45–49.
15. Serova O.A. Preduprezhdenie prestuplenij po neceleovomu raskhodovaniyu sredstv nekommercheskikh organizacij // Yuridicheskaya nauka. – 2016. – №5. – S. 123–127.
16. Smirnov G. Est' li dusha u yuridicheskogo lica. Korporacii dolzhny nesti ugovolnuyu otvetstvennost' naravne s fizicheskimi licami // Yurist speshit na pomoshch'. – 2014. – № 8. – S. 17–24.
17. Fedorov A.V. Otvetstvennost' yuridicheskikh lic: ugovolno-pravovye i ugovolno-processual'nye aspekty // Tezisy doklada na zasedanii Soyuzha kriminalistov i kriminologov 22 dekabrya 2016 g., g. Moskva.
18. Chinenova A. Ehndryu Vajssmann i Devid N'yuman. Pereosmyslivaya ugovolnuyu otvetstvennost' yuridicheskikh lic // Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Biznes i pravo v Rossii i za rubezhom». – 2011. – № 2. – S. 15–17.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ВЕНГРИИ, ПОЛЬШЕ, ЧЕХИИ И РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ

Дубовик Ольга Леонидовна

Цель. Дать характеристику исходным позициям российской правовой доктрины по вопросу о понятии и основаниях юридической ответственности за посягательства на окружающую среду в целом, и таких ее видов, как уголовная и административная ответственность. Провести детальный сравнительно-правовой анализ уголовного и административного законодательства ряда стран Восточной Европы и России, сопоставить позиции российской правовой доктрины в этой области с практикой законотворческих решений этих стран.

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, сравнительно-правовой формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Проблематика уголовно-экологического и административно-экологического права чрезвычайно сложна и требует выработки новых, междисциплинарных подходов, решительного пересмотра укоренившихся стереотипов и поиска новых решений в целях преодоления как глобальных угроз окружающей среде, так и локальных частных посягательств на ее объекты. Важная роль в этом процессе отводится имплементации положений Директивы ЕС 2008 года о борьбе с экологическими преступлениями средствами уголовного закона, коренным образом поменявшей позиции подавляющего большинства стран, что привело к кардинальному реформированию уголовного законодательства об ответственности за экологические преступления. Спустя десять лет после ее принятия необходимо вновь проанализировать результаты ее реализации в различных странах и с целью проверки действенности ее рекомендаций и уточнения рамок юридической ответственности за нарушение требований экологического законодательства.

Научная и практическая значимость. Информация об уголовно-экологическом и административно-экологическом праве бывших социалистических стран не является общедоступной, что затрудняет учет позитивного и негативного опыта законодательного регулирования ответственности за нарушение требований охраны окружающей среды. Практическая значимость сравнительно-правовых исследований в данной сфере определяется и чисто правовыми обстоятельствами, связанными с выполнением международных обязательств, взаимодействием органов расследования в рамках «Интерпола» и других формах кооперации, а также с использованием наработок в области выявления противоправных посягательств на окружающую среду, ее компоненты и объекты, экологические права и интересы граждан, общества, государства.

Ключевые слова: ответственность, право, правонарушение, преступление, экология, окружающая среда, реформа, загрязнение, экологический вред.

Российская правовая доктрина: понимание юридической ответственности. В теории права и в отраслевых правовых науках отечественные специалисты всегда уделяли внимание проблемам социальной, правовой, юридической ответвен-

ности, их взаимосвязям и соотношению, равно как и роли отдельных видов (уголовной, административной, дисциплинарной, гражданско-правовой) ответственности. Литература, отражающая концепции, идеи, аргументацию, поистине не-

обозрима [1, с. 163–171, 631–633; 2, с. 88–113], а список авторов, опубликовавших результаты своих научных изысканий, огромен [3, с. 271–272, 276–280, 282–283 и след.; 4, с. 8, 54, 80 и след.; 5]. Н.В. Витрук в предисловии к своей монографии называет десятки имен [6, с. 6–7], подчеркивая: «Юридическая ответственность – важнейший институт любой правовой системы, один из главных признаков права, необходимый элемент его действия. В силу этого проблема юридической ответственности занимает одно из центральных мест в общей теории права и в отраслевых юридических науках. Несмотря на ее традиционный характер, она всегда актуальна» [6, с. 5]. Поэтому во множестве диссертационных исследований, полностью или частично (главы, параграфы) посвященных данной проблематике, анализируются понятия, структура, основания, эффективность и другие вопросы, связанные с законодательным регулированием этого правового института, его реализацией, социальными и экономическими последствиями применения.

Н.В. Витрук полагает, что правовая ответственность лежит в основе юридической ответственности, устанавливается в соответствии с требованиями идеального (естественного) права и его ценностей, тесно связана с принципами свободы, справедливости и равенства [6, с. 26]. Под юридической ответственностью понимается предусмотренная правовыми нормами обязанность субъектов права претерпевать неблагоприятные для него последствия правонарушения. Распространено в теории права и понимание юридической ответственности как меры государственного принуждения за совершенное правонарушение, связанной с претерпеванием виновным лишения личного (организационного) или имущественного характера [5, с. 499]. Этот подход реализуется и в таком более развернутом определении юридической ответственности: «применение к лицу, совершившему правонарушение, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией нарушенной нормы в установленном для этого процессуальном порядке» [7, с. 168]. Оно дополняется указанием на общую цель юридической ответственности – охрану правопорядка с помощью мер государственного принуждения, которая «в зависимости от характера правонарушений и их последствий достигается либо принудительным восстановлением нарушенных прав и пресечением противоправных состояний, либо наказанием правонарушителя, либо сочетанием того и другого» [7, с. 468]. Столь же пристальное внимание проблематике уголовной и администра-

тивной ответственности уделяют ученые других стран, публикуя монографии, статьи, обсуждая такого рода вопросы на конференциях. Основные спорные проблемы касаются кодификации (полной, частичной), разграничения уголовной и административной ответственности, их слияния, взаимопроникновения, эффективности запретов, соотношения материальных, формальных составов и составов поставления в опасность, выбора наборов санкций и пересечения таковых, например, штрафных функций ответственности, и их действительной реализации и др. Надо сказать, что любая из названных проблем широко обсуждается, но до сих пор ни в российской доктрине (может быть, в меньшей степени), ни в доктрине зарубежных стран, в том числе в странах Восточной Европы, нет согласия. И вряд ли это в ближайшее время будет достигнуто: слишком многие интересы и судьбы затрагиваются. Поэтому неудивительно, что законодатели разных стран идут различным путем, хотя в целом и исходят из необходимости усиления юридической ответственности за посягательства на окружающую среду и выполняют взятые на себя международные обязательства.

Юридическая ответственность за экологические правонарушения является комплексным межотраслевым правовым институтом. Проблематике ответственности за нарушение требований об охране окружающей среды и природопользования исследуют не только юристы-экологи, но и специалисты в области конституционного, гражданского, административного и уголовного, международного, трудового и иных отраслей права. Традиционно институт юридической ответственности, в целом, и за экологические правонарушения, в частности, относится к числу наиболее тщательно разработанных в российском законодательстве и правовой доктрине (в общей теории права и в отдельных науках, в том числе в эколого-правовой науке) [8, с. 365–394.; 9, с. 282–305; 10, с. 356–388; 11, с. 512–545; 12; 13, с. 397–428; 14, с. 249–263; 15, с. 108–125]. Он широко применяется на практике. В отечественной литературе обсуждаются возможности выделения особого вида эколого-правовой ответственности и конституционной ответственности за нарушение требований охраны окружающей среды, экологических прав граждан [16, с. 36–46; 17 с. 113–151], пути совершенствования законодательства, регулирующего ответственность за экологические преступления, административные экологические правонарушения, возмещение экологического вреда и другие вопросы. Данная проблематика анализируются

и юристами других стран. Специалисты Республики Беларусь, Украины, Польши, Чехии, Словакии и Венгрии высказали немало интересных соображений. Несмотря на различия в законодательном определении составов, санкций, иных обстоятельств в целом наблюдается единство подходов к пониманию и использованию этого, как правило, достаточно эффективного правового инструмента в целях предупреждения экологической преступности и правонарушаемости, пресечения противоправного эколого-значимого поведения и наказания виновных, восстановления справедливости.

В литературе предлагаются различные *классификации* экологических правонарушений. Чаще всего их делят на два вида: а) нарушения права собственности на землю и другие природные ресурсы и объекты (совершение сделок с недрами, водами, лесами и иными природными ресурсами, то есть купля-продажа, дарение, залог, самовольный обмен, самовольное занятие земельного, водного, лесного участка и другие противоправные сделки); б) правонарушения, оказывающие отрицательное воздействие на окружающую среду и ее компоненты, то есть действия, вызывающие ее загрязнение, засорение, истощение. По другому критерию (по виду экологических отношений) выделяются земельные, горные, водные, лесные и т.д. правонарушения [18, с. 212; 19, с. 264].

Достаточно много споров вызывает вопрос о функциях ответственности за экологические правонарушения. Так представитель украинской доктрины экологического права Н.Д. Красилич выделяет шесть функций юридической ответственности за экологические правонарушения: обеспечивающую, превентивную, компенсационную, стимулирующую, воспитательную, карательную [19, с. 295–296]. Он высказывает возражения против распространившегося в последнее время обозначения эколого-правовой ответственности как самостоятельного вида, наряду с административной, уголовной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственностью, т.к., по его мнению, в данном случае отсутствуют специальные правовые санкции. Но в то же время это понятие вполне может быть использовано для обозначения комплексного правового института применения в экологической сфере административной, уголовной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности [19, с. 290–291].

Очень упрощенно можно определить понятие юридической ответственности за экологические правонарушения как претерпевание негативных предусмотренных правом санкций за совершение

действия или бездействия, закрепленных законом, субъектом, который вызвал данное состояние либо событие [20, с. 26; 21, с. 60; 22, с. 12]. Известный польский юрист-эколог В. Радецкий отмечает, что понятию «ответственность» близко понятие санкции, в котором различаются санкционирующие нормы (т.е. устанавливающие обязанность) и санкционируемые, определяющие негативные последствия нарушения обязанности. Отсюда позиция, по которой юридическая ответственность состоит в обязанности нести предусмотренные правовой нормой, санкционирующей негативные последствия поведения, противоречащего диспозиции санкционируемой нормы в условиях, определенных гипотезой. Это — основа санкционной концепции ответственности, которая не только теоретически обоснована, но и наиболее полезна с практической точки зрения. В то же время, пишет В. Радецкий, это не означает, что реализация каждой санкции может быть названа ответственностью, поскольку одной из важнейших правовых санкций является признание недействительности (например, управленческого решения или договора, сделки, так как субъект решения или сторона договора не достигает цели, которую он стремился достичь) [21, с. 61].

Функциями юридической ответственности за экологические правонарушения в польской доктрине однозначно признаются *репрессивная*, предназначенная для наказания субъекта, посягнувшего на правовое благо (окружающую среду); *превентивная*, благодаря которой можно предотвратить нежелательное противоправное поведение в будущем (отдаленном и близком); *компенсационная*, означающая возмещение причиненного вреда. Е. Ендрожка и М. Бар отмечают, что традиционно большее значение придается репрессивной и компенсационной функциям юридической ответственности за экологические правонарушения, хотя в последнее время начинает приобретать вес и функция превентивная, которая заключается в том, что субъект, осознавая грозящие ему санкции, будет стараться избежать причинения вреда окружающей среде путем использования более щадящих и безопасных технологий [20, с. 998]. Превентивная функция, следовательно, прежде всего, осуществляется в целях предупреждения негативных воздействий на окружающую среду.

В науке уголовного права предложены различные определения понятия уголовной ответственности. Одни авторы полагают, что это обязанность лица, виновного в совершении преступления, подвергнуться за это наказанию или иным мерам уголовно-правового воздействия; другие — что это

основанное на уголовном законе и определенное совершенным преступлением ухудшение правового статуса лица, заключающееся в лишении или ограничении его прав и свобод, либо в другом порицании виновного, выраженных в обвинительном приговоре суда; третьи говорят не об уголовной ответственности, а об ответственности субъекта в уголовном праве, понимая под ней комплекс обязанностей, возложенных на субъекта уголовного права, а именно: под угрозой применения наказания воздержаться от совершения преступления, во-первых, а во-вторых, если преступление совершено, подвергнуться наказанию и осуждению и выполнить другие обязанности при совершении иных действий, прямо предусмотренных уголовным законом [23, с. 519–523].

Административная ответственность, по мнению Б.В. Россинского, «вид юридической ответственности, которая выражается в назначении органом или должностным лицом, наделенным соответствующими полномочиями, административного наказания лицу, совершившему правонарушение. Административная ответственность наступает за деяния, менее опасные для общества, чем преступления» [24, с. 13]. Иное определение сформулировано в одном из учебников по административному праву: «Административная ответственность — это реализация предусмотренных административным правом санкций, осуществляемая посредством применения уполномоченными субъектами государственного управления различных видов административных наказаний в отношении правонарушителей (физических и юридических лиц)» [25, с. 277]. При этом авторы данного определения подчеркивают, что административная ответственность наиболее широко применима в сфере общественной жизнедеятельности в силу масштабного и разнообразного спектра регулируемых административными нормами отношений, простоты процедур процессуального характера [25, с. 276].

Приведенные и иные доктринальные определения уголовной и административной ответственности основываются на положениях закона, но текстуально с ними не совпадают. Так, ст. 8 УК РФ «Основания уголовной ответственности» гласит: «Основаниями уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» и, следовательно, не содержит разъяснения понятия уголовной ответственности. Оно вырабатывается путем толкования. А.Э. Жалинский подчеркивал: «Предписания данной статьи чрезвычайно важны для российско-

го уголовного права по двум причинам. Первая: именно в ней устанавливается, что реализация или отказ от реализации уголовной ответственности является способом действия уголовного закона. Вторая: именно в этой статье уголовная ответственность регламентируется как связь запрещенного деяния и его правовых последствий» [26, с. 34].

По сравнению с Уголовным кодексом РФ в КоАП РФ применена иная техника формулирования норм об ответственности. В ст. 2.1 «Административное правонарушение» определены основания административной ответственности, в ст. 2.4 урегулированы особенности наступления административной ответственности должностных лиц, в ст. 2.5 — военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и лиц, имеющих специальные звания, в ст. 2.6 — иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, в ст. 2.6–1 — собственников (владельцев) транспортных средств, в ст. 2.10 — юридических лиц [26, 27 с. 21–40, 28, 29 с. 17–36, 30 с. 25–40]. Но и здесь в главе 2 «Административное правонарушение и административная ответственность» нет определения административной ответственности, а регулируются ее основания и особенности применения к отдельным категориям субъектов, условия освобождения и т. д.

В отличие от принятого в России подхода к определению оснований ответственности и признаков экологических правонарушений и преступлений, посягающих на окружающую среду, ее компоненты и объекты, во многих зарубежных странах реализуется другой подход. Во-первых, как правило, нормы об ответственности за эти деяния не являются составными частями единых кодифицированных актов, а содержатся не только в уголовных кодексах, но и в специальных экологических и природоресурсных законах. Во-вторых, по-разному решается вопрос об ответственности индивидуальных и коллективных субъектов (все же, в основном, такая ответственность ограничивается сферой административного права). В-третьих, Директива ЕС 2008 года обязала страны-члены ЕС ужесточить и конкретизировать ответственность за нарушения требований об охране окружающей среды. Этот процесс реформирования уголовно-экологического и административно-экологического законодательства несколько затянулся. Так, в Чехии и Венгрии соответствующие изменения были произведены позже, чем в других странах: новые Уголовные кодексы были приняты в Польше 6 июня 1997 г., в Словакии — 20 мая 2005 г., в Чехии — 8 января

2009 г., а существенное обновление УК Венгрии произведено в 2012 г.

Информация об уголовно-экологическом и административно-экологическом праве бывших социалистических стран не является общедоступной, что затрудняет учет позитивного и негативного опыта законодательного регулирования ответственности за нарушение требований охраны окружающей среды. Такое законодательство постоянно нуждается в обновлении в связи с новыми вызовами экономического, экологического и политического характера. В связи с этим достаточно напомнить о намерении США выйти из Парижских соглашений и фактически провалившимся обсуждениями темы борьбы с глобальным потеплением на встрече двадцатки в Гамбурге 7–8 июля 2017 г. Конечно, средства административной и особенно уголовной ответственности являются «последним» словом, крайним методом, далеко не всегда приносящим ожидаемые результаты. Но тем не менее на них рассчитывают и специалисты, и экологически ориентированная общественность. Поэтому научные наработки должны быть сориентированы на доказательство потенциальной эффективности уголовной и административной ответственности за экологические преступления и правонарушения, на способность предусмотренных законом запретов действительно оказывать сдерживающее воздействие на лиц, способных и желающих посягнуть на охраняемые правом эколого-значимые блага.

В качестве примера закрепления уголовно-экологических и административно-экологических правовых запретов приведем данные о состоянии законодательства в данной сфере в некоторых из европейских стран бывшего социалистического лагеря.

Отметим, что уголовно-экологическое законодательство Чехии, как, впрочем, и Польши тесно связано с правом административным. Чешское уголовно-экологическое право на протяжении последних 22 лет, вплоть до реформ 2011 г., изменилось кардинальным образом. В Чехословакии действовал (до бархатной революции) Уголовный кодекс от 29 ноября 1961 г., в котором не содержалось никаких запретов, касающихся непосредственно охраны окружающей среды (даже в отношении браконьерства), а ответственность наступала за посягательства на социалистическую собственность и т.п.

Чехословацкие ученые неоднократно пытались изменить эту ситуацию. Первая реформа произошла в 1989 г. (и очень быстро – в течение месяца), когда в текст УК были включены § 181a и 181b под общим названием «Угроза окружающей среде»,

различающиеся по форме вины – умышленной и неосторожной. Это правовое регулирование продержалось всего полгода: Законом от 2 мая 1990 г., реформирующим УК, были изменены части первые обеих статей – заменены указания на нарушение специальных правил общими требованиями к охране окружающей среды и добавлено предписание о хозяйственном использовании природных ресурсов и др. Тем самым законодатель реализовал комплексную концепцию и ввел угрозу окружающей среде в число признаков преступления.

В чешской доктрине уголовно-экологического права обсуждались в свое время (Т. Тиха и В. Штейскаль) три возможности преобразования чехословацкого уголовно-экологического права: 1) восполнение действующего УК; 2) реализация совершенно новой концепции уголовно-правовой охраны окружающей среды; 3) сочетание обеих возможностей, ведущее в перспективе к выделению в УК специального раздела об экологических преступлениях. Они считали целесообразным реализацию именно третьего варианта, но законодатель избрал первый. Главное, что чешский законодатель включил в текст УК (преступления против безопасности) шесть новых параграфов, в том числе о незаконных порубках, обращении с отходами и проч.

Очередная попытка реформирования чешского УК завершилась успешно: он был принят 8 января 2009 г. и вступил в силу с 1 января 2010 г. В нем был выделен раздел VIII «Преступления против окружающей среды», состоящий из 16 параграфов, предусматривающих ответственность за посягательство на окружающую среду и ее компоненты. На реформирование УК Чехии существенно сказались процессы гармонизации национального и европейского законодательства в соответствии с Директивой Европейского Союза 2008 г. Эта реформа была проведена законом от 7 октября 2011 г. и выразилась в изменениях § 293, 294, 296, 297, 299, 300, 301, 304 УК Чехии. При этом ряд изменений был весьма существенным, а некоторые носили технический характер. К значимым изменениям можно отнести формулировки признаков основных составов повреждения и угрозы окружающей среде; восполнение запретом повреждения водных объектов, а также введение состава незаконного производства и иного обращения с веществами, повреждающими озоновый слой (§ 298a).

Наиболее существенные изменения состоят в исключении указания на загрязнение как способ деятельности; отказе от установления связи дея-

ния с территориями, находящимися под охраной; отказе от специфики только трех законов, нарушение которых обуславливает ответственность по § 293 и 294; введение дополнительного альтернативного признака возможности создания угрозы для жизни и здоровья людей; иное понимание последствий как в основных, так и в квалифицированных составах.

Кроме того, чешский законодатель уравнил причинение вреда или создание угрозы с усилением угрозы, вызванной субъектом или иным лицом, либо затруднение предотвращения или смягчения такой угрозы и, наконец, как в основных, так и в квалифицированных составах экологических преступлений появилось понятие (признак) расходов на устранение последствий и выгод. Было учтено одно из положений Директивы ЕС 2008 г. о деятельности опасных производств (ч. 3 § 296), по которому под повреждением или угрозой недрам, водам, воздуху или иному компоненту окружающей среды понимается эксплуатация оборудования, в котором хранятся или используются опасные вещества либо их смеси, без разрешения, требуемого в соответствии с иными правовыми предписаниями. Тем самым, как считает В. Радецкий, чешский законодатель уравнил само использование опасного оборудования без надлежащего разрешения с преступлениями повреждения или создания угрозы окружающей среде [21].

По чешскому законодательству юридические лица несут ответственность, если преступление совершено от имени юридического лица, в его интересе или в рамках его деятельности уставным органом либо членом уставного органа, либо иным лицом, представляющим юридическое лицо, выполняющим в нем управленческие или контрольные функции, а также работником, если согласно правилам, определенным в уставе, можно его действия обозначить как исходящие от юридического лица.

В. Радецкий подчеркивает, что в процессе эволюции чешского уголовно-экологического права 1989–2011 гг. законодатель от кратких, но недостаточно конкретных определений § 181a и 181b чехословацкого УК 1961 г. перешел к созданию комплекса уголовно-правовых запретов, содержащихся в 18 статьях УК 2009 г. Он считает, что введение института уголовной ответственности юридических лиц за преступные посягательства на окружающую среду укрепляет ожидаемую роль уголовного права в охране окружающей среды [21].

В. Радецкий характеризует концепции ответственности пенального типа, подчеркивая, что наибольшее внимание чешские специалисты уде-

ляют административным деликтам юридических лиц и физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Он также отмечает, что ни в Польше, ни в Словакии нет общего закона, регулирующего принципы ответственности за административные деликты, обстоятельства, устраняющие ответственность, давность и т.п. Исходят из применения предписаний о производстве по административным делам. Но в Чехии 12 июля 2016 г. был принят Закон об административной ответственности, который вступает в силу с 1 июля 2017 г. Согласно этого Закона деликты (за исключением дисциплинарных) считаются административными правонарушениями. Ответственность физических лиц строится на принципе вины – умышленной и неосторожной, а юридические лица и индивидуальные предприниматели могут быть привлечены к ответственности без вины. Но и этот Закон не имеет Особенной части (составы административных деликтов содержатся во множестве специальных отраслевых актах), хотя включает нормы процессуального характера.

За последние два десятилетия информация о венгерском уголовном праве на русском языке публиковалась очень редко [31 с. 141–158, 32, 33 с. 125–146], а об уголовно-экологическом праве вообще отсутствует, хотя в этой стране сложилась самобытная (несмотря на принадлежность к романо-германской семье и влияние уголовного права Австрии и Германии) отрасль уголовного права. Ныне действующее уголовное право Венгрии восходит ко времени политических перемен, произошедших в 1989 г., то есть это путь, который стал, с одной стороны, отправной точкой мощной «законодательной волны» (законодательного подъема) и в то же время совпал с началом интенсивного роста преступности. Значительное влияние на новеллизацию венгерского уголовного законодательства оказывает и необходимость его гармонизации с европейским правом (Венгрия вступила в ЕС в 2004 г.). За период 1990 – начала 2010 г. в УК Венгрии, как указывают К. Каршай и Ж. Сомора, было внесено более 60 дополнений и изменений: формально страна имеет старый кодекс, но новое уголовное право [34]. Существенное обновление УК Венгрии произведено в 2012 г.

В венгерской уголовно-правовой доктрине (как и в российской) для характеристики преступлений используются четыре показателя: а) преступлением является поведение, которое полностью соответствует установленным законом элементам понятия преступления; б) поведение должно быть противоправным; в) субъект преступления виновен; г) установленная вина объ-

ективна и не является только процессуальным суждением. Согласно УК Венгрии преступления делятся на 2 категории: 1) тяжкие преступления (фелонии) и 2) проступки (мисдиминоры). По Уголовному кодексу практически каждое преступление является ординарным [34, с. 59, 104]. Тяжким преступлением является умышленно совершенное преступление, которое наказывается лишением свободы на срок более двух лет, а проступком – умышленно совершенное посягательство, за которое предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок до двух лет, или преступление, совершенное по неосторожности (ст. 11 УК).

Особенная часть Уголовного кодекса состоит из 11 разделов, разделенных на главы [32]. Глава XVIII «Уголовные правонарушения против окружающей среды и природы» (ст. 241–253) помещена в раздел «Преступления в сфере общественной безопасности».

Как отмечает Г. Банди, уголовные проступки включают в себя «нетяжкие преступления и серьезные административные проступки». Он насчитывает около 20 составов таких проступков, но оговаривает: «Их точное количество зависит от понимания того, что является нарушением в экологической сфере, и применяются они в случае умышленного или неосторожного правонарушения физическим лицом. Как правило, за их совершение предусмотрены санкции в виде штрафа (относительно небольшой суммы от 100 до 400 евро) или наказание, связанное с ограничением свободы на срок до 60 суток. Г. Банди анализирует положения УК Венгрии 1978 г. (в ред. 1996 г. [31, с. 145–148]) которые были частично изменены в 2012 г. Если ранее экологические преступления входили в главу «Преступления в сфере здравоохранения» (ст. 280 «Причинение ущерба окружающей среде», ст. 281/А «Незаконные операции с опасными для окружающей среды отходами», ст. 281 «Причинение ущерба природе»), то после реформы число статей (соответственно и составов) увеличилось и, как уже отмечалось, они выделены в специальную главу, изменена нумерация статей и уточнено их содержание.

В главе XVIII УК Венгрии содержится 5 статей, устанавливающих ответственность за нарушение требований при осуществлении различных видов опасной для окружающей среды деятельности. Так, статья 248 «Нарушение правил обращения с отходами» содержит основной и квалифицированный составы. За совершение преступления по неосторожности предусмотрена более легкая санкция. Дано определение отходов и деятель-

ности по обращению с отходами. Максимальная санкция по этой статье до 5 лет лишения свободы.

В статье 249 установлена ответственность за использование, импорт, экспорт, производство озоноразрушающих веществ. По части 1 санкция – лишение свободы на срок до 3 лет. По части 2 любое нарушение требований к обращению с такими веществами по неосторожности наказывается лишением свободы на срок до 1 года.

По статье 250 «Неправомерное использование радиоактивных материалов» наступает ответственность лица, которое без уведомления или с превышением пределов, данных в разрешении, производит, хранит, транспортирует, размещает такие материалы, либо приобретает, владеет, распределяет, использует, передает неуполномоченному лицу, импортирует либо экспортирует их. И в этом случае санкция предусмотрена в виде лишения свободы на срок от 1 до 5 лет (по ч. 1). В части 2 указан квалифицирующий признак совершения преступления в соучастии, что наказывается лишением свободы на срок от 2 до 8 лет. В отличие от охарактеризованных выше запретов по ч. 3 ст. 250 приготовление наказуемо (на срок до 3 лет лишения свободы). В случае совершения преступления по неосторожности верхняя граница наказания составляет 2 года лишения свободы. В части 5 дано определение радиоактивных веществ/материалов.

В двух статьях УК Венгрии установлена ответственность за нарушение требований в сфере атомной энергетики (ст. 251 «Незаконная эксплуатация ядерных установок» и ст. 252 «Преступления, связанные с атомной энергией»). Санкции статьи 251 такие же, как и за неправомерное использование радиоактивных материалов. По части 1 ст. 252 ответственность наступает за введение в заблуждение уполномоченного органа в целях получить разрешения на использование атомной энергии (санкция – лишение свободы на срок от 1 до 5 лет). По части 2 этой статьи нарушение обязанности по уведомлению, связанной с использованием атомной энергии карается лишением свободы на срок до 3 лет.

Завершается глава XVIII статьей «Запрет проживать на определенных территориях», регулирующей применение специфической санкции. На лицо может быть наложен запрет проживать на определенной территории, если оно совершило правонарушение против окружающей среды, причинило ей вред, занималось браконьерской охотой или рыбалкой, нарушило правило обращения с отходами или организовывало незаконные бои животных.

Данная мера регулируется разделом 57 УК Венгрии. Она назначается на срок от 1 до 5 лет и состоит в удалении с территории одного или более муниципалитета, если пребывание там лица противоречит публичным интересам.

В Уголовном кодексе Венгрии 1978 г. (в редакции от 2012 г.) выделена специальная глава XXIII «Уголовные правонарушения против окружающей среды и природы», в которой содержатся основные составы наиболее опасных посягательств и санкции, применяемые за совершение экологических преступлений.

Даже ограниченный объем приводимого материала о действующих нормах уголовно-экологического и административно-экологического права, показывает, что данная проблематика чрезвычайно сложна и требует выработки новых, междисциплинарных подходов, решительного пересмотра укоренившихся стереотипов и поиска новых решений в целях преодоления как глобальных угроз окружающей среде, так и локальных частных посягательств на ее объекты. Однозначного рецепта нет. Сказываются не только традиции правового регулирования, но и сиюминутные политико-экономические соображения. Тем не менее, поиск эффективных решений должен быть продолжен. В этом плане приходится еще раз напомнить

о значении Директивы ЕС 2008 года о борьбе с экологическими преступлениями средствами уголовного закона, коренным образом поменявшей позиции подавляющего большинства стран, что привело к кардинальному реформированию уголовного законодательства об ответственности за экологические преступления. Возможно в наши дни, спустя более чем десять лет после ее принятия необходимо вновь обратиться к этой проблеме — с целью проверки ее рекомендаций и уточнения рамок юридической ответственности за нарушение требований экологического законодательства. Практическая значимость сравнительно-правовых исследований в данной сфере определяется и чисто правовыми обстоятельствами, связанными с выполнением международных обязательств, взаимодействием органов расследования в рамках «Интерпола» и других формах кооперации, а также с использованием наработок в области выявления противоправных посягательств на окружающую среду, ее компоненты и объекты, экологические права и интересы граждан, общества, государства. Кроме того, и это особенно важно в наши дни, возрастает доля транснациональной экологической преступности, ее связью с организованной преступностью и коррупцией.

Ссылки и библиография

1. Бабаева Ю.Г., Дубовик О.Л., Ленчина Н.А. Уголовное право. Библиография (1985–2006 годы). / Под ред.: Жалинского А.Е. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2007–832 с.
2. Старилов Ю.И. Административное право: специальная литература. Справочное пособие. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2007–232 с.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т.1. М.: Юр. лит., 1981. — 361 с.
4. Общая теория государства и права. Академический курс в 3 томах. Т.3 / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 2002. — 528 с.
5. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права / Под. ред. В.Я. Кикотя, В.В. Лазарева. 3-е изд. М.: Изд. дом «ФОРУМ» — ИНФРА, 2008. — 521 с.
6. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд. М.: Норма, 2009. — 259 с.
7. Лейст О.Э. / В кн. Общая теория государства и права / Под ред. Н.М. Марченко. Академический курс в 3 томах. Т.3 / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало, 2002. — 528 с.
8. Боголюбов С.А. Актуальные проблемы экологического права. М.: Юрайт, 2011. — 607с.
9. Бринчук М.М. Экологическое право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М. М. Бринчук. — М. : Юристъ, 2005 — 669 с.
10. Дубовик О.Л. Экологическое право. Учебник. 3-е изд. М.: Проспект, 2009 — 719 с.
11. Дубовик О.Л., Кремер Л., Люббе-Вольфф Г. Экологическое право. Учебник / Отв. ред. О.Л. Дубовик. 2-е изд. М.: Эксмо, 2008. — 768 с.
12. Ефимова Е.И. Экологическое право России: Библиография (1958–2004 гг.) / Под ред. А.К. Голиченкова. М.: Изд. дом «Городец», 2007. — 415 с.
13. Крассов О.И. Экологическое право. М.: Дело, 2001. — 768 с.
14. Крассов О.И. Экологическое право. Учебник. 4-е изд. М.: Норма, 2016. — 528 с.
15. Экологическое право России: Библиография (1990–2001) / Отв. ред. О.Л. Дубовик / Сост. Иванова А.Л., О.С. Карху, Е.В. Пономарева, И.В. Шишенина. М.: «Дашков и К», 2004. — 200 с.

16. Бринчук М.М. Конституционная ответственность за экологические правонарушения // Юридическая ответственность за экологические правонарушения. М., 2012 – с. 166.
17. Бринчук М.М. Эколого-правовая ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности // Юридическая ответственность за экологические правонарушения. М., 2012 – с. 166.
18. С. А. Балашенко и др. Экологическое право : пособие / С. А. Балашенко и др. Минск : БГУ, 2013. — 240 с.
19. С. А. Балашенко и др. Экологическое право : пособие / С. А. Балашенко и др. Минск : БГУ, 2013. — 240 с.
20. Jendrośka J., Bar M. Prawo ochrony środowiska. Podrecznik. Wrocław: Centrum Prawa Ekologicznego, 2007. S. 998.
21. Radecki W. Odpowiedzialność prawna w ochronie środowiska. Warszawa: Difin, 2002.
22. Lang W. Struktura odpowiedzialności prawnej // ZNUMK z. 31 – Prawo VIII, Toruń. 1968.
23. Номоконов В.А. / В кн.: Полный курс уголовного права. В 5 томах. Т.1. «Преступление и наказание» / Под ред. А.И. Коробеева, СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. — 1133 с.
24. Россинский Б.В. Административная ответственность. Курс лекций. 2-е изд. М.: Норма, 2009. — 512 с.
25. Дмитриев Ю.А., Евтеева А.А., Петров С.М. Административное право. М.: Эксмо, 2005. С. 275–303 с.
26. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.Э. Жалинский. М.: Изд. дом «Городец», 2010. — 1120 с.
27. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. 7-е изд. / Под общей ред. Н.Г. Салищевой. М.: Проспект, 2011. — 1296 с.
28. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Постатейный научно-практический комментарий/Под. ред. А.П. Шергина. Т. I-II. М.: ЗАО «Библиотека РГ», 2002.
29. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Под общей ред. Э.П. Ренова. М.: Норма, 2002. — 1040 с.
30. Научно-практическое пособие по применению КоАП РФ / Под ред. Заместителя Председателя Верховного Суда РФ П.П. Серкова. М.: Норма, 2006. — 896 с.
31. Банди Г. Ответственность и санкции, уголовная ответственность в Венгрии // Экологическая преступность в Европе / Сост. Ф. Комт, Л. Кремер / отв. ред. О.Л. Дубовик. М.: Изд. дом «Городец», 2010. 352 с.
32. Жалинский А.Э., Дубовик О.Л., Погосова З.М. Рецензия на книгу: «Уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право Венгрии» Кристины Каршай и Жолта Соморы (Венгрия // Международная энциклопедия права «Уголовное право») // Право и политика, 2012. № 2. С. 377–381.
33. Каршай К., Сомора Ж. Оправдание, извинение и другие основания освобождения от наказаний // Уголовное право и современность. Сб. статей. Вып. 4. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. А.Э. Жалинский. М.: НИУ ВШЭ, Юрист, 2012.
34. Karsai K., Somora Z. Hungary // Reprinted from International Encyclopedia of Laws, Criminal Law, 39, 2010. PP. 1–230.

References (transliterated)

1. Babaeva Yu.G., Dubovik O.L., Lenchina N.A. Uголовное право. Bibliografiya (1985–2006 gody). /Pod red.: Zhalinskogo A.Ye. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Gorodets, 2007–832 s.
2. Starilov Yu.I. Administrativnoe pravo: spetsialnaya literatura. Spravochnoe posobie. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007–232 s.
3. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava. Kurs v 2-kh tomakh. T.1. M.: Yur. lit., 1981. — 361 s.
4. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs v 3 tomakh. T.3 / Otv. red. M.N. Marchenko. M.: Zertsalo, 2002. — 528 s.
5. Lazarev V.V., Lipen S.V. Teoriya gosudarstva i prava / Pod. red. V.Ya. Kikotyа, V.V. Lazareva. 3-e izd. M.: Izd. dom «FORUM» – INFRA, 2008. — 521 с.
6. Vitruk N.V. Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti. 2-e izd. M.: Norma, 2009. — 259 с.

7. Leyst O.E. / V kn. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava / Pod red. N.M. Marchenko. Akademicheskyy kurs v 3 tomakh. T.3 / Otv. red. M.N. Marchenko. M.: Zertsalo, 2002. — 528 s.
8. Bogolyubov S.A. Aktualnye problemy ekologicheskogo prava. M.: Yurayt, 2011. — 607c.
9. Brinchuk M.M. Ekologicheskoe pravo : uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti “Yurisprudentsiya” / M. M. Brinchuk. — M. : Yurist, 2005 — 669 s.
10. Dubovik O.L. Ekologicheskoe pravo. Uchebnik. 3-e izd. M.: Prospekt, 2009 — 719 s.
11. Dubovik O.L., Kremer L., Lyubbe-Volff G. Ekologicheskoe pravo. Uchebnik / Otv. red. O.L. Dubovik. 2-e izd. M.: Eksmo, 2008. — 768 s.
12. Yefimova Ye.I. Ekologicheskoe pravo Rossii: Bibliografiya (1958–2004 gg.) / Pod red. A.K. Golichenkova. M.: Izd. dom «Gorodets», 2007. — 415 s.
13. Krassov O.I. Ekologicheskoe pravo. M.: Delo, 2001. — 768 s.
14. Krassov O.I. Ekologicheskoe pravo. Uchebnik. 4-e izd. M.: Norma, 2016. — 528 s.
15. Ekologicheskoe pravo Rossii: Bibliografiya (1990–2001) / Otv. red. O.L. Dubovik / Sost. Ivanova A.L., O.S. Karkhu, Ye.V. Ponomareva, I.V. Shishenina. M.: «Dashkov i K», 2004. — 200 s.
16. Brinchuk M.M. Konstitutsionnaya otvetstvennost za ekologicheskoe pravonarusheniya // Yuridicheskaya otvetstvennost za ekologicheskoe pravonarusheniya. M., 2012 — s. 166.
17. Brinchuk M.M. Ekologo-pravovaya otvetstvennost kak samostoyatelnyy vid yuridicheskoy otvetstvennosti // Yuridicheskaya otvetstvennost za ekologicheskoe pravonarusheniya. M., 2012 — s. 166.
18. S. A. Balashenko i dr. Ekologicheskoe pravo : posobie / S. A. Balashenko i dr. Minsk : BGU, 2013. — 240 s.
19. S. A. Balashenko i dr. Ekologicheskoe pravo : posobie / S. A. Balashenko i dr. Minsk : BGU, 2013. — 240 s.
20. Jendroška J., Bar M. Prawo ochrony środowiska. Podrecznik. Wrocław: Centrum Prawa Ekologicznego, 2007. S. 998.
21. Radecki W. Odpowiedzialność prawna w ochronie środowiska. Warszawa: Difin, 2002.
22. Lang W. Struktura odpowiedzialności prawnej // ZNUMK z. 31 — Prawo VIII, Toruń. 1968.
23. Nomokonov V.A. / V kn.: Polnyy kurs ugolovnoogo prava. V 5 tomakh. T.1. «Prestuplenie i nakazanie» / Pod red. A.I. Korobeeva, SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskyy tsentr Press», 2008. — 1133 s.
24. Rossinskiy B.V. Administrativnaya otvetstvennost. Kurs lektsiy. 2-e izd. M.: Norma, 2009. — 512 s.
25. Dmitriev Yu.A., Yevteeva A.A., Petrov S.M. Administrativnoe pravo. M.: Eksmo, 2005. S. 275–303 s.
26. Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / Otv. red. A.E. Zhalinskiy. M.: Izd. dom «Gorodets», 2010. — 1120 s.
27. Kommentariy k Kodeksu Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh. 7-e izd. / Pod obshchey red. N.G. Salishchevoy. M.: Prospekt, 2011. — 1296 s.
28. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh. Postateynny nauchno-prakticheskyy kommentariy/Pod. red. A.P. Shergina. T. I-II. M.: ZAO «Biblioteka RG», 2002.
29. Kommentariy k Kodeksu Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh / Pod obshchey red. E.P. Renova. M.: Norma, 2002. — 1040 c.
30. Nauchno-prakticheskoe posobie po primeneniyu KoAP RF / Pod red. Zamestitelya Predsedatelya Verkhovnogo Suda RF P.P. Serkova. M.: Norma, 2006. — 896 c.
31. Bandi G. Otvetstvennost i sanktsii, ugolovnaya otvetstvennost v Vengrii // Ekologicheskaya prestupnost v Yevrope / Sost. F. Komt, L. Kremer / otv. red. O.L. Dubovik. M.: Izd. dom «Gorodets», 2010. 352 c.
32. Zhalinskiy A.E., Dubovik O.L., Pogosova Z.M. Retsenziya na knigu: «Ugolovnoe, ugolovno-protsessualnoe i ugolovno-ispolnitelnoe pravo Vengrii» Kristiny Karshai i Zholta Somory (Vengriya // Mezhdunarodnaya entsiklopediya prava «Ugolovnoe pravo») // Pravo i politika, 2012. № 2. S. 377–381.
33. Karshai K., Somora Zh. Opravdanie, izvinenie i drugie osnovaniya osvobozhdeniya ot nakazaniy // Ugolovnoe pravo i sovremennost. Sb. statey. Vyp. 4. V 2 t. T. 2 / otv. red. A.E. Zhalinskiy. M.: NIU VShE, Yurist, 2012.
34. Karsai K., Somora Z. Hungary // Reprinted from International Encyclopedia of Laws, Criminal Law, 39, 2010. PP. 1–230.

Трибуна ВУЗА. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В ГЕРМАНИИ (Конференция в Потсдамском университете 11-14 декабря 2016 года)

РИСКИ НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РУКОВОДСТВА ПРЕДПРИЯТИЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ЭТОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Альбрехт Анна

***Цель.** Рассмотреть вероятность наступления уголовной ответственности руководства предприятия при совершении преступления сотрудниками этого предприятия.*

***Методология:** диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** С правовой и фактической точки зрения достаточно сложно оценить, подлежит ли руководство предприятия уголовной ответственности и если подлежит, то при наличии каких предпосылок, если сотрудники предприятия совершают преступные деяния в рамках своей работы на предприятии. В случае, когда установлено активное участие руководящих лиц предприятия в совершении преступлений сотрудниками этого предприятия, правовая оценка может быть дана относительно легко. Тот, кто вызвал намерение совершить преступление, несет уголовную ответственность за участие в преступлении в форме подстрекательства. Спорным является вопрос о «посредственном исполнительстве». В том случае, если активное участие сотрудника предприятия не имело места или как минимум было недоказуемо, то следует задуматься об уголовной наказуемости вследствие бездействия на руководящем уровне. Если условия наступления уголовной ответственности за бездействие нельзя установить, то остается § 130 Закона об административных правонарушениях.*

С практической точки зрения доказать, что лицо подлежит уголовной ответственности, во многих случаях очень сложно. Это касается как активного участия в совершении преступления, так и условий причинной связи, объективного вменения и умысла. § 130 Закона об административных правонарушениях открывает возможность наложения санкций, которая на практике такие трудности в доказывании хотя бы частично покрывает. Тем не менее, уже сейчас можно предсказать, что наступление возможных финансовых санкции против концерна Volkswagen из-за скандала с выхлопными газами по немецкому праву по отношению к уже отчасти установленным гражданско-правовым требованиям вряд ли преодолит.

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи заключается во всестороннем рассмотрении на примере конкретной ситуации возможности применения уголовной ответственности к руководству предприятия при совершении преступления сотрудниками этого предприятия.*

***Ключевые слова:** уголовное преступление, уголовная ответственность, административная ответственность, правонарушение, умысел, вина, действие, бездействие, руководитель, сотрудник*

В настоящее время нет такого процессуального комплекса, который заботил бы немецкую общественность больше, чем так называемый «дизельный» скандал Volkswagen. Напомним о тех событиях, которые, вероятно, имели место быть¹. Их можно разделить на две группы:

— манипуляция дизельными автомобилями. Годы сотрудники автоконцерна устанавливали на дизельных автомобилях (в общей сложности около 11 млн) манипулированное программное обеспечение. Следствием стало то, что при проверке двигателей на чистоту выхлопных газов в США предельные показатели были соблюдены, в то время как при тестировании на улице ситуация была диаметрально противоположной;

— несвоевременное информирование акционеров. После того, как стало известно о манипуляциях, курс акций Volkswagen обвалился. Лицо, которое в то время занимало должности председателя правления, а также два члена правления компании Volkswagen своевременно не оповестили акционеров о подозрениях в манипуляциях. В настоящее время в отношении этих лиц ведется расследование из-за манипуляции рынком.

В последующем речь пойдет о первой части, то есть о манипуляции программным обеспечением.

В случае, если представленные выше события подтвердятся, для принимавших участие в деле сотрудников ставится вопрос об уголовной ответственности за мошенничество и, при определенных обстоятельствах, за покушение на совершение преступных деяний против телесной неприкосновенности. С правовой и фактической точки зрения достаточно сложно оценить, подлежит ли руководство предприятия уголовной ответственности и если подлежит, то при наличии каких предпосылок, если сотрудники предприятия совершают преступные деяния в рамках своей работы на предприятии. Такие риски наступления уголовной ответственности я хотела бы, хоть и кратко, рассмотреть в настоящем докладе.

Следует, однако, подчеркнуть, что случай с Volkswagen служит лишь импульсом для моих рассуждений. Доклад не ставит своей целью дать суждения в отношении уголовной ответственности руководящих лиц концерна Volkswagen, впрочем, это и невозможно, поскольку необходимые для этого обстоятельства дела известны в недостаточной степени.

¹ См.: Также по следующему содержанию — обзор у <http://www.zeit.de/wirtschaft/diesel-skandal-volkswagen-abgase> (по сост. на 2 января 2017).

2. В случае, когда установлено **активное участие** руководящих лиц предприятия в совершении преступлений сотрудниками этого предприятия, правовая оценка может быть дана относительно легко. Тот, кто вызвал намерение совершить преступление, несет уголовную ответственность за участие в преступлении в форме подстрекательства (§ 26 Уголовного уложения (УУ)). В случае, если «вклад» в совершение преступления выходит за названные выше рамки, то есть, если руководящие лица разрабатывают план совершения преступления и являются тем самым основными фигурами происходящего, то речь идет, согласно господствующему мнению,² уже о соисполнительстве в соответствии с § 25 (абз. 2) УУ, если такие действия основываются на общем (с сотрудниками предприятия) плане совершения преступления.

Спорным является вопрос о «посредственном исполнителе». «Посредственным исполнителем» в соответствии с § 25 (абз. 1) алыт. 2 УУ является тот, кто совершает преступное деяние посредством использования другого лица, то есть тот, кто не сам совершает преступное деяние, а использует другого человека в качестве «инструмента». По сути речь идет о случаях, в которых «посредственный исполнитель» в силу знания или желания имеет так называемое «господство» над деянием «инструмента», поскольку последний подлежит дефициту ответственности, что, как правило, приводит к его безнаказанности.

Но что произойдет в том случае, если лица, непосредственно совершившие преступление, несли за свои действия ответственность в полной степени и поэтому совершили уголовно наказуемое деяние? В исключительных случаях судебная практика и часть мнений в литературе признали и в этих случаях «посредственное исполнительство».

Господство над «инструментом» может вытекать, например, из господства над организацией, если «посредственный исполнитель» в организованном строго по иерархии аппарата власти является как бы начальником «инструмента»; охвачены могут быть, например, террористические

² Statt vieler BGHSt 46, 138 (140), 48, 52 (56); Heine/Weißer, in: Schönke/Schröder, Strafgesetzbuch, 29. Aufl. 2014, § 25 Rn. 67 ff.; Lackner/Kühl, StGB, 28. Aufl. 2014, § 25 Rn. 11, jeweils m.w.M.; eine restriktivere Auffassung verlangt, dass der mittäterschaftliche Beitrag im Ausführungsstadium der Tat erbracht wird, was einen Großteil der der vorgenannten Fälle ausschließt, so etwa Bloy GA 1996, 424 (436); Herzberg, ZStW 99 (1987), 49 (58); Roxin, Täterschaft und Tatherrschaft, 9. Aufl. 2015, S. 294 ff.; Rudolphi, in: FS Bockelmann, 1979, 369 (374); Zieschang ZStW 107 (1995), 361 (374); Schünemann, in: Leipziger Kommentar zum StGB Bd. 1, 12. Aufl. 2007, § 25 Rn. 181 ff.

организации или организованная преступность.¹ Федеральный верховный суд ФРГ распространяет такую судебную практику и на предприятия, «когда «посредственный исполнитель» в свете определенной организационной структуры использует рамочные условия, внутри которых его вклад в совершение преступного деяния вызывает плановые процессы.² Для большей части мнений в литературе такое расширение на предприятия по праву переходит всякие границы, поскольку названные до этого условия «господства» посредственного исполнителя над самим исполнителем в недостаточной степени могут быть обоснованы.³

2. В том случае, если активное участие сотрудника предприятия не имело места или как минимум было недоказуемо, то следует задуматься об уголовной наказуемости вследствие бездействия на руководящем уровне. В немецком уголовном праве есть некоторые составы преступлений, которые предусматривают наступление уголовной ответственности за бездействие (так называемые «истинные деликты бездействия»). Статистически и практически большее значение имеют преступления, которые могут быть совершены как путем бездействия, так и путем действия. Составы преступлений, которые подразумевают активное действие лица, совершающего такое преступление, могут совершаться и путем бездействия (согласно § 13 StGB), если оно приравнивается действию. Дополнительным условием, однако, является то, что на лице, которое бездействовало, лежала особая обязанность предотвратить наступление последствий, поскольку он является гарантом.

а. Правоотношение, лежащее в основе такой обязанности, так называемое положение гаранта, может основываться на связи с источником опасности или также с объектом, которому был причинен вред.

Так называемые **охраняющие гаранты** ответственны за сохранение определенных правовых благ и поэтому по общему правилу обязаны предотвращать любую опасность или опасность, которая угрожает конкретному правовому благу.⁴ Защитное воздей-

ствие направлено вовнутрь. Поэтому обязанности **охраняющих гарантов** на предприятии имеют значение прежде всего в том случае, если речь идет о причинении вреда правовым благам самого предприятия или стоящему за ним физическому лицу. Более проблематичным является вопрос, защищаются ли и при каких условиях правовые блага лиц, не относящихся к предприятию, например, партнеров предприятия по договору. С этим тезисом следует в качестве исключения согласиться.

Корпоративные обязанности руководящей верхушки (например, как в §§ 43 I закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» или § 93 закона «Об акциях») следить за правомерными действиями предприятия касаются только внутренних отношений на предприятии.⁵ Наличие договорных отношений еще не говорит о достаточно тесном отношении к партнеру по договору и к его правовым благам, которое оправдывает особую ответственность в качестве обязательства гаранта. Необходимы дополнительные обстоятельства, как фактически обоснованное доверие лица, которое подлежит защите, что опасность будет отражена, что в любом случае будет подтверждено при наличии тесных личных или продолжительных деловых отношений.⁶ Таким образом, простого договора купли-продажи недостаточно.

Контролирующие гаранты несут ответственность за источник опасности и поэтому обязаны предотвращать переход такой опасности в причинение вреда объекту правового блага.⁷ Такая обязанность гаранта действует наружу и служит защите внешних объектов правового блага. Типичные примеры на предприятии – производственные риски, которые исходят, например, отстроек, транспортных дорог, промышленных объектов и производственных процессов.

Здесь речь идет об **опасности личного характера**. Особой ответственности руководства предприятия при совершении преступления сотрудниками этого предприятия может противостоять принцип личной ответственности. В соответствии с этим принципом каждый человек несет ответственность только за свое поведение, а не за поведе-

¹ Исходя из *Roxin*, *Goltdammer's Archiv* 1963, 193 ff.; *ders.*, *Täterschaft und Tatherrschaft*, 9. Aufl. 2015, S. 242 ff.; etwa *BGHSt* 40, 218, 236 f.; *Fischer*, *Strafgesetzbuch*, 64. Aufl. 2017, § 25 Rn. 11; *Lackner/Kühl*, *StGB*, 28. Aufl. 2014, § 25 Rn. 2.

² *BGHSt* 40, 218, 236.

³ Углубляясь *Heine/Weißer*, in: *Schönke/Schröder*, *Strafgesetzbuch*, 29. Aufl. 2014, § 25 Rn. 27 ff.; *Jakobs*, *Strafrecht Allgemeiner Teil*, 2. Aufl. 1991, 21/103; *Jescheck/Weigend*, *Lehrbuch des Strafrechts Allgemeiner Teil*, 5. Aufl. 1996, § 62 II 8.

⁴ Statt vieler *Freund*, in: *Münchener Kommentar zum StGB*, 3. Aufl. 2017, § 13 Rn. 168 ff.; *Stree/Bosch*, in: *Schönke/Schröder*, *Strafgesetzbuch*, 29. Aufl. 2014, § 13 Rn. 9.

⁵ См. *BGHZ* 194, 26 (33 f.); *Fischer*, *StGB*, 64. Aufl. 2017, § 13 Rn. 68; *Wittig*, *Wirtschaftsstrafrecht*; 3. Aufl. 2014, § 6 Rn. 57b.

⁶ *BGHSt* 39, 392 (401); 46, 196 (203); 54, 44 (49 f.); *Wittig*, *Wirtschaftsstrafrecht*; 3. Aufl. 2014, § 6 Rn. 57b; *Wohlers/Gaede*, in: *Nomos-Kommentar zum Strafgesetzbuch Bd. 1*, 4. Aufl. 2013, § 13 Rn. 38.

⁷ Statt vieler *Kudlich*, in: *Satzger/Schluckebier/Widmaier*, *StGB*, 3. Aufl. 2016, § 13 Rn. 16.

ние других.¹ Судебная практика и господствующее в литературе мнение понимают принцип личной ответственности менее строго и признают исключения из него.² При вопросе о так называемой ответственности руководства они принимают в расчет, что предприятия в особой степени может создавать опасность совершения преступлений и что начальник в силу своих полномочий давать распоряжения имеет возможность пресекать преступления своих подчиненных.³ Господствующее мнение как в литературе, так и в судебной практике считает, что руководство предприятия несет ответственность за преступления, совершенные работниками этого предприятия в том случае, если такие преступления связаны с исполнением служебных обязанностей.⁴

3. Если условия наступления уголовной ответственности за бездействие нельзя установить, то остается § 130 Закона об административных правонарушениях. В этом случае речь идет не о преступлении, а о правонарушении, которое имеет следствием не уголовное наказание, а только административное денежное взыскание.

В очень упрощенной форме: состав преступления полностью исполнен, если владелец производства или предприятия умышленно или по неосторожности не исполняет свои обязательства по надзору за сотрудниками, при этом сотрудники совершают преступление или правонарушение, которое нарушает производственные обязанности и которое посредством было бы существенно затруднено. § 130 (абз. 1 предл. 1) Закона об административных правонарушениях устанавливает, что необходимые меры по надзору включают в себя в том числе тщательный отбор и наблюдение за контролирующими лицами. Тем самым эта норма закрывает пробелы, которые могут возникнуть

в том случае, когда руководство предприятия делегирует свои обязанности сотрудникам. Практическое значение нормы заключается в том, что она позволяет в совокупности с § 30 Закона об административных правонарушениях (как и при определенных условиях преступления, совершенные руководством предприятия) налагать административное денежное взыскание, несмотря на то, что уголовной ответственности предприятия в Германии не предусмотрено.

Величина административного денежного взыскания согласно § 130 абз. 2 предл. 1 составляет, как правило, 10 млн. евро, при совершении неосторожных преступлений – 5 млн. евро. Эта цифра может быть и больше, если убрать экономическую выгоду, которую преступник (или правонарушитель) получил в результате своего деяния (§ 17 абз. 4 Закона об административных правонарушениях).

4. В заключение следует отметить, что с практической точки зрения доказать, что лицо подлежит уголовной ответственности, во многих случаях очень сложно. Это касается как активного участия в совершении преступления, так и условий причинной связи, объективного вменения и умысла.⁵ § 130 Закона об административных правонарушениях открывает возможность наложения санкций, которая на практике такие трудности в доказывании хотя бы частично покрывает.

Тем не менее, уже сейчас можно предсказать, что наступление возможных финансовых санкции против концерна Volkswagen из-за скандала с выхлопными газами по немецкому праву по отношению к уже отчасти установленным гражданско-правовым требованиям вряд ли преодолимо.

¹ Statt vieler *Eisele*, in: Schönke/Schröder, Vor §§ 13 Rn 100 ff.; *Rudolphi/Stein*, in: Systematischer Kommentar zum StGB, 119. Lieferung 2009, § 13 Rn. 32; *Wohlers/Gaede*, in: *Nomos-Kommentar zum Strafgesetzbuch Bd. 1*, 4. Aufl. 2013, § 13 Rn. 51.

² Statt vieler *Kühl*, Strafrecht Allgemeiner Teil, 7. Aufl. 2012, § 4 Rn 51 m.w.N.

³ *Wohlers/Gaede*, in: *Nomos-Kommentar zum Strafgesetzbuch Bd. 1*, 4. Aufl. 2013, § 13 Rn. 53; *Rengier*, Strafrecht Allgemeiner Teil, 8. Auflage 2016, § 50 Rn. 58; *Roxin*, Strafrecht Allgemeiner Teil II, 2006, § 32 Rn. 137; *Schünemann* ZStW 1984, 287 (318).

⁴ BGHSt 57, 42, 45 f.; *Rengier*, Strafrecht Allgemeiner Teil, 8. Auflage 2016, § 50 Rn. 58; *Dannecker/Dannecker*, JZ 2010, 981(989 ff.); *Fischer*, StGB, 64. Aufl. 2017, § 13 Rn. 67 ff.; kritisch demgegenüber etwa *Heine*, Die strafrechtliche Verantwortlichkeit von Unternehmen, 1995, S. 116; *Rudolphi/Stein*, in: Systematischer Kommentar zum StGB, 119. Lieferung 2009, § 13 Rn. 35a.

⁵ S.a. *Achenbach*, in: Handbuch des Wirtschaftsstrafrechts, 4. Aufl. 2015, 3. Kap. Rn. 33 f.

STRAFBARKEITSRISIKEN FÜR DIE UNTERNEHMENSLEITUNG BEI STRAFTATBEGEHUNG DURCH MITARBEITER

Albrecht A.H.

Ziel. Die Prüfung der Wahrscheinlichkeit einer strafrechtlichen Verantwortung des Managements des Unternehmens bei einer Straftat von Mitarbeitern dieses Unternehmens.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Rechtlich und tatsächlich schwieriger ist zu beurteilen, ob bzw. unter welchen Voraussetzungen die Unternehmensleitung sich nach deutschem Recht strafbar gemacht hat, wenn Mitarbeiter bei ihrer Tätigkeit im Unternehmen Straftaten begehen. Soweit eine aktive Verstrickung von Leitungspersonen aus Unternehmen an Straftaten von Mitarbeitern feststeht, fällt die rechtliche Beurteilung noch recht leicht. Wer bei den Mitarbeitern den Straftatentschluss hervorgerufen hat, trägt die Verantwortung wegen Teilnahme an der Straftat in der Form von Anstiftung. Umstritten ist, ob auch eine mittelbare Täterschaft des Vorgesetzten in Betracht kommt. Mittelbarer Täter ist gem. Hat eine aktive Beteiligung an der Tat der Mitarbeiter nicht stattgefunden oder ist sie zumindest nicht nachweisbar, ist an eine Unterlassensstrafbarkeit der Führungsebene zu denken. Wenn auch die Voraussetzungen der Unterlassenstrafbarkeit sich nicht feststellen lassen, dann bleibt § 130 OWiG.

In praktischer Hinsicht fällt der Nachweis einer Strafbarkeit häufig sehr schwer. Das betrifft die aktive Beteiligung ebenso wie die Voraussetzungen der Kausalität, der Zurechnung und des Vorsatzes. Mit § 130 OWiG ist jedoch eine Sanktionsmöglichkeit eröffnet, die diese Nachweisschwierigkeiten in der Praxis zumindest teilweise auffängt.

Dennoch kann wohl schon jetzt vorhergesagt werden, dass etwaige finanzielle Sanktionen gegen den VW-Konzern wegen des Abgasskandals nach deutschem Strafrecht gegenüber den teilweise schon feststehenden zivilrechtlichen Ansprüchen gering ausfallen würden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung der wissenschaftlichen Artikels besteht in einer umfassenden Betrachtung am Beispiel einer konkreten Situation der Möglichkeit der Anwendung der strafrechtlichen Verantwortung für Führung des Unternehmens bei einer Straftat von Mitarbeitern dieses Unternehmens.

Stichwörter: Straftat, strafrechtliche Verantwortung, administrative Verantwortung, Ordnungswidrigkeit, Vorsatz, Schuld, Handlung, Unterlassung, Führer, Mitarbeiter

1. Es gibt zurzeit wohl keinen Verfahrenskomplex, der die deutsche Öffentlichkeit mehr beschäftigt als der sog. VW-Abgasskandal. Zur Erinnerung seien die wichtigsten mutmaßlichen Geschehnisse kurz zusammengefasst.¹ Sie lassen sich in zwei Sachverhalte unterteilen:

– die Manipulation von Dieselaautos: Jahrelang soll eine durch Mitarbeiter des VW-Konzerns manipulierte Software in insgesamt 11 Millionen Diesel-PKW's eingebaut worden sein. Sie hatte zur Folge, dass bei der Überprüfung von Abgaswerten die in den USA vorgegebenen Grenzwerte eingehalten wurden, während dies bei einem Betrieb auf der Straße nicht der Fall war.

– die verzögerte Information der Aktionäre: Nach Bekanntwerden der Manipulationsvorwürfe brach der Kurs der VW-Aktien ein. Der damalige Vorstandsvorsitzende und zwei damalige Vorstandsmitglieder der VW-AG sollen die Aktionäre nicht rechtzeitig von den Ma-

nipulationsvorwürfen in Kenntnis gesetzt haben. Daher wird gegen sie wegen Marktmanipulation ermittelt.

Im Folgenden soll es um den ersten Teil, die Softwaremanipulation gehen. Sollte sich das zuvor geschilderte Geschehen bestätigen, steht für die beteiligten Mitarbeiter eine Strafbarkeit wegen Betrugs und u.U. auch wegen versuchter Körperverletzungsdelikte im Raum. Rechtlich und tatsächlich schwieriger ist zu beurteilen, ob bzw. unter welchen Voraussetzungen die Unternehmensleitung sich nach deutschem Recht strafbar gemacht hat, wenn Mitarbeiter bei ihrer Tätigkeit im Unternehmen Straftaten begehen. Über diese Strafbarkeitsrisiken will ich im Folgenden einen – wenn auch nur knappen – Überblick geben.

Vorab ist aber zu betonen, dass der VW-Fall nur als Anlass meiner Überlegungen dient. Der Vortrag soll keine Aussagen zur Strafbarkeit von Personen aus der Leitungsebene des VW-Konzerns treffen; das könnte er auch gar nicht, weil schon die dazu erforderlichen Tatsachen nicht hinreichend bekannt sind.

2. Soweit eine aktive Verstrickung von Leitungspersonen aus Unternehmen an Straftaten von Mitarbeitern

¹ S. – auch zu den folgenden Inhalten – den Überblick bei <http://www.zeit.de/wirtschaft/diesel-skandal-volkswagen-abgase> (Stand: 2. Januar 2017).

feststeht, fällt die rechtliche Beurteilung noch recht leicht. Wer bei den Mitarbeitern den Tatentschluss hervorgerufen hat, ist wegen Teilnahme an der Tat in der Form von Anstiftung gem. § 26 StGB strafbar. Geht der Tatbeitrag noch darüber hinaus, entwickelt der Mitarbeiter der Leitungsebene etwa den gesamten Tatplan und erscheint er deswegen sogar als Zentralgestalt des Geschehens, kommt nach überwiegender Auffassung eine Mittäterschaft gem. § 25 Abs. 2 StGB in Betracht, wenn das Vorgehen auf einem gemeinsamen Tatplan mit dem Mitarbeiter beruht.

Umstritten ist, ob auch eine mittelbare Täterschaft des Vorgesetzten in Betracht kommt. Mittelbarer Täter ist gem. § 25 Abs. 1 Alt. 2 StGB derjenige, der die Tat „durch einen anderen begeht“, der also die Tathandlung nicht eigenhändig vornimmt, sondern sie durch ein menschliches „Werkzeug“ vornehmen lässt. Im Kern geht es um Fälle, in denen der Hintermann kraft überlegenen Wissens oder Wollens die sog. Tatherrschaft über das Werkzeug hat, weil dieses einem Verantwortungsdefizit unterliegt, das in der Regel zu seiner Strafflosigkeit führt. Was aber, wenn die Vordermänner vollverantwortlich gehandelt und sich somit strafbar gemacht haben? In Ausnahmefällen haben Rechtsprechung und Teile der Literatur eine mittelbare Täterschaft auch in diesen Fällen anerkannt. Die Herrschaft über das Werkzeug könne beispielsweise aus einer Organisationsherrschaft folgen, wenn der Hintermann dem Werkzeug in einem strikt hierarchisch organisierten Machtapparat übergeordnet ist; erfasst können davon bestimmte Unrechtsstaaten sowie Organisationen des Terrors oder der organisierten Kriminalität sein.² Der BGH erstreckt diese Rechtsprechung aber auch auf Unternehmen, „wenn der Hintermann durch Organisationsstrukturen bestimmte Rahmenbedingungen aus[...]nutzt, innerhalb derer sein Tatbeitrag regelhafte Abläufe auslöst“.³ Dem ganz über-

wiegenden Teil der Literatur geht diese Ausdehnung auf Unternehmen zu Recht zu weit, weil die zuvor genannten Voraussetzungen eine Herrschaft des Hintermannes über den Vordermann nicht hinreichend zu begründen vermögen.⁴

2. Hat eine aktive Beteiligung an der Tat der Mitarbeiter nicht stattgefunden oder ist sie zumindest nicht nachweisbar, ist an eine Unterlassensstrafbarkeit der Führungsebene zu denken. Im deutschen Strafrecht gibt es zunächst einige Tatbestände, die ausdrücklich ein Unterlassen unter Strafe stellen, sog. echte Unterlassensdelikte. Zahlenmäßig und praktisch bedeutsamer sind hingegen die sog. unechten Unterlassensdelikte: Tatbestände, die dem Wortlaut nach ein aktives Tun des Täters voraussetzen, können gem. § 13 StGB auch durch ein Unterlassen begangen werden, wenn dieses dem aktiven Tun gleichsteht. Zusätzliche Voraussetzung ist aber, dass der Unterlassende in besonderem Maße verpflichtet war, den Erfolg abzuwenden, ihn eine sog. Garantenpflicht getroffen hat.

a. Das dieser Pflicht zugrundeliegende Rechtsverhältnis, die sog. Garantenstellung, kann auf einer Beziehung zur Gefahrenquelle oder aber in einer Beziehung zum geschädigten Objekt beruhen.

Sog. Beschützergaranten sind für den Erhalt eines bestimmten Rechtsguts verantwortlich und daher grundsätzlich zur Abwehr aller oder auch nur bestimmter, diesem drohender Gefahren verpflichtet.⁵ Die Schutzwirkung richtet sich also nach innen. Beschützergarantenpflichten sind daher im Unternehmen vor allem dann von Bedeutung, wenn es um Schädigungen an den Rechtsgütern des Unternehmens selbst bzw. der dahinterstehenden natürlichen Personen geht. Problematischer ist, ob und unter welchen Voraussetzungen auch Rechtsgüter Unternehmensexterner wie etwa Vertragspartner des Unternehmens zu beschützen sind. Das ist allenfalls ganz ausnahmsweise zu bejahen. Die gesellschaftsrechtlichen Pflichten der Leitungsebene etwa gem. §§ 43 I GmbHG oder § 93 AktG, für ein rechtmäßiges Verhalten der Gesellschaft zu sorgen, betreffen nur das Innenverhältnis zur Gesellschaft.⁶ Auch das Bestehen bloßer vertraglicher Beziehungen begründet noch keine hinreichend enge Beziehung

¹ Statt vieler BGHSt 46, 138 (140), 48, 52 (56); Heine/Weißer, in: Schönke/Schröder, Strafgesetzbuch, 29. Aufl. 2014, § 25 Rn. 67 ff.; Lackner/Kühl, StGB, 28. Aufl. 2014, § 25 Rn. 11, jeweils m.w.M.; eine restriktivere Auffassung verlangt, dass der mittäterschaftliche Beitrag im Ausführungsstadium der Tat erbracht wird, was einen Großteil der der vorgenannten Fälle ausschließt, so etwa Bloy GA 1996, 424 (436); Herzberg, ZStW 99 (1987), 49 (58); Roxin, Täterschaft und Tatherrschaft, 9. Aufl. 2015, S. 294 ff.; Rudolphi, in: FS Bockelmann, 1979, 369 (374); Zieschang ZStW 107 (1995), 361 (374); Schönemann, in: Leipziger Kommentar zum StGB Bd. 1, 12. Aufl. 2007, § 25 Rn. 181 ff.

² Ausgehend von Roxin, Goldammer's Archiv 1963, 193 ff.; ders., Täterschaft und Tatherrschaft, 9. Aufl. 2015, S. 242 ff.; etwa BGHSt 40, 218, 236 f; Fischer, Strafgesetzbuch, 64. Aufl. 2017, § 25 Rn. 11; Lackner/Kühl, StGB, 28. Aufl. 2014, § 25 Rn. 2.

³ BGHSt 40, 218, 236.

⁴ Eingehend Heine/Weißer, in: Schönke/Schröder, Strafgesetzbuch, 29. Aufl. 2014, § 25 Rn. 27 ff.; Jakobs, Strafrecht Allgemeiner Teil, 2. Aufl. 1991, 21/103; Jescheck/Weigend, Lehrbuch des Strafrechts Allgemeiner Teil, 5. Aufl. 1996, § 62 II 8.

⁵ Statt vieler Freund, in: Münchener Kommentar zum StGB, 3. Aufl. 2017, § 13 Rn. 168 ff.; Stree/Bosch, in: Schönke/Schröder, Strafgesetzbuch, 29. Aufl. 2014, § 13 Rn. 9.

⁶ S. dazu BGHZ 194, 26 (33 f.); Fischer, StGB, 64. Aufl. 2017, § 13 Rn. 68; Wittig, Wirtschaftsstrafrecht; 3. Aufl. 2014, § 6 Rn. 57b.

zum Vertragspartner und seinen Rechtsgütern, die eine Sonderverantwortlichkeit wie eine Garantienpflicht rechtfertigt; erforderlich sind zusätzliche Umstände, wie faktisch ein berechtigtes Vertrauen des zu Beschützenden in die Gefahrenabwehr, was allenfalls bei einem besonders engen persönlichen oder dauerhaften geschäftlichen Verhältnis zu bejahen sein wird.¹ Ein einfacher Kaufvertrag genügt also nicht.

Überwachergaranten sind für eine Gefahrenquelle verantwortlich und daher verpflichtet zu verhindern, dass die aus ihr erwachsenden Gefahren in die Schädigung eines Rechtsgutsobjekts umschlagen.² Diese Garantienpflicht wirkt also nach außen und dient dem Schutz externer Rechtsgutsobjekte. Typische Beispiele im Unternehmen sind Betriebsgefahren sächlicher Art, die etwa von Baustellen, Transportwegen, Produktionsstätten und -abläufen ausgehen.

Hier geht es jedoch um Gefahren personeller Art. Einer Sonderverantwortlichkeit der Unternehmensleitung für die Straftaten von Mitarbeitern könnte der Eigenverantwortlichkeitsgrundsatz entgegenstehen. Danach sei jeder Mensch nur für sein eigenes Verhalten verantwortlich und nicht auch für das vollverantwortliche Verhalten anderer.³ Die Rechtsprechung und die herrschende Literatur haben jedoch ein weniger strenges Verständnis vom Eigenverantwortlichkeitsgrundsatz und erkennen Ausnahmen an.⁴ Bei der Frage nach der sog. Geschäftsherrenhaftung stellen sie zudem in Rechnung, dass der Betrieb in besonderem Maße die Gefahr von Straftatbegehungen begründen kann und dass der Vorgesetzte kraft seiner Weisungsbefugnis die Möglichkeit hat, Straftaten seiner Untergebenen zu unterbinden.⁵ Demgemäß nehmen sie eine Pflicht des Vorgesetzten an, solche Straftaten zu unterbinden, die einen sog. Betriebsbezug aufweisen, die also „einen inneren Zusammenhang mit der betrieblichen Tätigkeit des [Untergebenen] oder mit der Art des Betrie-

bes aufweis[en] und nicht nur bei Gelegenheit seiner Tätigkeit im Betrieb“ begangen werden.⁶

3. Wenn auch die Voraussetzungen der Unterlassenstrafbarkeit sich nicht feststellen lassen, dann bleibt § 130 OWiG. Hierbei handelt es sich nicht um eine Straftat, sondern eine sog. Ordnungswidrigkeit; ihre Rechtsfolge ist keine Strafe, sondern nur eine Geldbuße.

Der Tatbestand ist – stark vereinfacht – dann erfüllt, wenn der Inhaber eines Betriebes oder Unternehmens vorsätzlich oder fahrlässig seiner Aufsichtspflicht über seine Mitarbeiter nicht nachkommt; zudem muss der Mitarbeiter eine Straftat oder Ordnungswidrigkeit begehen, die gegen betriebliche Pflichten verstößt und die durch die Erfüllung der Aufsichtspflicht zumindest erheblich erschwert worden wäre. § 130 Abs. 1 S. 1 OWiG stellt klar, dass die erforderlichen Aufsichtsmaßnahmen auch die Bestellung, sorgfältige Auswahl und Überwachung von Aufsichtspersonen umfassen. Die Vorschrift schließt damit Lücken, die dadurch entstehen können, dass die Unternehmensleitung Pflichten auf ihre Mitarbeiter delegiert. Ihre praktische Bedeutung liegt zudem darin, dass sie – ebenso wie Straftaten der Unternehmensleitung unter bestimmten Voraussetzungen auch – i.V.m. § 30 OWiG ermöglicht, das Unternehmen mit einer Verbandsgeldbuße zu belegen, während eine echte Unternehmensstrafbarkeit in Deutschland nicht gesetzlich vorgesehen ist. Der Höhe nach ist die Geldbuße gemäß § 130 Abs. 2 Satz 1 im Grundsatz auf 10 Mio. €, bei fahrlässigen Taten auf 5 Mio. € begrenzt. Dieses Höchstmaß kann überschritten werden, um den wirtschaftlichen Vorteil abzuschöpfen, den der Täter aus der Tat gezogen hat, § 17 Abs. 4 OWiG.

4. Abschließend ist festzuhalten, dass in praktischer Hinsicht der Nachweis einer Strafbarkeit häufig sehr schwer fällt. Das betrifft die aktive Beteiligung ebenso wie die Voraussetzungen der Kausalität, der Zurechnung und des Vorsatzes.⁷ Mit § 130 OWiG ist jedoch eine Sanktionsmöglichkeit eröffnet, die diese Nachweisschwierigkeiten in der Praxis zumindest teilweise auffängt.

Dennoch kann wohl schon jetzt vorhergesagt werden, dass etwaige finanzielle Sanktionen gegen den VW-Konzern wegen des Abgasskandals nach deutschem Strafrecht gegenüber den teilweise schon feststehenden zivilrechtlichen Ansprüchen gering ausfallen würden.

¹ BGHSt 39, 392 (401); 46, 196 (203); 54, 44 (49 f); Wittig, Wirtschaftsstrafrecht; 3. Aufl. 2014, § 6 Rn. 57b; Wohlers/Gaede, in: *Nomos-Kommentar zum Strafgesetzbuch Bd. 1*, 4. Aufl. 2013, § 13 Rn. 38.

² Statt vieler Kudlich, in: Satzger/Schluckebier/Widmaier, StGB, 3. Aufl. 2016, § 13 Rn. 16.

³ Statt vieler Eisele, in: Schönke/Schröder, Vor §§ 13 Rn 100 ff; Rudolphi/Stein, in: Systematischer Kommentar zum StGB, 119. Lieferung 2009, § 13 Rn. 32; Wohlers/Gaede, in: *Nomos-Kommentar zum Strafgesetzbuch Bd. 1*, 4. Aufl. 2013, § 13 Rn. 51.

⁴ Statt vieler Kühl, Strafrecht Allgemeiner Teil, 7. Aufl. 2012, § 4 Rn 51 m.w.N.

⁵ Wohlers/Gaede, in: *Nomos-Kommentar zum Strafgesetzbuch Bd. 1*, 4. Aufl. 2013, § 13 Rn. 53; Rengier, Strafrecht Allgemeiner Teil, 8. Auflage 2016, § 50 Rn. 58; Roxin, Strafrecht Allgemeiner Teil II, 2006, § 32 Rn. 137; Schönemann ZStW 1984, 287 (318).

⁶ BGHSt 57, 42, 45 f.; Rengier, Strafrecht Allgemeiner Teil, 8. Auflage 2016, § 50 Rn. 58; Dannecker/Dannecker, JZ 2010, 981(989 ff.); Fischer, StGB, 64. Aufl. 2017, § 13 Rn. 67 ff.; kritisch demgegenüber etwa Heine, Die strafrechtliche Verantwortlichkeit von Unternehmen, 1995, S. 116; Rudolphi/Stein, in: Systematischer Kommentar zum StGB, 119. Lieferung 2009, § 13 Rn. 35a.

⁷ S.a. Achenbach, in: Handbuch des Wirtschaftsstrafrechts, 4. Aufl. 2015, 3. Kap. Rn. 33 f.

КИБЕРСТАЛКИНГ КАК НОВЫЙ ВИД УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМОГО ДЕЯНИЯ

Барышева Ксения Александровна

Цель. Дать характеристику понятия сталкинг (преследование), киберсталкинг; определить общественную опасность деяния — преследования; определить возможность привлечения к уголовной ответственности за незаконное преследование, вмешательство в частную, личную жизнь человека по законодательству РФ.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Необходимо учесть положительный опыт зарубежных стран в вопросе регулирования вмешательства в частную, личную жизнь с помощью норм уголовного права с учетом специфики существующих в стране реалий. Следует разработать отдельный состав уголовно-наказуемого преследования, общую норму для всех категорий граждан, позволяющую привлечь к ответственности за эмоциональный терроризм, травлю, сталкинг. Необходимо дополнить диспозицию ст. 137 УК РФ словами «... а равно незаконное преследование лица, в том числе при помощи телекоммуникационных средств связи, в сети Интернет».

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи заключается в анализе зарубежного законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за преступное преследование, определен состав деяния; исследовано определение понятия сталкинг, киберсталкинг в юридической науке, законодательстве и судебной практике.

Ключевые слова: сталкинг, киберсталкинг, преследование, уголовная ответственность, частная жизнь, уголовное наказание.

Одним из наиболее значимых объектов уголовно-правовой охраны является человек, его физическая неприкосновенность, а также охрана личной, частной жизни. Относительно новым понятием в законодательстве зарубежных стран стало уголовно-наказуемое преследование (сталкинг). Сталкинг — комплекс систематических действий, таких как слежка, нежелательные подарки, письма, звонки, подкарауливание жертвы и пр., причиняющих дискомфорт, стресс, вызывающих чувство тревоги и опасности. Одной из разновидностей преследования (по способу совершения деяния) является киберсталкинг, преследование, связанное с использованием электронной почты, мгновенных сообщений, веб-страниц, блогов, форумов и чатов, mms- и sms- сообще-

ний, онлайн-игр и других информационных технологий коммуникации. На наш взгляд, границы между киберпреследованием и преследованием уже давно стерты, о чем свидетельствует анализ законодательства зарубежных стран, а также частота применения разработок НТП при совершении преступлений, связанных с преследованием.

В Великобритании, Канаде, США, Австралии, Польше и других странах существует уголовная ответственность за преследование. Данная норма постоянно совершенствуется. Законодатель учитывает влияние на повседневную жизнь человека различных технологий, гаджетов, с помощью которых преследователь может догонять жертву, не выходя из дома, даже при отсутствии личного, физического контакта. Действия stalkера в вир-

туальном пространстве не являются менее опасными, наоборот, современные технологии способствуют совершению преступления и облегчают задачу, затрудняя при этом поиск злоумышленника. Поэтому киберсталкинг также является уголовно-наказуемым деянием в ряде стран. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за преследование требует правового регулирования, с чем успешно справляются законодатели различных стран, совершенствуя правовые запреты.

В Германии уголовная ответственность за сталкинг была введена в 2007 г. (§238 StGB). Сложность привлечения к ответственности за преследование в Германии заключается в необходимости доказывать наличие негативных последствий, таких как существенное влияние действий преследователя на повседневный образ жизни жертвы (например, переезд или смена работы). Сталкинг – психологический терроризм, травля человека, которая может длиться годами. Основным признаком данного деяния является систематичность. Жизнь в постоянном страхе и стрессе может привести как к физическому, так и психическому истощению, повлечь и финансовые убытки (смена номера, консультации психолога, покупка различных препаратов от депрессии и стресса, вынужденный отпуск). С целью избежать наступления подобных последствий в принципе, в июле 2016 г. министр юстиции Германии предложил внести изменения в §238 StGB и исключить необходимость доказывания отрицательного воздействия преследования. Таким образом, даже угроза причинения вреда преследованием может стать уголовно-наказуемым деянием, «не жертва должна менять образ жизни, а преступник», утверждает Хайко Маас¹. Однако законопроект не содержит предложений о расширении перечня запрещенных деяний с использованием сети Интернет, ужесточения ответственности за преследование в виртуальном пространстве (киберсталкинг), что является одной из актуальных проблем в современном мире.

В настоящее время преследование не считается общественно опасным деянием в России, привлечь к ответственности по законодательству РФ не представляется возможным. Однако существует ряд составов, предусматривающих наказание за отдельные виды посягательств на

личность. Подобные действия предполагают административную ответственность (оскорбление, ст. 5.61 КоАП). Наказание за публикацию информации, порочащей честь и достоинство человека, предусмотрено ст. 128¹ УК РФ; в статье 137 УК РФ содержится запрет на незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну; статья 119 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Гражданское законодательство не допускает вмешательство в частную жизнь, наделяя граждан правом защиты неприкосновенности своей личной, семейной жизни в суде (ст. 150² ГК РФ). Однако действия лица, преследующего цели создать невыносимые условия жизни при помощи именно травли, преследования, систематических угроз, не подпадающих под уголовно-правовые и иные запреты (приехать на работу, рассказать о «неподобающем» поведении, раскрыть тайны личной жизни и пр.), постоянных звонков, настойчивых и агрессивных сообщений, не являются наказуемыми.

В настоящее время в Государственную Думу регулярно вносятся законопроекты, опосредованно направленные на защиту частной жизни от различного рода преследований (преследование коллекторами, преследование женщин, семейное насилие в форме преследования, преследование подростков в сети Интернет, провокация и подстрекательство к самоубийству). Фактически, разработчики нормативных актов признают наличие проблемы притеснения отдельных категорий граждан путем преследования как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве. Однако единая концепция законодательного ограничения навязчивого преследования не сформулирована до сих пор. Резюмируя изложенное, на наш взгляд, необходимо учесть положительный опыт зарубежных стран в вопросе регулирования вмешательства в частную, личную жизнь с помощью норм уголовного права с учетом специфики существующих в стране реалий. Следует разработать отдельный состав уголовно-наказуемого преследования, общую норму для всех категорий граждан, позволяющую привлечь к ответственности за эмоциональный терроризм, травлю, сталкинг.

¹ <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2016-07/heiko-maas-stalking-gesetz-verabschiedung-strafrecht> (дата обращения: 30 октября 2016 г.).

CYBERSTALKING ALS EINE NEUE FORM DER STRAFBAREN TATHANDLUNG

Ksenia Barysheva

Ziel ist es eine Charakteristik des Begriffs „Unterdrucksetzen“ (Stalking), Cyberstalking zugeben; eine Definierung der öffentlichen Gefahr der Tat – Verfolgung; die Bestimmung der Möglichkeit der Heranziehung zur kriminellen Verantwortung für die ungesetzliche Verfolgung, den Eingriff in die Privatsphäre, in das Privatleben der Menschen laut der Gesetzgebung der Russischen Föderation.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Man muss positive Erfahrungen anderer Länder in der Frage der Regelung der Eingriffe in privates, persönliches Leben mit Hilfe von Normen des Strafrechts unter Einhaltung der Besonderheiten der im Land bestehenden Realitäten berücksichtigen. Man soll eine separate Zusammensetzung der Straf-Verfolgung die Allgemeine Norm für alle Kategorien von Bürgern erarbeiten, die zur Verantwortung für den emotionalen Terrorismus, die Hetze, das Stalking heranziehen lässt. Man muss die Bestimmung von Artikel 137 des Strafgesetzbuches mit Worten «... sowie illegale Verfolgung von Personen, einschließlich mit Hilfe von Telekommunikationseinrichtungen Kommunikation im Internet» ergänzen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Analyse der ausländischen Rechtsvorschriften, die strafrechtliche Verantwortung für die kriminelle Strafverfolgung vorsehen. Der Verfasser des Artikels bestimmt die Zusammensetzung der Tat, untersucht die Definition von Stalking, Cyberstalking in der juristischen Wissenschaft, Gesetzgebung und Rechtsprechung.

Stichwörter: Stalking, Cyberstalking, Verfolgung, strafrechtliche Verantwortung, Privatsphäre, Strafen.

Eine der vordringlichsten Aufgaben des Strafrechts besteht in dem Schutz der Person, ihrer körperlichen Unversehrtheit und des persönlichen, privaten Lebens. Ein relativ neuer Begriff in der ausländischen Gesetzgebung ist das strafbare „Unterdrucksetzen“ (Stalking). Stalking bezeichnet ein komplexes Phänomen, das aus wiederholten Handlungen wie Beobachtung, Zusendung unerwünschter Geschenke und Briefe, Anrufen, Auflauern des Opfers und anderen Verhalten, die Unbehagen und Stress zufügen und ein Angstgefühl erwecken, besteht. Eine der Formen dieser Druckausübung ist Cyberstalking, das mit der Verwendung von E-Mails, Webseiten, Blogs, Foren und Chats, MMS- und SMS-Nachrichten und anderen Informationstechnologien verbunden ist. Unserer Ansicht nach gibt es keine Grenze zwischen dem Cyberstalking und dem „klassischen“ Stalking, wie die Analyse der ausländischen Gesetzgebung und der von den Tätern verwendeten neuen Technologien bei der Ausführung der Handlungen, durch die das Stalking begangen wird, zeigt.

In Großbritannien, Kanada, USA, Australien, Polen und anderen Ländern existieren Straftatbestände gegen das Stalking. Die entsprechenden Normen werden ständig weiterentwickelt. Der Gesetzgeber berücksichtigt die Wirkungen bestimmter Technologien und technischer Geräte, mit deren Hilfe der Stalker das Opfer unter Druck setzen kann, ohne dabei das Haus

verlassen zu müssen oder Körperkontakt zum Opfer zu haben, auf die betroffenen Opfer. Stalking im virtuellen Raum ist nicht weniger gefährlich als im realen Leben. Doch die modernen Technologien erleichtern die Tatbegehung und erschweren gleichzeitig die Überführung des Täters. Deshalb ist auch das Cyberstalking in einigen Ländern eine strafbare Tathandlung. Den besonderen Problemen in diesem Zusammenhang tragen die Rechtsordnungen Rechnung, indem sie entsprechende Straftatbestände geschaffen haben.

In Deutschland wurde die Strafbarkeit des Stalking im Jahr 2007 eingeführt (§ 238 StGB). Eine Schwierigkeit bei der Anwendung des Straftatbestandes besteht insbesondere in der Notwendigkeit, die negativen Folgen des Stalking, vor allem dessen erheblichen Einfluss auf das alltägliche Leben des Opfers zu beweisen (beispielsweise durch Umzug oder Arbeitsplatzwechsel). Stalking ist „psychologischer Terrorismus“, eine Hetztätigkeit, die jahrelang dauern kann. Das Hauptkennzeichen der Tathandlung ist deren Regelmäßigkeit. Das Leben in Angst und Stress kann sowohl zu körperlichen als auch zu psychischen Beeinträchtigungen führen und finanzielle Schäden (Wechsel der Telefonnummer, ärztliche Beratung, Bezahlung von Arzneimitteln, zwangsweiser Urlaub) nach sich ziehen. Um die Schwierigkeiten bei dem Nachweis dieser Folgen zu beseitigen, machte der Justizminister der Bundesrepublik Deutschland im Juli 2016 einen

Vorschlag zur Änderung des § 238 StGB, wonach die Notwendigkeit des Nachweises der negativen Auswirkungen des Stalkings auf das Opfer beseitigt werden soll. Danach würde schon die Gefahr einer Schädigung des Opfers durch das Stalking für die Strafbarkeit ausreichen. Denn, so Heiko Maas, „nicht das Opfer soll sein Verhalten ändern müssen, sondern der Täter“¹. Allerdings enthält der Gesetzentwurf weder Vorschläge zur Erweiterung der Liste verbotener Handlungen durch die Verwendung des Internets noch zur Verschärfung der Haftung für Cyberstalking, immerhin eines der aktuellen Probleme der modernen Welt.

Derzeitig ist Stalking als solches in Russland nicht strafbar, sodass der Täter allein wegen der Vornahme solcher Handlungen nicht zur Verantwortung gezogen werden kann. Aber es gibt eine Reihe von Vorschriften, die rechtliche Folgen für einige Ausprägungen der Verletzung der Privatsphäre vorsehen. Solche Tathandlungen können z.B. zu einer verwaltungsrechtlichen Haftung führen (z.B. wegen Kränkung, Art. 5.61 der Gesetzessammlung der Verwaltungsrechtsverletzungen). Art. 128 Strafkodex der Russischen Föderation (UK RF) stellt die Verwendung von Informationspublikationen, die die Ehre und Würde des Menschen verleumden, unter Strafe; Art. 137 UK RF enthält das Verbot der ungesetzlichen Sammlung oder Verbreitung von Information über das private Leben des Menschen; Art. 119 UK RF regelt die strafrechtliche Verantwort-

lichkeit für eine Morddrohung oder die Verletzung der Gesundheit. Die Zivilgesetze verbieten Eingriffe in die Privatsphäre und geben dem betroffenen Bürger Rechte zur Wahrung der Unverletzlichkeit des privaten Lebens. Nicht strafbar sind aber Handlungen, die das Ziel verfolgen, unerträgliche Lebensvoraussetzungen mit Hilfe des Unterdrucksetzens (regelmäßige Furchterregung, die nicht strafbar ist) zu schaffen.

Einige Gesetze bezwecken allerdings einen indirekten Schutz des privaten Lebens vor einer unrechtmäßigen Unterdrucksetzung (Nötigung von Schuldner, Nötigung von Frauen, häusliche Gewalt in der Form der Nötigung, „Mobbing“ gegenüber Teenagern im Internet, Provokationen und Treiben zum Selbstmord). Der Gesetzgeber erkennt also durchaus an, dass das Problem der unzulässigen Anwendung von Druckmaßnahmen sowohl im realen Leben als auch im virtuellen Raum existiert. Es besteht aber kein einheitliches Konzept für die gesetzliche Begrenzung von Handlungen, die als Stalking zu bezeichnen sind. Unserer Ansicht nach ist es notwendig, die positiven Erfahrungen, die im Ausland im Zusammenhang mit der Regulierung dieser Eingriffe in die Privatsphäre mit Hilfe von Strafrechtsnormen gesammelt wurden, zu berücksichtigen. Es ist erforderlich, einen Tatbestand gegen strafbares Stalking zu erarbeiten, um so die strafrechtliche Verantwortlichkeit für diese Art des emotionellen Terrorismus zu begründen.

¹ <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2016-07/heiko-maas-stalking-gesetz-verabschiedung-strafrecht> (abgerufen am: 30. Oktober 2016).

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЭКСТРЕМИЗМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Бодров Николай Филиппович

***Цель.** Дать характеристику такой категории уголовных преступлений как преступления экстремистской направленности, трудностям в правоприменении действующих законодательных норм в этой сфере при производстве по делам о преступлениях, связанных с распространением экстремистских материалов в сети Интернет.*

***Методология:** диалектика, анализ, дедуция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** Значительные сложности в правоприменении вызывает производство по делам о преступлениях, связанных с распространением экстремистских материалов в сети Интернет, а судебная практика по таким делам является крайне противоречивой. Законодатель непоследовательно оценивает правовое значение факта распространения экстремистских материалов именно в сети Интернет, а не путем опубликования в средствах массовой информации. Нормативно-правовая терминология в данной области имеет еще весьма неоднозначный характер. Термины «социальная группа», «чувства верующих», «явное неуважение» по-разному толкуются правоприменителями, что приводит к противоречивым судебным решениям. Простейшие «механические» действия пользователей нередко истолковываются правоохранительными органами, как публичное одобрение и распространение материала, хотя некоторые пользователи не обладают информацией о принципах работы социальных сетей и не реализовывают таким образом какой-либо умысел. Часто контекст распространенного материала никаким образом не учитывается при квалификации деяния. Указанные обстоятельства привели к разработке в научно-практическом сообществе такого термина как неправомерный антиэкстремизм, что является наглядным индикатором проблемности рассматриваемой тематики.*

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи заключается в подробной характеристике трудностей правоприменения уголовного законодательства за преступления, связанные с распространением экстремистских материалов в сети Интернет.*

***Ключевые слова:** Интернет, экстремизм, преступление, сведения, данные, правоприменение, ответственность, наказание*

В российском уголовном законодательстве принято выделять категорию преступлений экстремистской направленности. В данную категорию входит широкий спектр деяний: например, убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ),

и специальные нормы, например, организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ), которое по мнению законодателя существенно отличается от организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ), а также другие преступления.

Значительные сложности в правоприменении вызывает производство по делам о преступлениях, связанных с распространением экстремистских материалов в сети Интернет, а судебная-следствен-

ная практика по таким делам является крайне противоречивой.

Рассмотрение проблемы следует начать с того, что законодатель непоследовательно оценивает правовое значение факта распространения экстремистских материалов именно в сети Интернет (а не путем опубликования в средствах массовой информации, как это описано, например, в ст. 354 УК РФ «Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны»). В отношении некоторых составов преступлений факт размещения материалов экстремистского характера является квалифицирующим признаком (например, ст. 280, 280.1 УК РФ), а для некоторых аналогичных преступлений является элементом основного состава (например, ст. 282 УК РФ).

Следует отметить, что нормативно-правовая терминология в данной области имеет еще весьма неоднозначный характер (например, термины «социальная группа», «чувства верующих», «явное неуважение» и др.), по-разному толкуются правоприменителями, что приводит к противоречивым судебным решениям.

Широкое распространение в российской судебно-следственной и экспертной деятельности получила практика так называемого психологического исследования материалов. Нередки примеры злоупотребления психологической методологией, когда эксперт, например, устанавливает по изображению (заочно, без изучения личности опубликованного лица), автором которого подозреваемый распространитель не является, такие характеристики как «отношение лица к опубликованному материалу» (одобрение/порицание), некую «социально-психологическую направленность объекта» (например, формирование у адресата готовности разделять идеологию и участвовать в деятельности организации «Исламское государство») и др. Приведенные при-

меры демонстрируют те обстоятельства, которые экспертным путем по материалам, размещенным в сети Интернет, установить нельзя.

По нашему мнению, особенно остро обстоит ситуация с привлечением к уголовной ответственности за действия пользователей в социальных сетях (лайки; комментарии, не имеющие существенного содержательно-смыслового наполнения). Практика привлечения к уголовной ответственности уже получила прозвищное наименование «срок за репост» или «срок за лайк». Так, например, простейшие «механические» действия пользователей (нажатие кнопки «нравится» или значка с изображением сердца, поднятого вверх большого пальца, стрелки вверх) нередко истолковываются правоохранительными органами, как публичное одобрение и распространение (после нажатия на кнопку, символизирующую положительную оценку, происходит рассылка по новостным лентам «друзей») материала, хотя некоторые пользователи не обладают информацией о принципах работы социальных сетей и не реализовывают таким образом какой-либо умысел (иногда пользователь даже не получает информацию о функциях той или иной «кнопки» в социальной сети).

Еще одним упущением законодателя, на наш взгляд, является то, что контекст распространенного материала никаким образом не учитывается при квалификации деяния (например, по ст. 20.3 КоАП «Публичное демонстрирование нацистской символики»), что приводит к привлечению к ответственности лиц, опубликовавших сатирические (например, карикатуры и др. изображения) материалы, анекдоты и др.

Указанные обстоятельства привели к разработке в научно-практическом сообществе такого термина как неправомерный антиэкстремизм, что является наглядным индикатором проблемности рассматриваемой тематики.

PROBLEME DER HERANZIEHUNG ZUR STRAFRECHTLICHEN VERANTWORTUNG WEGEN EXTREMISMUS IM INTERNET GEMÄSS RUSSISCHER GESETZGEBUNG

Nikolaj Bodrov

Ziel. Die Charakteristik dieser Kategorie von Straftaten, wie Verbrechen einer extremistischen Orientierung; der Schwierigkeiten bei der Durchsetzung der geltenden Rechtsvorschriften in diesem Bereich beim Verfahren von Verbrechen, die mit der Verbreitung von extremistischen Inhalten im Internet zusammenhängen.

Methodologie: *Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.*

Schlussfolgerungen. Erhebliche Schwierigkeiten bei der Rechtsanwendung bereiten Verfahren von Verbrechen, die mit der Verbreitung von extremistischen Inhalten im Internet verbunden sind, und die Gerichts- und Ermittlungspraxis ist bei solchen Verfahren äußerst widersprüchlich.

Der russische Gesetzgeber bewertet inkonsequent die rechtliche Bedeutung der Verbreitung von extremistischen Inhalten gerade im Internet also nicht durch Veröffentlichung in den Massenmedien.

Es ist zudem darauf hinzuweisen, dass die rechtlichen Begriffe in diesem Bereich noch recht unpräzise sind. Begriffe „soziale Gruppe“, „Beleidigung der Gefühle von Gläubigen“, „offene Missachtung“ werden nach wie vor von den Rechtsanwendern unterschiedlich ausgelegt, was zu widersprüchlichen Urteilen führt.

So werden die einfachsten „mechanischen“ Handlungen der Benutzer durch die Strafverfolgungsbehörden nicht selten als öffentliche Billigung und Verbreitung der Inhalte ausgelegt, obwohl einige Benutzer von der Funktionsweise der sozialen Netzwerke keine Vorstellung haben und somit keinen bestimmten Zweck verfolgen. Oft wird der Kontext der verbreiteten Inhalte bei der Einstufung einer Handlung nicht berücksichtigt.

Die genannten Umstände haben dazu geführt, dass in der wissenschaftlich-praktischen Diskussion der Begriff „Unrechtmäßiger Antixtremismus“ geprägt wurde, was die besonderen Probleme dieses Themas veranschaulicht.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in einer detaillierten Charakterisierung der Schwierigkeiten bei der Durchsetzung des Strafrechts für Verbrechen, die mit der Verbreitung von extremistischen Inhalten im Internet zusammenhängen.*

Stichwörter: *Internet, Extremismus, Verbrechen, Informationen, Daten, Rechtsanwendung, Verantwortung, Strafe*

In der russischen Strafgesetzgebung wird die Kategorie der Verbrechen mit extremistischem Hintergrund verwendet. Zu dieser Kategorie zählt eine breite Vielfalt von Straftaten: z.B. Mord aus politischem, ideologischem, rassischem, nationalem oder religiösem Hass oder aus Hass oder Feindseligkeit gegenüber einer sozialen Gruppe (Pkt. „1“ Teil 2 Art.105 Strafkodex der Russischen Föderation – UK RF) und Organisation einer extremistischen Vereinigung (Art. 282.1 UK RF), die sich aus Sicht des Gesetzgebers von der Organisation einer verbrecherischen Vereinigung wesentlich unterscheidet (Art. 210 UK RF), sowie andere Verbrechen.

Erhebliche Schwierigkeiten bei der Rechtsanwendung bereiten Verfahren wegen Verbrechen, die mit der Verbreitung von extremistischen Inhalten im Internet verbunden sind, und die Gerichts- und Ermittlungspraxis ist bei solchen Verfahren äußerst widersprüchlich.

Vorauszuschicken ist, dass der russische Gesetzgeber bei der Einschätzung der rechtlichen Bedeutung der Verbreitung von extremistischen Inhalten gerade im Internet (also nicht durch Veröffentlichung in den Massenmedien, wie dies zum Beispiel in Art. 354 UK RF „Öffentliche Aufrufe zur Entfesselung eines Angriffskrieges“ beschrieben ist) inkonsequent vorgeht. In einigen Tatbeständen ist die Veröffentlichung von extremistischen Inhalten ein erschwerendes Merkmal (z.B. in Art. 280, 280.1 UK RF), bei einigen ähnlichen Verbrechen ist sie Element des Haupttatbestandes (z.B. Art. 282 UK RF).

Es ist zudem darauf hinzuweisen, dass die rechtlichen Begriffe in diesem Bereich noch recht unpräzise sind (z.B. „soziale Gruppe“, „Beleidigung der Gefühle

von Gläubigen“, „offene Missachtung“ usw.) und von den Rechtsanwendern unterschiedlich ausgelegt werden, was zu widersprüchlichen Urteilen führt.

In der russischen Gerichts- und Ermittlungspraxis sowie im Rahmen der Sachverständigentätigkeit hat sich die so genannte psychologische Untersuchung der Tatmittel weitgehend durchgesetzt. Nicht selten wird diese psychologische Methode allerdings fehlerhaft angewendet, indem beispielsweise anhand eines Bildes (ohne die Person, die die Inhalte veröffentlicht hat, zu berücksichtigen), das nicht von dem mutmaßlicher Verbreiter stammt, Feststellungen, wie das „Verhältnis der Person zu den veröffentlichten Inhalten“ (Billigung/Missbilligung), eine gewisse „sozial-psychologische Ausrichtung des Objektes“ (z.B. Erzeugung der Bereitschaft bei dem Adressaten, die Ideologie zu teilen und an der Tätigkeit der Organisation „Islamischer Staat“ teilzunehmen) usw. getroffen werden. Die angeführten Beispiele betreffen Umstände, die bei der Untersuchung durch Sachverständige anhand der im Internet veröffentlichten Inhalte an sich nicht feststellbar sind.

Aus unserer Sicht ist die Begründung der Strafbarkeit wegen Handlungen der Benutzer in sozialen Netzwerken (Likes; Kommentare ohne jeglichen Sinn und Inhaltsbezug) äußerst problematisch. Die Praxis der Heranziehung zur strafrechtlichen Verantwortung erhielt bereits einige Spitznamenbezeichnungen wie „Freiheitsstrafe wegen Repost“ oder „Freiheitsstrafe wegen Like“. So werden zum Beispiel die einfachsten „mechanischen“ Handlungen der Benutzer (Drücken des „Gefällt mir-Buttons“ oder des Zeichens mit Herzsymbol, des Buttons „Daumen hoch“, „Pfeil hoch“)

durch die Strafverfolgungsbehörden des Öfteren als öffentliche Billigung und Verbreitung (nach dem Drücken der Schaltfläche, die für eine positive Einschätzung steht, erfolgt der Versand an Liveticker der „Freunde“) der Inhalte ausgelegt, obwohl einige Benutzer von der Funktionsweise der sozialen Netzwerke keine Vorstellung haben und somit keinen bestimmten Zweck verfolgen (manchmal erhält der Benutzer keine Informationen über eine bestimmte Schaltfläche im sozialen Netzwerk).

Eine weitere Unzulänglichkeit der gesetzlichen Regelungen besteht aus unserer Sicht darin, dass der

Kontext der verbreiteten Inhalte bei der Einstufung einer Handlung (z.B. gem. Art. 20.3 des Ordnungswidrigkeitengesetzes „Öffentliche Vorführung von Nazi-Symbolen“) nicht berücksichtigt wird, was dazu führt, dass auch Personen strafrechtlich belangt werden, die satirische (z.B. Karikaturen und andere Bilder) Inhalte, Witze usw. veröffentlicht haben.

Die genannten Umstände haben dazu geführt, dass in der wissenschaftlich-praktischen Diskussion der Begriff „Unrechtmäßiger Antiextremismus“ geprägt wurde, was die besonderen Probleme dieses Themas veranschaulicht.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс] – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О противодействии экстремистской деятельности. Федер. закон от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ (в ред. от 23 ноября 2015 г.).
3. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 19 ноября 2009 г. N 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности».

Quellenverzeichnis

1. Strafgesetzbuch der Russischen Föderation vom 13. Juni 1996 Nr. 63-FG [Internetangebot] – Zugang aus dem Rechts- und Auskunftssystem „ConsultantPlus“.
2. Über die Bekämpfung der extremistischen Tätigkeit. Föderationsgesetz vom 25. Juli 2002 Nr. 114-FG (in der Fassung vom 23. November 2015).
3. Anordnung der Generalstaatsanwaltschaft der RF vom 19. November 2009 N 362 „Über die Organisation der Überwachung durch die Generalstaatsanwaltschaft zur Beachtung der Gesetze über die Bekämpfung der extremistischen Tätigkeit“.

УГОЛОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Дубовик Ольга Леонидовна

Цель. Характеристика уголовно-экологической политики Российской Федерации, ее структуры, проблем, связанных с ее формированием на современном этапе и ее роли в охране окружающей среды.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Государственная экологическая политика РФ представляет собой сплав двух разновидностей правовой политики, осуществляемой различными субъектами в таких областях как охрана окружающей среды, обеспечение правопорядка и законности, борьба с посягательствами на экологические и экономические права и интересы граждан, общества и государства. Она тесно связана с задачей защиты национальной безопасности России.

Уголовно-экологическая политика в Российской Федерации является комплексной, основывающейся на данных уголовного и экологического права, осуществляемой в рамках уголовного и экологического законодательства самыми разными субъектами постоянной (непрерывной) деятельности.

Становление уголовно-экологической политики пока что нельзя признать завершенным по ряду причин: опережающее развитие экологической преступности, включая появление новых видов опасного противоправного поведения; пренебрежение задачами борьбы с экологической преступностью; неготовность общества тратить значительные средства на организацию и функционирование специальных структур, задачей которых является пресечение и предупреждение экологических преступлений; отсутствие должного научного обеспечения.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи заключается в раскрытии структуры уголовно-экологической политики России как комплексного, основывающегося на данных уголовного и экологического права, института.

Ключевые слова: уголовное право, экологическое право, политика, субъект, экологическое преступление, предупреждение, государство.

Проблемам уголовно-экологической политики явно недостаточное внимание уделяют специалисты, исследующие как состояние и тенденции борьбы с преступностью, так и различные направления охраны окружающей среды. Уголовной политике посвящено множество работ¹. Экологиче-

ской политике в целом — значительно меньше, хотя в последнее время интерес к ней возрос²,

¹ См.: Жалинский А.Э. раздел I Уголовное политология и уголовная политика/ в кн. А.Э.Жалинский. Избранные труды в 4-х т. // отв. ред. О.Л.Дубовик. Т. 3. М., 2015. С. 7–111; а также работы М.М. Бабаева, С.В.Бородина, С.А.Босколова, П.С.Дагеля, А.И.Коробеева, В.Н.Кудрявцева, Ю.В. Пудовочкина и многих других.

² См.: Голиченков А.К. Современная государственная экологическая политика: правовые, политические, экономические проблемы реализации на национальном и международном уровнях// Экологическое право. 2016. № 3. Стр. 3–4; Русин С.Н. Экологическое политика и право. Проблемы формирования и реализации // Экологическое право. 2016. № 3. Стр. 9–14; Дубовик О.Л. Формирование экологической политики: история, достижения, тенденции и задачи (анализ теоретического наследия О.С. Колбасова) // Экологическое право. 2007. № 6.; Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Экологическая

в первую очередь в связи с принятием важных правовых документов общенационального значения. Так 2017 год объявлен Годом экологии согласно указу Президента РФ от 5 января 2016 г.¹, а также годом особо охраняемых природных территорий в целях дальнейшего совершенствования процессов экологического развития, сохранения биоразнообразия, улучшения качества жизни российских граждан, обеспечения экологической безопасности населения и территорий, снижения масштабов негативного воздействия на окружающую среду. В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденных указом Президента РФ от 30 апреля 2012 г., отмечается, что: «Стратегической целью государственной политики в области экологического развития является решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности» (п. 7).

Государственная экологическая политика РФ представляет собой сплав двух разновидностей правовой политики, осуществляемой различными субъектами в таких областях, как охрана окружающей среды, обеспечение правопорядка и законности, борьба с посягательствами на экологические и экономические права и интересы граждан, общества и государства. Она тесно связана с задачей защиты национальной безопасности России.

Уголовно-экологическая политика в Российской Федерации является комплексной, основывающейся на данных уголовного и экологического права, осуществляемой в рамках уголовного и экологического законодательства самыми разными субъектами постоянной (непрерывной) деятельности. Структурно – подобно другим видам правовой политики – уголовно-экологическая политика включает в себя ряд элементов:

а) субъектов разработки, принятия и реализации решений в рамках уголовно-экологической политики, в том числе законодателей, общественные объединения, специальные образования, задача-

безопасность в системе стратегического планирования Российской Федерации // *Lex Russica*. 2016, № 6. Стр. 170–183 и др.

¹ СЗ РФ. 2016. № 2 (ч. I). Ст. 321.

ми которых является выработка и принятие либо реализация уголовно-политических решений (например, природоохранные прокуратуры, суды, экологическая милиция, контрольно-надзорные природоохранные органы и др.), либо организационная деятельность по их реализации (органы управления охраной окружающей среды, органы местного самоуправления, осуществляющие профилактику экологических правонарушений и обеспечивающие деятельность самого широкого плана)²;

б) уголовное и экологическое законодательство. Так в УК РФ 1996 г. включена глава 26 «Экологические преступления», содержащая уголовно-правовые запреты посягательств на окружающую среду, ее компоненты и объекты, экологические права граждан, Экологические интересы государства и общества. С момента вступления Кодекса в действие в эту главу был внесен ряд изменений, дополнений³, что свидетельствует об определенном внимании к проблемам борьбы с экологической преступностью. Что касается законодательства экологического, то на протяжении двух последних десятилетий оно развивается весьма интенсивно как по количеству принимаемых законодательных и иных нормативно-правовых актов, так и показателям детализации правил поведения, установления требований, ограничений и запретов, нормативов воздействия на окружающую среду, стандартов и прочее⁴;

в) обеспечивающие ресурсы (финансовые, материальные, кадровые и др.). Как уже отмечалось, такие ресурсы предусматриваются не только в документах стратегического планирования (основах экологического развития, различных концепциях и стратегиях), но и в федеральных и региональных целевых программах, например, о снижении производства опасных отходов, развитии сети особо охраняемых природных территорий и т.д.;

г) совокупность мер (мероприятий) по выявлению, пресечению и предупреждению экологических преступлений.

Указанные элементы рассматриваются обычно при характеристике законодательства, системы

² Дубовик О.Л., Жалинский А.Э. Глава 20. Экологическая преступность в России: состояние, тенденции и средства борьбы // *Экологическая преступность в Европе* / сост. Ф. Коммт, Л. Кремер // отв. ред. О.Л.Дубовик. М.: Городец, 2010. Стр. 245.

³ См.: *Юридическая ответственность за экологические правонарушения* / отв. ред. О.Л.Дубовик. М., 2012. С. 46–58.

⁴ См.: Дубовик О.Л., Кремер Л., Люббе-Вольф Г. *Экологическое право* / под. ред. О.Л.Дубовик. 2-е изд. М7: Эксмо, 2008. С. 273–619.

управления, а не применительно к задаче оптимизации уголовно-экологической политики как таковой и повышения эффективности ее реализации.

Становление уголовно-экологической политики пока что нельзя признать завершенным: уголовно-экологическая политика в целом и взятая применительно к отдельным странам, в том числе к России, еще не сформировалась как устойчивый, формализованный, единый вид политики. Причины этого заключаются в следующем:

а) опережающее развитие экологической преступности, включая появление новых видов опасного противоправного поведения;

б) имевшее место на протяжении многих лет пренебрежение задачами борьбы с экологической преступностью, наблюдающееся сегодня отставание интереса к этому по сравнению с провозглашаемыми приоритетами борьбы с терроризмом, насильственной, коррупционной и иными видами преступности;

в) неготовность общества тратить значительные средства на организацию и функционирование специальных структур, задачей которых является пресечение и предупреждение экологических преступлений;

г) отсутствие должного научного обеспечения и др.

В то же время следует признать, что отдельным компонентам уголовно-экологической политики в Российской Федерации в последние годы уделялось особое внимание. Это относится, в первую очередь, к уголовному законодательству (что характерно для многих других стран), во вторую – к формированию системы специальных органов по борьбе с экологической преступностью (показательным примером чего служит опыт СССР и РФ по созданию сети природоохранных прокуратур и экологической милиции), хотя, к сожалению, в последнее время эта сеть сократилась, а экологическая милиция как таковая ликвидирована.

STRAFRECHTLICHE UMWELTPOLITIK DES RUSSISCHEN STAATES IN DER GEGENWART

Olga Dubovik

Ziel. Die Charakteristik strafrechtlichen-Umweltpolitik der Russischen Föderation, ihrer Struktur, der Probleme im Zusammenhang mit ihrer Bildung in der gegenwärtigen Phase und ihrer Rolle im Umweltschutz.

Methodologie:. Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die staatliche Umweltpolitik der Russischen Föderation ist eine Zusammensetzung von zwei Arten der Rechtspolitik, ausgeübt von den verschiedenen Akteuren in solchen Bereichen wie Umweltschutz und die Sicherung der Rechtsordnung und Gesetzlichkeit, der Kampf gegen die Angriffe auf die ökologischen und wirtschaftlichen Rechte und Interessen der Bürger, der Gesellschaft und des Staates. Sie ist eng mit der Aufgabe des Schutzes der nationalen Sicherheit Russlands verbunden.

Strafrechtliche Umweltpolitik in der Russischen Föderation ist ein komplexes Gebilde, dass auf den Daten des Straf- und Umweltrechts basiert, im Rahmen der Straf- und Umweltschutzvorschriften durch verschiedenste Akteure als kontinuierliche Tätigkeit realisiert wird.

Das Entstehen der strafrechtlichen Umweltpolitik kann noch nicht als abgeschlossen aus einer Reihe von Gründen betrachtet werden. Überholende Entwicklung der ökologischen Kriminalität, einschließlich der Erscheinung von neuen Arten des gefährlichen rechtswidrigen Benehmens; die Vernachlässigung der Aufgaben der Bekämpfung der ökologischen Verbrechen; mangelnde Bereitschaft der Gesellschaft, erhebliche Mittel für die Organisation und den Betrieb von speziellen Strukturen einzusetzen, deren Aufgabe ist es, Umweltverbrechen zu verhüten und zu unterbinden; der Mangel an geeigneter wissenschaftlicher Begleitung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung der wissenschaftlichen Artikels liegt in der Entdeckung der Strukturen strafrechtlichen-Umweltpolitik Russlands als eines komplexen, sich auf Daten des Strafrechts und Umweltrechts stützenden Instituts.

Stichwörter: Strafrecht, Umweltrecht, Politik, Subjekt, ökologische Verbrechen, Verhütung, Staat.

Spezialisten, die den Zustand und die Tendenzen der Bekämpfung der Kriminalität, so wie verschiedene Bereiche des Umweltschutzes untersuchen schenken den Problemen der strafrechtlichen Umweltpolitik offensichtlich ungenügende Aufmerksamkeit. Der strafrechtlichen Politik sind viele Arbeiten gewidmet 1. Der Umweltpolitik insgesamt schon deutlich weniger, obwohl in letzter Zeit das Interesse daran gestiegen ist, in erster Linie im Zusammenhang mit der Verabschiedung von wichtigen rechtlichen Dokumente von nationaler Bedeutung². So erklärte der Präsident das Jahr 2017 zum Jahr der Ökologie (Verordnung des Präsidenten der Russischen Föderation vom 5. Januar 2016³). Das schließt die Verstärkung von Schutzgebieten zur weiteren Verbesserung der ökologischen Prozesse der Entwicklung und Erhaltung der Biodiversität, die Verbesserung der Lebensqualität der Russischen Bürger, die Gewährleistung der ökologischen Sicherheit der Bevölkerung und der Gebiete, die Verringerung von negativen Auswirkungen auf die Umwelt ein. In den Grundlagen der staatlichen Politik im Bereich der ökologischen Entwicklung der Russischen Föderation für den Zeitraum bis 2030, genehmigt durch das Dekret des Präsidenten der Russischen Föderation vom 30 April 2012, wird festgestellt, dass: «das Strategische Ziele der staatlichen Politik im Bereich der ökologischen Entwicklung die Lösung von sozial-wirtschaftlichen Aufgaben, das ökologisch orientierte Wachstum der Wirtschaft, die Erhaltung der Umwelt, der biologischen Vielfalt und der natürlichen Ressourcen zur Befriedigung der Bedürfnisse der gegenwärtigen und zukünftigen Generationen, die Verwirklichung des Rechts eines Jeden auf eine gesunde Umwelt, die Stärkung der Rechtsstaatlichkeit im Bereich Umweltschutz und

Gewährleistung der ökologischen Sicherheit sind» (P. 7).

Die staatliche Umweltpolitik der Russischen Föderation ist eine Zusammensetzung zweier Sorten der gesetzlichen Politik, ausgeübt von den verschiedenen Akteuren in Bereichen wie Umweltschutz und Sicherung der Rechtsstaatlichkeit und Legalität, der Kampf gegen die Angriffe auf die ökologischen und wirtschaftlichen Rechte und Interessen der Bürger, der Gesellschaft und des Staates. Sie ist eng mit der Aufgabe des Schutzes der nationalen Sicherheit Russlands verbunden.

Strafrechtliche Umweltpolitik in der Russischen Föderation ist ein komplexes Gebilde, dass auf den Daten des Straf- und Umweltrechts basierend, im Rahmen der Straf- und Umweltschutzvorschriften durch verschiedenste Akteure als kontinuierliche Tätigkeit realisiert wird. Strukturell – ähnlich wie bei anderen Arten der Rechtspolitik – umfasst die strafrechtliche Umweltpolitik eine Reihe von Elementen:

A) Die Subjekte der Ausarbeitung, Verabschiedung und Umsetzung von Entscheidungen im Rahmen der strafrechtlichen Umweltpolitik, einschließlich des Gesetzgebers, öffentlicher Vereinigungen, der Institutionen, zu deren Aufgaben die Erarbeitung und Realisierung von strafrechtspolitische Entscheidungen (z. B. Naturschutz-Staatsanwaltschaft, Gerichte, ökologische Miliz, Steuerungs- und Überwachungsbehörden, etc.) oder die organisatorische Tätigkeit nach Ihrer Realisierung (Verwaltungsorgane für den Umweltschutz, Organe der örtlichen Selbstverwaltung, die Prävention von Umweltstraftaten und unterschiedliche Umweltaktivitäten durchführen⁴ gehören;

B) Straf- und Umweltgesetze. So ist im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation von 1996 das Kapitel 26 «Umweltverbrechen» enthalten, das strafrechtliche Verbote von Eingriffen in die Umwelt, seine Komponenten und Objekte, die ökologischen Rechte der Bürger, ökologische Interessen des Staates und der Gesellschaft regelt. Seit dem Inkrafttreten des Kapitels 26 des Strafgesetzbuches wurde eine Reihe von Änderungen und Ergänzungen in das Kapitel eingefügt⁵, das zeugt von einer bestimmten Aufmerksamkeit gegenüber den Problemen der Bekämpfung ökologischer Kriminalität. Die

¹ Siehe: *Жалинский А. Е.* Abschnitt I Kriminellen Politikwissenschaft und die strafrechtliche Politik/ in Kn. А. Е. Жалинский. *Ausgewählte Werke in 4-T.* // СТЕ. Hrsg. von О. L. Dubovik. Т. 3. М., 2015. S. 7–111; sowie die arbeiten von М. М. Babayev, S. V. Borodin, S. A. Бос-холова, P. S. Дагеля, А. I. Коробеева, V. N. Kudryavtseva, J. W. Пудовочкина und vielen anderen.

² Siehe: *Голиченков А. К.* Moderne Staatliche Umweltpolitik: die rechtlichen, politischen, wirtschaftlichen Probleme der Umsetzung auf nationaler und internationaler Ebene // *umweltrechtliche.* 2016. No. 3. Seite. 3–4; *Rusin S. N.* Ökologische Politik und Recht. Probleme der Bildung und Umsetzung // *umweltrechtliche.* 2016. No. 3. Seite. 9–14; *Dubovik O. L.* die Bildung der Umweltpolitik: Geschichte, Erfolge, Trends und Herausforderungen (*Analyse des theoretischen Erbes O. S. Колбасова*) // *umweltrechtliche.* 2007. Nummer 6.; *Жаворонкова N. G.*, SHPAKOVSKIY Yg Umweltsicherheit im System der strategischen Planung der Russischen Föderation // *Lex Russica.* 2016, Nr. 6. Seite. 170–183 et Al.

³ СЗ РФ. 2016. № 2 (ч I). Ст. 321.

⁴ *Dubovik O. L., Жалинский А. Е.* Kapitel 20. Ökologische Kriminalität in Russland: Zustand, Tendenz und Maßnahmen für den Umgang // *Umwelt-Kriminalität in Europa / Sost. F. Коммт, L. Kremer* // СТЕ. Hrsg. von О. L. Dubovik. М.: Gorodez, 2010. Seite. 245.

⁵ Siehe: Die juristische Verantwortung für umweltdelikte / *Tob.* Hrsg. von О. L. Dubovik. М., 2012. S. 46–58.

ökologische Gesetzgebung entwickelt sich in den letzten zwei Jahrzehnten sehr intensiv, sowohl was die Anzahl der verabschiedeten Gesetze und anderer normativen Rechtsakte betrifft, als auch hinsichtlich des Genauigkeitsgrads der Verhaltensregeln, der Anforderungen, der Einschränkungen und der Verbote, der Normierung der Auswirkungen auf die Umwelt, Umweltstandards etc.¹ ;

C) Ressourcen (finanzielle, materielle, personelle, etc.). Diese Ressourcen werden nicht nur in den Dokumenten der strategischen Planung (Grundlagen der ökologischen Entwicklung, verschiedene Konzepte und Strategien), sondern auch in föderalen- und regionalen Zielprogrammen, z.B. über die Verringerung der Produktion von gefährlichen Abfällen, Entwicklung eines Netzwerks von besonders geschützten Naturgebieten usw. erwähnt;

D) Gesamtheit der Maßnahmen (Aktivitäten) zur Identifizierung, Bekämpfung und Vorbeugung von Umweltverbrechen.

Diese Elemente werden traditionell bei der Charakteristik der Gesetzgebung, des Steuerungssystems der Verwaltung, und nicht in Bezug auf die Aufgabe der Optimierung der strafrechtlichen Umweltpolitik als solcher oder der Steigerung ihrer Wirksamkeit erwähnt.

Das Entstehen der strafrechtlichen Umweltpolitik kann noch nicht als abgeschlossen betrachtet werden, im Allgemeinen nicht und nicht in einzelnen Ländern, z.B. in Russland. Eine stetige, formalisierte, einheitliche Art der Politik für Umweltstrafrecht hat sich noch nicht gebildet.

Die Gründe dafür sind wie folgt:

A) Überholende Entwicklung der ökologischen Kriminalität, einschließlich der Entstehung neuer Arten des gefährlichen illegalen Verhaltens;

B) die seit vielen Jahren stattfindende Vernachlässigung der Aufgaben der Bekämpfung der ökologischen Verbrechen; das Interesse an ihnen ist im Vergleich zu der prioritäreren Bekämpfung des Terrorismus, der Gewalt, der Korruption und anderen Formen von Kriminalität geringer;

C) mangelnde Bereitschaft der Gesellschaft, erhebliche Mittel für die Organisation und den Betrieb von speziellen Strukturen, deren Aufgabe es ist, den Umweltverbrechen vorzubeugen und sie zu beenden, auszugeben;

D) der Mangel an geeigneter wissenschaftlicher Begleitung, etc.

Dennoch sollte man anerkennen, dass die einzelnen Komponenten der strafrechtlichen Umweltpolitik in der Russischen Föderation in den letzten Jahren besondere Aufmerksamkeit erfahren haben. Dies bezieht sich in erster Linie auf das Strafrecht (das ist typisch auch für viele andere Länder), in zweiten Linie auf das System der Bildung von speziellen Organen zur Bekämpfung der ökologischen Verbrechen (als gutes Beispiel dazu können die Erfahrungen der UdSSR und der Russischen Föderation zur Schaffung eines Netzes von Naturschutzorganisationen, der Staatsanwaltschaften und der ökologischen Miliz dienen). Leider ist in letzter Zeit dieses Netzwerk geschrumpft und die ökologische Miliz als solche eliminiert worden.

¹ Siehe: *Dubovik O. L. L. Kremer Lübke-Wolff G. umweltrechtliche / unter. ed O. L. Dubovik. 2. Aufl. M7: Eksmo, 2008. S. 273–619.*

РАЗЪЯСНЕНИЕ СВИДЕТЕЛЯМ ИХ ПРАВ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ГЕРМАНИИ)

Зайцев Олег Александрович

***Цель.** Провести сравнительный анализ требований законодательства России и Германии в части разъяснения свидетелям их прав в ходе производства по уголовному делу. Дать оценку уровню нормативно правового регулирования в данной сфере и достаточности существующих гарантий прав свидетелей.*

***Методология:** диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** Четкое и своевременное разъяснение свидетелю его прав и обязанностей является одной из основных гарантий их реализации, эффективного участия лица в уголовном процессе. Существующих законодательно закрепленных дополнительных гарантий явно недостаточно для реальной защиты свидетелем своих интересов в ходе производства по уголовному делу.*

Для достижения максимальной эффективности в разъяснении прав свидетеля достаточно будет ограничиваться перечислением лишь основных (указанных в специальной статье, посвященной данному участнику судопроизводства) и ситуативных (т.е. характерных только для производства предстоящего процессуального действия) прав, при условии предварительности, письменности (наглядности) а также надлежащего процессуального закрепления этого действия.

Проведенный сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства России и Германии в части разъяснения свидетелям их прав позволяет сделать вывод о том, что УПК Германии содержит более подробную регламентацию данной процедуры, что, безусловно, в большей степени создает необходимые условия для реализации свидетелями своих прав как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства уголовного дела.

***Научная и практическая значимость.** Статья выявляет недостатки и позволяет определить основные направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в сфере обеспечения свидетелям защиты их конституционных прав и интересов в ходе производства по уголовному делу.*

***Ключевые слова:** уголовный процесс, уголовно-процессуальное законодательство, свидетель, права, интересы, судебное разбирательство.*

1. Свидетель, вступая в уголовно-процессуальные отношения, оказывается в условиях, которые допускают возможность определенного ограничения его общегражданских прав и законных интересов. Несмотря на то, что данный субъект уголовно-процессуальных отношений наделяется законодательно закрепленными дополнительными гарантиями и направленными на обеспечение

его конституционных прав, тем не менее, данных гарантий явно недостаточно для реальной защиты своих интересов в ходе производства по уголовному делу.

2. Разъяснение свидетелям их прав, а также создание необходимых условий для их реализации являются первейшими и необходимыми предпосылками соблюдения и обеспечения

прав данных участников уголовного судопроизводства. Указанные положения нашли свое законодательное выражение в ч. 1 ст. 11, ч. 4, ч. 5 ст. 164 УПК РФ. В данных нормах говорится об обязанности сотрудников правоохранительных органов разъяснять любому участнику уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность, а также обеспечивать возможность осуществления этих прав. Четкое и своевременное разъяснение свидетелю его прав и обязанностей является одной из основных гарантий их реализации, эффективного участия лица в уголовном процессе.

3. В юридической литературе имеется точка зрения, согласно которой простое устное разъяснение свидетелю его прав порой не способно обеспечить даже элементарного их запоминания. Зачастую свидетельствующие по делу лица испытывают различные трудности в реализации предоставленных им прав, так как не знают, каким образом они охраняются уголовно-процессуальным законодательством, не понимают их назначения. Это происходит потому, что свидетель уведомляется о своих правах и обязанностях скороговоркой, без учета его культурного уровня, без апелляции к его гражданским и нравственным чувствам. К чему это приводит, показывают результаты проведенного нами опроса свидетелей, явившихся в суд для дачи показаний. Так, 87% граждан, из числа опрошенных, показали, что в ходе предварительного следствия права свидетеля им не разъяснялись, поэтому назвать их они не могут. Лишь 7% свидетелей смогли частично назвать свои уголовно-процессуальные права.

Соглашаясь с правильностью такой позиции, многие авторы предлагают при разъяснении участнику уголовного судопроизводства его прав в обязательном порядке составлять отдельный процессуальный документ – протокол разъяснения прав и обязанностей, который должен включать в себя полный перечень прав данного лица¹.

Необходимость указанных предложений вызывает определенные сомнения, поскольку отражение в одном документе всех без исключения прав свидетеля может привести, во-первых, к затруднению их восприятия со стороны самого свидетеля, во-вторых – к излишней перегруженности и формализации всего производства по уголовному делу.

¹ См., напр.: Галимханов А.Б. Организационно-тактические особенности расследования преступлений в условиях расширения прав подозреваемых и обвиняемых на защиту. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2001. С.87.

Для достижения максимальной эффективности в разъяснении прав свидетеля достаточно будет ограничиваться перечислением лишь основных (указанных в специальной статье, посвященной данному участнику судопроизводства) и ситуативных (т.е. характерных только для производства предстоящего процессуального действия) прав, при условии предварительности, письменности (наглядности), а также надлежащего процессуального закрепления этого действия.

4. В российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует специальная статья, посвященная разъяснению свидетелям их прав. Также в УПК РФ не содержится каких-либо конкретных положений о том, какой именно объем прав должен быть разъяснен свидетелю перед его допросом. Например, в ст. 166 УПК РФ упоминается лишь о необходимости отражения в протоколе следственного действия факта разъяснения его участникам их прав «в соответствии с настоящим Кодексом».

5. В отличие от российского уголовно-процессуального законодательства в УПК ФРГ содержится норма, предусматривающая разъяснение свидетелям их прав. Согласно параграфу 57 перед началом производства допроса свидетели предупреждаются о том, что они должны говорить правду. Им также разъясняются уголовно-правовые последствия дачи ложных или неполных показаний².

Также свидетелям предоставляется информация о возможности принятия присяги в порядке, предусмотренном параграфом 59 УПК ФРГ (если суд по своему усмотрению сочтет это необходимым в связи с решающим значением показаний или для обеспечения дачи правдивых показаний).

Приведение свидетелей к присяге осуществляется после их допроса с тем, чтобы дать им возможность при необходимости исправить ложные показания и, таким образом, избежать уголовной ответственности за лжеприсягу, которая предусмотрена параграфом 154 УУ ФРГ³.

В соответствии с параграфом 62 УПК ФРГ на стадии предварительного расследования приведение к присяге допускается, если дело не терпит отлагательства или свидетель предположительно

² См.: Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: русский перевод П.В. Головенков, М.: Проспект, 2012.

³ См.: Hellmann U. Strafprozessrecht, 2.Aufl., 2006, Rn. 725.

не сможет явиться на судебное заседание (в случае болезни, слабого здоровья, преклонного возраста и др.).

6. Согласно требованиям параграфа 57 УПК ФРГ в случае принятия свидетелем присяги ему должны быть даны разъяснения о значении присяги и о том, что присяга может приниматься с религиозной и без религиозной клятвы. Следует отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве Германии закреплен текст присяги (параграф 64 УПК ФРГ), а также процедура подтверждения (равносильного присяге) свидетелем того, что его показания являются правдивыми,

если он отказывается принимать присягу по религиозным или идеологическим причинам (параграф 65 УПК ФРГ).

7. Проведенный сравнительный анализ уголовно-процессуального законодательства России и Германии в части разъяснения свидетелям их прав позволяет сделать вывод о том, что УПК Германии содержит более подробную регламентацию данной процедуры, что, безусловно, в большей степени создает необходимые условия для реализации свидетелями своих прав как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства уголовного дела.

BELEHRUNG DES ZEUGEN ÜBER SEINE RECHTE IM STRAFVERFAHREN (Vergleichende Analyse der russischen und deutschen Gesetzgebung)

Oleg Zaytsev

Ziel. Eine vergleichende Analyse der Anforderungen der Gesetzgebungen von Russland und Deutschland im Teil der Erläuterungen den Zeugen ihrer Rechte im Rahmen des Strafverfahrens. Eine Einschätzung der Ebene der normativ gesetzlichen Regelung in diesem Bereich und der Angemessenheit der bestehenden Garantien der Rechte von Zeugen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Eine klare und rechtzeitige Belehrung des Zeugen über seine Rechte und Pflichten ist eine grundlegende Voraussetzung für ihre Ausübung und die effektive Beteiligung von Personen im Strafverfahren. Obwohl der Zeuge verfassungsrechtlich garantierte Rechte und einen Anspruch auf Beachtung dieser Rechte hat, genügen diese Garantien allein nicht, seine Rechte im Strafverfahren wirksam zu schützen.

Zur Gewährleistung der größtmöglichen Wirksamkeit der Belehrung genügt es, dem Verfahrensbeteiligten seine grundlegenden Rechte (die in der für den Betroffenen einschlägigen Vorschrift der Strafprozessordnung geregelt sind) und die Rechte in der konkreten Verfahrenssituation (d.h. die Rechte, die gerade für die Durchführung des bevorstehenden Untersuchungsverfahrens relevant sind) mitzuteilen, und zwar vor der Vornahme der Maßnahme in schriftlicher Form, um die Verständlichkeit zu gewährleisten, sowie unter Beachtung der gesetzlichen Vorschriften.

Die vergleichende Analyse der russischen und deutschen Strafprozessgesetzgebung zur Belehrung des Zeugen über seine Rechte und Pflichten zeigt, dass die deutsche Strafprozessordnung detaillierte Regelungen enthält. Dadurch werden in einem größeren Ausmaß die notwendigen Voraussetzungen für die wirksame Ausübung der Rechte durch den Zeugen sowohl im Ermittlungsverfahren als auch in der Hauptverhandlung geschaffen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Artikel bringt Nachteile und ermöglicht die Bestimmung der wichtigsten Richtungen der Verbesserung der strafrechtlich-prozessualen Gesetzgebung der Russischen Föderation im Bereich der Sicherung den Zeugen des Schutzes ihrer verfassungsmäßigen Rechte und Interessen im Rahmen des Strafverfahrens.

Stichwörter: Strafprozess, Strafprozessrecht, Zeuge, Rechte, Interessen, Gerichtsverfahren.

1. Der Zeuge ist im Strafverfahren bestimmten Beschränkungen seiner Rechte und berechtigten Interessen

unterworfen. Obwohl der Zeuge verfassungsrechtlich garantierte Rechte und einen Anspruch auf Beachtung

dieser Rechte hat, genügen diese Garantien allein nicht, seine Rechte im Strafverfahren wirksam zu schützen.

2. Die Belehrung des Zeugen über seine Rechte sowie die Schaffung der notwendigen Voraussetzungen für die Verwirklichung dieser Rechte sind notwendige Voraussetzungen für deren Einhaltung und für die effektive Wahrnehmung der Rechte durch den Zeugen in einem Strafverfahren.

Das russische Strafverfahrensrecht enthält die einschlägigen Vorschriften in Art. 11 Abs. 1, Art. 164 Abs. 4, 5 Strafprozessordnung (rStPO). Diese Regelungen beziehen sich auf die Verpflichtung der Strafverfolgungsbehörden, die an einem Strafverfahren Beteiligten über ihre Rechte, Pflichten und Verantwortlichkeit zu belehren, und sollen die Möglichkeit der Ausübung der Rechte gewährleisten.

Eine klare und rechtzeitige Belehrung des Zeugen über seine Rechte und Pflichten ist eine grundlegende Voraussetzung für ihre Ausübung und die effektive Beteiligung von Personen im Strafverfahren.

3. Nach einer Auffassung in der Literatur genügt die bloße mündliche Belehrung des Zeugen über dessen Rechte nicht, weil manche Zeugen sich ihre Rechte nicht so leicht einprägen können. Oft haben Zeugen Schwierigkeiten bei der Ausübung der ihnen zustehenden Rechte, weil sie nicht wissen, wie sie durch das Strafverfahrensrecht geschützt werden. Sie verstehen u.U. auch nicht den Zweck ihrer Rechte.

Das kann daran liegen, dass dem Zeugen seine Rechte und Pflichten zu schnell erklärt werden, ohne auf seinen Bildungsstand Rücksicht zu nehmen und ohne auf den rechtlichen und moralischen Sinn ihrer Aussage hinzuweisen. Zu welchen Konsequenzen solche Belehrungen führen können, zeigen die Ergebnisse einer Befragung von Zeugen, die vor Gericht ausgesagt hatten.

87% der Befragten teilten mit, sie seien während des Verfahrens nicht nachvollziehbar über ihre Rechte belehrt worden, sodass sie diese Rechte nicht nennen konnten. Nur 7% der Zeugen waren in der Lage, ihre Rechte im Strafprozess teilweise mitzuteilen.

Ausgehend von diesen Erkenntnissen schlagen viele Autoren vor, über die Belehrung der Verfahrensbeteiligten immer ein separates Dokument aufzusetzen, also ein Protokoll der Belehrung über die Rechten und Pflichten, das eine vollständige Aufzählung der Rechte enthalten müsse.¹

Die Notwendigkeit dieser Vorschläge ist jedoch fraglich, denn die Fixierung aller Rechte des Zeugen

in einem einzigen Dokument erschwert zum einen die Wahrnehmung auf Seiten des Zeugen und führt zum anderen zu einer übermäßigen Belastung und Formalisierung des gesamten Strafverfahrens.

Zur Gewährleistung der größtmöglichen Wirksamkeit der Belehrung genügt es, dem Verfahrensbeteiligten seine grundlegenden Rechte (die in der für den Betroffenen einschlägigen Vorschrift der Strafprozessordnung geregelt sind) und die Rechte in der konkreten Verfahrenssituation (d.h. die Rechte, die gerade für die Durchführung des bevorstehenden Untersuchungsverfahrens relevant sind) mitzuteilen, und zwar vor der Vornahme der Maßnahme in schriftlicher Form, um die Verständlichkeit zu gewährleisten, sowie unter Beachtung der gesetzlichen Vorschriften.

4. In der russischen Strafprozessgesetzgebung gibt es allerdings keinen speziellen Artikel, der sich der Belehrung des Zeugen über seine Rechte widmet. Auch die rStPO enthält keine näheren Bestimmungen über den Umfang der Belehrung des Zeugen vor seiner Vernehmung. Art. 166 rStPO schreibt lediglich vor, dass in das Protokoll des Untersuchungsverfahrens die Tatsache der Belehrung des Verfahrensbeteiligten über seine Rechte „nach diesem Kodex“ aufzunehmen ist.

5. Im Gegensatz zum russischen Strafprozessrecht enthält die deutsche StPO Vorschriften über die Zeugenbelehrung. Nach § 57 Satz 1 dStPO muss der Zeuge vor dem Beginn der Vernehmung über seine Pflicht, wahrheitsgemäße Aussagen zu machen, und die strafrechtlichen Konsequenzen einer falschen oder unvollständigen Aussage belehrt werden².

Der Zeuge ist zudem gemäß § 57 Satz 2 dStPO auf die Möglichkeit der Vereidigung nach § 59 dStPO hinzuweisen (wenn das Gericht nach seinem Ermessen die Vereidigung wegen der entscheidenden Bedeutung der Aussage oder zur Herbeiführung einer wahren Aussage für notwendig hält).

Der Zeuge wird gemäß § 59 Abs. 2 S. 1 dStPO erst nach der Vernehmung vereidigt und muss nach § 57 Satz 3 dStPO vor der Eidesleistung über die Bedeutung der Vereidigung belehrt werden, damit der Zeuge gegebenenfalls seine falsche Aussage korrigieren und dadurch die Strafbarkeit wegen Meineids nach § 154 dStGB vermeiden kann³.

§ 62 dStPO gestattet die Vereidigung im Ermittlungsverfahren, wenn Gefahr im Verzug ist oder der Zeuge voraussichtlich am Erscheinen in der Haupt-

¹ Galimhanov A.B., *Organisatorische und taktische Eigenschaften der Untersuchung der Verbrechen unter den Bedingungen der Ausweitung der Verteidigungsrechte von Verdächtigen*, Doktorarbeit, Ufa, 2001, S.87.

² Deutsches Strafgesetzbuch: die russische Übersetzung von P. Golovnenkov, Moskau, Verlag "Prospekt", 2012.

³ См.: Hellmann U. Strafprozessrecht, 2.Aufl., 2006, Rn. 725.

verhandlung verhindert sein wird (wegen Krankheit, Alter, etc.).

Die Belehrung nach § 57 Satz 3 dStPO soll gewährleisten, dass dem Zeugen die strafrechtliche Bedeutung des Eides bewusst wird. Der Eid kann mit oder ohne religiöse Beteuerung geleistet werden. § 64 dStPO enthält die Eidesformeln mit (Abs. 1) und ohne religiöse Beteuerung (Abs. 2). Behauptet der Zeuge, aus Glaubens- oder Gewissensgründen keinen Eid leisten zu wollen, so muss er nach § 65 dStPO eine eidesgleiche Bekräftigung der Wahrheit seiner Aussage abgeben.

§ 65 Abs. 1 Satz 2 dStPO ist der Zeuge darüber zu belehren, dass die Bekräftigung dem Eid gleichsteht.

6. Die vergleichende Analyse der russischen und deutschen Strafprozessgesetzgebung zur Belehrung des Zeugen über seine Rechte und Pflichten zeigt, dass die deutsche Strafprozessordnung detaillierte Regelungen enthält. Dadurch werden in einem größeren Ausmaß die notwendigen Voraussetzungen für die wirksame Ausübung der Rechte durch den Zeugen sowohl im Ermittlungsverfahren als auch in der Hauptverhandlung geschaffen.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ

Мацкевич Игорь Михайлович

Цель. Дать характеристику сложившейся системе дополнительного уголовного права Российской Федерации, причинам его формирования. Провести сравнение с аналогичными институтами в праве СССР, определить преимущества современного дополнительного уголовного права России и обосновать необходимость признания его существования.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Преимущества современного дополнительного уголовного права России заключаются в следующем: 1) целевое направление (решение конкретных задач); 2) временный характер (после решения задач, закон может быть отменен); 3) сохранение системности кодифицированного акта (не нужно постоянно вносить изменения в уголовный кодекс).

Игнорирование сложившегося дополнительного уголовного права приводит к неполноценности принимаемых уголовных нормативных правовых актов, точно также игнорирование судебного прецедента Верховного Суда России, пусть и выраженного в специфической форме, так называемых, разъяснений, ведет к двусмысленности и неопределенности, что для любого современного права губительно.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи заключается в обосновании необходимости признания института дополнительного уголовного права в Российской Федерации.

Ключевые слова: дополнительное уголовное право, уголовное законодательство, правовой акт, закон, ответственность, преступление.

Система уголовного законодательства России носит ярко выраженный кодифицированный характер. При этом в последнее время принимается большое количество специальных уголовных нормативных правовых актов, которые прямо регулируют особые отношения, складывающиеся в той или иной области человеческой деятельности. Как правило, эти общественные отношения связаны с большой общественной опасностью, которую представляют действия тех или иных лиц, направленные на их разрушение. Например, приняты следующие уголовные нормативные правовые акты: Федеральный закон О противодействии экстремистской деятельности (27 июня 2002 г., в редакции от 23 ноября 2015 г.); Федеральный закон О противодействии терроризму (26 февраля 2006 года, в редакции от 06 июля 2016 г.); Федеральный закон О противодействии коррупции (19 декабря 2008 г., в редак-

ции от 3 июля 2016 г.); Федеральный закон Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (21 мая 1999 г., в редакции от 03 июля 2016 г.); Федеральный закон Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации (10 июня 2016 г.)

Последние два закона являются законами, направленными на предупреждение совершения преступлений, но в целом вписываются в общую сложившуюся систему дополнительного уголовного права Российской Федерации. Подтверждается вышесказанное тем, что в субъектах Российской Федерации не принимаются никакие другие нормативные правовые акты в развитие федеральных уголовных законов и указанные законы действуют напрямую.

Примечательно, что рассмотренные законы построены по одним и тем же принципам, что

также говорит о системном и не случайном подходе к их принятию. Например, в федеральных законах о противодействии коррупции, экстремизму и терроризму сначала даются правовые основания запрета той или иной повышенной общественно опасной деятельности, затем регламентируются принципы борьбы с этой деятельностью, и потом определяются основные понятия деятельности, связанной с этой борьбой. Заключительные положения законов обязательно предусматривают международное сотрудничество по направлениям борьбы с деяниями, против которых направлен закон. Следовательно, разработка и принятие указанных законов – не случайность, а вполне сознательная целенаправленная работа.

Как видно из дат принятия законов, дополнительное уголовное право в России начало складываться в начале, так называемых, нулевых годов.

Формирование дополнительного уголовного права России произошло по следующим причинам: 1) естественная взаимосвязь с правом других стран; 2) усложнение системы права в целом, включая систему уголовного права России; 3) стремительные изменения общественных отношений, вектор которых не поддается сколько-нибудь длительному прогнозированию, что приводит к бесконечному изменению кодифицированного законодательства; 4) субъективное желание представителей политической власти решать многие социальные и экономические проблемы преимущественно репрессивными уголовными правовыми мерами; 5) искусственное отрицание закономерного развития дополнительного уголовного права в России.

В настоящее время нет никого в России, кто открыто признает дополнительное уголовное право. Из-за этого сложившаяся система дополнительного уголовного права выглядит недоделанной и работает плохо. Такое впечатление, что создали экскаватор, но вместо ковша приделали лопату.

Вместе с тем, опыт дополнительного уголовного права был в Советском Союзе. Существовал Закон СССР Об уголовной ответственности за государственные преступления от 25 декабря 1958 г. Также эффективно применялся Закон СССР Об уголовной ответственности за воинские преступления от 25 декабря 1958 г.

Современные федеральные уголовные нормативные правовые акты совершенно не похожи с этими законами по стилю юридической техники, использованной при их создании. Современные законы представляют собой, так называемые, рамочные законы, в то время, как законы советского периода предусматривали санкции за нарушение установленных запретов. Другими словами, приведенные выше законы СССР были уголовными законами с конкретными составами преступлений, которые составной частью потом, после соответствующей законодательной процедуры, входили в уголовные кодексы союзных республик. Если абстрагироваться от политических задач, на решение которых были направлены эти законы, то следует признать юридическую корректность их разработки и юридическую точность при их применении. Особенно это касается закона об ответственности за воинские преступления, который унифицировал уголовную ответственность советского военнослужащего, независимо на территории какого субъекта федерации он совершал соответствующее преступление.

Преимущества современного дополнительного уголовного права России заключаются в следующем: 1) целевое направление (решение конкретных задач); 2) временный характер (после решения задач закон может быть отменен); 3) сохранение системности кодифицированного акта (не нужно постоянно вносить изменения в уголовный кодекс).

Признание дополнительного уголовного права России потребует существенной переработки теоретических подходов к построению общей части уголовного кодекса. В то же время с практической точки зрения это позволит эффективно и быстро решать те или иные проблемы уголовно-правовыми средствами там, где это необходимо.

Игнорирование сложившегося дополнительного уголовного права приводит к неполноценности принимаемых уголовных нормативных правовых актов, точно также игнорирование судебного прецедента Верховного Суда России, пусть и выраженного в специфической форме, так называемых, разъяснений, ведет к двусмысленности и неопределенности, что для любого современного права губительно.

STRAFRECHTLICHE NEBENGESETZE DER RUSSISCHEN FÖDERATION

Igor Matskevich

Ziel. Eine Charakteristik des bestehenden Systems der strafrechtlichen Nebengesetze der Russischen Föderation, der Gründe deren Entstehung. Ein Vergleich mit ähnlichen Instituten in der Gesetzgebung der UdSSR, die Bestimmung der Vorteile der modernen strafrechtlichen Nebengesetze Russlands sowie die Begründung der Notwendigkeit der Anerkennung ihrer Existenz.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Zu den Vorteilen des modernen russischen Strafrechts werden dagegen die folgenden Aspekte gezählt:

- 1) Gezielte Ausrichtung (auf die Lösung der bestimmten Aufgaben);
- 2) Temporalität (nachdem die Aufgaben gelöst werden, kann das Gesetz abgeschafft werden);
- 3) Systemcharakter der Gesetze (Änderungen des allgemeinen Strafrechts sind nicht notwendig).

Die Ignoranz der bestehenden strafrechtlichen Nebengesetze hat jedoch die Unvollständigkeit des allgemeinen Strafrechts zur Folge. Die Ignoranz der gerichtlichen Präzedenzfälle durch den Obersten Russischen Gerichtshof in der Form kann zur Doppelsinnigkeit und Unklarheiten führen. Das ist für jegliche moderne Gesetzgebung schädlich.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Begründung der Anerkennung des Instituts der strafrechtlichen Nebengesetze in der Russischen Föderation.

Stichwörter: strafrechtlichen Nebengesetze, Strafrecht, Rechtsakt, Gesetz, Verantwortung, Verbrechen .

Das Strafgesetzgebungssystem der Russischen Föderation ist durch einen ausgeprägten Kodifizierungscharakter gekennzeichnet. In letzter Zeit wurden mehrere Strafgesetze verabschiedet, die sich gegen besondere Verhältnisse in verschiedenen Bereichen richten. Die inkriminierten Handlungen betreffen grundsätzlich eine große gesellschaftliche Gefährlichkeit der beteiligten Personen. Es wurden z.B. die folgenden Strafgesetze erlassen: Das Föderale Gesetz über die Bekämpfung extremistischer Aktivitäten (27. Juni, 2002, idF von 23. November, 2015), das Föderale Gesetz über Terrorismusbekämpfung (26. Februar, 2006, idF von 06. Juli, 2016), das Föderale Gesetz über Korruptionsbekämpfung (19. Dezember, 2008, idF von 03. Juli, 2016), das Föderale Gesetz über die Grundsätze der Vorbeugung gegen Verwahrlosung und Rechtsverletzungen von Minderjährigen (21. März, 1999, idF von 03. Juli, 2016) und das Föderale Gesetz über die Grundsätze der Vorbeugung gegen Rechtsverletzungen in der Russischen Föderation (10. Juni, 2016).

Die letzten beiden Gesetze dienen zwar der Kriminalitätsvorbeugung, sie passen aber dennoch in das gesamte System der strafrechtlichen Nebengesetze der Russischen Föderation. Dies wird dadurch bestätigt, dass die Subjekte der Russischen Föderation keine anderen Normativrechtsakte, die diesen föderalen Strafgesetzen entgegenstehen würden, verabschiedet haben, und die obengenannten Gesetze direkt wirken.

Es ist festzustellen, dass die erwähnten Gesetze nach denselben Prinzipien gestaltet wurden. Das zeigt, dass ihnen ein systematisches Vorgehen zugrunde liegt, sie also nicht zufällig in dieser Weise gestaltet wurden. So werden z.B. in den Gesetzen zur Korruptions-, Extremismus- und Terrorismusbekämpfung zuerst die rechtlichen Grundlagen für das Verbot der jeweiligen besonders gesellschaftsgefährlichen Tätigkeit geschaffen, danach werden Vorschriften für die Bekämpfung dieser Tätigkeit geregelt und dann werden die Grundbegriffe der Aktivitäten, deren Bekämpfung die Gesetze dienen, bestimmt. Die abschließenden Regelungen der Gesetze enthalten die Vorschriften über die internationale Zusammenarbeit bei der Bekämpfung der Handlungen, gegen die das Gesetz gerichtet ist.

Aus den Daten des Inkrafttretens der Gesetze wird ersichtlich, dass die Entwicklung dieser strafrechtlichen Nebengesetze in Russland 1999 begann und sich in den 2000er Jahren fortsetzte.

Die folgenden Gründe haben zur Schaffung dieser zusätzlichen strafrechtlichen Regelungen in Russland geführt:

1. Notwendigkeit der Angleichung an das Recht der anderen Staaten;
2. zunehmende Komplizierung des Rechtssystems im Ganzen, einschließlich des Strafrechtssystems in Russland;

3. schnelle Änderungen der tatsächlichen Umstände in bestimmten Bereichen, deren weitere Entwicklung nicht für einen längeren Zeitraum eingeschätzt werden kann, sodass häufige Änderungen der gesetzlichen Vorschriften notwendig sind;

4. Streben der Vertreter der Staatsgewalt, viele soziale und wirtschaftliche Probleme hauptsächlich durch repressive strafrechtliche Maßnahmen zu beheben;

5. Fehlen einer normalen Entwicklung der strafrechtlichen Nebengesetze in Russland.

Bisher wird der Einsatz der strafrechtlichen Nebengesetze in Russland überwiegend abgelehnt. Die Ausgestaltung des Systems wirkt unfertig und es funktioniert nicht einwandfrei. Es entsteht der Eindruck, dass der Gesetzgeber an eine moderne Maschine ein altes Werkzeug geschraubt hat.

Allerdings existierten strafrechtliche Nebengesetze bereits in der Sowjetunion. So gab es ein UdSSR-Gesetz gegen Staatsverbrechen von 25. Dezember 1958. Auch das UdSSR-Gesetz über Militärstraftaten von 25. Dezember 1958 wurde effektiv angewandt.

Die Gesetzestechnik der heutigen föderalen Strafgesetze unterscheidet sich sehr von der sowjetischen Gesetze. Die modernen Gesetze sind so genannte Rahmengesetze, während in den sowjetischen Gesetzen die Sanktionen wegen einer Verletzung der geregelten Verbote vorgesehen waren. Die genannten UdSSR-Gesetze waren Strafgesetze, die bestimmte Straftatbestände enthielten, die durch das entsprechende Rechtssetzungsverfahren in die Strafkodexe der Unionsrepubliken eingefügt wurden. Ungeachtet der politischen Zwecke, die

diese Gesetze verfolgten, muss man anerkennen, dass die rechtstechnische Ausgestaltung zutreffend war und die Anwendungsregelungen rechtlich präzise waren. Das gilt insbesondere für das Gesetz über Militärstraftaten, das die strafrechtliche Verantwortlichkeit der sowjetischen Soldaten vereinheitlichte, unabhängig davon, auf welchem Gebiet eines Föderationssubjektgebiets er das Verbrechen beging.

Zu den Vorteilen des modernen russischen Strafrechts werden dagegen die folgenden Aspekte gezählt:

1) Gezielte Ausrichtung (auf die Lösung der bestimmten Aufgaben);

2) Temporalität (nachdem die Aufgaben gelöst werden, kann das Gesetz abgeschafft werden);

3) Systemcharakter der Gesetze (Änderungen des allgemeinen Strafrechts sind nicht notwendig).

Die Anerkennung der russischen strafrechtlichen Nebengesetze erfordert allerdings eine Fortentwicklung der dogmatischen Grundlagen der Regelungen des allgemeinen Teils in dem jeweiligen Gesetz. Aus praktischer Sicht erlaubt diese Gesetzgebungstechnik eine schnelle und effektive Lösung der Probleme mit strafrechtlichen Mitteln, wo dies erforderlich ist.

Die Regelung einer Materie in strafrechtlichen Nebengesetzen hat jedoch die Unvollständigkeit des allgemeinen Strafrechts zur Folge und auch Entscheidungen gerichtlicher Präzedenzfälle durch den Obersten Russischen Gerichtshof können trotz der Erläuterungen des Gesetzes durch den Gerichtshof zu Unklarheiten und mangelnder Bestimmtheit führen, was für ein modernes Strafgesetz schädlich ist.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕВЫПЛАТУ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Мацкевич Оксана Валерьевна

***Цель.** Дать характеристику состава преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ за невыплату заработной платы. Выделить две группы способов уголовно наказуемой невыплаты: полная невыплата заработной платы и выплата заработной платы не в полном объеме, привести анализ статистических данных применения указанной нормы в Российской Федерации, выявить причины выносимых решений об отказе в возбуждении уголовных дел по факту невыплаты заработной платы.*

***Методология:** диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** При возникновении дестабилизации в экономике страны, риск увеличения случаев задержки заработной платы резко возрастает. Заявления о совершении преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, в большинстве случаев, поступают от лиц, в течение длительного времени не получавших установленных законом выплаты. Достаточно часто указанные преступления обнаруживаются в ходе прокурорских проверок исполнения законодательства, значительно реже сообщения поступают от иных контролирурующих органов.*

В числе причин, наиболее часто являющихся основанием для принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела, автор выделяет следующие: отсутствие у коммерческой организации реальной возможности выплаты заработной платы и пособий; несоответствие периода, в течение которого образовалась просроченная задолженность перед работником, периоду, указанному в диспозиции ст. 145.1 УК РФ; отсутствие установленного юридического факта трудовых отношений; неподтверждение размера причитающейся работнику заработной платы, сверх выплат, которые предусмотрены трудовым договором; наличие подлежащих первоочередному исполнению требований налоговых органов об уплате налогов и сборов; виновные действия работника, связанные с невыполнением своих трудовых обязательств, оформлением и представлением работодателю документов, необходимых для выплаты пособия.

Обстоятельством, исключающим преступность деяния, также является состояние крайней необходимости.

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи заключается в характеристике состава преступления предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, а также выявлении причин, приводящих к отказу в возбуждении уголовных дел по факту невыплаты заработной платы.*

***Ключевые слова:** уголовный кодекс, преступление, заработная плата, мотив, субъект преступления, невыплата, порядок, сроки .*

Конституцией РФ (ст. 37) закреплено право на труд, запрещается принудительный труд и гарантируется право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации.

Около 95% населения России реализует свою способность к труду в качестве наемных работ-

ников, получающих за свой труд определенное трудовым договором вознаграждение. Для этой категории занятых граждан заработная плата является основным источником дохода. Несвоевременность выплаты заработной платы влечет дестабилизацию социальной обстановки и в ряде

случаев побуждает граждан к совершению противоправных действий.

Учитывая, что в силу указанных конституционных положений невыплата работникам заработной платы и иных установленных законодательством выплат является посягательством на основные конституционные права человека и гражданина, работодатель может быть привлечен к материальной, административной и (или) уголовной ответственности.

В частности, уголовная ответственность предусмотрена ст.145.1 УК РФ и наступает за невыплату заработной платы. Наиболее распространенным способом нарушения законодательства об оплате труда являются: несоблюдение порядка и сроков выплаты заработной платы; установление и выплата заработной платы ниже минимальной величины; нарушение требований закона об ограничении удержаний из заработной платы; оплата труда в неденежной форме в размере превышающем 20% от общей суммы заработной платы; несоблюдение требований по оплате труда.

Выделяют две группы способов уголовно наказуемой невыплаты: полная невыплата заработной платы и выплата заработной платы не в полном объеме. Полной невыплатой считается задержка заработной платы свыше двух месяцев. Обязательным признаком субъективной стороны состава преступления является мотив – корыстная или иная личная заинтересованность. Под корыстной заинтересованностью понимается стремление лица получить выгоду имущественного характера, под иной личной заинтересованностью – его стремление «извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п.»¹. Субъект преступления специальный – руководитель организации, работодатель – физическое лицо, руководитель филиала, представительства или иного обособленного структурного подразделения организации.

Как показывает практика, при возникновении дестабилизации в экономике страны, риск увеличения случаев задержки заработной платы резко возрастает. В настоящее время подобные явления вновь стали актуальными. По итогам первого полугодия 2015 года негативные тенденции заметно усилились – перед 76 317 работниками зафиксирована суммарная просроченная задолженность

в 3 313 827 тыс. руб. или на 37% больше, чем по результатам аналогичного периода прошлого года.

Во втором полугодии 2014 года зарегистрировано 4 060 сообщений об указанных преступлениях, а в первом полугодии 2015 года – 4 625 (или на 19% больше). Заявления о преступлении, предусмотренном ст. 145.1 УК РФ, в большинстве случаев поступают от лиц, в течение длительного времени не получавших установленные законом выплаты (от граждан во втором полугодии 2014 года поступило 1 756 сообщений, в первом полугодии 2015 года – 1 803).

Значительно реже сообщения поступают от контролирующих органов, которым стало известно о совершенном деянии, например, от Роструда. Например, из территориальных органов Роструда в период с 2014 года по первое полугодие 2015 года поступило всего 355 материалов.

Наряду с этим признаки состава анализируемого преступления достаточно часто обнаруживаются в ходе прокурорских проверок исполнения законодательства, регулирующего выплату заработной платы и иных установленных законом выплат (во втором полугодии 2014 года поступило 1 051 материалов, в первом полугодии 2015 года – 1 087). По результатам проверок сообщений о преступлении во втором полугодии 2014 года принято 2 728 (по 68% сообщений) решений об отказе в возбуждении уголовного дела, в первом полугодии 2015 года – 2 679 (по 58% сообщений). Таким образом, по подавляющему большинству сообщений принималось решение об отказе в возбуждении уголовного дела. В числе причин, послуживших основанием для принятия подобных решений, можно назвать следующие:

1. Отсутствие у коммерческой организации реальной возможности выплаты заработной платы и пособий ввиду недостатка финансовых средств из-за имеющихся убытков, образовавшихся в ходе хозяйственной деятельности, в том числе в случаях, повлекших банкротство предприятия.

2. Несоответствие периода, в течение которого образовалась просроченная задолженность перед работником, периоду, указанному в диспозиции ст. 145.1 УК РФ (менее 2 месяцев при полной невыплате и менее 3 месяцев – при частичной). Частичная выплата заработной платы в размере, превышающем ее долю, установленную в ч. 1 ст. 145.1 УК РФ.

3. Отсутствие установленного юридического факта трудовых отношений, в том числе при наличии заключенного гражданско-правового договора об оказании услуг, производстве работ и т.д.

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12. С. 5.

4. Неподтверждение размера причитающейся работнику заработной платы сверх выплат, которые предусмотрены трудовым договором («серая» зарплата).

5. Наличие подлежащих первоочередному исполнению требований налоговых органов об уплате налогов и сборов.

6. Виновные действия работника, связанные с невыполнением своих трудовых обязательств, оформлением и представлением работодателю документов, необходимых для выплаты пособия.

Одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния, является состояние крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Руководитель с целью избегания более тяжких последствий, например, банкротства и ликвидации организации, действует в целом в интересах предприятия, но при этом вынужден временно задерживать выплату заработной платы или выплачивать ее не в полном объеме. Такие ситуации возможны в градообразующих организациях, закрытие которых может повлечь более тяжкие социальные последствия. В числе причин, повлекших прекращение уголовного дела, значится проблема привлечения лица к уголовной ответственности, если до этого он был привлечен к административной ответственности, в соотношении с принципом «никто не должен дважды наказываться за одно и то же правонарушение» (*nemo debet bis puniri pro uno delicto*).

Осознавая социальную остроту, которую вызывают вопросы, связанные с невыплатой за-

работной платы и иных выплат, вытекающих из трудовых правоотношений во многих регионах России применяют меры, направленные на выявление нарушений порядка выплаты заработной платы и иных установленных законом выплат, своевременное их пресечение и привлечение лиц, виновных в их совершении, к установленной законом ответственности.

В частности, во многих регионах действуют комиссии, целью которых является систематический (с периодичностью от одного раза в месяц) мониторинг ситуации, связанной с обеспечением прав граждан на оплату труда. Для участия в заседаниях приглашаются руководители организаций, представители курирующих министерств и ведомств, главы муниципальных образований.

При расследовании уголовных дел о невыплате заработной платы следственным органам надлежит исследовать вопросы о выплатах «серой зарплаты» в периоды, предшествующие совершению преступления, предусмотренного ст. 145.1 УК РФ, а при установлении таких фактов давать им оценку на предмет наличия признаков преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ. Связано это с тем, что чаще всего факты преступной невыплаты заработной платы допускались вместе с неисполнением обязанностей налогового агента (ст. 199.1 УК РФ) и сокрытием денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов (ст. 199.2 УК РФ).

STRAFBARKEIT DER NICHTZAHLUNG DES ARBEITSLOHNS

Oksana Matskevich

***Ziel.** Eine Charakteristik der Straftat nach § 145.1 StGB RF für die Nichtzahlung des Gehaltes. Es gibt zwei Gruppen von Methoden der kriminell strafbaren Nichtzahlung: die vollständige Nichtzahlung der Löhne und die Auszahlung der Löhne nicht in voller Höhe; die Analyse der statistischen Daten der Anwendung der angegebenen Vorschriften in der Russischen Föderation, um die Ursache von Entscheidungen über die Verweigerung in der Einleitung von kriminellen Fällen auf die Nichtzahlung des Gehaltes.*

***Methodologie:** Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.*

***Schlussfolgerungen.** Bei einer wirtschaftlichen Destabilisierung des Landes können die Fälle der Nichtzahlung des Arbeitslohns häufiger auftreten. Die Anzeigen der Straftat nach Art. 145.1 StGB RF stammen häufig von Arbeitnehmern, die seit längerer Zeit die gesetzlich bestimmte Entlohnung nicht erhalten haben.*

Oft genug werden die angegebenen Verbrechen während der Kontrollen von Staatsanwälten der Umsetzung der Rechtsvorschriften festgestellt, viel weniger bekommt man Nachrichten von anderen Aufsichtsbehörden.

Zu den Gründen für die überwiegende Ablehnung der Einleitung eines Strafverfahrens gehören die folgenden: das gewerbliche Unternehmen hat keine finanziellen Mittel aufgrund von Verlusten aus der wirtschaftlichen Tätigkeit; der Zeitraum der Nichtzahlung des Arbeitslohns war geringer, als es Art. 145.1 StGB RF vorsieht; das tatsächliche Arbeitsverhältnis wurde nicht festgestellt; die Höhe des dem Arbeitnehmer mündlich zugesagten Arbeitslohnes stimmte nicht mit der im Arbeitsvertrag festgelegten Entlohnung überein; die Steuerzahlungen an die Steuerbehörden, die vorrangig zu leisten sind, wurden erfüllt; der Arbeitnehmer hat schuldhaft die arbeitsvertraglichen Pflichten nicht erfüllt oder dem Arbeitgeber die für die Auszahlung von Unterstützungen erforderlichen Dokumente nicht angefertigt oder nicht vorgelegt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels ist die Charakterisierung des Straftatbestandes nach Artikel 145.1 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, sowie der Identifizierung die Gründe, die zur Ablehnung eines Strafverfahrens für die Nichtzahlung des Gehaltes führen.

Stichwörter: Strafgesetzbuch, Verbrechen, Löhne, Motiv, Täter, Nichtzahlung, Ordnung, Fristen.

Art. 37 der Verfassung der Russischen Föderation gewährt das Recht auf Arbeit, verbietet Zwangsarbeit und garantiert die Entlohnung der Arbeit ohne jegliche Diskriminierung.

Etwa 95% der arbeitsfähigen Bevölkerung der RF sind Arbeitnehmer, die für ihre Arbeit die vertraglich bestimmte Entlohnung erhalten. Für diese Kategorie der beschäftigten Bürger ist der Arbeitslohn die Haupterwerbsquelle. Die nicht rechtzeitige Lohnauszahlung führt zur sozialen Destabilisierung und veranlasst die betroffenen Arbeitnehmer in manchen Fällen zur Begehung rechtswidriger Handlungen.

Da wegen der oben genannten Verfassungsnorm die Nichtzahlung des Arbeitslohnes und anderer gesetzlich festgelegten Leistungen an die Arbeitnehmer eine Verletzung der Grundrechte darstellt, kann der Arbeitgeber zivilrechtlich, öffentlich-rechtlich bzw. strafrechtlich zur Verantwortung gezogen werden.

Art. 145.1 des Strafkodexes der Russischen Föderation (UK RF) stellt die Nichtzahlung des Arbeitslohnes unter Strafe. Zu den häufigsten Arten der Verletzung dieses Straftatbestandes gehören die Nichteinhaltung der Ordnung und der Fristen für die Lohnzahlung, die Vereinbarung und Zahlung eines Arbeitslohns unter dem Mindestlohn, die Verletzung der gesetzlichen Vorschriften über die Einschränkung von Lohnabzügen, die Zahlung eines nicht geldlichen Arbeitslohns in Höhe eines Anteils von mehr als 20% des Gesamtbetrages des Lohnes und die Nichteinhaltung der Anforderungen an den Arbeitslohn.

Es gibt zwei Arten der strafbaren Nichtzahlung: Die vollständige Nichtauszahlung des Arbeitslohnes und die Lohnzahlung nicht in vollem Umfang. Als vollständige Nichtzahlung gilt das Vorenthalten Arbeitsentgelts für mehr als zwei Monate. Das obligatorische Merkmal des subjektiven Tatbestandes ist ein Motiv, nämlich ein eigennütziges oder anderes persönliches Interesse. Unter eigennützigem Interesse versteht man den Wunsch, materielle Vorteile zu erlangen, und ein anderes persönliches Interesse liegt vor, wenn der Täter einen „immateriellen Nutzen aufgrund des Strebertums, der

Günstlingswirtschaft, des Strebens, den wirklichen Sachverhalt besser darzustellen, einen Gegendienst bzw. die Unterstützung in irgendwelchen Fragen zu erhalten, die eigene Inkompetenz zu verbergen usw., erzielen will.“ Tatsubjekt dieser Straftat – Leiter einer Organisation bzw. Arbeitgeber – ist eine natürliche Person, und zwar auch der Leiter einer Zweigniederlassung, einer Repräsentanz oder einer anderen selbstständigen Organisationseinheit.

Die Erfahrung zeigt, dass bei einer wirtschaftlichen Destabilisierung des Landes die Fälle der Nichtzahlung des Arbeitslohns häufiger auftreten können. Zurzeit sind solche Erscheinungen in Russland wieder aktuell. Nach der Statistik des ersten Halbjahrs 2015 haben sich die negativen Tendenzen deutlich verstärkt. Es wurden insgesamt überfällige Verbindlichkeiten in Höhe von 3.313.827.000 Rubel für 76.317 Arbeitnehmer festgestellt; das bedeutet eine Zunahme von 37% gegenüber dem gleichen Vorjahreszeitraum.

Im zweiten Halbjahr 2014 wurden 4.060 und im ersten Halbjahr 2015 4.625 Fälle angezeigt (Steigerung um 19%). Die Anzeigen der Straftat nach Art. 145.1 UK RF stammen häufig von Arbeitnehmern, die seit längerer Zeit die gesetzlich bestimmte Entlohnung nicht erhalten haben (es wurden im zweiten Halbjahr 2014 1.756 und im ersten Halbjahr 2015 1.803 Anzeigen erstattet).

Viel seltener zeigen Aufsichtsbehörden, z.B. der Föderale Dienst für Arbeit und Beschäftigung, solche Fälle an. Im Jahr 2014 und im ersten Halbjahr 2015 erstatteten z.B. die territorialen Behörden des Föderalen Dienstes für Arbeit und Beschäftigung 355 Anzeigen.

Zudem werden Anhaltspunkte für den Tatbestand der Nichtzahlung des Arbeitslohnes häufig im Zusammenhang mit der Kontrolle der Einhaltung von Rechtsvorschriften, die Entlohnung und andere von dem Gesetz bestimmten Auszahlungen regulieren, von dem Staatsanwalt festgestellt (im zweiten Halbjahr 2014 wurden 1.051 und im ersten Halbjahr 2015 1.087 Fälle registriert). Nach den statistischen Erhebungen wurde im zweiten Halbjahr 2014 in 2.728 Fällen (68%

der Anzeigen) und im ersten Halbjahr 2015 in 2.679 Fällen (58% der Anzeigen) die Einleitung eines Strafverfahrens abgelehnt. Zu den Gründen für die überwiegende Ablehnung der Einleitung eines Strafverfahrens gehören die folgenden:

1. Das gewerbliche Unternehmen war mangels finanzieller Mittel aufgrund von Verlusten aus der wirtschaftlichen Tätigkeit, die u.U. sogar zur Zahlungsunfähigkeit führten, tatsächlich nicht der Lage, Lohn- und andere Unterhaltszahlungen zu leisten.

2. Der Zeitraum der Nichtzahlung des Arbeitslohns war geringer, als es Art. 145.1 UK RF voraussetzt (weniger als 2 Monate bei der vollständigen Nichtzahlung oder weniger als 3 Monate bei der teilweisen Nichtzahlung des Arbeitslohnes).

3. Das tatsächliche Arbeitsverhältnis wurde nicht aufgenommen, obwohl ein zivilrechtlicher Vertrag über die Erbringung der Dienstleistungen und Arbeiten abgeschlossen wurde.

4. Die Höhe des dem Arbeitnehmer mündlich zugesagten Arbeitslohnes stimmte nicht mit der im Arbeitsvertrag festgelegten Entlohnung überein („grauer“ Arbeitslohn).

5. Die Steuerzahlungen an die Steuerbehörden, die vorrangig zu leisten sind, wurden erfüllt.

6. Der Arbeitnehmer hat schuldhaft die arbeitsvertraglichen Pflichten nicht erfüllt oder dem Arbeitgeber die für die Auszahlung von Unterstützungen erforderlichen Dokumente nicht angefertigt oder nicht vorgelegt.

Die Strafbarkeit wegen Nichtzahlung des Arbeitslohns kann in einer Notstandssituation (Art. 39 UK RF) ausscheiden. Kann der Leiter eines Unternehmens schwere Folgen, z.B. die Insolvenz und die Auflösung des Unternehmens, nur vermeiden, indem er vorübergehend die Auszahlung des Arbeitslohnes verzögert oder den Lohn nicht in vollem Umfang auszahlt, so handelt er zum Nutzen des Unternehmens. Eine Notstandssituation kann insbesondere bei bedeu-

tenden Unternehmen, deren Schließung zu den schweren sozialen Folgen führen würde, vorliegen. Das Strafverfahren ist zudem einzustellen, falls der Täter bereits früher zur administrativen Haftung herangezogen wurde. Das entspricht dem Prinzip, dass „niemand zweimal für denselben Rechtsbruch bestraft werden darf“ (nemo debet bis puniri pro uno delicto).

Wegen der sozialen Bedeutung der Probleme, die mit der Nichtzahlung des Arbeitslohns und anderer Leistungen, die sich aus Arbeitsverhältnissen ergeben, verbunden sind, wurden in vielen Gebieten Russlands Maßnahmen zur Feststellung der Verletzung der Pflichten zur Zahlung des Arbeitslohns und anderer gesetzlich bestimmter Leistungen sowie zu der rechtzeitigen Ermittlung der verantwortlichen Personen und ihrer Heranziehung zu der gesetzlich vorgeschriebenen Haftung getroffen.

In vielen Gebieten wurden Kommissionen für die systematische (einmal pro Monat erfolgende) Kontrolle der Wahrung der Rechte der Arbeitnehmer auf Zahlung des Arbeitslohns eingerichtet. Zur Teilnahme an den Sitzungen der Kommissionen werden die Unternehmensleiter, Vertreter der Ministerien und anderer zentraler Staatsorgane und die Leiter der Städte eingeladen.

In den Ermittlungsverfahren wegen Nichtzahlung des Arbeitslohns müssen die Untersuchungsbehörden bei Feststellung der Zahlung eines „grauen Arbeitslohnes“ nicht nur das Vorliegen der Voraussetzungen des Art. 145.1 UK RF, sondern auch der des Art. 199.1 UK RF untersuchen. Der Grund besteht darin, dass in den meisten Fällen mit der Nichtzahlung des Arbeitslohnes Pflichtverletzungen des Abzugsverpflichteten (Art. 199.1 UK RF) und die Verschleierung von Geld oder Eigentum der Gesellschaft oder des Einzelunternehmens begangen werden, die zur Verhinderung der Erhebung von Steuern und Gebühren (Art. 199.1 UK RF) führen, verbunden sind.

ГЛИФОСАТ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Митч Вольфганг

Цель. Проанализировать возможность применения мер уголовной ответственности государствами-членами ЕС за использование глифосата.

Методология: диалектика, анализ, дедуция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Регламент Еврокомиссии не является непосредственно уголовно-правовой мерой но, однако, он имеет существенное ограничительное влияние по отношению к применению уголовного права в странах-членах Евросоюза. Причиной тому является отсутствие обоснованных в достаточной степени прогнозов рисков. Уголовно-правовая политика государств-членов не имеет возможности игнорировать европейские предписания и с целью повышения уровня безопасности брать за основу в уголовном праве более низкую планку риска. Тем не менее, с целью отражения возможной опасности раковых заболеваний, уголовно-правовой запрет на применение глифосата был бы легитимирован и без наличия доказанных эмпирическим путем знаний о его вредности.

Научная и практическая значимость. Значимость статьи заключается в оценке необходимости совершенствования уголовного законодательства в случае введения запрета на использование глифосата.

Ключевые слова: глифосат, регламент, уголовная ответственность, риск, прогноз, Европейский союз, запрет, уголовно-правовая политика

I. Введение

Комиссией Европейского союза (далее – Еврокомиссия) 29 июня 2016 года был издан Регламент, посредством которого разрешение на использование вещества «глифосат» было продлено на 18 месяцев, то есть до 31 декабря 2017 года. Это событие было и является предметом оживленной политической дискуссии. Соответствующие органы государств и Евросоюза исходят из того, что в настоящий момент не предоставлено достаточных данных о канцерогенном опасном положении, которое бы могло оправдать запрет на применение глифосата.

Правовые акты, которые основываются на оценке рисков, не оказывают непосредственного влияния на уголовное право. В настоящем докладе будет кратко рассмотрено действующее правовое положение и на этом основании дан ответ на вопрос, имеется ли в действующем законодательстве пробел в уголовной наказуемости.

II. Фактическое и юридическое по глифосату

Глифосат – гербицидное вещество, которое используется в различных средствах для борьбы с сорняками. Для проверки вещества используется специальная процедура ЕС, после чего в случае, если вещество подпадает под требования, то оно получает ограниченное по времени разрешение. На национальном уровне имеет место также ограниченное по времени разрешение на каждый продукт, который идет на продажу и содержит это вещество. В Германии за это ответственно Федеральное ведомство защиты прав потребителей и безопасности пищевой продукции. При применении «допущенных» продуктов в Германии следует учитывать соответствующие нормы. Из них следует, что, например, средства защиты растений разрешено применять только на основании надлежащей производственной практики. Так, в соответствии с § 3 (абз. 1 предл. 1) Закона «О защите растений» средства защиты растений

не разрешается применять, если применитель принимает в расчет, что применение в отдельных случаях будет иметь следствием вредное влияние на здоровье человека, или животных, или на грунтовые воды, или иные существенные вредные последствия, в частности, на природный баланс (§ 13 абз. 1 Закона «О защите растений»).

III. Уголовная ответственность за применение средств защиты растений, которые содержат глифосат.

1. Уголовная ответственность за превышение административно-правовых рамок

а) Закон «О защите растений»

Закон «О защите растений» содержит – что является типичным для дополнительного уголовного права – в конце так называемых заключительных положений в § 68 обширный каталог составов правонарушений, за совершение которых в качестве санкции предусматривается наложение административного денежного взыскания, а в § 69 значительно меньший каталог с составами преступлений. Не охвачены, на удивление, нарушения § 13 (абз. 1), которые также не названы в качестве уголовно-правового предписания § 69 как привязка к уголовной ответственности. Тот, кто применяет средство защиты растений, хотя он и должен понимать, что применение повлечет за собой, например, вредное влияние на здоровье человека, или животных, или на грунтовые воды, не совершает ни преступления, ни административного правонарушения.

б) Особенная часть Уголовного уложения, 29 раздел

Поскольку при использовании средств защиты растений может иметь место непосредственный контакт с так называемыми объектами окружающей среды, можно думать об уголовной ответственности в области экологических преступлений (29 раздел УУ ФРГ). § 13 абз. 1 № 1 Закона «О защите растений» имеет прямое отношение к возможности вредных последствий в отношении водоемов с тем итогом, что поднимается вопрос об его отнесении к составу преступления, закрепленного в § 324 УУ (загрязнение водоемов). Наступление уголовной ответственности в соответствии с § 324 (абз. 1) УУ обосновано только тогда, когда происходит загрязнение водоема или ухудшение его свойств иным образом. Наступление такого рода последствий и то, что они были вызваны применением средства защиты растений, должно быть доказано в ходе уголовного процесса. Конкретный потенциал, влекущий за собой наступление рисков, связанных с вредным влиянием, является достаточным согласно § 13 (абз. 1) Закона «О защите растений», однако его недостаточно в рамках § 324 УУ.

Схожим является правовое положение других составов преступлений, которые могут быть затронуты наряду с загрязнением водоемов, – «Загрязнение почвы» (§ 324а УУ) и «Загрязнение воздуха» (§ 325 УУ). Вредные для здоровья остатки средств защиты растений в зерновых культурах могут быть индикаторами, лежащими в основе загрязнения почвы. Только когда пахотные земли загрязняются средствами защиты растений и в качестве промежуточной станции для заражения до сих пор не затронутых технических культур, то речь могла бы идти об исполнении состава преступления «Загрязнение почвы». В том случае, если пахотные земли загрязняются средствами защиты растений и тем самым как бы в качестве промежуточной стадии загрязняются до этого момента не затронутые «полезные» растения, речь идет об исполнении состава преступления «Загрязнение почвы». Состав преступления «Загрязнение воздуха» в территориальных пределах охраны понимается узко, поскольку уголовная ответственность может быть обоснована только вредным влиянием, которое имеет место только вне непосредственной области применения. Воздействие, которое оказывается на растения, обрабатываемые такими средствами, не может быть основанием для применения мер уголовной ответственности.

Для уголовной ответственности на начальной стадии 29 раздел особенной части УУ предлагает только точки привязки, условия которых в обычном случае не могут быть исполнены. Иным является правовое положение в отношении обращения с веществами, содержащими глифосат, на стадии их утилизации. В соответствии с § 326 (абз. 1) УУ обращение с отходами без наличия соответствующих полномочий и отклоняясь от предписанной процедуры, если такие отходы вызывают у человека, например, раковые заболевания или в соответствии с их видом, свойствами или количеством пригодны для того, чтобы на длительное время загрязнить воду, воздух или почву, являются уголовно наказуемыми. Разрешение Еврокомиссии относительно действующего вещества глифосат не имеет запретительного воздействия относительно уголовного права, поскольку их сфера применения не охватывает область утилизации отходов. В том случае, когда содержащие глифосат отходы фактически представляют собой опасность и имеют место отступление от правил утилизации отходов, наступление уголовной ответственности на основании § 326 (абз. 1) УУ может быть обосновано.

с) Особенная часть, 16 и 17 разделы УУ ФРГ

Если вследствие обращения с веществами, содержащими глифосат, имеет место причинение вреда здоровью или даже смертельные случаи,

то уголовная ответственность согласно §§ 211 и следующими за ним УУ, §§ 223 и следующими за ним УУ может быть обоснована. При этом при использовании данного вещества в рамках установленных ведомствами ограничений не имеется достаточных научных оснований для нанесения вреда здоровью. При нерегулярном использовании, например, в случае превышения допустимой концентрации или частоты применения, нанесение вреда здоровью человека представляется возможным, а наступление уголовной ответственности за телесные повреждения – допустимой.

IV. Причины запрета, подкрепленного угрозой уголовно-правового наказания, *de lege ferenda*

Регламент Еврокомиссии, который был упомянут выше, не является непосредственно

уголовно-правовой мерой. Он имеет, однако, существенное ограничительное влияние по отношению к применению уголовного права в странах-членах Евросоюза. Причиной тому является отсутствие обоснованных в достаточной степени прогнозов рисков. Уголовно-правовая политика государств-членов не имеет возможности игнорировать европейские предписания и с целью повышения уровня безопасности брать за основу в уголовном праве более низкую планку риска. Тем не менее, с целью отражения возможной опасности раковых заболеваний, уголовно-правовой запрет на применение глифосата был бы легитимирован и без наличия доказанных эмпирическим путем знаний о его вредоносности.

GLYPHOSAT UND STRAFRECHT

Wolfgang Mitsch

Ziel. *Die Analyse die Möglichkeit der Anwendung von Maßnahmen der strafrechtlichen Verantwortlichkeit der EU-Mitgliedstaaten für die Glyphosat Nutzung.*

Methodologie: *Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.*

Schlussfolgerungen. *Die Durchführungsverordnung der EU-Kommission ist keine unmittelbar strafrechtliche Maßnahme, hat aber erhebliche Beschränkungswirkungen gegenüber der Anwendung des Strafrechts in den EU-Mitgliedstaaten. Sachlicher Grund ist letztendlich das Fehlen hinreichend belegter Risikoprognosen. Die Kriminalpolitik in den Mitgliedstaaten hat keine Möglichkeit, sich über die europarechtliche Vorgabe hinwegzusetzen und zur Erhöhung des Schutzniveaus dem Strafrecht eine niedrigere Risikoschwelle zugrunde zu legen. Zur Abwehr möglicher Krebsgefahren wäre ein Glyphosatverbot mit Strafdrohung auf dieser Basis ohne weiteres legitimierbar.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Bedeutung des Artikels liegt in der Beurteilung der Notwendigkeit einer Verbesserung des Strafrechts im Falle der Einführung des Verbots der Verwendung von Glyphosat.*

Stichwörter: *Regulierungen, strafrechtliche Verantwortung, Risiko, Prognose, Europäische Union, Verbot, Kriminalpolitik Politik, Glyphosat*

I. Einleitung

Die Kommission der Europäischen Union hat am 29. Juni 2016 eine Durchführungsverordnung erlassen, mit der die Zulassung des Wirkstoffs „Glyphosat“ um 18 Monate bis 31. 12. 2017 verlängert wurde. Der Vorgang war und ist Gegenstand einer heftigen politischen Diskussion. Umstritten ist die Anwendung von Glyphosat in der Landwirtschaft wegen angeblicher Gefahren für schutzwürdige ökologische Güter sowie für die Gesundheit von Menschen und Tieren. Insbesondere von Umweltschutzorganisationen wird geltend gemacht,

dass sich die Anwendung glyphosathaltiger Mittel in der Landwirtschaft krebserregend auswirken könnte. Die zuständigen Stellen in Staat und Europäischer Union gehen hingegen davon aus, dass gegenwärtig keine ausreichenden Erkenntnisse für das Bestehen einer karcinogenen Gefahrenlage vorliegen, die ein Verbot der Glyphosatverwendung rechtfertigen würden.

Die aus dieser Risikobewertung resultierenden Rechtsakte haben keine unmittelbare Auswirkung auf das Strafrecht. Sie sind verwaltungsrechtlicher Natur und regeln unmittelbar die rechtlichen Beziehungen

zwischen den Bürgern, die glyphosathaltige Produkte nutzen wollen und den staatlichen Behörden, die bestimmen, ob und unter welchen Bedingungen dies erlaubt wird. Dennoch besteht ein Zusammenhang mit dem Strafrecht und sei es auch nur dahingehend, dass der Umgang mit Glyphosat frei von Strafbarkeitsrisiken ist, soweit sich der Handelnde in dem abstrakten und behördlich konkretisierten Rahmen des Verwaltungsrechts bewegt. Das ist die besonders im Umweltstrafrecht bedeutsame Verwaltungsakzessorietät des Strafrechts. Im Folgenden soll ein kurzer Überblick zur geltenden Rechtslage gegeben und auf dieser Grundlage auch der Frage nachgegangen werden, ob das geltende Recht eine Strafbarkeitslücke aufweist.

II. Faktisches und Rechtliches zu Glyphosat

Glyphosat ist ein herbizider Wirkstoff, der in verschiedenen Pflanzenschutzmitteln eingesetzt wird. Es handelt sich um den weltweit am meisten verbreiteten und am häufigsten eingesetzten Wirkstoff in Pflanzenschutzmitteln. Verwendet wird das Mittel in erster Linie zur Unkrautbekämpfung in der Landwirtschaft. Im Bereich des Schienenverkehrs wird Glyphosat in großen Mengen eingesetzt, um das Gleisbett unkrautfrei zu halten. Der rechtliche Rahmen für den Einsatz glyphosathaltiger Produkte sieht in groben Zügen folgendermaßen aus: Der Wirkstoff wird in einem EU-Gemeinschaftsverfahren geprüft und erhält von der EU-Kommission eine befristete Genehmigung, sofern er die Anforderungen erfüllt. Auf nationaler Ebene erfolgt die ebenfalls befristete Zulassung der einzelnen Handelsprodukte, die den genehmigten Wirkstoff enthalten. In Deutschland ist dafür das Bundesamt für Verbraucherschutz und Lebensmittelsicherheit (BVL) zuständig. Bei der Anwendung der zugelassenen Produkte sind in Deutschland die Vorschriften des Pflanzenschutzgesetzes und die auf seiner Grundlage erlassenen Verordnungen und Verwaltungsakte zu beachten. Daraus folgt z. B., dass Pflanzenschutzmittel nur nach den Bedingungen guter fachlicher Praxis verwendet werden dürfen, § 3 Abs. 1 S. 1 PflSchG. Konkret dürfen Pflanzenschutzmittel nicht angewandt werden, soweit der Anwender damit rechnen muss, dass ihre Anwendung im Einzelfall schädliche Auswirkungen auf die Gesundheit von Mensch oder Tier oder auf das Grundwasser oder sonstige erhebliche schädliche Auswirkungen, insbesondere auf den Naturhaushalt hat, § 13 Abs. 1 PflSchG.

III. Strafbarkeit der Anwendung glyphosathaltiger Pflanzenschutzmittel

1. Strafbarkeit bei Überschreitung des verwaltungsrechtlichen Rahmens

a) Pflanzenschutzgesetz

Das Pflanzenschutzgesetz enthält, wie es für Nebenstrafrecht typisch ist, am Ende vor den sog. Schlussbe-

stimmungen in § 68 einen umfangreichen Katalog mit Bußgeldtatbeständen sowie in § 69 einen wesentlich kleineren Katalog mit Straftatbeständen. Bußgeldbewehrt sind zahlreiche Verstöße gegen Anwendungsbeschränkungen auf der Grundlage des Gesetzes, der Verordnungen und der behördlichen Anordnungen. Nicht erfasst ist erstaunlicherweise der Verstoß gegen § 13 Abs. 1, der auch in der Strafvorschrift § 69 nicht als Anknüpfungspunkt für Strafbarkeit erwähnt wird. Wer ein Pflanzenschutzmittel anwendet, obwohl er damit rechnen muss, dass die Anwendung z. B. schädliche Auswirkungen auf die Gesundheit von Mensch oder Tier oder Grundwasser hat, begeht nach dem Pflanzenschutzgesetz weder eine Ordnungswidrigkeit noch eine Straftat.

b) Strafgesetzbuch Besonderer Teil 29. Abschnitt

Da beim Einsatz der Pflanzenschutzmittel ein unmittelbarer Kontakt mit sog. Umweltmedien stattfinden kann, ist an eine Strafbarkeit aus dem Bereich der „Straftaten gegen die Umwelt“ im 29. Abschnitt des StGB-BT zu denken. § 13 Abs. 1 Nr. 1 PflSchG bezieht sich direkt auf die Möglichkeit schädlicher Auswirkungen auf das Grundwasser, sodass eine Zuordnung zum Straftatbestand der Gewässerverunreinigung (§ 324 StGB) in Erwägung gezogen werden kann. Als „Gewässer“ im Sinne dieser Strafvorschrift gilt nach der Legaldefinition in § 330 d Abs. 1 Nr. 1 StGB auch das Grundwasser. Allerdings ist nach § 324 Abs. 1 StGB Strafbarkeit erst begründet, wenn das Gewässer verunreinigt oder in seinen Eigenschaften nachteilig verändert worden ist. Dass ein derartiger Erfolg eingetreten und durch die Anwendung des Pflanzenschutzmittels verursacht worden ist, muss im Strafverfahren nachgewiesen werden. Was § 13 Abs. 1 PflSchG für ein Anwendungsverbot ausreichen lässt, nämlich das konkrete Risikopotential schädlicher Auswirkungen, reicht im Rahmen des § 324 StGB bei weitem nicht aus.

Ähnlich ist die Rechtslage bei den anderen Straftatbeständen, die neben der Gewässerverunreinigung berührt sein könnten: die Bodenverunreinigung gem. § 324a StGB und die Luftverunreinigung gem. § 325 StGB. Gesundheitsschädliche Pflanzenschutzmittelrückstände in Feldfrüchten können Indikatoren für eine zugrunde liegende Bodenverunreinigung sein. Ursache dieser Gesundheitsschädigung muss aber das Eindringen der schädlichen Substanz in den Boden sein, wo das Erntegut mit ihr in Berührung kommt und daraufhin in Gestalt eines kontaminierten Lebensmittels die Gesundheit des Verbrauchers beeinträchtigt. Bei der Anwendung der Pflanzenschutzmittel z. B. durch Versprühen wird aber der Stoff unmittelbar auf die Oberfläche des Pflanzenkörpers getragen und dringt von dort in den pflanzlichen Organismus ein. Verunreinigter Boden ist in diesem Fall also kein Glied in der Ursachenkette. Allenfalls wenn der Ackerboden durch Pflanzenschutzmittel

verunreinigt wird und quasi als Durchgangsstation zur Kontaminierung bislang nicht betroffener Nutzpflanzen beiträgt, käme die Erfüllung des Tatbestandes Bodenverunreinigung in Betracht. Der Tatbestand der Luftverunreinigung ist in räumlicher Hinsicht restriktiv gefasst, da nur schädliche Auswirkungen, die sich außerhalb des unmittelbaren Anwendungsbereichs niederschlagen, die Strafbarkeit begründen können. Die Auswirkungen, die sich an den mit dem Mittel behandelten Pflanzen zeigen, können zur Tatbestandserfüllung also gerade nicht herangezogen werden.

Für die Strafbarkeit im Anwendungsstadium bietet der 29. Abschnitt des StGB-BT also nur Anknüpfungspunkte, deren Voraussetzungen im Normalfall nicht erfüllt sein dürften. Anders ist die Rechtslage in Bezug auf den Umgang mit glyphosathaltigen Stoffen im Entsorgungsstadium. Nach § 326 Abs. 1 StGB ist der regelwidrige Umgang mit Abfällen, die z. B. für den Menschen krebserzeugend sind oder die nach Art, Beschaffenheit oder Menge geeignet sind, nachhaltig ein Gewässer, die Luft oder den Boden zu verunreinigen, strafbar. Hier entfaltet insbesondere die Erlaubnis der EU-Kommission bezüglich des Wirkstoffs Glyphosat keine Sperrwirkung gegenüber dem Strafrecht, da deren Reichweite den Abfallentsorgungsbereich nicht mitumfaßt. Soweit also im Einzelfall glyphosathaltiger Abfall tatsächlich ein relevantes Gefährdungspotential aufweist und von den abfallrechtlichen Regeln über ordnungsgemäße Entsorgung abgewichen wird, kann Strafbarkeit aus § 326 Abs. 1 StGB begründet sein. Ein praktisches Beispiel ist das komplizierte Verfahren der Verwertung und Beseitigung von Gleisschotter, bei dem unter anderem auch die Belastung mit Rückständen glyphosathaltiger Herbizide zu berücksichtigen ist.

c) Strafgesetzbuch Besonderer Teil 16. und 17. Abschnitt

Soweit es auf Grund des Umgangs mit glyphosathaltigen Stoffen konkret zu Gesundheitsschäden oder gar Todesfällen kommt, kann Strafbarkeit nach §§ 211 ff StGB, §§ 223 ff StGB begründet sein. Wie oben bemerkt wurde, behaupten die Gegner von Glyphosat Gesundheitsschädlichkeit selbst bei einer Verwendung des Wirkstoffes im Rahmen der behördlich gesetzten Schranken. Zwar gibt es dafür keine ausreichenden wissenschaftlichen Nachweise. Bei irregulärem Gebrauch, z. B. Überschreitung der zulässigen Konzentration oder Anwendungshäufigkeit erscheint eine Schädigung der menschlichen Gesundheit aber vorstellbar und eine Strafbarkeit wegen Körperverletzung begründet.

2. Strafbarkeit bei Einhaltung des verwaltungsrechtlichen Rahmens

a) Strafbarkeit des Anwenders

Die spezielle Eigenart verwaltungsakzessorischer Straftatbestände ist die Abhängigkeit der strafrecht-

lichen Verhaltensbewertung von verwaltungsrechtlichen Vorentscheidungen, die für das Strafrecht nach h. M. auch dann verbindlich sind, wenn sie rechtswidrig sind. Nur bei schweren Mängeln, die gem. § 44 VwVfG zur Nichtigkeit des Verwaltungsaktes führen oder unter den Voraussetzungen des § 330 d Abs. 1 Nr. 5 StGB entfällt die Bindung des Strafrechts an das Verwaltungsrecht. Wer Glyphosat anwendet und dabei die einschlägigen umweltverwaltungsgesetzlichen und umweltbehördlichen Vorgaben einhält, kann darauf vertrauen, dass er sich nicht strafbar macht, selbst wenn sich eine behördliche Erlaubnis als rechtswidrig erweisen sollte. In der Strafrechtswissenschaft ist allerdings umstritten und noch ungeklärt, ob dies auch für die Anwendung allgemeiner Straftatbestände gilt, die keine verwaltungsakzessorische Struktur haben. Kommt es also beispielsweise durch verwaltungsrechtskonformes Handeln zur Schädigung eines Umweltmediums, die eine vorhersehbare und vermeidbare Gesundheitsschädigung nach sich zieht, kann der Täter zwar straffrei bleiben, soweit es um die einschlägigen Umweltstraftatbestände geht. Damit ist jedoch nicht gesagt, dass er auch vor einer Strafbarkeit aus § 229 StGB verschont bleibt. Eine beachtliche Meinung in der Strafrechtslehre lehnt eine Ausdehnung der Legalisierungswirkung des Verwaltungsrechts auf allgemeine Individualgutstatbestände ab, da der Schutz dieser Rechtsgüter nicht zur Disposition des Verwaltungsrechts stehe. Im Bereich des Pflanzenschutzmittelrechts kann man diese Ansicht in § 13 Abs. 1 PflSchG bestätigt sehen. Sollte also infolge einer erkennbar gesundheitsschädlichen Verwendung eines glyphosathaltigen Pflanzenschutzmittels ein Mensch erkranken, ist der Anwender aus § 229 StGB strafbar.

b) Amtsträgerstrafbarkeit

Die weitreichende Entkriminalisierungswirkung fehlerhaften Handelns der verantwortlichen Amtsträger wirft die Frage auf, ob anstelle des von Strafbarkeit freigestellten Anwenders der Amtsträger strafrechtlich in Haftung genommen werden kann. Auch dieses Thema ist umstritten. Da die Tat des unmittelbar handelnden Täters nicht rechtswidrig ist, scheidet eine Strafbarkeit des Amtsträgers wegen Anstiftung aus. In Betracht kommt somit nur eine Strafbarkeit wegen mittelbarer Täterschaft. Diese wird von der h. M. befürwortet, da der Amtsträger mit der von ihm erteilten Erlaubnis bewirkt, dass der Adressat des Verwaltungsaktes straflos eine Tat begehen kann, durch die ein Umweltmedium beeinträchtigt wird. Unbedenklich und mit der allgemeinen Lehre von der mittelbaren Täterschaft ohne weiteres zu vereinbaren ist diese Ansicht in Fällen, in denen der Genehmigungsempfänger gutgläubig ist und die ihm erteilte Erlaubnis nicht nur für wirksam, sondern auch für rechtmäßig hält. Zweifelhaft ist indessen

die Ausdehnung der mittelbaren Täterschaft auf Fälle, in denen der unmittelbare Täter die Rechtswidrigkeit des begünstigenden Verwaltungsaktes kennt. In dieser Konstellation hat der Amtsträger kein überlegenes Wissen und demzufolge weder Handlungsherrschaft noch Willensherrschaft. Eine mittelbare Täterschaft lässt sich daher nicht begründen.

IV. Gründe für ein strafbewehrtes Verbot de lege ferenda

Die Durchführungsverordnung der EU-Kommission ist keine unmittelbar strafrechtliche Maßnahme, hat aber erhebliche Beschränkungswirkungen gegenüber der Anwendung des Strafrechts in den

EU-Mitgliedstaaten. Sachlicher Grund ist letztendlich das Fehlen hinreichend belegter Risikoprognosen. Die Kriminalpolitik in den Mitgliedstaaten hat keine Möglichkeit, sich über die europarechtliche Vorgabe hinwegzusetzen und zur Erhöhung des Schutzniveaus dem Strafrecht eine niedrigere Risikoschwelle zugrunde zu legen. Wie fadenscheinig die Basis empirisch gesicherten Wissens über die Schädlichkeit bestimmter Verhaltensweisen sein kann, ohne dass der Gesetzgeber sich dadurch gehindert sähe, strafbewehrte Verbote zu errichten, belegt das geltende Pornographiestrafrecht. Zur Abwehr möglicher Krebsgefahren wäre ein Glyphosatverbot mit Strafdrohung auf dieser Basis ohne weiteres legitimierbar.

ТРЕВОЖНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Понятовская Татьяна Григорьевна

***Цель.** Дать правовую оценку проблемам дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.*

***Методология:** диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** В решении уголовно-правовых задач законодатель и суд отправляют различные функции. Дифференциация уголовной ответственности – неотъемлемая функция законодателя. Функция суда – индивидуализация уголовной ответственности, в осуществлении которой судебское усмотрение является незаменимым механизмом. Разграничение этих функций – один из центральных вопросов уголовной политики.*

В настоящее время частью 6 ст. 15 УК РФ закреплено положение, согласно которому суд наделяется правом изменить категорию преступления на менее тяжкую с учетом обстоятельств конкретного дела. Таким образом, дифференциация ответственности нарушена вмешательством в нее механизмов индивидуализации, что неизбежно влечет за собой лавину уголовно-правовых последствий.

Эта же разрушительная работа была проделана с институтом рецидива как юридического факта. Государство как субъект уголовного права, по существу, уклонилось от объективной социально-политической оценки наиболее тяжкого вида повторности преступлений, оставляя решение юридического дела полностью на судебское усмотрение.

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи заключается в аналитической оценке проблем дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, связанных с разграничением указанных функций между законодателем и судом.*

***Ключевые слова:** законодатель, суд, уголовная ответственность, дифференциация, индивидуализация, преступление, категория.*

В решении уголовно-правовых задач законодатель и суд отправляют различные функции. Дифференциация уголовной ответственности – неотъемлемая функция законодателя. Функция суда – индивидуализация уголовной ответственности, в осуществлении которой судебское усмотрение является незаменимым механизмом. Разграничение этих функций – один из центральных вопросов уголовной политики. При его неудовлетворительном решении законодатель перекладывает решение своих задач на плечи суда, т.е. переносит вопросы, относящиеся к дифференциации ответственности, в сферу ее индивидуализации.

Именно эта тенденция наблюдается сегодня в УК РФ. В первых редакциях УК РФ законода-

тель дифференцировал все преступления по их категориям в зависимости от характера и степени общественной опасности преступлений. Эта дифференциация влияла на применение многих институтов уголовного права стадий назначения наказания, освобождения от ответственности и наказания, аннулирования судимости. В свое время мы относили законодательную категоризацию преступлений в ст. 15 УК к бесспорным достижениям УК РФ 1996 г., по сравнению с УК РСФСР.

В настоящее время частью 6 ст. 15 УК закреплено положение, согласно которому суд наделяется правом изменить категорию преступления на менее тяжкую с учетом обстоятельств конкретного дела. Таким образом, дифференциация

ответственности нарушена вмешательством в нее механизмов индивидуализации, что неизбежно влечет за собой лавину уголовно-правовых последствий.

Эта же разрушительная работа была проделана с институтом рецидива как юридического факта, устанавливаемого на основании количества и характера имеющихся у преступника судимостей, категорий преступлений на момент совершения последнего преступления (ст. 18 УК). В свое время законодатель дифференцировал виды рецидива, разделив его на простой, опасный и особо опасный. В основании такой законодательной позиции лежало представление о рецидиве как о социальном явлении, в силу которого поведенческий феномен повторения преступлений объективно оценивался законодателем как явление повышенной опасности. Это определило и специальные правила назначения наказания при рецидиве, которыми ограничивалось судебное усмотрение: в зависимости от вида рецидива суд не мог назначить наказание ниже определенного законом предела.

В настоящее время рецидив не имеет собственного социального значения, а рассматривается как феномен преступления в каждом отдельно взятом случае. Государство как субъект уголовного права, по существу, уклонилось от объективной социально-политической оценки наиболее тяжкого вида повторности преступлений, оставляя решение юридического дела полностью на судебское усмотрение. Согласно ч. 3 ст. 68 УК, суд может не признать рецидив таким обстоятельством, которое в конкретном случае обладает свойством существенно повышать степень общественной опасности преступления.

Индивидуализация наказания как функция рецидива обуславливает бессмысленность законодательной дифференциации видов рецидива и правил назначения наказания при рецидиве преступлений на основании объективной законодательной оценки повышенной общественной опасности повторения преступлений, поскольку это основание действенно лишь при дифференциации ответственности и совершенно не способно решать задачи индивидуализации наказания.

BEUNRUHIGENDE ENTWICKLUNG DER RUSSISCHEN STRAFRECHTLICHEN POLITIK

Tatiana Ponyatovskaya

Ziel. Die rechtliche Beurteilung von Problemen der Differenzierung und Individualisierung der strafrechtlichen Verantwortung.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. In der Lösung von strafrechtlichen Aufgaben haben der Gesetzgeber und das Gericht verschiedene Funktionen. Die Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortung ist eine integrale Funktion des Gesetzgebers. Die Funktion des Gerichtes ist Individualisierung der strafrechtlichen Verantwortung, bei deren Umsetzung das richterliche Ermessen ein unverzichtbarer Mechanismus ist. Die Abgrenzung dieser Funktionen ist eines der zentralen Themen der strafrechtlichen Politik.

In der heutigen Zeit enthält Teil 6 § 15 StGB eine Bestimmung, wonach das Gericht berechtigt ist, eine Kategorie für wenig schwere Verbrechen unter Berücksichtigung der Umstände des Einzelfalls zu ändern. Somit ist die Differenzierung der Verantwortung durch den Eingriff von Mechanismen der Individualisierung verletzt, was zwangsläufig eine Lawine von strafrechtlichen Folgen hervorruft.

Diese zerstörerische Arbeit war mit dem Institut des Rückfalls als juristische Tatsache getan. Der Staat als Subjekt des Strafrechts entweicht im wesentlichen der objektiven sozialpolitischen Bewertung am meisten einer schwereren Art der Wiederholung von Verbrechen, so dass die Entscheidung einer juristischen Angelegenheit völlig auf das richterliche Ermessen fällt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels ist in der analytischen Beurteilung von Problemen der Differenzierung und Individualisierung der strafrechtlichen Verantwortung im Zusammenhang mit der Abgrenzung dieser Funktionen zwischen dem Gesetzgeber und dem Gericht.

Stichwörter: *der Gesetzgeber, Gericht, strafrechtliche Verantwortung, Differenzierung, Individualisierung, Verbrechen, Kategorie*

Bei der Lösung von strafrechtlichen Aufgaben haben der Gesetzgeber und das Gericht senden verschiedene Funktionen. Die Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortung ist eine integrale Funktion des Gesetzgebers. Die Funktion des Gerichtes Individualisierung der strafrechtlichen Verantwortung, bei deren Umsetzung das richterliche Ermessen ein unverzichtbarer Mechanismus ist. Die Abgrenzung dieser Funktionen ist eines der zentralen Themen der strafrechtlichen Politik. Bei einer unbefriedigenden Lösung überlässt der Gesetzgeber die Lösung seiner Aufgaben auf die Schultern dem Gericht, d.h. überträgt die Fragen im Zusammenhang mit der Differenzierung der Verantwortung, in den Bereich ihrer Individualisierung.

Genau dieser Trend ist heute im Strafgesetzbuch. In den ersten Versionen des Strafgesetzbuches hat der Gesetzgeber alle Verbrechen in Ihren Kategorien je nach Art und Grad der sozialen Gefahr der Kriminalität differenziert. Diese Differenzierung wirkte sich auf die Verwendung von vielen Institutionen des Strafrechts Phasen der Bestimmung der Strafe, die Freisprechung von der Verantwortung und der Strafe, Widerruf der Vorstrafe aus. Seinerzeit brachten wir die rechtliche Kategorisierung der Straftaten in § 15 StGB zu den unbestrittenen Errungenschaften des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation 1996, im Vergleich zum Strafgesetzbuch der RSFSR.

In der heutigen Zeit enthält Teil 6 § 15 StGB eine Bestimmung, wonach das Gericht berechtigt ist, eine Kategorie für weniger schwere Verbrechen, unter Berücksichtigung der Umstände des Einzelfalls zu ändern. Somit ist die Differenzierung der Verantwortung durch den Eingriff von Mechanismen der Individualisierung, was zwangsläufig eine Lawine von strafrechtlichen Folgen hervorruft.

Diese zerstörerische Arbeit getan war mit dem Institut des Rückfalls als juristische Tatsache getan, die

auf der Grundlage der Anzahl und Art der vorhandenen Vorstrafen des Täters, Kategorien von Straftaten zum Zeitpunkt der Begehung der letzten Straftat (§18 StGB) festgelegt wird. Seinerzeit hat der Gesetzgeber Arten des Rückfalls differenziert, indem er in einen einfachen, gefährlichen und besonders gefährlichen unterteilt ist. Einer solchen gesetzgeberischen Position lag die Vorstellung über Rückfall, als ein soziales Phänomen zugrunde, auf Grund dessen Verhaltens-Phänomen der Wiederholung von Straftaten objektiv vom Gesetzgeber als ein Phänomen der erhöhten Gefahr bewertet wurde. Dies bestimmte auch spezielle Regeln der Bestimmung der Strafe bei Rückfall, die durch das richterliche Ermessen begrenzte wurde. Je nach der Art des Rückfalls konnte das Gericht die Strafe unter dem gesetzlich festgelegten Grenzwert nicht zuweisen.

Derzeit hat Rückfall keine eigenen sozialen Werte und gilt als das Phänomen der Verbrechen in jedem einzelnen Fall. Der Staat als Subjekt des Strafrechts entweicht im wesentlichen der objektiven sozial-politischen Bewertung am meisten einer schweren Art der Wiederholung von Verbrechen, so dass die Entscheidung einer juristischen Angelegenheiten völlig auf richterliche Ermessen fällt. Laut Teil 3 von Artikel 68 des Strafgesetzbuches kann das Gericht den Rückfall als einen Umstand nicht anerkennen, der im konkreten Fall die Eigenschaft hat, den Grad der sozialen Gefahr des Verbrechens deutlich erhöhen.

Die Individualisierung der Strafe als Funktion des Rückfalls bedingt die Sinnlosigkeit der legislativen Differenzierung der Arten des Rückfalls und Zuordnungsregeln der Bestrafung bei Rückfall von Verbrechen auf der Grundlage der objektiven gesetzgebenden Bewertung einer erhöhten öffentlichen Gefahr der Wiederholung von Verbrechen, weil diese Basis nur bei der Differenzierung der Verantwortung wirksam ist und überhaupt nicht fähig ist, die Aufgaben der Individualisierung der Strafe zu lösen.

МЕЛКОЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Рарог Алексей Иванович

Цель. Проанализировать эволюцию нормы, предусматривающей уголовную ответственность за взяточничество, в историческом аспекте. Дать правовую оценку существующим на сегодняшний день нормам УК РФ, предусматривающим ответственность за мелкое взяточничество.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Очередным шагом законодателя по пути дифференциации наказания в зависимости от размера взятки стало дополнение УК РФ составом мелкого взяточничества. Статьей 2912 УК РФ конкретизировано понятие незначительного размера взятки, при этом посредничество во взяточничестве не подпадает под действие данной статьи. Посредник во взяточничестве выпадает из круга уголовно ответственных лиц не только при мелком, но и при незначительном. Таким образом, уголовная ответственность посредника наступает только при значительном размере взятки. Освобождение взяткодателя от уголовной ответственности наступает только при наличии одного обязательного условия – активного содействия раскрытию и (или) расследованию преступления и альтернативно еще одного из двух условий: либо вымогательство взятки либо добровольное (после совершения преступления) сообщение о нем органу, имеющему право возбудить уголовное дело.

УК РФ дополнен также статьей 2042 о мелком коммерческом подкупе, который является аналогом взяточничества, но совершается в сфере деятельности не органов публичной власти, а в сфере деятельности коммерческих и иных организаций. Но если в примечании к статье 2912 УК РФ определенно сказано, что от уголовной ответственности освобождается лицо, совершившее дачу взятки, то в примечании к статье 2042 УК РФ говорится о мелком коммерческом подкупе, а значит, примечание по букве закона распространяется не только на активный, но и на пассивный коммерческий подкуп. Такая двойственность законодательного решения в очередной раз свидетельствует об отсутствии у российского законодателя недвусмысленной логически выверенной позиции при решении двух тождественных проблем.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи заключается в анализе новых норм УК РФ, предусматривающих ответственность за дачу взятки и коммерческий подкуп, и проведенном сравнении их требований.

Ключевые слова: преступление, взятка, ответственность, подкуп, размер, законодательство, взяткодатель, взяткополучатель, посредник

В уголовных кодексах РСФСР 1922 г. и 1926 г. ответственность за получение и дачу взятки и за посредничество во взяточничестве не дифференцировалась в зависимости от размера взятки. Не было такой дифференциации и в первой редакции Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. Законом РСФСР от 25 июля 1962 г. наказание за взяточничество было резко усилено, а по-

средничество во взяточничестве было предусмотрено как самостоятельное преступление, по степени тяжести сопоставимое с дачей взятки. Но и этот закон оставил размер взятки без внимания. И только Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 мая 1986 г. признал получение взятки в крупном размере квалифицированным, а в особо крупном размере – особо ква-

лифицированным видом этого преступления. Однако понятия крупного и особо крупного размера взятки в законе не расшифровывались и на дачу взятки и посредничество во взяточничестве они не распространялись.

УК Российской Федерации признал получение взятки в крупном размере особо квалифицированным видом данного преступления (п. «г» ч. 4 ст. 290) и дал легальное определение этого признака, однако тоже не распространил его на состав дачи взятки. Таким образом, закон подразделил получение взятки на два вида – в некрупном и в крупном размере, и такое положение сохранялось 15 лет. И только Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ внес существенные перемены в легальную оценку разных проявлений взяточничества: он дифференцировал ответственность не только за получение, но и за дачу взятки в незначительном (до 25 тысяч рублей), в значительном (от 25 тысяч до 150 тысяч рублей), крупном (от 150 тысяч до 1 миллиона рублей) и особо крупном размере (свыше 1 миллиона рублей). Этот же закон восстановил состав посредничества во взяточничестве (ст. 291¹ УК), но уголовную ответственность за него установил только при значительном размере взятки.

Очередным шагом законодателя по пути дифференциации наказания в зависимости от размера взятки стало дополнение УК РФ составом мелкого взяточничества. В соответствии со статьей 291² УК, включенной в Кодекс Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ, получение взятки, дача взятки лично или через посредника в размере, не превышающем 10 тысяч рублей, влечет наказание в виде лишения свободы на срок до 1 года или иные (более мягкие) виды наказания. Если деяние совершено лицом, имеющим судимость за это же преступление, либо за дачу или получение взятки, то наказание усиливается и может повлечь лишение свободы на срок до 3 лет.

Этой нормой конкретизировано понятие незначительного размера взятки: им охватывается взятка в размере свыше 10 тысяч, но менее 25 тысяч рублей. При этом посредничество во взяточничестве не подпадает под действие статьи 291² УК, поскольку, как уже отмечалось, уголовная ответственность посредника наступает

только при значительном размере взятки. Кроме того, посредник упоминается в комментируемой норме не как субъект уголовной ответственности, а как связующее звено между взяткодателем и взяткополучателем. Таким образом, посредник во взяточничестве выпадает из круга уголовно ответственных лиц не только при мелком (до 10 тысяч рублей), но и при незначительном (от 10 тысяч до 25 тысяч рублей).

Примечание к статье 291² УК РФ предусматривает, что лицо, давшее взятку в размере, не превышающем 10 тысяч рублей, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство взятки, либо это лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки. Таким образом, освобождение взяткодателя от уголовной ответственности наступает только при наличии одного обязательного условия – активного содействия раскрытию и (или) расследованию преступления и альтернативно еще одного из двух условий: либо вымогательство взятки, либо добровольное (после совершения преступления) сообщение о нем органу, имеющему право возбудить уголовное дело.

Упомянутым выше Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ УК РФ дополнен также статьей 204² о мелком коммерческом подкупе, который является аналогом взяточничества, но совершается в сфере деятельности не органов публичной власти, а в сфере деятельности коммерческих и иных организаций. Но если в примечании к статье 291² УК РФ определенно сказано, что от уголовной ответственности освобождается лицо, совершившее *дачу* взятки, то в примечании к статье 204² УК РФ говорится о мелком коммерческом подкупе, а значит, примечание по букве закона распространяется не только на активный, но и на пассивный коммерческий подкуп. Такая двойственность законодательного решения в очередной раз свидетельствует об отсутствии у российского законодателя недвусмысленной логически выверенной позиции при решении двух тождественных проблем.

„KLEINE“ BESTECHUNG IM RUSSISCHEN STRAFRECHT

Alexey Rarog

Ziel. *Analyse der Entwicklung der Normen, die strafrechtliche Verantwortung für die Bestechung, im historischen Aspekt. Eine rechtliche Bewertung der heute bestehenden Normen des Strafgesetzbuches, die Haftung für die kleine Bestechung.*

Methodologie: *Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.*

Schlussfolgerungen. *Den nächsten Schritt auf dem Weg der Differenzierung der Sanktionen in Abhängigkeit von der Höhe der Bestechungssumme machte der Gesetzgeber durch die Ergänzung des StGB RF im Zusammenhang mit der Bestechung durch eine geringe Summe. Art. 2912 StGB RF sieht für Bestechlichkeit, Bestechung und Vermittlung der Bestechung leichtere Arten der Bestrafung vor..*

Diese Norm konkretisiert zudem den Begriff der geringen Höhe der Bestechungssumme. Eine Anmerkung zu Art. 2912 StGB RF bestimmt, dass der Bestechende nicht bestraft wird, wenn er aktiv zu der Aufdeckung und/oder der Untersuchung einer Tat, an der er beteiligt war, beigetragen hat oder zur Zahlung eines Bestechungsgeldes genötigt wurde oder die Strafverfolgungsorgane über ein begangenes Bestechungsdelikt freiwillig informiert. Alternativ kommt die Strafbefreiung in Betracht, wenn der Täter zur Zahlung eines Bestechungsgeldes genötigt wurde oder wenn er die Bestechung der Strafverfolgungsbehörde freiwillig (nach der Tatbegehung) gemeldet hat.

Artikel 2042 StGB RF um die Bestechung im geschäftlichen Verkehr mittels einer kleinen Bestechungssumme. Die Wirtschaftsbestechung ist in Anlehnung an die Amtsträgerbestechung ausgestaltet und erfasst Tätigkeiten im Bereich kommerzieller und anderer Organisationen. Im Gegensatz zu der Anmerkung zu Art. 2912 StGB RF, nach der nur der Bestechende Straffreiheit erlangen kann, bezieht sich die Anmerkung zu Art. 2042 StGB RF auf alle Wirtschaftsbestechungsfälle mit einer kleinen Bestechungssumme; nach dem Wortlaut des Gesetzes gilt die Strafbefreiungsmöglichkeit also nicht nur für die aktive, sondern auch für die passive Bestechung im geschäftlichen Verkehr. Diese abweichenden Entscheidungen zeigen einmal mehr, dass der russische Gesetzgeber nicht immer durchdachte Positionen bei der Lösung identischer Probleme findet.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Bedeutung der wissenschaftlichen Artikels besteht in der Analyse von neuen Normen des Strafgesetzbuches, die die Haftung für Bestechung und Korruption in der Wirtschaft, vorsieht, und im durchgeführten Vergleich deren Anforderungen.*

Stichwörter: *Verbrechen, Bestechung, Verantwortung, Korruption, Höhe, Gesetzgebung, Bestechende, Bestochene, Vermittler*

Die Strafkodexe (UK) der RSFSR von 1922 und 1926 enthielten die gleichen Strafrahmen für Bestechlichkeit, Bestechung und Vermittlung der Bestechung, ohne dass nach der Höhe der Bestechungssumme differenziert wurde. Auch in der ersten Fassung des UK der RSFSR 1960 fehlte eine solche Differenzierung. Das Gesetz der RSFSR vom 25. Juli 1962 erhöhte die Strafen für Bestechungsdelikte zwar drastisch und führte die Vermittlung der Bestechung als selbständigen Straftatbestand mit dem Schweregrad vergleichbar mit Bestechung. Aber auch dieses Gesetz berücksichtigte die Höhe der Bestechungssumme nicht. Nur ein Erlass des Präsidiums des obersten Sowjets der RSFSR vom 28. Mai 1986 bestimmte, dass die Erlangung eines „Schmiergeldes“ in großem Umfang und in besonders großem Umfang als Erschwerungsgründe der Bestechlichkeit anzusehen seien. Das Gesetz enthielt jedoch keine Regelungen über die Höhe der großen und besonders großen Bestechungssummen und auf

die Bestechung und Vermittlung der Bestechung waren sie nicht anwendbar.

Der UK der Russischen Föderation übernahm die Annahme einer Bestechungssumme in großem Umfang als Qualifikation der Bestechlichkeit (Art. 290 Abs. 4 Nr. «g») und enthielt eine gesetzliche Definition dieses Merkmal. Für die Bestechung galt diese Qualifikation jedoch nicht. Die Unterscheidung von zwei Arten der Bestechlichkeit durch Entgegennahme eines Bestechungsgeldes in zwei Arten – in nicht-großem und in großem Umfang – blieb 15 Jahre bestehen. Erst das Gesetz Nr. 97-ФЗ vom 4. Mai 2011 brachte wesentliche Veränderungen in der juristischen Bewertung der verschiedenen Erscheinungsformen der Bestechung: Es beschränkt die Qualifikationen nicht mehr auf die Bestechlichkeit, sondern dehnt sie auf die Bestechung aus und unterscheidet zudem – nach der Höhe der Bestechungssumme – geringe (bis zu 25.000 Rubel), erhebliche (von 25.000 bis 150.000 Rubel),

große (von 150.000 bis 1.000.000 Rubel) und besonders große Beträge (über 1.000.000 Rubel). Das gleiche Gesetz stellte die Vermittlung der Bestechung (§ 291¹ UK RF) erst ab einer erheblichen Bestechungssumme (25.000 bis 150.000 Rubel) unter Strafe.

Den nächsten Schritt auf dem Weg der Differenzierung der Sanktionen in Abhängigkeit von der Höhe der Bestechungssumme machte der Gesetzgeber durch die Ergänzung des UK RF im Zusammenhang mit der Bestechung durch eine geringe Summe. Art. 291² UK RF in der Fassung des Gesetzes Nr. 324-ФЗ vom 3. Juli 2016 sieht für Bestechlichkeit, Bestechung und Vermittlung der Bestechung bis zu einem Betrag von 10.000 Rubel Freiheitsstrafe bis zu einem Jahr oder leichtere Arten der Bestrafung vor. Wird die Tat von einer Person begangen, die bereits wegen Bestechlichkeit oder Bestechung verurteilt wurde, so wird der Strafraum auf Freiheitsstrafe bis zu 3 Jahren erhöht.

Diese Norm konkretisiert zudem den Begriff der geringen Höhe der Bestechungssumme: Erfasst wird eine Bestechungssumme von mehr als 10.000, aber weniger als 25.000 Rubel. Die Vermittlung der Bestechung unterfällt dem Tatbestand des Art. 291² UK RF nicht, weil – wie bereits erwähnt – die Strafbarkeit des Vermittlers erst bei einer erheblichen Bestechungssumme eingreift. Zudem wird der Vermittler in dem genannten Tatbestand nicht als Subjekt der strafrechtlichen Verantwortlichkeit, sondern als Bindeglied zwischen dem Bestochenen und dem Bestechenden bezeichnet. Der Vermittler der Bestechung fällt deshalb aus dem Kreis der strafrechtlich verantwortlichen Personen nicht nur bei kleinen (bis 10.000 Rubel), sondern auch bei geringen (von 10.000 bis 25.000 Rubel) Bestechungssummen heraus.

Eine Anmerkung zu Art. 291² UK RF bestimmt, dass der Bestechende bei einer Tat mit einer Bestechungssumme bis zu 10.000 Rubel nicht bestraft wird, wenn er aktiv zu der Aufdeckung und/oder der Untersuchung einer Tat, an der er beteiligt war, beigetragen hat oder zur Zahlung eines Bestechungsgeldes genötigt wurde oder die Strafverfolgungsorgane über ein begangenes Bestechungsdelikt freiwillig informiert. Die Straffreiheit setzt als zwingende Bedingung also die aktive Förderung der Offenlegung und/oder der Untersuchung der Straftat voraus. Alternativ kommt die Strafbefreiung in Betracht, wenn der Täter zur Zahlung eines Bestechungsgeldes genötigt wurde oder wenn er die Bestechung der Strafverfolgungsbehörde freiwillig (nach der Tatbegehung) gemeldet hat.

Das oben erwähnte Gesetz Nr. 324-ФЗ vom 3. Juli 2016 ergänzt zudem Art. 204² UK RF um die Bestechung im geschäftlichen Verkehr mittels einer kleinen Bestechungssumme. Die Wirtschaftsbestechung ist in Anlehnung an die Amtsträgerbestechung ausgestaltet und erfasst Tätigkeiten im Bereich kommerzieller und anderer Organisationen. Im Gegensatz zu der Anmerkung zu Art. 291² UK RF, nach der nur der Bestechende Straffreiheit erlangen kann, bezieht sich die Anmerkung zu Art. 204² UK RF auf alle Wirtschaftsbestechungsfälle mit einer kleinen Bestechungssumme; nach dem Wortlaut des Gesetzes gilt die Strafbefreiungsmöglichkeit also nicht nur für die aktive, sondern auch für die passive Bestechung im geschäftlichen Verkehr. Diese abweichenden Entscheidungen zeigen einmal mehr, dass der russische Gesetzgeber nicht immer durchdachte Positionen bei der Lösung identischer Probleme findet.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ СТАТЬИ 258.1 УК РФ

Редникова Татьяна Владимировна

Цель. Проанализировать практику применения норм статьи 258.1 УК РФ и выявить проблемы правоприменения указанной нормы.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Уголовно-правовые запреты являются одним из действенных инструментов, применяемых для охраны окружающей среды в целом, и животного мира как одного из ее компонентов от преступных посягательств. Преступления, предусматривающие ответственность непосредственно за посягательства на объекты животного мира по числу зарегистрированных преступлений стабильно находятся на втором месте после преступных посягательств на лесные ресурсы. При анализе статистических данных количества зарегистрированных преступлений данной категории следует также учитывать их высокую степень латентности.

Включение УК РФ статьи 258.1, предусматривающей ответственность за контрабанду, а также за незаконные добычу и оборот, включая хранение, перевозку, продажу особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, либо охраняемых международными договорами, является положительной тенденцией развития российского уголовного законодательства в сфере охраны животного мира. Размер предусмотренных данной статьей штрафов является одним из наиболее высоких в главе 26 УК РФ, что должно способствовать профилактике совершения преступлений данной категории.

Проблемы правоприменения данной нормы связанными с установлением общей и специальной противоправности, выявлением и регистрацией правонарушений в сфере охраны и использования объектов животного мира, осуществлением квалификации деяний, установлением последствий, размеров вреда, доказыванием причинной связи между деянием и его последствиями, определением формы вины.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи заключается в развернутой характеристике норм ст. 258.1 УК РФ и выявлении с учетом статистических данных проблем ее правоприменения.

Ключевые слова: Законодательство, преступление, посягательство, уголовный кодекс, животный мир, биоразнообразие, охрана окружающей среды.

Уголовно-правовые запреты являются одним из действенных инструментов, применяемых для охраны окружающей среды в целом, и животного мира как одного из ее компонентов от преступных посягательств. Российское уголовное законодательство в главе 26 УК РФ содержит развернутую систему норм, регламентирующих ответственность за указанные деяния.

Преступления, предусматривающие ответственность непосредственно за посягательства на объекты животного мира (ст. 256, ст. 257., ст. 258., ст. 258.1), по числу зарегистрированных преступ-

лений стабильно находятся на втором месте после преступных посягательств на лесные ресурсы (ст. 260, 261) и составили: в 2013 году 36,63% от общего числа зарегистрированных экологических преступлений, в 2014 году – 35,69% (вместе количество упомянутых преступлений составило в 2013 году 99,28% от числа зарегистрированных экологических преступлений; в 2014 году – 97,1%)¹.

¹ Подробнее см.: стр. 437 Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2013 году», стр. 449 Госу-

Вместе с тем при анализе статистических данных количества зарегистрированных преступлений данной категории следует также учитывать их высокую степень латентности¹. Так, общее количество зарегистрированных в 2014 году экологических преступлений составило 25526 (всего лишь около 1,18 % от общего числа зарегистрированных преступлений), что свидетельствует конечно же не об общем низком уровне преступности такого рода, а о низком уровне их выявления².

Включение в 2013 году в главу 26 УК РФ статьи 258.1, предусматривающей ответственность за контрабанду, а также за незаконные добычу и оборот, включая хранение, перевозку, продажу особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, либо охраняемых международными договорами, является положительной тенденцией развития российского уголовного законодательства в сфере охраны животного мира. В первую очередь, речь идет об усилении ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных объектов животного мира, таких как, например, амурский тигр, леопард, в целях повышения эффективности их охраны.

Данная норма предусматривает санкции в виде обязательных, исправительных или принудительных работ, штрафа (в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет (ч. 1), лишения или ограничения свободы. Квалифицирующими признаками данного преступления являются: совершение преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 258.1 – предусматривает лишение свободы на срок до пяти лет со штрафом в размере до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет) и совершение преступления организованной группой (ч. 3 ст. 258.1 – предусматривает лишение сво-

дарственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2014 году».

¹ Например, см.: *Базаров П.Р.* Прецедентность как фактор криминологической обусловленности установления уголовной ответственности за посягательства на особо ценные объекты животного мира // *Евразийский юридический журнал.* 2015 № 12(91).

² См.: стр. 449 Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2014 году», статистические данные МВД РФ (URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/7087734>).

боды на срок от пяти до семи лет, аналогичный ч.2 штраф, а также ограничение свободы на срок до двух лет, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет).

Размер предусмотренных данной статьей штрафов является одним из наиболее высоких в главе 26 УК РФ, что должно способствовать профилактике совершения преступлений данной категории. Однако на практике судами не выносятся решения о применении штрафных санкций в максимальном размере. Чаще всего обвиняемые по данной статье приговариваются к обязательным, исправительным или принудительным работам с уплатой процента от заработной платы³.

Количество зарегистрированных преступлений, наказание за которые предусмотрено ст. 258.1 УК РФ в 2014 составило 924 (более 3,6% от общего количества зарегистрированных экологических преступлений за этот период). При этом в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом направлено лишь 337 дел (36,47% от количества зарегистрированных преступлений)⁴. Такая статистика отчасти обусловлена проблемами правоприменения уголовно-правовых норм в сфере посягательств на объекты животного мира, связанными с установлением общей и специальной противоправности, выявлением и регистрацией правонарушений в сфере охраны и использования объектов животного мира, осуществлением квалификации деяний, установлением последствий, размеров вреда, доказыванием причинной связи между деянием и его последствиями, определением формы вины.

Анализ уголовных дел и судебной практики показывает, что около 60% преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 258.1 УК РФ, приходится на незаконный оборот особо ценных объектов животного мира, их частей и производных, а остальные 40% преступлений связаны с их незаконной добычей⁵. Наряду с вынесением обвини-

³ В качестве примера применения норм ст. 258.1 судами см.: Приговор судебного участка Тобольского р-на № 1 от 30 августа 2016 г. по делу № 1–108/2016; Приговор Судебного участка № 64 Кизлярского района (Республика Дагестан) от 23 августа 2016 г. по делу № 1–42/2016; Приговор Судебного участка № 11 Охинского района (Сахалинская область) от 22 августа 2016 г. по делу № 1–36/2016.

⁴ См.: стр. 449 Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды в Российской Федерации в 2014 году».

⁵ См.: *Базаров П.Р.* Там же. Примеры судебных решений по делам о незаконном обороте см.: Приговор Судебного участка № 55 Комсомольского района (Хабаровский край) от 17 августа 2016 г. по

тельных заключений по указанным преступлениям существует практика прекращения уголовных дел в связи с деятельным раскаянием субъекта¹.

С учетом наличия в УК РФ ст. 258.1 в настоящее время судами выносятся решения о признании сведений о продаже особо ценных объектов животного мира, их частей и производных,

информацией, запрещенной к распространению в Российской Федерации. На основании таких решений ограничивается доступ к такой информации в сети Интернет. В свою очередь, это служит эффективной мерой противодействия незаконному обороту указанных объектов преступных посягательств¹.

DIE PRAXIS DER ANWENDUNG DER NORMEN DES ART. 258.1. DES STRAFKODEXES DER RUSSISCHEN FÖDERATION

Tatiana Rednikova

Ziel. Die Analyse der Praxis der Anwendung der Normen des Artikels 258.1 des Strafgesetzbuches und die Festlegung von Probleme der Rechtsanwendung der angegebenen Normen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Strafrechtliche Verbote sind wichtige Instrumente, die für den Schutz der Umwelt im Allgemeinen und der Tierwelt als einer ihrer Komponenten gegen Kriminalität eingesetzt werden. Verbrechen, die die unmittelbare Verantwortung für die Angriffe auf Objekte der Fauna auslösen, sind quantitativ nach der Zahl der registrierten Straftaten stabil auf dem zweiten Platz direkt nach den kriminellen Angriffen auf Waldressourcen. Allerdings muss bei der Analyse der Statistiken der Anzahl der registrierten Straftaten in dieser Kategorie ihre hohe Dunkelziffer berücksichtigt werden.

Die Einbeziehung des Artikel 258.1 in das Kapitel 26 des StGB RF im Jahr 2013, das die Verantwortung für den Schmuggel sowie illegale Gewinnung und Umsatz, einschließlich der Lagerung, der Beförderung, des Verkaufs von besonders wertvollen wilden Tieren und Wasserressourcen, die ins Rote Buch der Russischen Föderation eingetragen sind oder durch internationale Verträge geschützt werden vorsieht, ist ein positiver Trend in der Entwicklung des Russischen Strafrechts im Bereich des Tierschutzes. Die in diesem Artikel vorgesehenen Sanktionen gehören zu den höchsten in Kapitel 26 des StGB RF, was zur Vorbeugung der Begehung von Straftaten in dieser Kategorie beitragen soll.

Die Probleme der Anwendung der strafrechtlichen Normen im Bereich der Eingriffe auf die Objekte der Fauna, die im Zusammenhang mit der Konstruktion der Allgemeinen und Besonderen Rechtswidrigkeit, der Identifizierung und Registrierung der Straftaten im Bereich des Tierschutzes, der Umsetzung der Qualifikationen der Taten, der Festlegung der Folgen, der Schadensbenennung, der Beweisschwierigkeiten des kausalen Zusammenhangs zwischen der Tat und ihren Folgen sowie der Bestimmung der Schuldform bedingt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels ist in der erweiterten Charakterisierung von Normen Artikel 258.1 des Strafgesetzbuches und der Identifizierung unter Berücksichtigung der statistischen Daten für die Probleme seiner Rechtsanwendung.

Stichwörter: Gesetzgebung, Verbrechen, Verstoß, Strafgesetzbuch, Fauna, Biodiversität, Umweltschutz.

Strafrechtliche Verbote sind wichtige Instrumente, die zum Schutz der Umwelt im Allgemeinen und der Tierwelt als einer ihrer Komponenten vor Kriminalität eingesetzt werden. Das russische Strafrecht enthält im Kapitel 26 des Strafkodexes der Russischen Föderation

делу № 1–69/2016; Приговор Судебный участок № 3 Камызякского судебного района (Астраханская область) от 12 августа 2016 г. по делу № 1–61/2016.

¹ См., например: Постановление Судебного участка № 74 г. Амурска и Амурского района (Хабаровский край) от 11 августа 2016 г. по делу № 1–132/2016.

on (UK RF) ein detailliertes Normensystem, das die Verantwortung für die Taten regelt.

Verbrechen, die die unmittelbare Verantwortung für die Angriffe auf Objekte der Fauna auslösen (Art. 256, 257, 258, 258.1), sind quantitativ nach der

¹ См., например: Решения Тобольского городского суда № 2–2305/2016 2–2305/2016–М-2596/2016 М-2596/2016 от 6 октября 2016 г. по делу № 2–2305/2016, № 2–2316/2016 2–2316/2016–М-2593/2016 М-2593/2016 от 6 октября 2016 г. по делу № 2–2316/2016.

Zahl der registrierten Straftaten stabil auf dem zweiten Platz direkt nach den kriminellen Angriffen auf Waldressourcen (Art. 260, 261). Sie betrug im Jahr 2013 36,63% der Gesamtzahl der registrierten Umweltverbrechen, im Jahr 2014—35,69% (zusammen ergaben die beiden genannten Gruppen der Straftaten im Jahr 2013 99,28% aller registrierten Umweltverbrechen; im Jahr 2014—97,1%)¹.

Allerdings muss bei der Analyse der Statistiken der Anzahl der registrierten Straftaten in dieser Kategorie ihre hohe Dunkelziffer berücksichtigt werden². So belief sich die Gesamtzahl der im Jahr 2014 registrierten Umweltdelikte auf 25.526 (nur etwa 1,18 % von der Gesamtzahl der registrierten Straftaten), was sicherlich nicht von geringer Kriminalität diese Art zeugt, sondern von dem niedrigen Niveau ihrer Ermittlung³.

Die Einbeziehung des Artikel 258.1 in das Kapitel 26 des UK RF im Jahr 2013, das die Verantwortung für den Schmuggel sowie illegale Gewinnung und Umsatz, einschließlich der Lagerung, der Beförderung, des Verkaufs von besonders wertvollen wilden Tieren und Wasserressourcen, die ins Rote Buch der Russischen Föderation eingetragen sind oder durch internationale Verträge geschützt werden, ist ein positiver Trend in der Entwicklung des Russischen Strafrechts im Bereich des Tierschutzes. In erster Linie geht es um die Stärkung der Verantwortung für die illegale Beschaffung von und den Umgang mit besonders wertvollen Objekten der Tierwelt, wie Z. B. Amur-Tiger, Leopard, und um die Verbesserung der Effizienz ihrer Schutzsysteme.

Diese Norm sieht Sanktionen in Form von verschiedenen Arten der Arbeitsverpflichtung, Geldstrafe (in Höhe von bis zu einer Million Rubel oder des Gehalts oder sonstiger Einkünfte für einen Zeitraum von bis zu zwei Jahren (Abs. 1) oder Freiheitsstrafe vor. Qualifikationsmerkmale dieses Tatbestandes sind: (1) die Begehung dieser Straftat durch eine Amtsperson unter Ausnutzung ihrer amtlichen Stellung (Art.

258.1 Abs. 2 sieht eine Freiheitsstrafe bis zu fünf Jahren vor mit einer Geldbuße bis zu zwei Millionen Rubel oder dem Gehalt oder sonstigen Einkünften für einen Zeitraum bis zu fünf Jahren, Aberkennung des Rechts, bestimmte Ämter zu bekleiden oder bestimmte Tätigkeiten für einen Zeitraum bis zu drei Jahren auszuführen) und (2) die Begehung einer Straftat durch eine organisierte Gruppe (Art. 258.1 Abs. 3; diese Qualifikation wird mit Freiheitsstrafe von fünf bis sieben Jahren bedroht sowie einer Geldbuße wie nach Abs. 2 und die Beschränkung der Freiheit bis zu zwei Jahren, Entzug des Rechts, bestimmte Ämter zu bekleiden oder bestimmte Tätigkeiten für einen Zeitraum bis zu fünf Jahren auszuführen).

Die in diesem Artikel vorgesehenen Sanktionen gehören zu den höchsten in Kapitel 26 des UK RF, was zur Vorbeugung der Begehung von Straftaten in dieser Kategorie beitragen soll. Doch in der Praxis schöpfen die Urteile die hohen Strafraumen nicht aus. Am häufigsten werden Angeklagte nach diesem Artikel zur Arbeitsverpflichtung mit der Zahlung eines bestimmten Prozentsatzes vom Lohn verurteilt⁴.

Die Zahl der registrierten Straftaten nach Art. 258.1 UK RF belief sich im Jahr 2014 auf 924 (mehr als 3,6% der Gesamtzahl der registrierten Umweltdelikte in diesem Zeitraum). Dabei wurden vor den Gerichten nur 337 Fälle (36,47% der Gesamtzahl der registrierten Straftaten) angeklagt. Diese Zahlen in der Statistik sind zum Teil durch die Probleme der Anwendung der strafrechtlichen Normen im Bereich der Übergriffe auf die Objekte der Fauna, die im Zusammenhang mit der Konstruktion der Allgemeinen und Besonderen Rechtswidrigkeit, der Identifizierung und Registrierung der Straftaten im Bereich des Tierschutzes, der Umsetzung der Qualifikationen der Taten, der Festlegung der Folgen, der Schadensbenennung, der Beweisschwierigkeiten des kausalen Zusammenhangs zwischen der Tat und ihren Folgen sowie der Bestimmung der Schuldform bedingt.

Die Analyse der von Art. 258.1 UK RF erfassten strafrechtlich relevanten Sachverhalte und der geschilderten gerichtlichen Praxis zeigt, dass etwa 60% der Straftaten auf den illegalen Umsatz der besonders wertvollen Objekte der Tierwelt sowie deren Teile und Erzeugnisse entfallen und die restlichen 40% der Straftaten im Zusammenhang mit der illegalen

¹ Weitere Informationen: Seite 437 Staatlicher Bericht «Über den Zustand und Umweltschutz der Russischen Föderation im Jahr 2013», S. 449 Staatlicher Bericht «Über den Zustand und Umweltschutz der Russischen Föderation im Jahr 2014».

² Siehe zum Beispiel: *Basarow P. P.* Präzedenzfall als Faktor Bedingtheit Kriminologischen Feststellung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit für Angriffe auf die besonders wertvollen Objekte der Tierwelt // *Eurasian law Journal*. 2915 № 12(91).

³ Siehe: S. 449 Staatlicher Bericht «Über den Zustand und Umweltschutz der Russischen Föderation im Jahr 2014», die statistischen Daten des Ministeriums für innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (URL: <https://мвд.рф/folder/101762/item/7087734>).

⁴ Als Beispiele für die Anwendung des Art. 258.1 UK RF siehe: Urteil der Phase Tobolsker P-Nr. 1 vom 30. August 2016 in der Sache 1–108/2016; das Urteil Gerichtsbezirk №64 Kizlyar Bezirk (Republik Dagestan) vom 23. August 2016 in der Sache 1–42/2016; das Urteil Gerichtsbezirk № 11 Okhtinskyi des Bezirks (Oblast Sachalin) vom 22. August 2016 in der Sache 1–36/2016.

Beschaffung dieser Tatobjekte stehen¹. Neben der Erhebung von Anklagen gibt es die Praxis, bei diesen Verbrechen das Strafverfahren im Zusammenhang mit tätiger Reue des Täters zu beenden².

Auf der Grundlage des Art. 258.1 UK RF entscheiden die Gerichte derzeit, dass die Verbreitung von Informationen, die den Verkauf von besonders

wertvollen Objekten der Tierwelt, deren Teile und Erzeugnisse, betreffen, illegal und auf dem Territorium der RF verboten sind. Durch diese Entscheidungen wird Zugang zu solchen Informationen im Internet beschränkt. Dies ist eine wirksame Maßnahme, um dem illegalen Schwarzhandel mit den entsprechenden Objekten der Tierwelt entgegenzuwirken³.

---

¹ Siehe: *Basarow P. R. EBD*. Vgl. auch die gerichtlichen Entscheidungen in Fällen des illegalen Handels: Urteil Gerichtsbezirk № 55 Komsomol des Gebiets (Region Chabarowsk) vom 17. August 2016 in der Sache 1–69/2016; Urteil Gerichtliche Phase Nummer 3 Kamyziak gerichtlichen Bezirk (Oblast Astrachan) vom 12. August 2016 in der Sache 1–61/2016.

² Siehe, zum Beispiel: die Verordnung Gerichtsbezirk №74 G. Амурска und des Gebiets Amur (Region Chabarowsk) vom 11. August 2016 in der Sache 1–132/2016.

---

³ Siehe z.B.: *Lösung des Tobolsker Stadtgerichts Nr. 2–2305/2016 2–2305/2016~M-2596/2016 M-2596/2016* vom 6. Oktober 2016 der Fall № 2–2305/2016, № 2–2316/2016 2–2316/2016~M-2593/2016 M-2593/2016 vom 6. Oktober 2016 in der Sache 2–2316/2016.

KÖRPERVERLETZUNGSDELIKTE – EINE VERGLEICHENDE DARSTELLUNG DES DEUTSCHEN, ENGLISCHEN UND BELARUSSISCHEN STRAFRECHTS

Rudakouskaya Alena, Stage Diana, Storey Jessica

Ziel: Eine vergleichende Darstellung der rechtlichen Behandlung der Körperverletzung mit Todesfolge in Deutschland, England (und Wales) und Belarus anhand eines Beispiels. Eine rechtsvergleichende Schilderung der Systematik der Körperverletzungsdelikte in den jeweiligen Ländern und dessen bedrohten Strafen.

Methodologie: die rechtsvergleichende Methode

Schlussfolgerungen: Die Regelungen der Körperverletzungsdelikte weisen in Deutschland, England (und Wales) und Belarus sowohl Gemeinsamkeiten als auch Unterschiede auf. Trotz der unterschiedlichen Systematik der Delikte im jeweiligen Gesetzbuch bzw. Strafkodex und „common law“, handelt es sich nicht selten um ähnliche Ergebnisse für den Täter.

Stichwörter: Strafrecht, rechtsvergleichendes Strafrecht, Körperverletzungsdelikte, Körperverletzung mit Todesfolge, Strafe

I. Einleitung

Es kann zwar hinsichtlich Art und Umfang der Körperverletzungsdelikte kein unmittelbarer Vergleich zwischen den Regelungen in Deutschland, England (und Wales)¹ sowie Belarus gezogen werden, da sich deren Rechts- und Strafjustizsysteme (z. B. hinsichtlich der Definition von Straftatbeständen) unterscheiden² und daher vergleichbare Statistiken – jedenfalls soweit ersichtlich – nicht vorliegen. Körperverletzungsdelikte kommen in der Praxis aber nicht selten vor, weshalb es uns – auch aus wissenschaftlicher Sicht – lohnenswert erscheint, eine vergleichende Darstellung der Körperverletzungsdelikte nach deutschem, englischem und belarussischem Strafrecht vorzunehmen. In den Fokus soll dabei die rechtliche Behandlung der Körperverletzung mit Todesfolge gestellt werden. Zum besseren Verständnis ist jedoch zunächst ein Überblick über die Systematik der Körperverletzungsdelikte im jeweiligen Land zu geben.

¹ Wenn im Folgenden von England gesprochen wird, ist auch Wales umfasst; es wird lediglich aus Gründen der Vereinfachung nur von England gesprochen.

² Vgl. Eurostat, Statistiken zu Kriminalität, abrufbar im Internet: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Archive:Crime_statistics/de> (zuletzt abgerufen am 10.02.2017).

II. Überblick über die Systematik der Körperverletzungsdelikte in Deutschland, England und Belarus

Um den Rahmen des Beitrags nicht zu sprengen, sollen im Folgenden nur die (für den Studierenden) wichtigsten Körperverletzungsdelikte – teilweise vereinfacht – dargestellt werden.

1. „Einfache“ Körperverletzung

In **Deutschland** bildet bei den Vorsatzdelikten § 223 StGB den Grundtatbestand. Voraussetzung dieser einfachen vorsätzlichen Körperverletzung ist, dass der Täter sein Opfer entweder körperlich misshandelt, also z. B. mit der Faust ins Gesicht schlägt¹, oder an der Gesundheit schädigt, etwa der Täter beim Opfer eine erhebliche Trunkenheit verursacht². Die Strafe bei Vorliegen einer solchen Körperverletzung liegt bei einer Freiheitsstrafe von bis zu fünf Jahren oder einer Geldstrafe (§ 223 Abs. 1 StGB).

In **England** gibt es zwei Formen von „einfachen“ Körperverletzungsdelikten, die im Grunde mit dem deutschen Grundtatbestand (§ 223 StGB) vergleichbar sind, wobei zwischen der Schwere des Taterfolges unterschieden wird.

Das erste Delikt, „common assault“, ist die einfachste Form der Körperverletzungsdelikte in England. Diese lässt sich in zwei Formen unterteilen, und zwar in „assault“ und „battery“. Maßgeblich für ein „assault“ ist die bloße Androhung von Gewalt,³ wobei für ein „battery“ die Anwendung von Gewalt mit entsprechender geringfügiger Verletzung am Körper eines anderen Menschen erforderlich ist⁴. „Assault“ und „battery“ sind zwar jeweils eigenständige Delikte, sie treten aber häufig zusammen auf. Wenn dies der Fall ist, wird der Täter wegen „common assault“ verurteilt. Die Strafe bei Vorliegen einer solchen Körperverletzung ist gemäß s39 Criminal Justice Act 1988 eine Freiheitsstrafe von bis zu sechs Monaten und/oder eine Geldstrafe.

Das zweite Delikt, „Assault occasioning actual bodily harm“ (kurz: ABH), erfordert gemäß s47 Offences Against the Person Act (OAPA) 1861 (kurz: s47 OAPA 1861) die Begehung eines „common assault“, die eine andere Person körperlich beeinträchtigt oder dessen Gesundheit oder dessen Wohlbefinden schädigt. Erfasst werden z. B. ein Schlag ins Gesicht oder das unerlaubte

Abschneiden der Haare.⁵ Die Strafe liegt bei einer Freiheitsstrafe von bis zu fünf Jahren oder eine Geldstrafe.

In **Belarus** gibt es ebenfalls zwei Formen der „einfachen“ Körperverletzungsdelikte, wobei – anders als in England – bei den beiden Delikten zwischen Ordnungswidrigkeit und Straftat unterschieden wird.

Die einfachste Form der Körperverletzung wird als **Ordnungswidrigkeit** geahndet. Sie ist in Art. 9.1. Ordnungswidrigkeitenkodex – vorsätzliche Begehung einer Körperverletzung und anderer Gewalthandlungen – geregelt. Voraussetzung für das Vorliegen einer solchen Ordnungswidrigkeit ist die vorsätzliche Begehung einer Körperverletzung, deren Folge unterhalb der Schwelle einer kurz andauernden Gesundheitsschädigung oder eines kurzzeitigen Verlusts der Arbeitsfähigkeit liegt. Einen weiteren Ordnungswidrigkeitentatbestand stellt die „einfache“ Körperverletzung bei nahen Verwandten oder Familienmitgliedern dar, bei der vorsätzlich Schmerzen physischer oder psychischer Art zugefügt werden. Verstöße gegen die Ordnungswidrigkeitentatbestände werden mit einer Geldbuße oder einer Administrativhaft geahndet.

Hat die Körperverletzung eine kurz andauernde Gesundheitsschädigung oder einen kurzzeitig andauernden Verlust der Arbeitsfähigkeit zur Folge, liegt hingegen eine Straftat nach Art. 153 Strafkodex (Vorsätzliche Begehung einer leichten Körperverletzung) vor, die mit der Verhängung von gemeinnütziger Arbeit, Geldstrafe, Besserungsarbeit bis zu einem Jahr oder Arrest bestraft werden kann.

2. „Schwerere“ Formen der Körperverletzungsdelikte

In **Deutschland** bauen auf den Grundtatbestand (§ 223 StGB) mehrere Qualifikationstatbestände auf. Qualifikationstatbestände sind eigene Straftatbestände, bei denen der Gesetzgeber den Grundtatbestand um mindestens ein spezielles Merkmal erweitert hat und die einen strengeren Strafrahmen als das Grunddelikt haben.⁶

Zunächst gibt es die gefährliche Körperverletzung (§ 224 StGB), die mit einer Freiheitsstrafe von sechs Monaten bis zu zehn Jahren bestraft werden kann. Die Strafschärfung beruht auf der besonderen Gefährlichkeit der Begehungsweise;⁷ das Gesetz nennt hierbei fünf Fallgruppen, und zwar Begehung 1. durch Beibringung von Gift oder anderen gesundheitsschädlichen Stoffen, 2. mittels einer Waffe oder eines anderen gefährlichen Werkzeugs, 3. mittels eines hinterlistigen Überfalls, 4. mit einem anderen Beteiligten gemeinschaftlich und 5. mittels einer das Leben gefährdenden Behandlung.

¹ OLG Düsseldorf, NJW 1994, 1232; *Kühl*, in: Lackner/Kühl, 28. Aufl. 2014, § 223 Rn. 4.

² *Krey/Hellmann/Heinrich*, Strafrecht BT 1, 16. Aufl. 2015, Rn. 196 m.w.N.

³ Die subjektive Wahrnehmung des Opfers ist für die Auslegung des Begriffs „Drohung“ maßgeblich. In *R v Ireland* [1997] 3 WLR 534 wurde das Machen eines anonymen Anrufs als „Drohung“ ausgelegt.

⁴ Vgl. *R v Thomas* (1985) 81 Cr App R 331; hier wurde „Anwendung von Gewalt“ als bloßer Kontakt ausgelegt, indem der Täter den Rocksäum einer Frau berührt hat.

⁵ Siehe *DPP v Smith* [1960] 3 All ER 161, HL; der Täter schnitt aus Wut die Haare seiner Freundin ab.

⁶ Näher dazu *Wessels/Beulke/Satzger*, Strafrecht Allgemeiner Teil, 46. Aufl. 2016, Rn. 160.

⁷ BGHSt 19, 352; *Krey/Hellmann/Heinrich*, Strafrecht BT 1, 16. Aufl. 2015, Rn. 244; *Wessels/Hettinger*, Strafrecht BT 1, 40. Aufl. 2016, Rn. 262.

§ 226 StGB regelt die schwere Körperverletzung und stellt auf die Schwere der Körperverletzung ab¹. § 226 Abs. 1 StGB enthält eine abschließende Aufzählung der qualifizierenden Folgen, wie etwa den Verlust des Sehvermögens auf einem Auge oder beiden Augen bei der verletzten Person. Hinsichtlich dieser Folge muss der Täter wenigstens fahrlässig gehandelt haben (§ 18 StGB). Handelt der Täter hinsichtlich dieser Folge fahrlässig oder mit bedingten Vorsatz,² so ist die Strafe Freiheitsstrafe von einem Jahr bis zu zehn Jahren (§ 226 Abs. 1 StGB); handelt der Täter hinsichtlich dieser Folge wissentlich oder absichtlich, so ist die Strafe Freiheitsstrafe von drei bis zu fünfzehn Jahren (§ 226 Abs. 2, 38 Abs. 2 StGB)³. Jene Strafandrohung besteht auch bei der Körperverletzung mit Todesfolge, die in § 227 StGB normiert ist. Danach muss der Tod des Opfers durch eine vorsätzlich begangene Körperverletzung verursacht worden sein, wobei der Täter hinsichtlich der Todesfolge wenigstens fahrlässig gehandelt haben muss (§ 18 StGB).

Im Gegensatz zum deutschen Recht gibt es in **England** keine „gefährliche Körperverletzung“.

Die nächste Stufe der Körperverletzungsdelikte in England, welche der schweren Körperverletzung (§ 226 StGB) ähnelt, ist „grievous bodily harm“ (GBH). Es gibt keine umfassende Aufzählung, was genau eine „schwere Verletzung“ darstellt, aber nach den Leitlinien der Staatsanwaltschaft werden z. B. Knochenbrüche, Verlust des Seh-/Hörvermögens und erheblicher Blutverlust darunter gefasst.⁴

Das Gesetz sieht zwei Varianten der GBH vor, die sich auf der Ebene des Vorsatzes unterscheiden. s20 GBH OAPA (1861) liegt vor, wenn der Täter dem Opfer schwere Verletzungen hinzufügt und dies fahrlässig oder mit Eventualvorsatz begangen hat;⁵ s18 GBH OAPA (1861) setzt den gleichen Erfolg voraus, der Täter handelt diesbezüglich jedoch mit *dolus directus* I (mit Absicht) oder *dolus directus* II (wissen- und willentlich).⁶ Die Strafe bei Vorliegen der s20 GBH OAPA 1861 liegt bei einer Freiheitsstrafe von bis zu fünf Jahren oder gemeinnützige Arbeit. Bei Vorliegen

des s18 GBH OAPA (1861) liegt die Strafe sogar bei einer lebenslangen Freiheitsstrafe; bei der schweren Körperverletzung bedeutet lebenslange Freiheitsstrafe eine Freiheitsstrafe von maximal 15 Jahren.

In **Belarus** gibt es zwar – anders als in Deutschland – keinen Straftatbestand, der als „gefährliche Körperverletzung“ überschrieben ist, sondern „nur“ die Tatbestände der sog. „vorsätzlichen Begehung schwerer Körperverletzungen“ nach Art. 147 Strafkodex und der sog. „weniger schweren Körperverletzung“ nach Art. 149 Strafkodex. Die besondere Gefährlichkeit der Begehungsweise, die in Deutschland die einfache Körperverletzung zu einer gefährlichen Körperverletzung (§ 224 StGB) qualifiziert, ist allerdings auch – wie noch gezeigt wird – sowohl bei Art. 147 als auch Art. 149 Strafkodex von Relevanz.

Art. 147 Strafkodex (schwere Körperverletzung) umfasst zunächst in Absatz 1 schwere Körperverletzungen, die mit § 226 StGB im Wesentlichen vergleichbar sind; so wird etwa auch der Verlust des Seh- und/oder Hörvermögens als schwere Folge aufgezählt. Eine schwere Körperverletzung kann darüber hinaus ausdrücklich bei Hervorrufen einer lebensgefährlichen Verletzung vorliegen; damit ist also – ähnlich wie bei der gefährlichen Körperverletzung nach § 224 Abs. 1 Nr. 5 StGB – eine besondere gefährliche Begehungsweise von Art. 147 Strafkodex erfasst. Eine schwere Körperverletzung im Sinne des Art. 147 Strafkodex wird mit Freiheitsstrafe von vier bis acht Jahren oder einer Freiheitsbeschränkung von drei bis fünf Jahren bestraft.

Wird eine schwere Körperverletzung z. B. aus einer besonderen Motivation heraus begangen, und zwar aus rassistischen, nationalen, religiösen, politischen oder ideologischen Gründen, beruht die Straftatbegehung also auf einer besonderen Verwerflichkeit des Beweggrundes, wird die Tat strenger bestraft, nämlich mit Freiheitsstrafe von fünf bis zehn Jahren (Art. 147 Abs. 2 Nr. 8 Strafkodex). Das gleiche gilt für eine schwere Körperverletzung, die etwa mit einem anderen Beteiligten gemeinschaftlich begangen wird; an dieser Stelle wirkt die besondere gefährliche Begehungsweise – wie sie auch in § 224 StGB genannt wird – also strafehöhend. Der Begriff „schwere Körperverletzung“ ist somit im deutschen und belarussischen Recht nicht identisch, sondern wird im belarussischen Recht (teilweise) mit der gefährlichen Körperverletzung kombiniert.

Liegt weder eine lebensgefährliche Körperverletzung noch eine schwere Folge der Körperverletzung im Sinne des Art. 147 Strafkodex vor, kommt eine „weniger schwere Körperverletzung“ nach Art. 149 Strafkodex in Betracht. Sie wird mit Geldstrafe, Besserungsarbeit bis zwei Jahren, Arrest mit oder ohne Geldstrafe, Freiheitsbegrenzung bis zu drei Jahren mit oder ohne Geldstrafe, oder mit Freiheitsstrafe für die gleiche Frist mit oder ohne Geldstrafe bestraft.

¹ Wessels/Hettinger, Strafrecht BT 1, 40. Aufl. 2016, Rn. 285.

² Vgl. Joecks, StGB, 11. Aufl. 2014, § 226 Rn. 33.

³ § 226 Abs. 2 StGB liegt z. B. vor, „wenn der Täter von einem mit *dolus directus* I. Grades ausgeführten Tötungsversuch zurückgetreten ist und die eingetretene schwere Folge als sichere Folge seines Tuns erkannt hatte“ (BGH, NJW 2001, 980; Joecks, StGB, 11. Aufl. 2014, § 226 Rn. 34).

⁴ http://www.cps.gov.uk/legal/l_to_o/offences_against_the_person/ (zuletzt abgerufen am 22.11.2016)

⁵ DPP v Parmenter 94 Cr. App. R. 627 – „the defendant was reckless to or foresaw the risk of some harm“.

⁶ R v Woollin [1998] 4 All ER 103.

Wird eine weniger schwere Körperverletzung etwa durch eine Gruppe oder durch Quälen oder mit einem gemeingefährlichen Mittel begangen, wird die Tat strenger bestraft und zwar mit einer Freiheitsbegrenzung bis zu fünf Jahren oder Freiheitsstrafe von einem Jahr bis fünf Jahren (*Art. 149 Abs. 2 Strafkodex*).

III. Körperverletzung mit Todesfolge

Die rechtliche Behandlung der Körperverletzung mit Todesfolge in Deutschland, England und Belarus weisen sowohl Gemeinsamkeiten als auch Unterschiede auf, die anhand des folgenden Beispiels näher erläutert werden sollen:

A schlägt den B mit einer entschicherten Pistole auf den Kopf, wobei sich unglücklicherweise ein Schuss löst, durch den B tödlich getroffen wird.

Wie wäre A nach deutschem, englischem und belarussischem Recht zu bestrafen?

1. Deutschland

Nach deutschem Recht scheidet zunächst ein Totschlag nach § 212 Abs. 1 StGB wegen fehlenden Tötungsvorsatzes aus. A ist allerdings einer fahrlässigen Tötung (§ 222 StGB) schuldig. Aufgrund des Schlages mit der Pistole hat sich A zudem wegen gefährlicher Körperverletzung nach § 224 Abs. 1 StGB strafbar gemacht. Die Pistole ist nämlich hier ein gefährliches Werkzeug (§ 224 Abs. 1 Nr. 2 Alt. 2 StGB) und der Schlag mit ihr stellt eine das Leben gefährdende Behandlung (§ 224 Abs. 1 Nr. 5 StGB) dar.

Fraglich ist, ob A auch wegen einer Körperverletzung mit Todesfolge (§§ 227 Abs. 1, 18 StGB) strafbar ist. Die **erste Voraussetzung**, das Vorliegen einer vorsätzlichen Körperverletzung, ist – wie eben festgestellt – gegeben. Die **zweite Voraussetzung**, die schwere Folge im Sinne von § 227 StGB, ist mit dem Tod des B eingetreten. Die **dritte Voraussetzung** ist das Vorliegen eines tatbestandsspezifischen Zusammenhangs zwischen der Körperverletzung als Grunddelikt und dem Tod als schwere Folge, ein bloßer Kausalzusammenhang genügt nicht. § 227 Abs. 1 StGB setzt nämlich voraus, dass sich die der Körperverletzung innewohnende spezifische Gefahr gerade in dem Tod des Opfers realisiert hat.¹ In unserem Fall hat der durch den Schlag auf den Kopf bewirkte Erfolg, also der Körperverletzungserfolg, allerdings nicht unmittelbar zum Tod des B geführt. Der Tod wurde vielmehr erst durch den Schuss, der sich bei der Vornahme des Schlages löste, herbeigeführt, also durch die Körperverletzungshandlung. Umstritten ist, ob der Tod Folge des Körperverletzungserfolgs oder der Körperverletzungshandlung sein muss. Die herrschende Lehre² verlangt, dass der

Tod aus dem vorsätzlich herbeigeführten Körperverletzungserfolg resultiert (sog. Letalitätslehre), denn der Wortlaut des § 227 Abs. 1 StGB fordere den Tod einer „verletzten Person“. Dagegen lässt vor allem die Rechtsprechung³ die spezifische Gefahr der Körperverletzungshandlung genügen. So umfasse der Begriff Körperverletzung auch Körperverletzungshandlungen⁴; darüber hinaus nehme der Klammerzusatz in § 227 Abs. 1 StGB Bezug auf §§ 223 bis 226a StGB, verweise also auch auf die Versuchsstrafbarkeit.⁵ Nach der herrschenden Lehre wäre A somit mangels tatbestandsspezifischen Zusammenhangs nicht wegen Körperverletzung mit Todesfolge zu bestrafen. Nach der Rechtsprechung hat sich A hingegen wegen Körperverletzung mit Todesfolge nach §§ 227 Abs. 1, 18 StGB strafbar gemacht, denn bei einem Schlag mit einer entschicherten Pistole besteht typischerweise die Gefahr, dass sich dabei ein Schuss löst, der das Opfer tödlich verletzt. Es besteht also ein tatbestandsspezifischer Gefährzusammenhang zwischen Körperverletzungshandlung und dem Todeserfolg. Darüber hinaus handelte A **auch fahrlässig** hinsichtlich der schweren Folge (vgl. § 18 StGB), des Todes des B, denn es war für ihn voraussehbar und vermeidbar, dass sich beim Zuschlagen mit einer Pistole ein Schuss lösen kann.

Die Strafbarkeit wegen fahrlässiger Tötung und gefährlicher Körperverletzung tritt hinter die Körperverletzung mit Todesfolge zurück, wobei allerdings hinsichtlich der gefährlichen Körperverletzung mittels eines gefährlichen Werkzeuges (§ 224 Abs. 1 Nr. 2 Alt. 2 StGB) Tateinheit (§ 52 StGB) angenommen werden kann, wenn die Verwendung des gefährlichen Werkzeugs ein besonderes Unrecht darstellt und dies im Urteil zum Ausdruck kommen soll.⁶

2. England

Nach englischem Recht hat sich A wegen „unlawful act manslaughter“ strafbar gemacht. Hierbei handelt es sich – anders als bei § 227 StGB in Deutschland – nicht um einen geschriebenen Straftatbestand, sondern um „common law“. Danach hat „unlawful act manslaughter“ drei Voraussetzungen: **Erstens** muss der Täter den Tod eines anderen Menschen – hier des B – verursacht haben. Hierbei muss ein Kausalzusammenhang vorliegen. Anders als im deutschen Recht wird – soweit ersichtlich – ein tatbestandsspezifischer Zusammenhang zwischen Körperverletzung und Todeserfolg

zum StGB, 2. Aufl. 2012, § 227 Rn. 11 m. w. N.

³ BGHSt 14, 110; 31, 96 ff.; 48, 34, 37 f. Eine Auswertung jüngerer Entscheidungen des BGH zu § 227 StGB findet sich bei *Steinberg*, NSTZ 2010, 72 ff.

⁴ BGHSt 48, 34 ff.

⁵ BGHSt 48, 34 ff.

⁶ Vgl. *Paeffgen*, in: NK-StGB, 4. Aufl. 2013, § 227 Rn. 35.

¹ Wessels/*Hettinger*, Strafrecht BT 1, 40. Aufl. 2016, Rn. 297.

² Statt vieler *Hardtung*, in: Münchener Kommentar

im common law nicht diskutiert. So wurde in *R v Corbett* lediglich ausdrücklich bestätigt, dass der Tod des Opfers nicht „die natürliche Folge“ der Handlung des Täters sein müsse.¹ Die Handlung müsse lediglich die Möglichkeit darstellen, dem Opfer Schaden zuzufügen. **Zweitens** muss ein sogenannter „unlawful act“ vorliegen. Unter einen „unlawful act“ versteht man jegliche vorsätzliche Straftat, in unserem Fall also eine Körperverletzung. Der Schlag auf den Kopf stellt zumindest eine einfache vorsätzliche Körperverletzung gemäß *s47 OAPA 1861* dar. **Drittens** muss die Handlung (objektiv) gefährlich gewesen sein; das ist bei einem Schlag auf den Kopf mit einer entschulten Pistole zu bejahen. Es zeigt sich also, dass in England ein dem deutschen Straftatbestand der Körperverletzung mit Todesfolge ähnliches Gewohnheitsrecht existiert. Ein Unterschied scheint in der zu verhängenden Strafe zu bestehen, wobei sich dies bei näherer Betrachtung relativiert. Wie bereits erwähnt, beträgt der Strafrahmen nach dem deutschen Recht drei bis 15 Jahre. Nach englischem Recht kann der Täter hingegen bei Vorliegen dieser Tat lebenslang inhaftiert werden. Da die lebenslange Freiheitsstrafe bei Körperverletzungsdelikten im englischen Recht eine Freiheitsstrafe von bis zu 15 Jahren bedeutet, liegt der wesentliche Unterschied im Grunde „nur“ in der Bezeichnung der Strafe. Denn nach deutschem Recht besteht bei Verhängung einer lebenslangen Freiheitsstrafe grundsätzlich die Möglichkeit, nach Verbüßung von fünfzehn Jahren der Strafe „Straffreiheit“ zu erlangen (vgl. § 57a StGB).

Zudem ist fraglich, ob sich A wegen Mordes strafbar gemacht hat. Mord ist in England gewohnheitsrechtlich geregelt und setzt auf – der objektiven Ebene – eine Handlung voraus, die den Tod des Opfers verursacht hat. Dies liegt – wie oben geprüft – vor. Des Weiteren müsste A vorsätzlich gehandelt haben. Hierfür muss entweder der Vorsatz, einen anderen zu töten (die sogenannte „express intention“), oder der Vorsatz, eine schwere Körperverletzung zu begehen (gem. *s18 GBH OAPA 1861*; die sogenannte „implied intention“) vorliegen.² In England kann also ein Täter wegen Mordes verurteilt werden, obwohl er das Opfer gar nicht töten wollte. In unserem Fall hatte A keinen Vorsatz, den B zu töten. Zudem hatte A keine Absicht, dem B schwere Verletzungen (wie z. B. eine nicht-tödliche Schusswunde) zuzufügen, auch konnte A den Tod des B oder eine Schusswunde nicht als „so gut wie sicher“³ vorhersehen. Eine Strafbarkeit des A wegen Mordes scheidet also aus.

Aus rechtsvergleichender Sicht ist jedoch an dieser Stelle interessant, dass die Körperverletzung mit Todesfolge in England auch als Mord bestraft werden

kann, und zwar dann, wenn – wie bereits erwähnt – Vorsatz besteht, eine schwere Körperverletzung (gem. *s18 GBH OAPA 1861*) zu begehen.

3. Belarus

Nach belarussischem Recht scheidet – wie auch nach deutschem und englischem Recht – ein Totschlag wegen fehlenden Tötungsvorsatzes aus, vgl. Art. 139 Strafkodex. A hat allerdings eine fahrlässige Tötung (Art. 144 Strafkodex) begangen⁴. Diese wird mit Besserungsarbeiten bis zu zwei Jahren oder einer Freiheitsbeschränkung bis zu drei Jahren oder Freiheitsstrafe bis zu drei Jahren bestraft. Fraglich ist, ob sich A wegen Körperverletzung mit Todesfolge strafbar gemacht hat. Der Straftatbestand der Körperverletzung mit Todesfolge ist – wie in Deutschland – ausdrücklich im Gesetz geregelt. Anders als in Deutschland ist der Tatbestand aber nicht in einem eigenen Paragraphen bzw. Artikel enthalten, sondern bildet einen eigenen Absatz des Art. 147 Strafkodex, also der schweren Körperverletzung. Die Körperverletzung mit Todesfolge wird nach Art. 147 Abs. 3 Strafkodex mit einer Freiheitsstrafe von fünf bis 15 Jahren bestraft. Das Höchstmaß der Freiheitsstrafe wegen Körperverletzung mit Todesfolge beträgt also sowohl in Deutschland als auch in England und Belarus jeweils 15 Jahre. Nach Art. 147 Abs. 3 Strafkodex macht sich jemand wegen Körperverletzung mit Todesfolge strafbar, wenn er vorsätzlich eine schwere Körperverletzung begangen hat, deren Folge der fahrlässig herbeigeführte Tod des Opfers ist. Das Oberste Gericht der Republik Belarus führt zudem dazu aus: „Dabei ist es erforderlich, dass zwischen der herbeigeführten schweren Körperverletzung und dem Todeseintritt ein Kausalzusammenhang besteht.“⁵ Der Tod des Opfers muss also – wie es auch die herrschende Lehre in Deutschland verlangt – aus dem vorsätzlich herbeigeführten Körperverletzungserfolg resultieren. Das ist in unserem Beispiel nicht der Fall, sodass eine Strafbarkeit des A wegen Körperverletzung mit Todesfolge ausscheidet.

IV. Fazit

Die Regelungen der Körperverletzungsdelikte weisen in Deutschland, England und Belarus sowohl Gemeinsamkeiten als auch Unterschiede auf. Das zeigt sich insbesondere beim Straftatbestand der Körperverletzung mit Todesfolge, der in Deutschland und in Belarus als Tatbestand im StGB bzw. Strafkodex geregelt ist, in England handelt es sich hingegen um „common law“.

¹ *R v Corbett* [1996] Crim. L.R. 594.

² *Cunningham* [1957] 2 All ER 412.

³ *R v Woollin* [1998] 4 All ER 103 – „virtually certain“.

⁴ Vgl. Erläuterung Nr. 9 über die Rechtspraxis in den Sachen bezüglich Totschlags (Art. 139 Strafkodex) des Plenums des Obersten Gerichts der Republik Belarus vom 17.12.2002, unter Nr. 3.

⁵ Erläuterung Nr. 1 über die Rechtspraxis in den Sachen bezüglich vorsätzlicher Herbeiführung schwerer Körperverletzungen des Plenums des Obersten Gerichts der Republik Belarus vom 29.03.2006, unter Nr. 18.

OFFENCES AGAINST THE PERSON – A COMPARATIVE OVERVIEW OF THE GERMAN, ENGLISH AND BELARUSIAN CRIMINAL LAW

Alena Rudakouskaya, Diana Stage, Jessica Storey

Mission: To comparatively assess how the offence of bodily harm resulting in death is regulated in Germany, England (and Wales) and Belarus by way of a practical example. Furthermore, this paper seeks to comparatively outline the structural similarities and differences between the most important offences against the person in each jurisdiction and the sanctions imposed.

Methodology: Comparative legal method

Conclusions: The law on offences against the person exhibits many similarities and differences in Germany, England (and Wales) and Belarus. Though the structure of the offences in the respective criminal codes and common law differs, the outcome for the perpetrator can be similar.

Keywords: criminal law, comparative criminal law, offences against the person, bodily harm, unlawful act manslaughter, punishment

I. Introduction

It is not possible to draw a direct comparison between the different types of the offences against the person in Germany, England (and Wales)¹ and Belarus, as the respective legal and criminal justice systems differ (e.g. in relation to the definition of offences).² As a result, and as far as we have found, direct comparative statistics do not exist. Offences against the person are not a rarity in the practice of criminal law, thus from an academic perspective it seems useful to provide a comparative overview of this field of criminal law in Germany, England and Belarus. The focus of this paper is the offence of bodily harm resulting in death, in particular how this offence is regulated in the respective legal systems. Firstly, in order to help put this into perspective, there will be an overview of the primary offences against the person in each respective country.

II. An overview of the main offences against the person in Germany, England and Belarus.

In order to avoid going outside the scope of this paper, only the – for students – most important offences against the person will be outlined. For this purpose, some have been partly simplified.

1. Actual bodily harm

In Germany, § 223 German Criminal Code (StGB) forms the basic offence for intentional bodily harm. The requirement for this offence is that the perpetra-

tor physically assaults the victim, for example by punching him in the face³, or damages his/her health, for example if the perpetrator causes the victim to become very drunk⁴. The punishment for such bodily harm is a custodial sentence of up to five years, or a fine (§ 223 I StGB).

In England there are two offences of ‘basic’ bodily harm, which are generally comparable with the German “basic offence” (§ 223 StGB). In England, however, the difference between the two offences depends on the severity of the injury.

The first offence, “common assault”, is the most basic form of bodily harm in England. This offence can be split into two separate offences of “assault” and “battery”. For an “assault”, the mere apprehension of force is sufficient,⁵ whereas for a “battery” it is necessary to demonstrate an application of unlawful force upon another, which results in minor injury to the victim⁶. “Assault” and “battery” are distinct offences, but they are often committed together. A common assault is punishable by imprisonment of up to six months and/or a fine, as set out in *s39 Criminal Justice Act 1988*.

³ OLG Düsseldorf, NJW 1994, 1232; Kühl, in: Lackner/Kühl, 28th edn. 2014, § 223 n. 4.

⁴ Krey/Hellmann/Heinrich, Strafrecht BT 1, 16th edn. 2015, Nr. 196 with further references.

⁵ What constitutes an ‘apprehension of force’ is a subjective test, dependent on how the defendant perceives the threat. In *R v Ireland* [1997] 3 WLR 534 silent telephone calls constituted an ‘apprehension of force’.

⁶ c.f. *R v Thomas (1985) 81 Cr App R 331*; in this case the defendant touched the hem of the victim’s skirt and this was enough to constitute an ‘unlawful application of force’.

¹ In the following, England and Wales will be referred to simply as ‘England’ for the purpose of simplification.

² c.f. Eurostat, Crime Statistics, accessible under: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Crime_statistics/de> (last accessed 10.02.2017).

The second offence, “Assault occasioning actual bodily harm” (ABH) under *s47 Offences Against the Person Act 1861 (s47 OAPA 1861)*, requires the defendant to commit a “common assault” which causes actual bodily harm (interferes with the health or well-being of the victim). This would include, for example, a punch in the face or unlawfully cutting another person’s hair.¹ This offence is punishable by up to five years imprisonment or a fine.

In **Belarus**, there are also two forms of the offence of basic bodily harm. Unlike in England, however, one of the offences is categorised as a ‘crime’ and the other as an ‘administrative offence’.

The most basic form of bodily harm is categorised and punished as an administrative offence and can be found in Art. 9.1 Code of Administrative Offences – intentionally committing bodily harm and other acts of violence. Here, the defendant has to have intentionally committed bodily harm and the injury has to fall below the threshold of a ‘briefly persistent’ interference with the health of the victim or the short-term loss of his/her ability to work. Another administrative offence is the bodily harm of close relatives or family members, against whom intentional physical or psychological pain must have been inflicted. These offences are punishable by a fine or administrative detention.

If the bodily harm results in a ‘briefly persistent’ interference with the health of the victim or the short-term loss of his/her ability to work, the offence amounts to a ‘crime’ under Art. 153 Criminal Code (intentionally committing basic bodily harm), which is punishable by community service, a fine, compulsory work for up to one year or detention.

2. More serious forms of bodily harm

In **Germany** there are several qualifying offences which build upon the basic offence (§ 223 StGB). Qualifying offences are offences in their own right; however, the legislator has simply extended the basic offence by (at least) one criterion, which justifies the stricter punishment.²

The first offence of this kind is the offence of dangerous bodily harm (§ 224 StGB), which is punishable by imprisonment from between six months and ten years. The stricter punishment is justified by the particularly dangerous manner in which the crime is committed;³ the legal code lists five variations, namely:

¹ See *DPP v Smith* [1960] 3 All ER 161, HL; the defendant cut his girlfriend’s hair off in an argument.

² For an in depth discussion see *Wessels/Beulke/Satzger*, *Strafrecht Allgemeiner Teil*, 46th edn., 2016, n. 160.

³ BGHSt 19, 352; *Krey/Hellmann/Heinrich*, *Strafrecht BT 1*, 16th edn., 2015, n. 244; *Wessels/Hettinger*, *Strafrecht BT 1*, 40th edn., 2016, n. 262.

2. using a weapon or another dangerous instrument, 3. undertaking a particularly deceitful attack, 4. committing the offence with an accomplice, 5. posing a danger to life.

Serious bodily harm is found in § 226 StGB and focusses on the severity of the bodily harm⁴. § 226 I StGB contains a complete list of qualifying injuries, for example the victim’s loss of sight in one eye or both eyes. The defendant also has to have acted (at the very least) negligently concerning the injury (§ 18 StGB). If the defendant acted negligently or with conditional intent,⁵ he can be imprisoned for between one and ten years (§ 226 I StGB). If the defendant acted with direct or indirect intent in regard to the victim’s injury, he can be imprisoned from between three and fifteen years (§§ 226 II, 38 II StGB)⁶. These punishments are also applicable to the offence of bodily harm resulting in death, which is found in § 227 StGB. Under this offence, the death of the victim has to be caused by an intentional bodily harm, whereby the perpetrator has to have acted (at least) negligently concerning the death of the victim.

Unlike in German law, there is no “dangerous bodily harm” in **England**.

The next offence which shares characteristics with § 226 StGB is the offence of “grievous bodily harm” (GBH). Grievous bodily harm simply means “really serious harm”.⁷ There is no exhaustive list as to what exactly constitutes “really serious harm”, however when one refers to the sentencing guidelines from the Crown Prosecution Service, one can see that broken bones, loss of sight/hearing and substantial blood loss are examples of serious harm⁸, as in § 226 StGB.

There are two variations of GBH which differ in regard to the requirements for intention. For s20 GBH OAPA (1861), the defendant has to have caused the victim serious harm and have committed this intentionally (conditional intent) or recklessly.⁹ S18 GBH OAPA (1861) requires the same act, however the defendant must have acted either with direct intent (*dolus directus I*) or with indirect intent (*dolus directus II*).¹⁰

⁴ *Wessels/Hettinger*, *Strafrecht BT 1*, 40th edn., 2016, n. 285.

⁵ c.f. *Joecks*, *StGB*, 11th edn., 2014, § 226 n. 33.

⁶ § 226 II StGB is given “if the defendant withdrew from his (directly intended) attempt to kill the victim and he recognised the resulting injury as a sure consequence of his actions” (BGH, NJW 2001, 980; *Joecks*, *StGB*, 11th edn., 2014, § 226 n. 34).

⁷ *DPP v Smith* [1961] AC 190.

⁸ http://www.cps.gov.uk/legal/l_to_o/offences_against_the_person/ (last accessed 10.02.2017).

⁹ *DPP v Parmenter* 94 Cr. App. R. 627 – “the defendant was reckless to or foresaw the risk of some harm”.

¹⁰ *R v Woollin* [1998] 4 All ER 103.

The sentence for *s20 GBH OAPA 1861* is a maximum of five years imprisonment or community service. For *s18 GBH OAPA 1861*, the defendant can face life imprisonment (for this offence, this means a maximum of fifteen years imprisonment).

In **Belarus**, unlike in both Germany and England, there is no offence which falls under the heading of “dangerous bodily harm”. Instead, there are “only” the so-called offences of “intentionally committing serious bodily harm” according to Art. 147 Criminal Code and the “less serious bodily harm” according to Art. 149 Criminal Code. The particularly dangerous manner in which the offence is committed, which in Germany is outlined in the qualifying offence of § 224 StGB, is, as will later be shown, also relevant to both offences in Art. 147 and Art. 149 Criminal Code in Belarus.

Art. 147 Criminal Code (serious bodily harm) encompasses (in **section 1**) serious injuries which are, for the most part, comparable with § 226 StGB. An example of this is the loss of sight or hearing. Furthermore, the defendant also commits serious bodily harm if he causes the victim a life threatening injury. Thus, similarly to the offence of dangerous bodily harm in § 224 I Nr. 5 StGB, Art. 147 Criminal Code recognises a particular dangerousness in the committing of the bodily harm. Serious bodily harm, as per Art. 147 Criminal Code, is punishable by imprisonment of between four and eight years or a freedom limitation of between three and five years.

If a serious bodily harm is racially, religiously, politically or ideologically motivated, so if the defendant has a particularly reprehensible motive, the offence will be punished more severely, namely with a custodial sentence from between five and ten years (*Art. 147 II Nr. 8 Criminal Code*). The same applies for serious bodily harm committed with an accomplice; this offence is deemed to be committed in a particularly dangerous manner and as a result, the punishment is accordingly higher, like in § 224 StGB. The term “serious bodily harm” does not have the same meaning in Germany and Belarus, but is instead (partly) combined with the offence of dangerous bodily harm in Belarusian law.

If there is neither life threatening bodily harm, nor a serious injury as a result of the bodily harm, as per the meaning of Art. 147 Criminal Code, the “less serious bodily harm” under Art. 149 Criminal Code is considered the appropriate offence. This offence is punishable with a fine, compulsory work for up to two years, detention with or without a fine, freedom limitation for up to three years with or without a fine or imprisonment for the same length of time with or without a fine.

If a less serious bodily harm is committed in a group, by tormenting the victim or in a way which constitutes a public danger, the offence is punished more severely with a restriction on freedom for up to five years or an imprisonment from between one and five years (*Art. 149 II Criminal Code*).

III. Bodily harm resulting in death

There are both similarities and differences in the way that bodily harm resulting in death is dealt with in Germany, England and Belarus. This will be demonstrated using the following example:

A hits B over the head with an unlocked pistol. In doing so, a shot is fired which kills B.

How would *A* be punished for this offence in Germany, England and Belarus?

1. Germany

According to German law, a prosecution on the basis of manslaughter (§ 212 I StGB) can be ruled out, as *A* does not have the necessary intent to kill *B*. However, *A* could be prosecuted for the negligent killing of *B*, according to § 222 StGB. In hitting *B* over the head with the pistol, he has committed a dangerous bodily harm, according to § 224 I StGB. The pistol constitutes a dangerous instrument (§ 224 I Nr. 2 alternative 2 StGB) and hitting *B* with it constitutes a life threatening act (§ 224 I Nr. 5 StGB).

Further, it is questionable whether *A* could also be prosecuted for bodily harm resulting in death (§§ 227 I, 18 StGB). The **first requirement**, an intentionally committed bodily harm, is given, as shown above. The **second requirement**, the serious consequence, as per § 227 StGB, manifested itself in the death of *B*. The **third requirement** is that there is a specific correlation between the bodily harm (as the basic offence) and the death (as the serious consequence). Mere causation between the two is insufficient. § 227 I StGB requires that the inherent, specific danger in the bodily harm manifests itself in the death of the victim.¹ In our case, the resulting injury brought about by the blow to the head (the so-called *outcome* of the bodily harm) did not directly lead to the death of *B*. Rather his death was caused only by the gunshot which was released as a result of *A* hitting him (the so-called *act* of the bodily harm). It is disputed whether the death of *B* needs to result from the *outcome* or the *act* of the bodily harm. The leading view in the literature² requires that the death results from the intentionally effected *outcome* of the bodily harm, as the wording of § 227 I StGB

¹ Wessels/*Hettinger*, Strafrecht BT 1, 40th edn., 2016, n. 297.

² Among others *Hardtung*, in: Münchener Kommentar zum StGB, 2nd edn., 2012, § 227 n. 11 with further references.

requires the death of an “injured person”. On the other hand, the case law¹ says that the specific danger of the *act* of bodily harm is sufficient, as the term bodily harm also encompasses acts of bodily harm.² Furthermore the bracketed addition to § 227 I StGB refers to §§ 223–226a StGB and therefore refers to the fact that the attempt of this offence is punishable.³ According to the leading view in the literature, *A* could not be prosecuted for this offence, as there is no specific correlation. According to the case law however, *A* would be found guilty of bodily harm resulting in death (§§ 227 I, 18 StGB) as hitting somebody with an unlocked pistol typically presents the danger that a shot will be fired which could kill the victim. Subsequently there is a specific correlation between the act of bodily harm and *B*'s death. Furthermore *A* also acted negligently in respect of the serious consequence, the death of *B* (c.f. § 18 StGB), as it was foreseeable that a shot could be fired if one hits another with a pistol. This act was also avoidable.

A prosecution for bodily harm resulting in death takes precedence over the negligent killing and the dangerous bodily harm. However, if it is found that the use of the dangerous instrument constituted a particular wrong and thus should be recognised in the judgement, the main offence could be categorised by the Court as being committed in coincidence (§ 52 StGB) with the dangerous bodily harm (§ 224 I Nr. 2 alternative 2 StGB).⁴

2. England

According to English law, *A* has committed the offence of “unlawful act manslaughter”. This offence, unlike § 227 StGB in Germany, is an unwritten, “common law” offence. According to the precedence in this field, **unlawful act manslaughter** has three requirements. **Firstly**, the defendant has to cause the death of another person – in our case, *B*. There has to be an intact chain of causation. Unlike in German law, the issue of needing a specific correlation between the bodily harm and the death is not discussed in common law, as far as is evident. In *R v Corbett*, it was explicitly confirmed that the death of the victim does not have to be the “natural consequence” of the defendant’s actions.⁵ The act merely has to present the possibility that it will cause the victim *some* harm. **Secondly**, there has to be a so-called “unlawful act”. This simply means any intentional crime, which in our case is the bodily harm. Hitting *B* on the head constitutes (at least) an

ABH according to s47 OAPA 1861. **Thirdly**, the act has to be objectively dangerous. A blow to the head with an unlocked pistol fulfils this requirement. This shows that an offence similar to that of the German bodily harm resulting in death exists in English common law. There appears to be a difference in the punishment attached to the respective offences, however, this is relativized when one looks closer at it. As already mentioned, the German offence of bodily harm resulting in death carries a sentence of between three and fifteen years. In English law, the defendant could receive life imprisonment for the equivalent offence. However, as the ‘life sentence’ in offences against the person carries a maximum of 15 years imprisonment, the main difference lies “only” in the depiction of the punishment. According to German law, the perpetrator also principally has the possibility to be released from prison after fifteen years (c.f. § 57a StGB).

In addition, it is questionable whether *A* could be prosecuted for the murder of *B*. In England, the offence of murder is also a matter of unwritten, common law. The *actus reus* of murder is that the defendant has committed an act which causes the death of the victim. In the case at hand, this is given. The *mens rea* of murder is intention. For this, the defendant needs to have the intention to kill another (so-called express intention) or the intent to commit a grievous bodily harm in accordance with s18 GBH OAPA 1861 (the so-called implied intention).⁶ Consequently, a defendant can be sentenced to murder even if he did not have the intention to kill the victim. In this case, *A* did not have the intention to kill *B*, nor did he have the direct intention to cause *B* GBH, nor did he have the indirect intention to cause GBH (whereby he must foresee the outcome as a virtual certainty⁷). A prosecution for the offence of murder is thus ruled out.

From a legal-comparative perspective, it is interesting to note that the English equivalent of bodily harm resulting in death can be punished as murder in England *and*, as previously stated, with just the “mere” intent to cause s18 GBH.

3. Belarus

According to Belarusian law and as in German law, *A* cannot be prosecuted for manslaughter according to Art. 139 Criminal Code, as he does not have the necessary intention. However, *A* has committed a negligent killing (Art. 144 Criminal Code)⁸. This is punishable by compulsory work for up to two years or freedom

¹ BGHSt 14, 110; 31, 96 et seq.; 48, 34, 37 et seq.

² BGHSt 48, 34 et seq.

³ BGHSt 48, 34 et seq.

⁴ c.f. *Paeffgen*, in: NK-StGB, 4th edn., 2013, § 227 n. 35.

⁵ *R v Corbett* [1996] Crim. L.R. 594.

⁶ *Cunningham* [1957] 2 All ER 412.

⁷ *R v Woollin* [1998] 4 All ER 103 – “virtually certain”.

⁸ c.f. Explanatory note n. 9 about legal practice in matters regarding manslaughter (Art. 139 Criminal Code), from the plenum of the highest Court in the Republic of Belarus, 17.12.2002, under n. 3.

limitation for up to three years or a custodial sentence also of up to three years. It is questionable whether *A* can also be found guilty of bodily harm resulting in death. The offence of bodily harm resulting in death is, like in Germany, explicitly set out in the legal code. However, in Belarus, this offence does not have its own section or article, but instead is contained in a subsection of Art. 147 Criminal Code, which regulates serious bodily harm. Those found guilty of bodily harm resulting in death can be sentenced to imprisonment of between five and fifteen years, as stated in Art. 147 III of the Criminal Code. Thus the maximum sentence for bodily harm resulting in death is the same in Germany, England and Belarus, namely 15 years. According to Art. 147 III Criminal Code, one is guilty of bodily harm resulting in death if he intentionally commits serious bodily harm, the consequence of which is the negligently occasioned death of the vi

ctim. The highest Court in the Republic of Belarus also states that: “In doing so it is necessary that there is a chain of causation between the serious bodily harm and the death of the victim”.¹ Therefore, the death of the victim has to result from the intentionally occasioned *outcome* of the bodily harm, in accordance with the leading opinion in the literature. As this is not the case in our example above, *A* cannot be prosecuted for the offence of bodily harm resulting in death.

IV. Conclusion

The law on offences against the person exhibits both similarities and differences in Germany, England and Belarus. This is particularly evident with the offence of bodily harm resulting in death, regulated in Germany in the StGB, in Belarus in the Criminal Code and by common law in England.

---

¹ Explanatory note n. 1 about legal practice in matters regarding intentionally occasioned serious bodily harm, from the plenum of the highest Court in the Republic of Belarus, 29.03.2006, under n. 18.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЖЕНСКОЕ ОБРЕЗАНИЕ: ЗА И ПРОТИВ

Серебрянникова Анна Валерьевна

***Цель.** Дать правовую оценку предложениям правозащитников криминализовать женское обрезание, проанализировать существующую в Германии практику в данной сфере.*

***Методология:** диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** В 2008 году Всемирная ассамблея здравоохранения приняла резолюцию о необходимости полной элиминации практики женского обрезания. Российская Федерация, как правовое государство, признающее приоритет международного законодательства, не может не одобрять резолюцию ООН, запрещающую частичное или полное удаление женских гениталий. Никакие сакральные культы не могут служить оправданием «женского обрезания», поскольку тем самым отдельные догмы ставятся их последователями выше норм основного закона страны, единого для всех граждан, независимо от их религиозных взглядов.*

В Германии установлена уголовная ответственность за женское обрезание (§ 226а УК Германии). Охраняемым данной нормой правовым благом является телесная неприкосновенность человека. На сегодняшний день в УК РФ специальной нормы за женское обрезание нет, но у государственную Думу РФ депутатом внесен а законопроект, предусматривающий уголовное наказание за женское обрезание. На наш взгляд, введения специальной нормы в УК РФ о женском обрезании не требуется, так как существующие общие нормы стст. 111, 112, 115 УК РФ), позволяющие правильно квалифицировать действия виновных, в случае наступления соответствующих преступных последствий в зависимости от степени причиненного вреда.

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи заключается в предоставлении справочной информации о женском обрезании и правовой оценке необходимости его уголовно-правового запрета в Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** Резолюция, международное право, женское обрезание, уголовный запрет, ответственность, правовое государство*

В середине августа 2016 г. проблема женского обрезания всколыхнула средства массовой информации нашей страны, привело к незатихающим дискуссиям по данному вопросу в органах власти, в правоохранительных органах, а также среди представителей общественности. Поводом этому стал опубликованный 15 августа на сайте организации отчет «Правовой инициативы по России» по итогам исследования о распространении в Дагестане практики женского обрезания. В нем указано, что в Дагестане (как правило, в далеких горных селах) сохраняется практика калечащих операций, которые совершаются при поддержке

официального духовенства и рассматриваются населением как религиозная обязанность. Активно проводится пропаганда о пользе женского обрезания¹. Правозащитники предложили криминализовать женское обрезание и организовать широкую общественную дискуссию о проблеме. Нанесение увечий мотивируют тем, что девушка становится менее темпераментной, а значит – сохранит невинность до брака и верность мужу. Религиозные деятели подобную практику не пори-

¹ <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/188722/#.V9KNHNSLQ-U>.

цают, а скорее поддерживают. По словам муфтия Карачаево-Черкесии Исмаила Бердиева, женское обрезание необходимо для того, чтобы «успокоить женскую прыть». Позднее он опроверг свои слова: «Я не призываю обрезать женщин: это не предписывает ислам и это просто невозможно. Я говорю о проблеме разврата, о том, что существует проблема, с которой нужно что-то делать». В интервью «Медузе» муфтий назвал свои слова шуткой¹.

Нужно отметить, что в 2008 году Всемирная ассамблея здравоохранения приняла резолюцию о необходимости полной элиминации практики женского обрезания. Российская Федерация, как правовое государство, признающее приоритет международного законодательства, не может не одобрять резолюцию ООН от 28 ноября 2012 г., запрещающую частичное или полное удаление женских гениталий. Российская Федерация в соответствии со статьей 14 Конституции является светским государством. Никакие сакральные культы не могут служить оправданием «женского обрезания», поскольку тем самым отдельные догмы ставятся их последователями выше норм основного закона страны, единого для всех граждан, независимо от их религиозных взглядов. Статья 19 Конституции России гарантирует равные права и свободы мужчинам и женщинам.

Женское обрезание — доисламская традиция, которая была присуща не только арабскому миру, но и другим цивилизациям, не соприкасающимся с семитским миром. Можно с уверенностью сказать, что женское обрезание это скорее этническая традиция, которая в основном присуща африканским народам, возможно, имевшая какие-то ритуальные обоснования, являющиеся совершенно чуждыми исламской идеологии («Интерфакс»)².

По данным РИА Новости, Уполномоченный по правам человека в РФ Татьяна Москалькова считает, что без согласия женщины любые вмешательства в здоровье и телесную неприкосновенность являются недопустимыми. Она отметила, что к ней таких обращений не поступало, но если выразить такое общее свое личное мнение, без согласия женщины, как и любого другого человека, нельзя вмешиваться в здоровье и телесную неприкосновенность. Пока в УК РФ специальной нормы за женское обрезание нет³. В этой связи депутат Госдумы РФ Мария Максакова-Игенбергс внесла в нижнюю палату парламента законопроект, предусматривающий уголовное наказание за

женское обрезание, который был зарегистрирован и опубликован. Она предлагает дополнить статью 136 УК РФ соответствующей нормой: «дискриминация, совершенная в отношении женщины по религиозным мотивам, объясняемым целями религиозного культа, и выраженная в частичном или полном удалении внешних гениталий», наказывается лишением свободы на срок от 5 до 7 лет. Если такое преступление совершается в отношении несовершеннолетней — наказанием является лишение свободы до 10 лет.

Каков опыт законодателей зарубежных стран по обсуждаемой проблеме?

Так, в Германии 48-ой Закон об изменении уголовного права от 24.09.2013 г. установил уголовную ответственность за женское обрезание (§ 226a)⁴. Данная норма расположена в разделе XVII Особенной части УК Германии «Преступные деяния против телесной неприкосновенности». Охраняемым данными нормами правовым благом является телесная неприкосновенность человека.

Новацией УК Германии является § 226a, устанавливающий уголовную ответственность за женское обрезание: «Кто наносит увечья внешним гениталиям лица женского пола, наказывается лишением свободы на срок не менее одного года». Правоохраняемым данной нормой благом является телесная неприкосновенность и психическое здоровье лица женского пола. Конкретный способ нанесения такого увечья в диспозиции нормы не указан, он может любым⁵. Судебная практика Германии квалифицирует по данной норме случаи так называемого «женского обрезания»⁶. До существования данной специальной нормы действия виновных, совершивших действия, связанные с женским обрезанием, квалифицировались по общей норме — § 226. Случаи судебной практики по данной норме, связанные с женским обрезанием, были редки:⁷ один в Германии и два в Швейцарии. Хотя по мнению германских врачей — гинекологов, в Германии проживают более 40 тысяч женщин переселенцев из Африки, прежде всего Северной, и Азии, которые были подвергнуты такой варварской процедуре. В связи с увеличившимся в 2015 г. потоком беженцев в страны Европы неизбежно возрастет и число потерпевших

¹ <http://www.siapress.ru/news/59893>.

² <https://snob.ru/selected/entry/112423>.

³ <https://ria.ru/society/20160902/1475935477.html>.

⁴ BGBl. I S.3671. www.ard.de.

⁵ Dettmayer/Laux u.a. Medizinische und rechtliche Aspekte der Genitaverstümmelung-bzw. Beschneidung – Weibliche Genitalienverstümmelung..ArchKrim 11, 1.

⁶ Strafgesetzbuch. 52. Auflage. Muenchen, 2014.

⁷ LG Muenster, 11.03.2002- 16 Ns 55 Js 1669/99.

от данного преступления. Часто уголовные дела, связанные с обвинением в причинении вреда здоровью, выразившегося в женском обрезании, прекращались в связи с наличием согласия потерпевшей на такие действия, противоречий национальным традициям, добрым нравам¹.

В связи с предложениями о введении в УК РФ статьи, устанавливающей уголовную ответственность за женское обрезание, нужно иметь в виду, что это является преступлением против здоровья, объектом которого является телесная неприкосновенность и психическое здоровье лица женского пола, а не конституционное право на равенство, как это предлагается в законопроекте, внесенном в Государственную Думу депутатом Максаковой-Игенбергс. В связи с этим, учиты-

вая критерий систематизации Особенной части УК РФ, располагаться данная норма, если она будет принята, должна в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья». Сформулирована же данная норма может быть по примеру § 226а, как нанесение увечья внешним гениталиям лица женского пола. Этот вопрос будет еще неоднократно обсуждаться законодателем и правоведами нашей страны. И какое решение будет принято, покажет будущее. На наш взгляд, введение специальной нормы в УК РФ о женском обрезании не требуется, так как существующие общие нормы ст. 111, 112, 115 УК РФ), позволяют правильно квалифицировать действия виновных, в случае наступления соответствующих преступных последствий в зависимости от степени причиненного вреда.

DIE STRAFBARKEIT DER WEIBLICHEN GENITALVERSTÜMMELUNG: PRO UND CONTRA

Anna Serebrennikova

***Ziel.** Eine rechtliche Bewertung der Vorschläge der Menschenrechtsverteidiger, weibliche Beschneidung zu kriminalisieren und die in diesem Bereich bestehende Praxis in Deutschland zu analysieren.*

***Methodologie:** Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.*

***Schlussfolgerungen.** Die Vollversammlung der Weltgesundheitsorganisation hat im Jahre 2008 eine Entschließung über die Notwendigkeit der vollständigen Elimination der weiblichen Genitalverstümmelung getroffen. Die Russische Föderation, die ein Rechtsstaat ist und die Priorität des internationalen Rechts anerkennt, muss der Entschließung der UNO vom 28.11.2012 zustimmen. Diese Entschließung verbietet Teil- oder Totalexstirpation von weiblichen Geschlechtsorganen. Keine sakralen Kulte können „weibliche Genitalverstümmelung“ rechtfertigen, denn sonst würden bestimmte Glaubenssätze ihrer Anhänger höher eingestuft als die Verfassungsgrundsätze des Landes, die für alle Bürger, unabhängig von ihrem Glauben, gleich sind.*

In Deutschland wurde der Straftatbestand der „Verstümmelung weiblicher Genitalien“ als § 226a in das StGB eingefügt. Geschützte Rechtsgüter sind die körperliche Unversehrtheit und die psychische Gesundheit weiblicher Personen.

Zurzeit gibt es in Russland keine ausdrücklichen Vorschriften gegen die weibliche Genitalverstümmelung, aber von einem Abgeordneten wurde der Staatsduma der Russischen Föderation ein Gesetzesvorschlag vorgelegt, in dem Kriminalstrafe für die weibliche Genitalverstümmelung vorgesehen ist. Unserer Meinung nach wird keine spezielle Regelung im UK RF gegen die weibliche Genitalverstümmelung benötigt, da schon die allgemeinen Straftatbestände in Art. 111, 112, 115 UK RF es ermöglichen, solche Taten abhängig von dem Grad des zugefügten Schadens angemessen zu bestrafen.

***Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung.** Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels ist es Informationen über die weibliche Beschneidung zu liefern und die rechtliche Beurteilung des Bedarfes am strafrechtlichen Verbot in der Russischen Föderation zu geben.*

***Stichwörter:** Resolution, Völkerrecht, weibliche Beschneidung, strafrechtliches Verbot, Verantwortlichkeit, Rechtsstaat*

¹ Fischer. Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen. 61.Auflage. München, 2014. S. 1574–1580.

Ende August 2016 hat das Problem der weiblichen Genitalverstümmelung in den Medien der Russischen Föderation für Aufruhr gesorgt. Diese Situation hat zu heftigen Diskussionen über dieses Problem in Behörden, Strafverfolgungsorganen und Öffentlichkeit geführt. Der Grund dafür war ein Bericht der „Russischen rechtlichen Initiative“ über die Ergebnisse einer Untersuchung der Verbreitung der weiblichen Genitalverstümmelung in Daghestan, der am 15. August 2016 auf der Webseite veröffentlicht wurde. Darin heißt es, dass in Daghestan (grundsätzlich in fernen Bergdörfern) die Mutilationsoperationen immer noch durchgeführt werden. Solche Operationen würden von der offiziellen Geistlichkeit unterstützt und die Einwohner hielten sie für eine religiöse Pflicht. Die Vorteile der weiblichen Genitalverstümmelung werden aktiv propagiert.¹ Menschenrechtler haben vorgeschlagen, die weibliche Genitalverstümmelung zu kriminalisieren und über dieses Problem öffentlich zu diskutieren. Diese Verstümmelungen werden damit begründet, dass das „Temperament“ der jungen Frau verringert, sie jungfräulich in die Ehe gehen und ihrem Mann treu sein würde. Geistliche verurteilen solche Operationen nicht, sondern unterstützen sie. Nach den Worten des Muftis von Karatschai-Tscherkessien Ismail Berdijev soll die weibliche Genitalverstümmelung „frauliches Temperament beruhigen“. Später hat er seine Worte verleugnet: „Ich fordere nicht auf, Frauen zu beschneiden: Das wird von Islam nicht angeordnet und es ist unzulässig. Ich rede über das Ausschweifungsproblem. Es gibt ein Problem, dass wir beheben müssen“. Im Interview für „Meduza“ hat er seine frühere Aussage als „Scherz“ bezeichnet.²

Es ist zu beachten, dass die Weltgesundheitsorganisation im Jahre 2008 eine Entschliebung über die Notwendigkeit der vollständigen Elimination der weiblichen Genitalverstümmelung getroffen hat. Die Russische Föderation, die ein Rechtsstaat ist und die Priorität des internationalen Rechts anerkennt, muss der Entschliebung der UNO vom 28.11.2012 zustimmen. Diese Entschliebung verbietet Teil- oder Totalexzision von weiblichen Geschlechtsorganen. Gemäß Art. 14 der Verfassung ist die Russische Föderation ein säkularer Staat. Keine sakralen Kulte können „weibliche Genitalverstümmelung“ rechtfertigen, denn sonst würden bestimmte Glaubenssätze ihrer Anhänger höher eingestuft als die Verfassungsgrundsätze des Landes, die für alle Bürger, unabhängig von ihrem Glauben, gleich sind. Nach Art. 19 der russischen Verfassung sind die Rechte und Freiheiten für Männer und Frauen in gleicher Weise garantiert.

Weibliche Genitalverstümmelung ist eine vorislamische Tradition, die nicht nur von Arabern, sondern auch in anderen Zivilisationen, die keine Beziehung zu der semitischen Kultur haben, verbreitet war. Man kann behaupten, dass die weibliche Genitalverstümmelung eher eine ethnische Tradition ist, die grundsätzlich für Afrikaner charakteristisch war und wahrscheinlich rituelle Begründungen hatte, die der islamischen Ideologie ganz fremd waren („Interfax“).³

Nach Angaben von RIA Novosti meint die Menschenrechtsbeauftragte der Russischen Föderation Tatjana Moskalkova, dass alle Eingriff in die Gesundheit und die körperliche Unversehrtheit ohne Zustimmung der Frau unzulässig sind. Sie hat auch erwähnt, dass sie keine Meldungen zu diesem Problem bekommen hatte. Aber ihrer eigenen Meinung nach darf niemand ohne Zustimmung der Frau oder jedes anderen Menschen in die Gesundheit und körperliche Unversehrtheit eingreifen. Zurzeit gibt es in Russland keine ausdrücklichen Vorschriften gegen die weibliche Genitalverstümmelung.⁴ Deshalb hat die Abgeordnete der Staatsduma der Russischen Föderation, Maria Maksakova-Igenbergs, dem Unterhaus einen Gesetzesvorschlag vorgelegt, in dem Kriminalstrafe für die weibliche Genitalverstümmelung vorgesehen ist. Dieser Gesetzesvorschlag wurde am 19. August 2016 registriert und veröffentlicht. Danach soll Art. 136 Strafkodex der Russischen Föderation (UK RF) um eine Regelung ergänzt werden, die „die Diskriminierung einer Frau aus religiösen Gründen, die durch eine Teil- oder Totalexzision der äußeren Genitalien begangen und durch einen religiösen Kult begründet wird,“ verbietet und mit Freiheitsstrafe von 5 bis 7 Jahren bedroht. Wird die Tat gegen eine Minderjährige begangen, soll die Freiheitsstrafe bis 10 Jahre betragen können.

Es stellt sich die Frage, welche Erfahrungen in Bezug auf dieses Problem in ausländischen Rechtsordnungen bestehen.

In Deutschland wurde der Straftatbestand der „Verstümmelung weiblicher Genitalien“ als § 226a durch das 47. Strafrechtsänderungsgesetz vom 24.09.2013 in das StGB eingefügt.⁵ Der Tatbestand befindet sich im 17. Abschnitt XVII des Besonderen Teils des deutschen StGB „Straftaten gegen die körperliche Unversehrtheit“.

§ 226a StGB lautet: „Wer die äußeren Genitalien einer weiblichen Person verstümmelt, wird mit Freiheitsstrafe nicht unter einem Jahr bestraft“. Geschützte Rechtsgüter sind die körperliche Unversehrtheit.

¹ <http://www.siapress.ru/news/59893>.

² Там же.

³ <https://snob.ru/selected/entry/112423>.

⁴ <https://ria.ru/society/20160902/1475935477.html>.

⁵ BGBl. I S.3671. www.ard.de.

sehrtheit und die psychische Gesundheit weiblicher Personen. Es wurde keine bestimmte Tathandlung einer solchen Körperverletzung in dem Tatbestand beschrieben, die Genitalverstümmelung kann auf beliebige Weise begangen werden.¹ Vor der Einfügung des § 226a StGB konnten die mit der weiblichen Genitalverstümmelung verbundenen schweren Folgen nur nach Maßgabe des § 226 StGB bestraft werden. Es ergingen allerdings nur wenige Verurteilungen nach diesem Straftatbestand, obwohl nach der Schätzung eines deutschen Facharztes für Gynäkologie in Deutschland mehr als 40.000 aus Afrika, vor allem Nordafrika, und Asien eingewanderte Frauen, die einer solchen unmenschlichen Prozedur unterworfen wurden, leben. Wegen des 2015 vergrößerten Flüchtlingsstroms in die europäischen Länder steigt die Opferanzahl dieser Delikte. Oft werden die Strafverfahren wegen der Verletzung der Gesundheit durch Verstümmelung weiblicher Genitalien aufgrund der Einwilligung des Opfers eingestellt.

Zu dem Vorschlag der Einfügung eines Straftatbestandes gegen die Verstümmelung weiblicher Genita-

lien in den UK RF ist anzumerken, dass es sich um ein Verbrechen gegen die Gesundheit, und zwar die körperliche Unversehrtheit und die psychische Gesundheit weiblicher Personen handelt, also nicht gegen das Grundrecht der Gleichheit der Geschlechter, wie es in dem Gesetzesvorschlag, der von der Abgeordneten Maksakova-Igenbergs in die Staatsduma eingebracht wurde, heißt. Deshalb müsste der Straftatbestand unter Berücksichtigung der Systematisierung des Besonderen Teils des UK RF in das Kapitel 16 „Verbrechen gegen das Leben und die Gesundheit“ eingeordnet werden. Der Tatbestand könnte nach dem Vorbild des § 226a StGB als Verstümmelung weiblicher Genitalien gestaltet werden. Darüber wird im Gesetzgebungsverfahren und in der Rechtswissenschaft noch diskutiert. Welche Entscheidung getroffen werden wird, ist offen. Unserer Meinung nach wird keine spezielle Regelung im UK RF gegen die weibliche Genitalverstümmelung benötigt, da schon die allgemeinen Straftatbestände in Art. 111, 112, 115 UK RF es ermöglichen, solche Taten abhängig von dem Grad des zugefügten Schadens angemessen zu bestrafen.

---

¹ *Dettmayer/Laux u.a.*, Medizinische und rechtliche Aspekte der Genitalverstümmelung-bzw. Beschneidung – Weibliche Genitalverstümmelung, ArchKrim 11,1.

ПОДЛЕЖИТ ЛИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ НЕЛЕГАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО? КОММЕНТАРИЙ К ПОСТАНОВЛЕНИЮ ФЕДЕРАЛЬНОГО ВЕРХОВНОГО СУДА ОТ 1 ИЮНЯ 2016, ВGH 2 STR 335/15

Штайнберг Георг

***Цель.** Дать правовую оценку возможности уголовно-правовой защиты нелегального имущества на примере наркотических средств.*

***Методология:** диалектика, анализ, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований, сравнительно-правовой метод.*

***Выводы.** Имущество, которое существует вне правопорядка, может существовать, но при этом правопорядком оно не защищается. В случае, когда нелегальное имущество не охраняется нормами уголовного права, имущественные преступления совершаться не могут, но иные преступления — вполне: вымогательство наркотиков насильственным путем квалифицируется в этом случае не как разбойное вымогательство, но как принуждение, а помимо этого также как нелегальное приобретение наркотических средств.*

Уголовное право является самым сильным средством защиты правовых благ. Поэтому уголовное право должно использоваться, когда противоправное поведение особенно опасно и пресечение такого противоправного поведения является особо важным. В связи с тем, что уголовное право является последним и самым строгим средством, оно должно толковаться узко и применяться очень осторожно. При таком масштабе запрещенное владение наркотическими средствами не подлежит защите. Поэтому лишение нелегального владения не является настолько наносящим ущерб и нестерпимым, что оно должно предотвращаться самым серьезным средством — уголовным правом.

Задача уголовного права не заключается в создании общественного правопорядка там, где существование права вообще не принимается во внимание. Нелегальное имущество не подлежит защите. Движение нелегального имущества не является нарушением правовых благ, которое должно быть защищено посредством уголовного права.

***Научная и практическая значимость.** Значимость научной статьи заключается в обосновании невозможности уголовно-правовой защиты нелегального имущества.*

***Ключевые слова:** имущество, уголовное право, нелегальное имущество, уголовная ответственность, объект, легальное имущество, наркотическое средство*

Я предполагаю, что в российском уголовном праве понятие «имущество» является важной и проблематичной догматической величиной. В немецком уголовном праве это именно так. Из большого числа спорных вопросов, касающихся понятия «имущество», я хотел бы остановиться только на одном: подлежат ли защите все объекты, имеющие денежную стоимость, или лишь легальное имущество?

Вторая коллегия по уголовным делам Федерального верховного суда 1 июня 2016 года вынесла постановление, касающееся этого вопроса. Эта коллегия обратилась к другим коллегиям с вопросом, согласились ли бы они на изменение судебной практики. Возможно, это повлечет начало нового вектора в судебной практике.

О чем же идет речь?

В конкретном случае исполнители насильственным путем принуждали потерпевшего бесплатно давать им героин. Идет ли в этом случае речь о разбойном вымогательстве? Для этого исполнители должны были бы нанести ущерб имуществу потерпевшего. Это могло бы произойти только в той ситуации, в которой имение наркотиков во владении относилось бы к защищенному нормами уголовного права имуществу, хотя такое владение уже само по себе является составом преступления. Таким образом, еще раз зададим вопрос: находится ли каждый имеющий денежную стоимость объект или лишь легальное имущество под защитой уголовного права?

До сих пор Федеральный верховный суд придерживался первой точки зрения, то есть исполнитель нес наказание за совершение разбойного вымогательства или, если имуществу причинялся ущерб обманным путем, за мошенничество. После принятия постановления от 1 июня 2016 года Вторая коллегия по уголовным делам хочет отойти от такого подхода и больше не налагать наказание за разбойное вымогательство или мошенничество. На мой взгляд, имело бы смысл, если бы Федеральный верховный суд последовал за Второй коллегией и изменил бы судебную практику. И вот почему.

Во-первых, аргументом судебной практики служило то, что имущество обладает экономическим потенциалом, в том числе и в том случае, когда иск не может быть подан в гражданском судопроизводстве. Например, покупатель при покупке наркотических средств уплачивает за них определенную цену, хотя договор купли-продажи ничтожен.

На мой взгляд, Второй коллегии по уголовным делам удалось этот аргумент убедительно опровергнуть. Коллегия отмечает, что имущество, которое существует вне правопорядка, может существовать, но при этом правопорядком оно не защищается. Вне пределов нелегального рынка наркотических средств последние ценности не имеют. Нелегальное владение наркотическими средствами не может защищаться правом. Противоречивым является, с одной стороны, признание самого владения нелегальным, а, с другой стороны, в то же время и признание лишения владения нелегальным.

Во-вторых, существующая до сих пор судебная практика выступала за защиту нелегального имущества со ссылкой на то обстоятельство,

что таким образом должен обеспечиваться общественный порядок (в том числе и в области запрещенных сделок). В противном случае возникает «свободное от действия права пространство», в котором нарушения не расследуются в уголовно-правовом порядке и действует иллюзорное право могущественных и ни с кем не считающихся.

Но и этот аргумент легко опровергнуть. В случае, когда нелегальное имущество не охраняется нормами уголовного права, *имущественные* преступления совершаться не могут, но иные преступления – вполне: вымогательство наркотиков насильственным путем квалифицируется в этом случае не как разбойное вымогательство, но как принуждение, а помимо этого также как нелегальное приобретение наркотических средств. Таким образом, «свободного от действия права пространства» не возникает, если нелегальное имущество не защищается в уголовно-правовом порядке.

В-третьих, уголовное право является самым сильным средством защиты правовых благ. Оно является *ultima ratio*. Поэтому уголовное право должно использоваться, когда противоправное поведение особенно опасно и пресечение такого противоправного поведения является особо важным. В связи с тем, что уголовное право является последним и самым строгим средством, оно должно толковаться узко и применяться очень осторожно. При таком масштабе запрещенное владение наркотическими средствами не подлежит защите. Поэтому лишение нелегального владения не является настолько наносящим ущерб и нестерпимым, что оно должно предотвращаться самым серьезным средством – уголовным правом. Существующая в настоящий момент уголовно-правовая защита имеет гораздо большее значение, чем фактическое признание незаконного оборота, который не может быть желательным.

Подводя итог вышесказанному отметим, что задача уголовного права не заключается в создании общественного правопорядка там, где существование права вообще не принимается во внимание. Нелегальное имущество не подлежит защите. Движение нелегального имущества не является нарушением правовых благ, которое должно быть защищено посредством уголовного права.

STRAFRECHTLICHER SCHUTZ ILLEGALEN VERMÖGENS? BEMERKUNGEN ZUM BESCHLUSS DES BGH VOM 1. JUNI 2016, BGH 2 STR 335/15

Georg Steinberg

Ziel. Eine rechtliche Bewertung der Möglichkeiten des strafrechtlichen Schutzes von illegalen Vermögen am Beispiel von Rauschgiften.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Zwar mag es auch Vermögen geben, das außerhalb der Rechtsordnung existiert. Aber dieses muss eben nicht von der Rechtsordnung geschützt werden. Wenn man das illegale Vermögen für nicht strafrechtlich geschützt erklärt, können diesbezüglich keine Vermögensdelikte verwirklicht werden – andere Delikte aber schon: Das gewaltsame Abpressen von Drogen ist dann zwar nicht als räuberische Erpressung, aber immerhin als Nötigung strafbar und außerdem natürlich als illegale Drogenbeschaffung.

Das Strafrecht ist das schärfste Mittel, um Rechtsgüter zu schützen. Deswegen soll es nur eingesetzt werden, wenn das strafbare Verhalten besonders schädlich und seine Verhinderung besonders wichtig sei. Strafrecht muss, weil es das letzte und strengste Mittel ist, auch eng ausgelegt und vorsichtig angewendet werden. Bei diesem Maßstab ist der unerlaubte Besitz von Drogen nicht schutzwürdig. Die Entziehung des unerlaubten Besitzes ist daher nicht so schädlich und unerträglich, dass es mit dem schärfsten Mittel, dem Strafrecht, verhindert werden müsste.

Es ist nicht Aufgabe des Strafrechts, Rechtsfrieden dort zu schaffen, wo das Recht überhaupt nicht beachtet wird. Eine illegale Vermögensposition ist nicht schutzwürdig; die Verschiebung des illegalen Vermögens ist keine Rechtsgutsverletzung, die mit dem Mittel des Strafrechts unterbunden werden müsste.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Begründung der Unmöglichkeit des strafrechtlichen Schutzes von illegalen Vermögen.

Stichwörter: Vermögen, Strafrecht, illegales Vermögen, strafrechtliche Verantwortung, Objekt, legales Vermögen, Drogen

Ich vermute, dass im russischen Strafrecht der Vermögensbegriff eine wichtige und auch problematische dogmatische Größe ist. Im deutschen Strafrecht ist es jedenfalls so. Von den zahlreichen Streitpunkten zum Vermögensbegriff greife ich hier die folgende Frage heraus: Welche Werte gehören zum strafrechtlichen Vermögensbegriff und sind demzufolge durch das Strafrecht geschützt: Sind es alle geldwerten Objekte oder ist nur das legale Vermögen geschützt?

Der Zweite Strafsenat des Bundesgerichtshofs hat hierzu am 1. Juni 2016 einen Beschluss gefasst. Es handelt sich um eine Divergenzvorlage, das heißt: Der Zweite Senat hat den anderen Senaten die Frage vorgelegt, ob sie bereit wären zu einer Änderung der ständigen Rechtsprechung. Möglicherweise ist dies also der Anfang einer neuen Linie in der Rechtsprechung.

Worum handelt es sich in der Sache? Im konkreten Fall zwangen die Täter das Opfer gewaltsam, ihnen Heroin ohne Bezahlung herauszugeben. Handelt es sich hierbei um eine räuberische Erpressung? Dazu müssten die Täter dem Opfer einen Vermögensschaden zugefügt haben. Das wäre nur der Fall, wenn der Drogenbesitz zum strafrechtlich geschützten Vermögen ge-

hört – obwohl er ja seinerseits einen Straftatbestand erfüllt. Ist also jede geldwerte Position strafrechtlich geschützt oder nur das legale Vermögen?

Der Bundesgerichtshof ist bisher der ersten Auffassung gefolgt, hat also in betreffenden Fällen wegen räuberischer Erpressung bestraft oder, wenn der Vermögensschaden erschlichen wurde, wegen Betrug. Nach dem Beschluss vom 1. Juni möchte der Zweite Senat beim Bundesgerichtshof nun von dieser Linie abweichen und die Täter in betreffenden Fällen nicht mehr wegen räuberischer Erpressung bzw. Betrug bestrafen. Meiner Meinung nach wäre es sinnvoll, wenn der BGH dem Zweiten Senat folgt und seine Rechtsprechung ändert. Und zwar aus folgenden drei Gründen:

Erstens: Die bisherige Rechtsprechung hat argumentiert, dass das Vermögen auch dann als reale wirtschaftliche Macht bestehe, wenn es keine zivilrechtlich erlaubte Position darstelle, also auch dann, wenn es nicht vor einem Zivilgericht eingeklagt werden könne. Beispielsweise zahlen die Käufer von Drogen dem Verkäufer in der Regel den Kaufpreis – obwohl der Kaufvertrag nichtig ist.

Meines Erachtens entkräftet der Zweite Senat dieses Argument sehr gelungen. Er sagt nämlich: Zwar mag es auch Vermögen geben, das außerhalb der Rechtsordnung existiert. Aber dieses muss eben nicht von der Rechtsordnung geschützt werden. Außerhalb des illegalen Drogenmarktes haben Drogen keinen Wert. Der rechtswidrige Drogenbesitz kann keine rechtlich geschützte Position sein. Es ist widersprüchlich, den Besitz für illegal zu erklären, aber zugleich auch den Entzug des Besitzes für illegal zu erklären.

Zweitens: Die bisherige Rechtsprechung hatte für den Schutz auch des illegalen Vermögens plädiert unter Verweis darauf, dass auf diese Weise der Rechtsfrieden – auch im Bereich illegaler Geschäfte – gesichert werden müsse. Ansonsten entstehe eine „rechtsfreier Raum“, in dem Übergriffe nicht strafrechtlich geahndet würden und das vermeintliche Recht des Stärkeren und Rücksichtsloseren gelte.

Auch dieses Argument lässt sich aber leicht entkräften: Wenn man das illegale Vermögen für nicht strafrechtlich geschützt erklärt, können diesbezüglich keine *Vermögensdelikte* verwirklicht werden – andere Delikte aber schon: Das gewaltsame Abpressen von Drogen ist dann zwar nicht als räuberische Erpressung, aber immerhin als Nötigung strafbar und außerdem natürlich

als illegale Drogenbeschaffung. Es entsteht also kein rechtsfreier Raum, wenn man illegales Vermögen nicht strafrechtlich schützt.

Drittens: Das Strafrecht ist das schärfste Mittel, um Rechtsgüter zu schützen. Es ist die *ultima ratio*. Deswegen soll es nur eingesetzt werden, wenn das strafbare Verhalten besonders schädlich und seine Verhinderung besonders wichtig sei. Strafrecht muss, weil es das letzte und strengste Mittel ist, auch eng ausgelegt und vorsichtig angewendet werden. Bei diesem Maßstab ist der unerlaubte Besitz von Drogen nicht schutzwürdig. Die Entziehung des unerlaubten Besitzes ist daher nicht so schädlich und unerträglich, dass es mit dem schärfsten Mittel, dem Strafrecht, verhindert werden müsste. Der derzeitige strafrechtliche Schutz bedeutet vielmehr eine faktische Anerkennung des illegalen Verkehrs, die eigentlich nicht gewollt sein kann.

Ich fasse zusammen: Es ist nicht Aufgabe des Strafrechts, Rechtsfrieden dort zu schaffen, wo das Recht überhaupt nicht beachtet wird. Eine illegale Vermögensposition ist nicht schutzwürdig; die Verschiebung illegalen Vermögens ist keine Rechtsgutsverletzung, die mit dem Mittel des Strafrechts unterbunden werden müsste.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич

Цель. Учитывая реальность и глобальный характер проблемы терроризма, высокий уровень террористической угрозы целью статьи является характеристика существующих проблем квалификации преступлений террористической направленности с учетом принятых антитеррористических поправок в законодательство Российской Федерации

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод.

Выводы. Среди недавних изменений законодательства, способных повлиять на практику правоприменения, автор выделяет существенное увеличение числа преступлений, вовлечение в совершение которых влечет уголовную ответственность. Наиболее сложной с позиций правоприменения является проблема квалификации соучастия в террористических преступлениях. Другим проблемным моментом является парадоксальное соотношение наказания за исполнительство и пособничество в теракте – пособникам в преступлениях террористической направленности грозит более суровая ответственность, чем непосредственным исполнителям. Значимым изменением стало также уточнение понятия финансирования террористической деятельности путем добавления такого признака, как «финансирование или иное материальное обеспечение лица в целях совершения им» преступлений террористической направленности.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи состоит в сформулированных автором на основе проведенного анализа проблем квалификации преступлений террористической направленности, предложениях по совершенствованию законодательства в данной сфере, а также в оценке влияния принятых антитеррористических поправок в законодательство Российской Федерации на квалификацию данной категории преступлений.

Ключевые слова: закон, терроризм, террористическая угроза, террористический акт, уголовное преступление, квалификация, пособничество, финансирование, подстрекательство, наказание, общественная опасность, диспозиция, суд.

В настоящее время всем мировым сообществом признаются реальность и глобальный характер проблемы терроризма. Поскольку террористическая угроза остается на высоком уровне, не прекращается борьба государств с этим явлением. В России летом 2016 года был принят ряд антитеррористических поправок в законодательство, более известных как «пакет Яровой» [1]. Для сравнения, в 2016 году и в Китае был принят и вступил в силу Закон о борьбе с терроризмом, предусматривающий ряд новых составов пре-

ступлений. Среди деяний, криминализованных с принятием данного закона, можно особо выделить вербовку лиц для участия в террористической деятельности, подстрекательство к ее осуществлению, оказание помощи в ее совершении, а также ряд иных деяний, способствующих террористической деятельности [2].

Аналогичные деяния уже в течение достаточного длительного времени находятся под уголовно-правовым запретом в Российской Федерации. Представляет интерес анализ накопленного опыта

применения ст. 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] («Содействие террористической деятельности»).

Ответственность за содействие терроризму была выведена в отдельную статью еще в 2002 г. Первоначально эта статья существовала под заголовком «Вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению». Ее появление в УК РФ было связано с выполнением Российской Федерацией своих международных обязательств как участницы Европейской конвенции о пресечении терроризма 1977 г. [4]. Пункт «f» ст. 1 данной конвенции упоминает «участие в качестве сообщника» как отдельное преступление. Конечно, выполнение ее положений в целом достигалось и применением института соучастия, закрепленного в общей части УК РФ, однако законодателя такой вариант решения проблемы не удовлетворил.

За 14 лет своего существования ст. 205.1 УК РФ неоднократно и весьма существенно корректировалась. В настоящее время в ней установлена ответственность за совершение семи альтернативных действий: 1) вовлечение лица в совершение террористической деятельности; 2) подготовку лица к совершению террористической деятельности, 3) финансирование терроризма, 4) пособничество в террористической деятельности, 5) организацию террористической деятельности или 6) руководство террористической деятельности, а также 7) организацию финансирования террористической деятельности.

Представляется, что, несмотря на многочисленные изменения, внесенные законодателем в ст. 205.1 УК РФ, она все же имеет ряд недостатков, способных отрицательно влиять на практику ее применения. К примеру, С.М. Кочои отмечает, что понятия «содействие» и «пособничество» синонимичны, то есть название статьи несколько уже ее содержания [5]. Ряд исследователей так же критикуют решение законодателя криминализировать подстрекательство и пособничество в качестве исполнительства [6, 7]. Результатом этого решения стала абсурдная ситуация, когда пособникам в преступлениях террористической направленности грозит более суровая ответственность, чем непосредственным исполнителям [8]. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить ч. 1 ст. 205 и ч. 3 ст. 205.1 УК РФ. Согласно содержащимся в них нормам, совершение теракта наказывается лишением свободы на срок от десяти до *пятнадцати* лет, в то время как пособничество в его совершении грозит лишением свободы на срок от десяти до *двадцати* лет.

Наиболее сложной с позиций правоприменения является проблема квалификации соучастия в террористических преступлениях. Причина проблемы состоит в том, что ранее тезис об отсутствии конкуренции между нормами общей и особенной частей УК РФ принимался как самоочевидный. К примеру, Пленум Верховного Суда РФ отмечал, что подстрекательство несовершеннолетнего к совершению преступления «должно квалифицироваться по статье 150 УК РФ, а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в виде подстрекательства) в совершении конкретного преступления» [9]. Иными словами, правильной была названа «двойная» квалификация: по ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления) и по соответствующей статье особенной части со ссылкой на ст. 33 УК РФ (подстрекательство к совершению этого преступления).

Однако применительно к ст. 205.1 УК РФ такой подход сопряжен с некоторыми трудностями. Выше уже говорилось о парадоксальном соотношении наказания за исполнительство и пособничество в теракте. Если же пособник, содействовавший совершению террористического акта, понесет наказание не только по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, но и по ст. 205 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ, то отмеченная диспропорция лишь усилится. Можно согласиться с мнением о том, что в этом случае налицо будет нарушение принципа справедливости, предусмотренного ст. 6 УК РФ [10]. Назначенное по совокупности преступлений наказание в таком случае не только не будет соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, но и нарушит известное правило «non bis in idem».

При таких обстоятельствах не удивительно, что российские суды в этом вопросе нередко занимают диаметрально противоположные позиции. Исследование судебной практики позволяет выделить три различных варианта квалификации.

Первый вариант уже был рассмотрен выше. Он предполагает «двойную» квалификацию: по ст. 205.1 УК РФ и соответствующей статье особенной части со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Например, Старопромысловский районный суд г. Грозного Чеченской Республики в одном из уголовных дел, рассмотренных в 2009 г., по всей видимости, отдал предпочтение именно такому варианту, квалифицировав действия подсудимого по ч. 5 ст. 33 ч. 2 ст. 208 и ч. 1 ст. 205.1 УК РФ [11].

Второй подход к квалификации действий соучастников террористических преступлений заключается в применении только соответствующей

части ст. 205.1 УК РФ. Именно такая квалификация была применена в деле А.И.М., который, «устраняя препятствия в подготовке террористического акта, заарендовал квартиру для тайного размещения лиц, его готовящих, перевез их... и поселил в квартире, обеспечивая их тайное нахождение в ней, изъял от нее все комплекты ключей, обеспечивал их продуктами питания, информировал о возможном наблюдении за ними». В результате его действия были квалифицированы по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, то есть пособничество было вменено обвиняемому без использования институтов общей части УК РФ [12].

Пример третьего варианта квалификации можно найти в Определении Верховного Суда РФ от 18 мая 2005 г. по делу № 53-о04–102. Этим актом был оставлен без изменения приговор нижестоящего суда, в котором утверждалось, что «в ноябре – декабре 2001 года, реализуя свой преступный план, С. поручил П. произвести взрыв в школе № 100, где планировалась встреча С. с избирателями, и пообещал заплатить П. за убийство М. и взрыв в школе 50000 долларов США». В связи с этим С. был осужден по ст. 30 ч. 1, ст. 33 ч. 4, ст. 105 ч. 2 п.п. «е» и «з», а также по ст. 33 ч. 4, ст. 205 ч. 1 УК РФ. Как видно, рассматривая С. как подстрекателя, суд использовал лишь институт соучастия, закрепленный в общей части УК РФ, не применив ст. 205.1 УК РФ [13].

Таким образом, отмеченная проблема отнюдь не умозрительна. Всякий раз, давая квалификацию подобным действиям, суд вынужден делать сложный выбор между тремя различными вариантами квалификации. В конечном итоге под угрозой оказывается и принцип правовой определенности, поскольку информация о различном исходе аналогичных уголовных дел не позволяет даже примерно спрогнозировать финальную квалификацию.

Решением рассматриваемой проблемы мог бы стать полный отказ от возведения пособничества и подстрекательства в ранг исполнительства, однако такой шаг законодателя имел бы и негативные последствия. В этом случае ответственность лица, содействовавшего террористической деятельности, в значительной мере зависела бы от раскрытия действий непосредственного исполнителя.

Сказанное можно проиллюстрировать примером из правоприменительной практики. В 2014 г. Х.Ф. был осужден Черногорским городским судом Республики Хакасия по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ за склонение гражданина Т.Р.А. к совершению террористического акта. Как установил суд, осужден-

ный, используя регистрационное имя *habibullo tursunov*, на сайте социальной сети «Одноклассники» осуществлял переписку с жителем Республики Бурятия, исповедующим религию ислам. В ходе переписки Турсунов Х.Ф. склонял Т.Р.А. к действиям, направленным на выезд в Сирию, переходу в статус моджахеда, переходу в статус шахида, совершению джихада.

Данное коммуникативное намерение обвиняемый реализовывал в форме высказываний, содержащих прямые призывы и обоснование необходимости отъезда Т.Р.А. в Сирию с целью осуществления террористической деятельности для оказания воздействия на принятие решения органами власти Сирийской Арабской Республики и международными организациями. 26 января 2014 года Т.Р.А. вылетел в г. Стамбул (Турция) для дальнейшего выезда на территорию Сирийской Арабской Республики с целью участия в деятельности международных террористических организаций, ведущих боевые действия против правительственных войск Башара Асада [14].

Нетрудно заметить, что суд не обладал достоверной информацией о реальном участии Т.Р.А. в террористической деятельности. В связи с этим квалификация действий обвиняемого по ст. 205 УК РФ со ссылкой на ст. 33 УК РФ как подстрекательства к совершению теракта была бы затруднительной. Для этого, в частности, было бы необходимо установить, довел ли Т.Р.А. преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205 УК РФ, до конца. Благодаря же существованию ст. 205.1 УК РФ, подстрекателя удалось привлечь к уголовной ответственности даже в условиях неопределенности относительно действий исполнителя.

Следует обратить внимание, что вмененное Х.Ф. преступление рассматривалось судом как оконченное, хотя вполне возможно, что Т.Р.А. еще не успел в полной мере реализовать свой преступный умысел. С учетом того, как сформулирована диспозиция содействия террористической деятельности, такой подход представляется верным. Он не только нашел понимание в доктрине [15], но и был поддержан судебной практикой.

Например, Усть-Джегутинский районный суд Карачаево-Черкесской Республики в одном из своих приговоров указал, что «преступление, предусмотренное ст. 205.1 УК РФ, является оконченным уже в момент совершения предусмотренных этой статьей действий вне зависимости от достижения ожидаемых от них результатов». Поэтому на квалификацию действий подсудимого Б.Х. по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ не повлиял тот факт, что злоумышленники так и не совершили

преступление, предусмотренное ст. 208 УК РФ, поскольку они были задержаны сотрудниками правоохранительных органов [16].

Аналогичную позицию занял Верховный Суд РФ в апелляционном определении от 16 мая 2013 г. № 16-АПУ13–3. При этом суд отметил, что «преступление, предусмотренное ст. 205.1 УК РФ, является окончанным уже в момент совершения предусмотренных этой статьей действий вне зависимости от достижения ожидаемых от них результатов» [17].

Рассматривая проблемы, связанные с квалификацией содействия террористической деятельности, хотелось бы также отметить недавние изменения, способные повлиять на практику правоприменения. В первую очередь, речь идет о существенном увеличении числа преступлений, вовлечение в совершение которых влечет уголовную ответственность. В настоящее время уголовно наказуемым является вовлечение лица в совершение одного из пятнадцати преступлений (ранее закон называл лишь восемь из них). Кроме того, теперь лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет грозит за пособничество не только в теракте, но и в захвате заложника организованной группой, а также в организации незаконного вооруженного формирования.

Другим значимым изменением стало уточнение понятия финансирования террористической деятельности путем добавления такого признака, как «финансирование или иное материальное обеспечение лица в целях совершения им» преступлений террористической направленности. Ранее закон говорил лишь об обеспечении самой противоправной деятельности. В результате этого лицо, приютившее тер-

рориста и предоставившее ему пропитание, едва ли могло быть наказано, поскольку кров и пища не имеют прямой связи, например, с взрывом бомбы. Вместе с тем, очевидно, что эти действия вполне могли быть обусловлены далеко не благими намерениями.

Впрочем, правоприменительной практике известны примеры расширительного толкования понятия содействия террористической деятельности. К примеру, в одном уголовном деле преступнику, осужденному по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, вменялось в вину, в частности, то, что он заарендовал квартиру для тайного размещения лиц, готовивших теракт, поселил их в квартире и обеспечивал их продуктами питания [18]. Стоит признать, что ранее такая квалификация была далеко не бесспорна. С принятием же названных поправок проблема была решена. В настоящее время наказуемо любое материальное обеспечение лица при условии, что оно нацелено на поддержание террористической деятельности.

Завершая исследование ст. 205.1 УК РФ, вновь отметим, что, несмотря на проблемы, связанные с приравниванием пособничества и подстрекательства к исполнению, в сохранении данного подхода законодателя все же есть свой резон. Поэтому лучшим выходом из сложившейся ситуации является смягчение ответственности, предусмотренной ст. 205.1 УК РФ, чтобы исключить диспропорцию в размере санкций, применяемых к исполнителю и лицам, оказавшим ему содействие. Кроме того, Пленуму Верховного Суда РФ следует обратить внимание на существующие разночтения и дать свое разъяснение по вопросам применения рассматриваемого института.

Ссылки и библиография

1. Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.
2. Цземэй Ц. Обзор уголовного законодательства о борьбе с терроризмом и «Закона о борьбе с терроризмом» Китая // Евразийский научный журнал. 2016. № 6. Ст. 230–235.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Европейская конвенция о пресечении терроризма (ETS N 90), заключена в г. Страсбурге 27.01.1977 // СЗ РФ. 2003. № 3. Ст. 202.
5. Кочои С.М. Общеевропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ // Lex russica. 2014. № 9. С. 1061–1069.
6. Рарог А.И. Сомнительная коррекция института соучастия // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы VI Российского конгресса уголовного права (26–27 мая 2011 года). М., 2011. С. 14–15.

7. Серебряков А.В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношения со смежными составами преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 10–11.
8. Кауфман М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 92–101.
9. Пункт 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
10. Молчанов Д.М. Содействие террористической деятельности // Уголовное право. 2011. № 4. С. 35–41.
11. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 20 июня 2013 г. по делу № 22–4460/2013. – Режим доступа: <http://kraevoy.krk.sudrf.ru/>.
12. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24 июня 2013 г. по делу № 19-АПУ13–10 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 18 мая 2005 г. по делу № 53-о04–102 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Приговор Черногорского городского суда Республики Хакасия от 14 мая 2014 г. по делу 1–248/2014. – Режим доступа: <http://chernogorsky.hak.sudrf.ru/>
15. Кудрявцев В.Л. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. 2012. № 5. С. 21–25.
16. Приговор по делу 1–8/2014 (1–108/2013). Усть-Джегутинский районный суд (Карачаево-Черкесская Республика).
17. Апелляционное определение Верховного Суд РФ от 16 мая 2013 г. по делу № 16-АПУ13–3 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24 июня 2013 г. по делу № 19-АПУ13–10 // СПС «КонсультантПлюс».

References (transliterated)

1. Federal'nyj zakon ot 06.07.2016 № 375-FZ «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v chasti ustanovleniya dopolnitel'nyh mer protivodejstviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoj bezopasnosti» // SZ RF. 2016. № 28. St. 4559.
2. Czemejh C. Obzor ugolovnogo zakonodatel'stva o bor'be s terrorizmom i «Zakona o bor'be s terrorizmom» Kitaya // Evrazijskij nauchnyj zhurnal. 2016. № 6. St. 230–235.
3. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ // SZ RF. 1996. № 25. St 2954.
4. Evropejskaya konvenciya o presechenii terrorizma (ETS N 90), zaklyuchena v g. Strasburge 27.01.1977 // SZ RF. 2003. № 3. St. 202.
5. Kochoi S.M. Obshcheevropejskoe zakonodatel'stvo o bor'be s terrorizmom i perspektivy reformirovaniya UK RF // Lex russica. 2014. N 9. S. 1061–1069.
6. Rarog A.I. Somnitel'naya korrekciya instituta souchastiya // Ugolovnoe pravo: istoki, realii, perekhod k ustojchivomu razvitiyu: Materialy VI Rossijskogo kongressa ugolovnogo prava (26–27 maya 2011 goda). M., 2011. S. 14–15.
7. Serebryakov A.V. Sodejstvie terroristicheskoj deyatel'nosti: problemy kvalifikacii i sootnosheniya so smezhnymi sostavami prestuplenij: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2012. S. 10–11.
8. Kaufman M.A. Pravotvorcheskie oshibki v ugolovnom prave // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 9. S. 92–101.
9. Punkt 42 Postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 № 1 «O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnih» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2011. № 4.
10. Molchanov D.M. Sodejstvie terroristicheskoj deyatel'nosti // Ugolovnoe pravo. 2011. № 4. S. 35–41.
11. Apellyacionnoe opredelenie Krasnoyarskogo kraevogo suda ot 20 iyunya 2013 g. po delu № 22–4460/2013 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://kraevoy.krk.sudrf.ru/>.
12. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 24 iyunya 2013 g. po delu № 19-APU13–10 // SPS «Konsul'tantPlyus».

13. Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 18 maya 2005 g. po delu № 53-004–102 // SPS «Konsul'tantPlyus»
14. Prigovor Chernogorskogo gorodskogo suda Respubliki Hakasiya ot 14 maya 2014 g. po delu 1–248/2014 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://chernogorsky.hak.sudrf.ru/>
15. Kudryavcev V.L. Sklonenie, verbovka ili inoe vovlechenie lica kak al'ternativnye dejstviya ob»ektivnoj storony sodejstviya terroristicheskoj deyatel'nosti // Advokat. 2012. N 5. S. 21–25.
16. Prigovor po delu 1–8/2014 (1–108/2013). Ust'-Dzhegutinskij rajonnyj sud (Karachaevo-CHerkesskaya Respublika).
17. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Sud RF ot 16 maya 2013 g. po delu № 16-APU13–3 // SPS «Konsul'tantPlyus».
18. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 24 iyunya 2013 g. po delu № 19-APU13–10 // SPS «Konsul'tantPlyus».

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦА В ИЕРАРХИИ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ОРГАНИЗАЦИИ) ПО ТЕЛЕФОННЫМ ПЕРЕГОВОРАМ

Галяшина Елена Игоревна

Цель. Рассмотреть возможности использования специальных лингвистических знаний для установления по телефонным переговорам положения лица в иерархии преступного сообщества (организации).

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Положение в иерархии опосредовано человеческим общением, проявляется в соблюдении дистанции между участниками диалога и в социальных нормах межличностного общения, как в неофициальном, так и официальном поведении людей. Использование специальных знаний в области судебной лингвистической экспертизы на современном этапе развития ее теории и практики позволяет выработать методические подходы для установления по речевому поведению участников телефонных переговоров признаков их иерархического положения в преступном сообществе и выявить лиц, занимающих руководящее, лидирующее положение.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи состоит в определении основных речевых признаков, которые используются для кодирования статуса и престижа и маркируют коммуникативную дистанцию в асимметричных социальных отношениях типа «начальник-подчиненный», что имеет безусловное значение в практической работе в целях доказывания факта участия лица в деятельности преступного сообщества, определения его положения в его структуре и выполняемых им функций в соответствии с установленными в организации правилами, при этом особое значение придается определению организатора, лидера или лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, речевые признаки, социальный статус, телефонные переговоры, иерархия преступного сообщества.

Организация преступного сообщества относится к тяжким преступлениям, ответственность за которое предусмотрена ст. 210 УК РФ, посягающим на общественную безопасность, жизнь, здоровье и собственность граждан, нарушающим функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и объединений.

Преступное сообщество следует отличать от организованной группы, под которой, согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ понимается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения преступлений. В соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной органи-

зацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

На отличие преступного сообщества от иных видов преступных групп обращается внимание в постановлении Пленума Верховного Суда от 10 июня 2010 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)»

(далее Постановление). Преступному сообществу присущи наличие организационно-управленческих структур, в качестве которых выступают структурированные преступные группы, наличие иерархии, дисциплины, распределение ролей и функций, т.е. наличие определенных правил взаимоотношения между членами сообщества.

Структурированной организованной группе, помимо собственно признаков «вертикали власти» – соподчиненных и взаимосвязанных подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.), присущи «единоначалие», стабильность состава и согласованность намерений, взаимодействие различных подразделений. Объединение организованных групп предполагает наличие единого руководства и устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами, совместное планирование и участие в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений. В отличие от организованной группы с единой структурой преступное сообщество обладает более высокой степенью сплоченности и организованности [1].

Для доказывания факта участия лица в деятельности преступного сообщества необходимо, помимо прочего, установить, какое положение занимает лицо в его структуре, какую функцию выполняет в соответствии с установленными в организации правилами [2]. Особое значение придается роли организатора, лидера или лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Организаторы и руководители преступного сообщества несут ответственность за все преступления, охватываемые их умыслом и совершенные членами сообщества, которое они организовали или которым руководили [3].

Под руководством преступным сообществом (организацией) или его структурными подразделениями понимается осуществление организационных и (или) управленческих функций в отношении сообщества, его структурных подразделений и отдельных участников как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении деятельности сообщества (организации) в целом. Руководство может выражаться в определении целей, разработке общих планов деятельности, подготовке к совершению конкретных преступлений, совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных преступным сообществом (организацией) и входящими в его (ее) структуру подразделений. Под такими действиями понимается, например, распределение ролей между членами сообщества, вербовка новых членов сообщества и их внедре-

ние в государственные, в том числе правоохранительные, органы, организация материально-технического обеспечения, разработка способов совершения и сокрытия преступлений, принятие мер безопасности сообщества, конспирации, распределение и легализация средств, полученных от преступной деятельности, а также принятие решений и дача соответствующих указаний

В пункте 24 Постановления указано, что, решая вопрос о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией), либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

Задача расследования – установить всех соучастников преступления, индивидуализировать роль и вину каждого из них и выявить все эпизоды преступной деятельности, как во времени, так и в пространстве, установить способы совершения и сокрытия преступлений, причиненного материального ущерба и всех обстоятельств, способствовавших криминалу. Эти элементы предмета доказывания обладают существенной спецификой при совершении преступления организованным сообществом, в особенности если оно является субъектом организованной преступности [4, с. 931]. Между тем деятельность лидеров преступных объединений и организация ими активного противодействия правоохранительным органам зачастую остаются за рамками расследования, что способствует уклонению от уголовной ответственности. Установление реального статуса лиц в рамках совместной незаконной деятельности усложняется ввиду наличия в преступных сообществах многоуровневой иерархической структуры, предполагающей, что руководством и внутренними вопросами занимаются уполномоченные лица – руководители, организаторы же преступной деятельности осуществляют контрольно-надзорные функции, применяя технические средства и методы обмена информацией без

визуальных контактов, сводя к минимуму общение с рядовыми участниками сообщества, широко внедряя средства конспирации.

Для решения приоритетных задач, которые практика ставит перед криминалистами, используются речеведческие знания, оптимизирующие методы и средства судебной экспертизы [5]. Практические подходы к решению задачи установления иерархического статуса говорящего по его речевому поведению находят отражение в ведомственных экспертных методиках и методических рекомендациях [6]. В то же время активное развитие информационных и речевых-коммуникационных технологий, интеллектуализация организационных и управленческих подходов к деятельности преступного сообщества, развитие и совершенствование механизмов конспиративного дискурса осложняют задачу криминалистического исследования переговоров участников преступного сообщества и требуют разработки новых, более эффективных экспертных подходов и методов установления иерархического положения в нем его участников.

В качестве объектов экспертизы выступают фонограммы телефонных переговоров, сводки, выполненные оперативно-техническими подразделениями, с расшифровкой переговоров лиц в соответствии с входящими и исходящими звонками, тексты СМС-сообщений и иной электронной коммуникации, получаемые в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Организатору преступления, руководителю преступного сообщества, как правило, инкриминируется осуществление координации, контроля и надзора за деятельностью преступного объединения (организации), выполнение распорядительных функций, распределение между участниками дохода, полученного от незаконной деятельности и т.д.

Частота встречаемости в репликах участников телефонных переговоров лексических средств, используемых для обозначения определенных объектов, действий, экстралингвистических явлений позволяет определить ключевые слова коммуникативного акта, соотносимые с признаками «сплоченности» и «устойчивости» группы, «координирующей и направляющей» роли ее руководителей, соподчиненности структурных подразделений.

Зафиксированные в материалах уголовного дела переговоры коммуникантов могут стать объектом экспертного исследования с целью установления фактов, имеющих значение для определения установления наличия или отсутствия в групповой коммуникации речевых признаков

общения в организованной группе, а также речевых признаков статусов, функций, ролей участников коммуникации по отношению к совместной деятельности, о которой идет речь. Для выявления организаторской функции участника телефонных переговоров, а также признаков внутригрупповой коммуникации в организованной группе необходимы специальные лингвистические познания, поскольку на основе исследования диалогов можно установить речевые признаки иерархического положения участника сообщества, его социальный статус и функциональную роль.

Речевые признаки функций участников преступного сообщества проявляются в ключевых словах концепта «совместная деятельность»:

«Исполнитель» – сделать, выполнить, решить, отработать, оформить и др.

«Организатор» – организовать, наладить, устроить, разрешить, указать, приказать, заставить, нанять, оплатить, распределить, проконтролировать, наказать, поощрить и др.

«Помощник» – помогать, участвовать, подготовить, способствовать, достать, содействовать, подсобить и др.

«Переговорщик» – подговорить, договориться, уговорить и др.

«Посредник» – передать, отнести, привезти, отдать, доверить и др. [7, с. 115–118].

Для экспликации роли и места участника коммуникации перед экспертом могут быть поставлены следующие вопросы:

– Имеются ли речевые признаки того, что участники коммуникации представляют собой организованную группу, характеризующуюся стабильностью состава и сплоченностью ее членов, осведомленности каждого, согласно отведенной ему роли, о целях, преступном характере и общественной опасности совершаемых или планируемых деяний? Если имеются, то в каких конкретно словах, выражениях, предложениях они содержатся?

– Имеются ли речевые признаки того, что отношения участников коммуникации имеют иерархическую упорядоченность, подчиненность рядовых членов группы ее руководителям? Если имеются, то в каких конкретно словах, выражениях, предложениях они содержатся?

– Имеются ли речевые признаки соблюдения мер конспирации при осуществлении коммуникации участниками организованной группы? Если имеются, то в каких конкретно словах, выражениях, предложениях они содержатся?

– Имеются ли в диалогах речевые признаки того, что Х. осуществлял координацию и руководил деятельностью остальных членов организо-

ванной группы? Если имеются, то в каких конкретно словах, выражениях, предложениях они содержатся?

— Имеются ли в диалогах речевые признаки того, что Х. требовал, побуждал, склонял, призывал участников коммуникации к совершению определенных действий?

— Имеются ли в диалогах речевые признаки того, что Х. давал указания, распоряжения по распределению полученного от незаконной деятельности дохода между участниками организованной группы? Если имеются, то в каких конкретно словах, выражениях, предложениях они содержатся?

— Имеются ли в диалогах речевые признаки того, что Х. координировал, согласовывал, давал указания, распоряжения о совершении конкретными лицами каких-либо действий? Если имеются, то в каких конкретно словах, выражениях, предложениях они содержатся?

— Имеются ли в диалогах речевые признаки того, что Х. осуществлял функцию по контролю за деятельностью других членов организации? Если имеются, то в каких конкретно словах, выражениях, предложениях они содержатся?

Следует отметить, что предмет диалогического общения выступает организующим аспектом коммуникации, посредством него устанавливается контакт между собеседниками, — это то, о чем говорят и по поводу чего происходит обмен информацией. Координация, планирование, контроль за осуществлением говорящими совместной деятельности определяется потребностью группы как совокупного субъекта общения и проявляется в выборе необходимых речевых маркеров взаимопонимания и взаимодействия.

Порождение неподготовленного заранее речевого произведения в реальном масштабе времени выдвигает на первый план в иерархии языковых средств номинативные средства языка. Ключевые слова, создающие тематический остов и формирующие семантическую сеть текста, выполняют тектообразующую функцию, обеспечивая целостность и связность порождаемой спонтанно речи, устанавливая тематико-ситуативные и оценочно-прагматические связи в диалоге.

Об устойчивости реализации темы свидетельствует способность отправителя и получателя информации: быстро выделить тематику информации, по ключевым словам, правильно интерпретировать начало сообщения и предвосхищать его развертывание; восстановить смысл сообщения, несмотря на пропущенные элементы; понимать общий символичный язык (код); правильно определить замысел высказывания.

Ситуационная вариативность связана, прежде всего, с коммуникативной установкой и ситуацией общения и проявляется в преимущественном выборе языковых средств в зависимости от компонентов ее структуры. Индивид выступает в каждой конкретной ситуации в определенной социальной роли, которую он должен проигрывать в соответствии с принятыми в данном коллективе социально-речевыми нормами поведения. Поэтому существенное внимание при изучении речевого произведения как объекта экспертизы направлено на моделирование компонентов коммуникативного акта, влияющих на устойчивость и вариативность языковых средств.

Ситуация общения, позволяющая идентифицировать внутригрупповой деловой дискурс в рамках совместной деятельности, отражается в таких коммуникативных переменных, как жанр, пространственно-временные отношения, ситуативно-коммуникативные роли, направленность коммуникативных действий в разговоре, фиксированность темы, отношение общения к практической деятельности и др. [8, с. 157–159].

Так, например, ключевым маркером сплоченности является проявление в речевом общении противопоставления «свой» — «чужой». В этой системе устанавливаются отношения между «я» каждого члена группы, собеседником или собеседниками, участвующими в разговорах, и третьими лицами, о которых идет речь. Член группы осуществляет самопрезентацию, в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией разграничивая «своих» от «чужих» путем явного или скрытого обозначения в речи. Разграничение своих и чужих происходит на основе символов «плохого» и «хорошего», «нормального» и «опасного» и т.п. для данной группы. Моделирование «образа врага» происходит через отношение к основной деятельности участников дискурса групповой коммуникации [9].

Показателями степени коммуникационной интеграции являются частота контактов по деловым вопросам и их содержательная характеристика. Ролевые, дистанционные и нормативные характеристики поведения составляют концептуальное ядро категории социального статуса человека и раскрываются в признаках речевого поведения. Соотносительная статусная оценка проявляется в: а) статусе в системе социальной стратификации (стратификационная оценка); б) статусной позиции вышестоящего, нижестоящего и равного человека (дистанционная оценка); в) соответствии поведения статусной норме (ролевая оценка) [10, с. 279–285].

Бельская Н.С. выделяет следующие речевые признаки отношений взаимного неравенства в связи с совместной предметно-практической деятельностью.

Соотношение статусов коммуникантов:

– выделение системы лингвистических признаков статусного индекса коммуникантов и статусно-маркированных ситуаций общения на основе: анализа репертуара речевых актов и жанров, употребляемых коммуникантами; перлокутивного эффекта директивных речевых актов; направления коммуникативных потоков (выражение дистанционной оценки посредством статусного вектора и статусной репрезентации);

– моделирование партнеров коммуникации в статусно-маркированных ситуациях общения;

– вывод о релевантности/ иррелевантности статуса коммуникантов в ситуации общения, о наличии вертикальной/горизонтальной дистанции коммуникации, структурированности коммуникативной ситуации.

Ролевая организация:

– изучение коммуникативных моделей речевого поведения говорящих на предмет: выражения ролевой оценки на интонационном, грамматическом, словообразовательном, лексическом уровнях; использования специальных коммуникативных стратегий и тактик; симметричного/асимметричного коммуникативного модуса общения;

– анализ координации сценариев ролевого поведения коммуникантов на предмет мены коммуникативных ролей.

Коммуникативная инициатива:

– установление доминирующего партнера в диалоге на основе экспликации распределения коммуникативной инициативы (речевые стратегии контроля тематики и жанра общения).

Речевые признаки наличия и меры устойчивой положительной взаимосвязи (сплоченности) между коммуникантами:

– анализ коммуникативной координации коммуникантов (согласованность коммуникативных интенций и модально-оценочных смыслов речевых поступков, кооперативность речевого поведения, тональности общения, активность во взаимной поддержке коммуникативных инициатив, наличие и характер коммуникативного результата);

– согласованность функционально-ролевой организации дискурса;

– регулярность предметно-тематического контекста [11, с. 123–124].

В научной литературе маркерами проявления в диалоге властных полномочий руководителя

(лидера) считаются лексические и морфологические структуры, которые используются для кодирования статуса и престижа и маркируют коммуникативную дистанцию в асимметричных социальных отношениях типа «начальник-подчиненный».

Функциональный подход предполагает, что речевые признаки властных полномочий коррелируют с социальными ценностями, организацией и стратификацией в обществе и что эти признаки влияют на восприятие и поведение личностей и групп. Интеракционный подход предполагает, что власть реализуется и конструируется в таких формах, потому что некоторые люди обладают большим контролем над процессом коммуникации. Эти речевые формы являются индексами власти и признания права за определенными личностями, группами и институтами общества контролировать других. Человек с меньшей властью в асимметричных отношениях не будет отдавать приказы человеку с большей, и человек с большей властью не станет просить. Иные речевые акты также могут быть обусловлены отношениями власти: принесение извинений, просьба о разрешении, предложение совета и др. [12, с. 256–258]. К признакам власти на уровне дискурса также относят инициативу в передаче речевого хода, возможность перебивать, инициировать продолжение или переход темы и оценивать вклад других в коммуникативную интеракцию. Это содержательно и композиционно организующая сила в интеракции, воплощенная в роли коммуникативного лидера, по сути, понятие доминирующего партнера в диалоге, обладающего большей коммуникативной активностью в речевом поведении.

Статусный признак соотносится с активным источником действия и с особыми способностями/неспособностями человека к совершению действия. Пространство этикетных соотношений включает приоритет позиции, тип дистанции, алгоритм поведения, требуемые/запрещаемые формы поведения, степень допустимых отклонений от соответствующих форм поведения. Этикет идиоматичен, вместе с тем выделяются константы, к которым относятся порядок приоритетов, использование титулов для лиц с высоким социальным статусом, образование статусных коннотаций в различных комбинациях полного и сокращенного имени [10, с. 279–285].

Положение в иерархии опосредовано человеческим общением, проявляется в соблюдении дистанции между участниками диалога (при этом вышестоящий участник более свободен в установ-

лении, поддержании и изменении дистанции, чем нижестоящий участник) и в социальных нормах межличностного общения, как в неофициальном, так и официальном поведении людей.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что использование специальных знаний в области судебной лингвистической экспертизы на современном этапе развития ее теории и практики позволяет выработать методические подходы для установления по речевому поведению участников телефонных переговоров признаков их иерархического положения в преступном сообществе и выявить лиц, занимающих руководящее, лидирующее положение.

Ссылки и библиография

1. Григорьев Д.А., Морозов В.И. К вопросу о содержании признака структурированности преступного сообщества (преступной организации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 3 (21). С. 46–54.
2. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 243 с.
3. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 53–57.
4. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2001. С. 931.
5. Галяшина Е.И. Развитие судебных речеведческих экспертиз в России: юридическая библиотека Юристлиб. – 2010 – Режим доступа: http://www.juristlib.ru/book_10321.html, свободный.
6. Разработка методики психолого-лингвистического исследования устной речи по записям телефонных и иных разговоров при расследовании преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). – М.: ГУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2008.
7. Бодров Н.Ф. Использование специальных знаний при расследовании взяточничества и других проявлений коррупции в сфере образования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 : защищена 14.11.2013 / Бодров Николай Филиппович ; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М., 2013.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
9. Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий: электронная библиотека Библиофонд. – 2013. – Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=124713>, свободный.
10. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.
11. Бельская Н.С. Магистерская диссертация на тему: «Разработка методики судебной лингвистической экспертизы групповой коммуникации в организации по делам, связанным с противодействием организованной экономической преступности» по магистерской программе «Правовая лингвистика». Научный руководитель профессор Галяшина Е.И. – М.: Университет имени О.Е. Кутафина. 2014.
12. Saville-Troike M. The Ethnography of Communication / M. Saville-Troike. – 3rd ed. – UK: Blackwell Publishing, 2003.

References (transliterated)

1. Grigor'ev D.A., Morozov V.I. K voprosu o soderzhanii priznaka strukturirovannosti prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) // YUridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2012. N 3 (21). S. 46–54.
2. Koreckij D.A., Tulegenov V.V. Kriminal'naya subkul'tura i ee kriminologicheskoe znachenie. SPb.: YUrid. centr Press, 2006. 243 s.
3. Mondohonov A. Special'nyj sub"ekt organizacii prestupnogo soobshchestva (prestupnoj organizacii) ili uchastiya v nem (nej) // Ugolovnoe pravo. 2010. N 5. S. 53–57.
4. Aver'yanova T.V., Belkin R.S., Koruhov YU.G., Rossinskaya E.R. Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov / pod red. R.S. Belkina. – M.: NORMA; INFRA-M, 2001. S. 931.

5. Galyashina E.I. Razvitiye sudebnyh rechevedcheskih ehkspertiz v Rossii [EHlektronnyj resurs]: yuridicheskaya biblioteka YUristlib. – 2010 – Rezhim dostupa: http://www.juristlib.ru/book_10321.html, svobodnyj.

6. Razrabotka metodiki psihologo-lingvisticheskogo issledovaniya ustnoj rechi po zapisyam telefonnyh i inyh razgovorov pri rassledovanii prestuplenij, sovershennyh organizovannoj gruppoj ili prestupnym soobshchestvom (prestupnoj organizaciej). – M.: GU RFCSEH pri Minyuste Rossii, 2008.

7. Bodrov N.F. Ispol'zovanie special'nyh znaniy pri rassledovanii vzyatochnichestva i drugih proyavlenij korrupcii v sfere obrazovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.12 : zashchishchena 14.11.2013 / Bodrov Nikolaj Filippovich ; Mosk. gos. yurid. un-t im. O.E. Kutafina (MGYUA). – M., 2013.

8. Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa / M.L. Makarov. – M.: ITDGK «Gnozis», 2003.

9. Issers O.S. Rechevoe vozdejstvie v aspekte kognitivnyh kategorij [EHlektronnyj resurs]: ehlektronnaya biblioteka Bibliofond. – 2013. – Rezhim dostupa: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=124713>, svobodnyj.

10. Karasik V.I. YAzyk social'nogo statusa / V.I. Karasik. – M.: In-t yazykoznaniya RAN; Volgogr. gos. ped. in-t, 1992.

11. Bel'skaya N.S. Magisterskaya dissertaciya na temu: «Razrabotka metodiki sudebnoj lingvisticheskoj ehkspertizy gruppovoj kommunikacii v organizacii po delam, svyazannym s protivodejstviem organizovannoj ehkonomicheskoy prestupnosti» po magisterskoj programme «Pravovaya lingvistika». Nauchnyj rukovoditel' professor Galyashina E.I. – M.: Universitet imeni O.E. Kutafina. 2014.

12. Saville-Troike M. The Ethnography of Communication / M. Saville-Troike. – 3rd ed. – UK: Blackwell Publishing, 2003.

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

ИНТЕРВЬЮ ВИКТОРА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛУНЕЕВА ДЛЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КАБИНЕТА

Цель. В настоящее время очень важно сохранить связь поколений. Накопленные одним поколением знания, опыт, культурные и духовные ценности передаются потомкам. Жизни людей взаимосвязаны, и каждое новое поколение наследует традиции предыдущего, вносит свои изменения, определяет дальнейший путь развития. Для такой передачи опыта в рамках Криминологического кружка был проведен ряд встреч с выдающимися учеными. Встреча студентов Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина с выдающимся отечественным криминологом В.В. Лунеевым стала одной из них.

Методология: метод интервью.

Выводы. Проведенная встреча Президента союза криминалистов и криминологов, руководителя Криминологического кабинета и студентов с Виктором Васильевичем Лунеевым позволила узнать малоизвестные факты из биографии этого выдающегося ученого-криминолога, его мнение о современном состоянии криминологической науки, глубже погрузиться в историю криминологии и из первых уст узнать кто стоял за возрождением отечественной криминологии в XXв.

Научная и практическая значимость. Результаты проведенного интервью могут применяться в учебном процессе при изучении курса криминологии в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: биография криминолога, интервью с криминологом, криминология, история криминологии, криминологический кабинет.

Беседовали: Президент Союза криминалистов и криминологов Игорь Михайлович Мацкевич; руководитель Криминологического кабинета Себила Якубовна Саламова; студенты Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина Влас Малышев, Ксения Акуленко, Максим Витлинский.

Виктор Васильевич Лунеев – выдающийся отечественный криминолог. Живой классик советской и российской юриспруденции.

Виктор Васильевич Лунеев родился 16 февраля 1932 года в селе Вознесенском Порецкого района Чувашской АССР. В 1962 году окончил военно-юридический факультет Военно-политической академии им В. И. Ленина по специальности «военный юрист» и 8 лет занимался следственной и прокурорской работой в органах военной прокуратуры Приволжского военного округа. В 1970 году без отрыва от службы защитил кандидатскую диссертацию во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреж-

дения преступности на тему «Мотивация воинских преступлений». В том же году был назначен на кафедру уголовного права и процесса военно-юридического факультета Военно-политической академии, где преподавал военную криминологию, уголовное право, юридическую статистику и проводил криминологические исследования проблем борьбы с преступностью в Вооруженных Силах. В 1976 году В.В. Лунееву было присвоено звание полковника юстиции. В 1980 году он защитил докторскую диссертацию в Академии МВД СССР на тему «Криминологические проблемы предупреждения преступного поведения военнослужащих», а в 1983 году ему было присвоено ученое звание профессора. После 37 лет службы в Вооруженных Силах уволился в запас и с 1988 года по настоящее время работает в Институте государства и права Российской академии наук (в советское время Институт государства и права СССР).

29 сентября 1999 года Указом Президента РФ за цикл работ «Мировые, региональные и российские тенденции преступности XX века» Лунееву В.В. была присуждена Государственная премия РФ по науке и технике.

Указом Президента РФ от 14 августа 2014 года № 568 «О награждении государственными наградами Российской Федерации» Лунееву В.В. присвоено почетное звание Заслуженный деятель науки России.

Среди наиболее значимых работ Лунеева В.В.: «Криминология. Причины, предупреждение и методы изучения преступлений в Вооруженных Силах СССР» (Учебник, 1986 г.), «Мотивация преступного поведения» (1991 г.), «Субъективное вменение» (2000 г.), «Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции» (1997 г., 1999 г., 2005 г.) «Юридическая статистика». Учебник (несколько изданий 1999–2011), «Эпоха глобализации и преступность» (2007 г.), «Курс мировой и российской криминологии» 2 тома двумя выпусками (2011 г., 2012 г.). В.В. Лунеев является соавтором и соредктором ряда других учебников и монографий по криминологии и уголовному праву, а также многочисленных сборников статей и материалов международных и российских конференций. Некоторые его работы изданы в США, Италии, Финляндии, Китае и Вьетнаме.

В составе правительственной делегации В.В. Лунеев принимал участие в работе VIII (Гавана, 1990 г.) и X (Вена, 2000 г.) Конгрессов ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, был экспертом ассоциированного с ООН Европейского института по анализу преступности (HEUNI, Финляндия), выступал с докладами на международных конференциях в Швеции, Болгарии, Финляндии, США, Венгрии, Италии.

(по материалам сайта Института государства и права РАН РФ)

Президент Союза криминалистов и криминологов И.М. Мацкевич, руководитель Криминологического кабинета С.Я. Саламова и активные участники кабинета – студенты 1 курса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина Влас Малышев, Ксения Акуленко, Максим Витлинский воспользовались согласием В.В. Лунеева поговорить с ним по насущным проблемам криминологии и не только.

Беседа получилась интересная по форме и содержанию. Началась она на улице, где В.В. Лунеев встретил нас возле подъезда. Настроен он был

дружелюбно, хотя предупредил, что интервью он давать не любит, да и, по его словам, отошел от дел.

После короткой паузы В.В. Лунеев спросил нас, о чем мы хотели бы поговорить.

На улице

Мацкевич И.М.: Виктор Васильевич, Вы долгое время работали с академиком В.Н. Кудрявцевым. Расскажите о нем.

Лунеев В.В.: *(Пауза)*. Академик Кудрявцев... Это мой очень хороший знакомый. Я с ним знаком с 1960-го года. Он был тогда кандидатом юридических наук и полковником юстиции. В это время криминология только у нас зарождается начала. Стали проводиться первые серьезные исследования и так далее. А у нас вот сейчас вроде она живет. Как вы думаете, она нужна нашей стране, криминология?

Малышев В.: Конечно.

Лунеев В.В.: А государству?

Малышев В.: Ну, тоже в какой-то степени, потому что для государства же самая первая функция – обеспечивать безопасность граждан, и поэтому...

Лунеев В.В.: *(Перебивает)*. А оно (государство) обеспечивает безопасность?

Малышев В.: Ну, это уже немножко разное – «должно» и «обеспечивает».

Лунеев В.В.: Вот это как раз и есть наука, в том числе и криминология. Ну, ладно. *(Обращаясь к С.Я. Саламовой)* А вы что преподаете?

Саламова С.Я.: Криминологию.

Лунеев В.В.: Ага. Есть преподаватель криминологии...

Мацкевич И.М.: Сейчас просто, Виктор Васильевич, такая ситуация получилась, что у нас криминология на 4 курсе. Причем интересно, что в базовых дисциплинах ее нет, но у нас вот МГЮА...

Лунеев В.В.: *(Перебивает)* Как нет? Что-то я вас не понял, Игорь Михайлович.

Мацкевич И.М.: Сейчас согласно образовательным стандартам есть основные, базовые дисциплины, есть дополнительные, по выбору, которые руководство вуза само определяет: нужно, чтобы студенты их изучали, или нет.

Лунеев В.В.: Криминология попадает в дисциплины по выбору?

Мацкевич И.М.: Да.

Лунеев В.В.: Ага.

Мацкевич И.М.: Так получается по стандарту. Но у нас в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) сложилась интересная ситуация: такую базовую дисциплину, как «Безопасность жизнедеятельности», преподавали представители кафедры

физкультуры. Это было неправильно, и проректор по учебной работе Л.А. Петручак предложила кафедре криминологии забрать ее. Безопасность жизнедеятельности преподается на 1 курсе. Поэтому мы ребят готовим с 1-го курса к тому, чтобы они потом опять вернулись к нам уже на 4 курсе с осознанным выбором криминологии для изучения. Мы надеемся, что они к этому времени будут уже подготовленными, и можно будет не просто им азы какие-то преподавать, а серьезно с ними на равных, на одном, так сказать, криминологическом языке разговаривать.

Лунеев В.В.: Я заговорил вот о В.Н. Кудрявцеве, а ведь он преподавал криминологию в вашем вузе, в МГЮА. И ушел он к вам, в ваш институт.

Мацкевич И.М.: Да, он у нас преподавал.

Лунеев В.В.: Это его уговорил О.Е. Кутафин. О.Е. Кутафин в то время был членом ученого совета в нашем институте, ИГПАНе, (*Институте государства и права Российской академии наук*). Тогда они с В.Н. Кудрявцевым и сговорились о его переходе в МГЮА. Я тоже год преподавал криминологию, но у нас в ИГПАНе. Тогда директором института стал академик Борис Николаевич Топорнин, и при институте был образован негосударственный вуз. Вот он и говорит (*академик Б.Н. Топорнин*): «Слушай, ну, давай, начни преподавать криминологию». Я ему отвечаю, что много лет преподавал, и у меня нет больше желания преподавать. Но он меня все-таки уговорил. Ну, ладно, стал преподавать криминологию. Вуз, значит, негосударственный, на лекционном потоке 90 человек, а на лекцию приходит человек 50. Меня, как человека военного, когда все 100% слушателей-курсантов были на лекции, это возмутило. Я пришел в учебный отдел и спрашиваю, в чем дело? Они отвечают, ну, мол, Виктор Васильевич, к вам приходит аж 50 человек. Вот Борис Николаевич Топорнин, академик, директор ИГПАН и одновременно ректор этого негосударственного института, который он, кстати и создавал, по их словам, читал лекцию вообще четверым студентам! Я говорю: «И он читал?!» «Да», — отвечают. «И не возмущался?» — спрашиваю. «Ну, что-то сказал неодобрительное, но, в общем, читал», — говорят в учебном отделе. Вот ситуация такая. Потом мне один студент из этих, из тех, кто на лекцию ко мне приходил (они ж за деньги учились, значит, должны были бы требовать хорошей подготовки), подходит как-то ко мне и говорит: «Вы знаете, для чего мы изучаем вашу дисциплину?» Я спрашиваю: «Для чего?» А он: «Чтоб совершать преступления и не попасться!»

Представляете! И даже несколько не смущается при этом! Ну, прошел год, были экзамены... тогда по криминологии были экзамены... Я не знаю, сейчас есть экзамены?

Мацкевич И.М.: По криминологии — зачет. Правда, в следующем учебном году вернули экзамен, для тех, кто будет изучать криминологию в рамках уголовного профиля обучения.

Лунеев В.В.: Зачет? А, ну, это... М-да. Ну, ладно, тогда были экзамены. Я пришел на экзамен, значит. У нас среди этих студентов были люди, которые не за деньги учились. Как-то они поступали через институт истории Академии Наук и обучались на бюджете, за государственные деньги учились. Их целых 10 было, это были исключительно подготовленные люди, умницы, трудолюбивые ребята. Значит, они все сдали, после них сдали еще человек 5 или 6. А дальше — никто ничего не знает. Я говорю: «Ребята, у вас сейчас каникулы (это летнее время было), вы идите домой, за 10 дней хорошенько подготовьтесь, приходите и сдадите свои задолженности по криминологии». Встали, ушли. Через 10 дней я пришел, они пришли. Ничего они, также как и раньше, не знают. Я с одним поговорил, с другим, с третьим. И я понял, что они ничего не знают и интереса к изучаемому предмету никакого у них нет. Я помню, когда я читал лекцию, передо мной сидел молодой человек, у него слева девочка сидела и справа девочка, руки у него были вот так вот (*показывает, что руки лежали на ногах этих девушек*) в соответствующих местах, и он, значит, времени даром не терял. Я его назвал по фамилии, он вскочил и не знал, что делать, т.е. он в состоянии некоторой прострации был. (*Лат. prostratio — недостаточно четкое медицинское понятие, обозначающее крайнюю степень изнеможения, расслабленности*). Вот такие были, значит, студенты, которые за деньги учились. Я говорил в учебном отделе, что это такое? Они мне отвечают: «Ну, они ж деньги платят! Ну что тут делать?» Я говорю, обращаясь к студентам: «Дорогие мои, я вам даже тройки никому не могу поставить из присутствующих, поэтому я перестаю принимать экзамен. Где вы будете сдавать криминологию и кому, я не знаю. Прощайте, я к вам больше не приду». И я ушел. Академик Б.Н. Топорнин, директор, после этого пришел ко мне в сектор (я был заведующим сектором уголовного права и криминологии) и спрашивает: «Виктор Васильевич, что это такое?» Я отвечаю: «Какой ты создал вуз? Что это за вуз, в котором студенты ничего не знают! И даже открыто мне говорят, что они преступниками хотят быть! Хотят право знать, чтоб не попасться, когда будут

совершать преступления!» Б.Н. Топорнин мне говорит, что это не так. Потом он стал просить, чтобы я все-таки принял у студентов экзамен. Я ему говорю: «Не проси, Борис Николаевич, я не вернусь к этим людям! Зачем я им насильно буду что-то втолковывать? Это бесполезно. Я буду мучиться, они будут мучиться». И я из этого негосударственного вуза ушел. У нас в секторе один молодой человек был. Он тогда писал диссертацию. Я ему говорю: «Хочешь (криминологию он не знал, он где-то изучал ее, но не в нашем вузе) читать криминологию?» Он отвечает: «Да». «Ну, читай», — говорю я ему. Как-то года 2 тому назад пришел он ко мне, я издал двухтомный курс мировой и российской криминологии, и рассказывает: «Вот я иду на лекцию, читаю ваш курс». «Деньги за это получаешь?» — спрашиваю. «Получаю», — отвечает. Ну, тогда хорошо. Вот и все. Так я расстался с преподаванием криминологии, которую я преподавал несколько лет на военно-юридическом факультете.

Лунеев В.В. (*После паузы*): Ну, предисловие закончилось, пойдете лучше в дом, посидим там, более предметно покалякаем. Вы слово «калякаем» знаете? Знаете, что оно обозначает? Я с Волги, со средней Волги, средний волжанин, у нас «покалякать» — это «поговорить». Пойдемте...

Дома

Лунеев В. В.: Я одинок. Супруга у меня ушла к Господу Богу 4 года, даже больше, тому назад. Я живу один, но рядом живет сын с семьей, с детьми. У меня есть внучка и внучок.

Витлинский М.: Ну что ж, начнем с вопросов?

Лунеев В.В.: Давайте.

Витлинский М.: Какой-то научной деятельностью вы сейчас занимаетесь?

Лунеев В.В.: (*Смеется*) Какой-то? Это хороший вопрос. Сразу настраивает на то, что «какой-то». Ну, конечно, «какой-то» занимаюсь! Мне 86 лет, я несколько раз поднимал вопрос о моем увольнении из Института государства и права, потом, может, мы дойдем до этого, и я скажу почему. Но пока меня уговаривают остаться, и я продолжаю заниматься научной работой. Вот и в этом году вышло несколько работ, вот так.

Витлинский М.: Хорошо, спасибо.

Малышев В.: А вот, что касается вашей профессиональной деятельности, как вообще вы оказались в военной юстиции? Почему вас это заинтересовало?

Лунеев В.В.: Ой, ребята, вы большой вопрос задали. Вон, возьми вон там книжечку с заглавием «Зачем живу?»

Малышев В.: Ага. (*Берет книгу с полки*)

Лунеев В. В.: Много лет тому назад у меня обнаружили рак, случайно. Я пришел получать справку для продолжения вождения автомобиля. Все члены комиссии справку подписали, а хирурга не было. Мне председатель комиссии говорит (это военная поликлиника была, в районе Вишняков она находилась, где я жил в свое время): «Слушайте, выйдите в коридор, попросите врача, которого там встретите, вам любой за хирурга подпишет. Руки и ноги у вас на месте, это чистая формальность». Я вышел. Стоит молодой человек, которого я не знал, примерно вот так же юно выглядел, как и вы. Я спрашиваю, вы — доктор? Да, — отвечает уверенно. Я говорю: «Вы мне не подпишите вот, справочку вот такую-то?» Вы понимаете, (я вам потом скажу, я к медицине имею отношение) хирург смотрит — руки, ноги действуют, значит, все нормально, он только за это отвечает. Молодой врач мне отвечает: «Да, подпишу, но у меня к вам есть вопрос». «Какой?» — спрашиваю. Он говорит: «Я получил аппарат УЗИ и хочу на вас его опробовать. После этого вашу справку подпишу». Ну, что делать? Привел он меня в кабинет, раздел меня догола и начал меня изучать. У меня не было в то время никаких болезненных симптомов. Правда, к этому времени я, еще будучи на военной службе в военной юстиции, получил инфаркт в 35 лет. Ну, это вроде бы прошло. Он, значит, посмотрел все и говорит: «Да, у вас положение тяжелое». «Что такое?» Оказывается, он обнаружил опухоль. Симптомов тогда я никаких не имел. И никогда бы к врачу не обратился, если бы не этот случай. Но вот он мне так сказал, и я, естественно, поехал на Большую Пироговскую улицу, в Девятый лечебно-диагностический центр Министерства обороны. Пришел туда, и меня быстро обследовали. Есть очень серьезная реакция крови ПСА (*PSA — это простатический специфический агент*, может быть, кто-то из вас знает, а если не знаете, то лучше знать, конечно, со временем), которая на самой ранней стадии дает возможность определить то болезненное состояние, которое свидетельствует о серьезных проблемах со здоровьем у человека. В нормальном состоянии показатель где-то 4. Мне сделали ПСА — у меня 20. Меня оставили в центре, а потом начали возить по госпиталям. Один, второй, третий. Я закончил в госпитале Бурденко, где была сделана операция. Потом было облучение, была химиотерапия и так далее. И вот все это время я находился в отделении, где лежали люди с диагнозом «*cancer*». (*Cancer, Blastoma, Bl., NEO, Nneoplazma, Tumor — термины, которыми обозначают злокачественную опухоль, как правило*

рак). Положение, соответственно, психологическое тяжелое было у всех, все страдают чем-то, у всех боли. Я почему-то не страдал, настроился как-то. Думаю, наверно, это уже конец. И, чтобы не остаться совсем безголосым и занять себя чем-то, я взял и начал писать воспоминания. У меня был интернет там, вот я написал тогда эту книжку «Зачем живу?». Это, правда, 2-ое издание у вас в руках, которое я подправил, когда выздоровел. Вот так я, говоря об этой книжке, хочу сказать: «В ней есть все». Поэтому, если у вас будет желание что-то узнать поглубже обо мне, прочтите ее. Я эту книжку вам дарю.

Малышев В.: Спасибо.

Лунеев В.В.: Когда будете ее читать, вы увидите... Я был беспощаден и к окружающим, и к себе, полагая, что это мой последний крик в этом бесшабашном мире, в котором мы живем. Но это было 20 лет тому назад. Все прошло нормально. Выжил я. Правда, были другие вещи, я и сейчас по госпиталям постоянно скитаюсь. Но вот такая ситуация. Поэтому все эти детали, как я пришел к военной юстиции, можно в книжке уточнить. Но все-таки я вынужден несколько слов сказать, хотя здесь, как я уже сказал, подробно все написано. Я жил на средней Волге, в селе Семеновское. Очень древнее село. Вот есть храм села Семеновского (*показывает фото*), видите? Почти Елоховский собор. (*Богоявленский кафедральный собор — православный храм в Москве*) И мастера, которые в селе у нас строили его, были из Москвы, те же самые, которые строили Елоховский собор. Это очень давнее село, имеющее свою историю, об этом я в книжке написал. Я даже к историку обращался, который изучал село подробно и профессионально. Ну, я в такое время жил... Была война. В 1942-ом году отца взяли на фронт, притом обманным путем. Отец мой был 1895-го года рождения. Он не должен был призываться, но ему в военкомате поставили, что он родился в 1905 году, на 10 лет омолодили. Жаловаться было бесполезно. Призвали его. Он попал тогда в самый тяжелый период 1942 года. Это был январь 1942-го года. Я его провожал. На всю жизнь запомнил, как это было. Помню дату — 24 января 1942 года. И через месяц он уже был на передовой линии под Можайском под Москвой. Гитлеровцы стояли под Москвой и не оставляли попыток захватить город. Это было тяжелое время. Отец где-то месяц побыл на войне и пропал без вести. Да... Тогда пропадали тысячи... У меня книги есть и об отце, и о других близких, родных. Книги памяти. Например, в нашем селе, огромном, где-то около 80 человек пропали без вести на войне — это

огромная цифра, огромное число людей. У меня есть дача недалеко от Москвы, под Можайском, в Рузском районе, — 20 километров, не доезжая до Можайска. И я, естественно, все искал, где папины косточки. Разговаривал с людьми, которые были в оккупации при немцах. Они говорят мне: «Да что вы, здесь были сплошные трупы! Вот лежит убитый солдат, мы раза два копнем, либо снегом, либо землей чуть прикроем и все!» Я пытался найти какие-то следы. Не нашел... Вот та ситуация, в которой я находился, значит, в 1942-ом году... Это мой сын (*Сын заглядывает в комнату, все здороваются*). (*Смеется*). Он — физик. Отказался быть и юристом, и военным. Сейчас ему уже 60. Вот, вся ситуация. Надо было что-то решать во время войны. Я попытался поступить в педагогическое училище в селе Порецкое Чувашии (это 11 км от нашего села). Не прошел по конкурсу. Тогда я на другой год поступил в медицинское училище. Закончил. Три года учился. Соответственно в 8, 9, 10 классе средней школы я, естественно, не учился. В то время с семилетним образованием принимали в техникумы и в училище. Закончил медицинское училище, год проработал помощником санитарного врача в одном из районов. Лечил очень тяжелых трахомных (*хроническая инфекционная болезнь*) больных. Ну, в общем, год проработал. И в это время я встретился с группой людей, которые представляли интеллигенцию Чувашии. В основном там все были русские — врачи, преподаватели и так далее. Я понял, что я полный невежда. Правда, я к этому времени начал писать стихи, но это не значит, что (*смеется*) мое образование было на нужном уровне. Ну, читал я Пушкина, конечно, Лермонтова всего и так далее. Вот так я оказался в этой ситуации и понял, что надо учиться. Я год готовился. Поскольку у меня было среднее медицинское образование, я готовился для поступления в медицинский вуз. Через год я поступил в Казанский медицинский институт. Но сразу начались проблемы. Жить негде и жить не на что. У меня единственная мама (вот она фотография в уголке, можете посмотреть, вот в левом уголке) 1900-го года рождения. Я попытался что-то сделать, побегал по Казани, чтобы устроиться фельдшером. Мне говорят, где ты живешь? Ну, где я жил? На лавках. Эмоционально не очень хорошо я тогда себя чувствовал. Вот. Короче говоря, мне не удалось устроиться на работу. В это время в наш институт пришли офицеры и стали уговаривать нас переводиться для продолжения обучения в только что открытое в Казани радиолокационное училище. Оно было засекреченное. Туда производился тщательный

отбор. Офицеры говорили студентам: «Кто желает — переходим к нам». Какой выход в этой ситуации у меня был? Там государственное обеспечение, здесь у меня нет даже жилья. Я ушел в училище. Правда, училище было радиолокационное, а я математику за 10 лет обучения не изучал. Когда я пришел в училище, там первые лекции были не просто по математике, а по высшей математике: интегралы, дифференцированные уравнения, аналитическая геометрия и так далее. Вот в этой ситуации я оказался. Но мне повезло так же, как повезло с врачом, который обнаружил у меня опухоль. Ваня Логиновский, будучи тоже в очень бедственном состоянии, бросил второй курс авиационного института и пошел в радиолокационное училище. Но этот человек знал математику! Я Ване говорю: «Ваня, поможешь мне?» И, надо сказать, что он мне помог. Я закончил училище по первому разряду и, в общем, я справился и с математикой, и с радиотехникой, радиолокацией и так далее, и так далее. Вот так я стал военным. Вот видите, приходится все подробно рассказывать. В то время войска ПВО в шутку расшифровывались: Пока поВоюем, после Отдохнем. Действовала Киевская противовоздушная армия, Бакинская ПВО, был и Московский округ ПВО. Я как перворазрядник имел право выбора. Я выбрал, конечно, Московский округ. И вот приехал я в радиолокационный полк, расположенный в городе Кубинка (там был радиопрожекторный полк, и они были объединены). Через некоторое время началось сокращение Вооруженных Сил. Люди служили, отдали лучшие годы своей жизни армии, а потом их начали сокращать беспощадно. Человек 19 лет прослужил, не имеет ни квартиры, ничего, а его увольняют без содержания, без пенсии, без квартиры, безо всего. Это беспощадное было время. Вот. Я начал думать, что делать. К этому времени станции ПВО, работу которых я обеспечивал, стояли от Бреста до Барановичей. Если кто Белоруссию знает, Брест — это западная часть Белоруссии, а Барановичи расположены по середине. 4 станции у меня стояли, мы ловили американские самолеты. Американские самолеты в то время летали на высоте 20-ти тысяч километров, наши самолеты имели потолок 18 тысяч. И мы единственные, кто мог с ними бороться. Мы их засекали радиолокатором и освещали мощнейшими прожекторами, и они «сваливались». Я сам в самолете в воздухе на такой высоте не бывал, но в Барановичах стояли две авиационные дивизии, в том числе бомбардировочная, и мне летчики говорили, что если попадаешь в перекрестье двух-трех лучей прожектора, то не знаешь, что делать,

то есть практически ничего не видишь. Там я проработал 2 года. Встретил там девушку. Мы поженились. Потом я приехал в Кубинку, а тут сокращение. Жили мы тогда в так называемом финском домике, общей площадью 10 кв. м, вот как, примерно, эта комната, где мы с вами находимся. С каждым из нас перед увольнением говорили. Я решил, не дожидаясь приказа, уволиться сам. Перед этим я, правда, приехал в Кунцево (Кунцево тогда не было Москвой), в Кунцевский радиотехнический завод, и сказал, что вот я такой такой-то, меня должны уволить, я могу у вас работать? Мне ответили — да. Ну, это меня порадовало. Поэтому, когда меня пригласили на беседу, я шел с желанием уволиться. Но поскольку у меня были некоторые успехи, это без хвастовства, действительно что-то было, полковник, который представлял отдел кадров Московского округа ПВО, решил, что я должен остаться служить. Я тогда сказал, что я готов уволиться и не буду служить. Он говорил со мной грубо и заявил: «Я тебя не уволю». Я видимо обнаглел и говорю: «Я знаю, что в армии без высшего образования делать нечего. Если вы мне пришлете разрешение на поступление в академию, я соглашусь остаться служить и готов поехать к новому месту службы, если нет — я прошу меня уволить. Вот так решилась моя судьба. Он очень позитивно, несмотря на свою, так сказать, грубость, мат сплошной, ко мне отнесся и назначил меня начальником отделения в авиационно-техническую базу в Хотилово. Если вы читали «Путешествие из Петербурга в Москву», там есть глава «Хотилово». Оно до сих пор не изменилось со времен, когда его описывал А.Н. Радищев. Меня туда перевели, а жить негде. Я снял частный домик. Я почему так подробно говорю, чтобы показать, как я стал юристом? У меня не было желания стать юристом, поэтому вынужден детализировать эти вещи. Вот так я устроился на работу, но через год я получил разрешение поступать в академию. Я рассчитывал, конечно, поступить в Харьковскую авиационную академию по моей специальности, а мне прислали возможность поступить в военно-политическую академию на военно-юридический факультет. Я с военной юстицией не был связан. Ну, где-то два раза я вел дознание, это все мое знание юстиции. Но это была единственная возможность получить высшее образование. Я год готовился. Поступил. Закончил я военно-политический факультет достаточно хорошо, не круглым отличником, но у меня было всего несколько четверок. В это время в стране родилась вторично криминология. Значит, криминология... Я немного от-

ступление сделаю. Криминология родилась в царской России, и, когда совершилась революция в 1917 году, до 1938-го года она развивалась и в советской России. Но потом все данные о преступности закрыли. Все стало засекречено. И юристы перешли на догматику, на которой живут и царствуют сейчас, не изучая реалии. Так получилось, что они не имели возможности изучения реалий в течение долгого времени. Они научились догматически доказывать, обосновывать и так далее. У меня много споров было в секторе. Я из сектора ушел из-за этого. Я не смог реформировать людей, чтобы они занимались хотя бы социологией уголовного права, уже не говоря о криминологии. Хотя секция называлась «Уголовное право и Криминология»... После окончания военно-юридического факультета я пошел на следственную работу. Восемь лет я проработал следователем. Доработался до старшего следователя по особо важным делам Приволжского военного округа. Побывал во многих местах. Служил в поселке Домбаровский, обслуживал строительство ракетных площадок. Там 30 ракетных площадок построено, до сих пор они действуют. Я однажды недавно услышал, что боевую ракету выпустили с Домбаровского аэродрома. Это тот самый полигон, на котором военные строители построили 30 площадок. Было 80 тысяч военных строителей, которые зимой и летом жили в палатках. Я, как военный юрист, представлял военную прокуратуру и обслуживал строительство этого стратегического объекта. Потом в других местах служил, в Куйбышеве работал, ныне Самара, и так далее. Вернусь к криминологии. В это время возродилась криминология. И в это же самое время на военно-юридическом факультете я встретился с Владимиром Николаевичем Кудрявцевым. Я взялся изучать по собственному желанию в рамках курсовой работы причины преступности в СССР. Можете себе представить? Студент 2-го курса военно-юридического факультета причины преступности в СССР решил изучать! Ну, это, в общем-то, с точки зрения здравого смысла — здорово, конечно, было. (Улыбается). Вот. Я написал работу, и работа досталась В.Н. Кудрявцеву. В.Н. Кудрявцев прочитал работу и засчитал мне курсовую работу как доклад. Потом он мне сказал: «Вот, в Военно-политической академии готовится конференция. Я тебе предлагаю выступить на этой конференции по причинам преступности в Вооруженных силах. Причем к этому времени В.Н. Кудрявцев перешел работать в военную коллегию Верховного Суда (военно-юридический факультет сокращался), и он мне разрешил по-

знакомиться с соответствующими реальными данными о преступности. Так я в академии выступал с докладом. В общем, после этого мой доклад был напечатан в газете. Бог с ним, не будем об этом хвастаться. Вот так я пришел в юстицию, и в криминологию. Будучи военным следователем, я продолжал очень много внимания уделять криминологии. Вы знаете, в советское время каждое издательство издавало книжку или что там, как это называлось, я уж не помню, какие книги они в этом году издадут. И это продавалось. Я покупал это и писал в издательство, чтобы мне прислали налогом платёжом книги. Будучи человеком невнимательным, я писал «налогом» платёжом. Там, наверное, смеялись, но книги мне регулярно присылали. В то время я очень много книг, конечно, перечитал. Все, что выходило. Криминология в это время поднималась. Был организован Институт Прокуратуры по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Мы в то время его называли «институт с длинным названием». Я соискателем пристроился в этот институт. Вот так я пришел в криминологию. К сожалению, В.Н. Кудрявцев не стал моим руководителем, хотя должен был быть. Но он незадолго до этого ушел в ИГПАН. С Владимиром Николаевичем мы до последних его дней поддерживали дружеские отношения. За два дня до его смерти последняя встреча у меня была с ним. В.Н. Кудрявцев дал мне научного руководителя — заместителя главного военного прокурора. Он был кандидатом наук. Я писал о мотивации воинских преступлений, а его научная работа была посвящена мотивации государственных преступлений и антигосударственных преступлений. Я думаю, что В.Н. Кудрявцев полагал, что этот заместитель главного военного прокурора сможет вытащить меня из Домбаровской дыры. Поселок Домбаровский находится рядом с Челябинском, Казахстаном, в Оренбургской области, то есть это самая настоящая дыра. Но неожиданно заместителя главного военного прокурора назначили заместителем министра внутренних дел по следствию. Я с ним лично не был знаком. Его звали Б.А. Викторов, он был генералом-лейтенантом. Я ему послал письмо, что вы сейчас на государственной работе, не до меня вам будет. Он ответил, что он хочет остаться моим научным руководителем. Я написал первый вариант диссертации, послал ему, в двух томах, это тоже, так сказать, свидетельствовало о моем юношеском максимализме. Он отослал мою работу в Институт Прокуратуры, в сектор, который возглавлял Алексей Адольфович Герцензон (*А.А. Герцензон — из-*

вестный советский правовед, один из тех, кто возродил советскую криминологию, ученик знаменитого российского и советского правоведа Михаила Николаевича Гернета). Там ее обсудили и приняли к защите, дав мне задание что-то доработать. Тогда я приехал и первый раз встретился с моим научным руководителем, причем мы встретились в Министерстве внутренних дел. Его помощь была очень важной. Он дал мне позитивный отзыв, но сказал: «Слушай, я не помню, о чем ты писал, но, когда я читал, мне нравилось». Но помощь с его стороны была. Конечно, на защите он не был, но после защиты был банкет в ресторане Прага, я ему позвонил, и он пришел. Там было у меня 5 генералов. Вот так я пришел в эту военную юстицию и криминологию. Сказать о том, что я с детства мечтал об этом – нет. Но когда я учился в академии на 2-ом курсе, когда криминология стала у нас подниматься и образовался Институт Прокуратуры, очень много стало инициативных людей, и я попал в это течение с очень многими моими коллегами, с которыми мы вместе занимались криминологическими исследованиями. После защиты диссертации меня приказом министра обороны сразу назначили преподавателем криминологии на военно-юридический факультет, который я сам заканчивал. Я начинал там военную криминологию, потом я ушел, остался мой ученик Сережа Иншаков и другие ребята. *(Сергей Михайлович Иншаков, д.ю.н., профессор, известный российский криминолог, много времени посвятивший исследованию латентной преступности).* Вот так. Прослужил я 30 лет в Вооруженных Силах, после чего уволился. С В.Н. Кудрявцевым у нас были все время самые серьезные деловые и дружеские связи. Как-то пришел в институт к нему и говорю: «Мне надоела «солдафонщина». Он говорит: «Приходи ко мне». Уволился, кстати, я в 1989-ом году, а в 1990-ом году начался очередной разгон офицеров из армии. Начали выгонять всех. Мне люди говорили, как ты успел сам уволиться? За год до начала всех этих событий сумел хлопнуть дверью? А нас вот, выгоняют. 30 лет я работаю в Институте государства и права. Был главным научным сотрудником, заведующим сектором, директором российско-американского центра по изучению организованной преступности, терроризма и коррупции (около восьми лет). Вот вся моя научная биография. Простите, что я, как старикам свойственно рассказывать, подробно обо всем говорю, но я вынужден так рассказывать, чтобы вы поняли меня. Притом я могу вам сказать, что я был всегда беспощаден в научном плане и к себе,

и к людям, которые работали со мной. Я не могу сказать, что это очень хорошо, но я считал, что должен был поступать именно так. Вот, я ввел вас в курс дела и готов ответить на ваши вопросы.

Акуленко К.: У меня есть вопрос. Можно?

Лунеев В.В.: Пожалуйста.

Акуленко К.: Скажите, пожалуйста, а почему вы решили покинуть практику, и, когда вы перешли к научной деятельности, не было ли у вас желания вернуться на работу в правоохранительные органы?

Лунеев В.В.: Нет, у меня желания не было. Больше того, меня выдвигали на высокие должности. Даже две генеральские должности предлагали, но я не пошел в силу ряда причин. И правильно сделал – там ничего хорошего я бы не получил. Но дело в чем, я к науке-то приспособился еще на 2-ом курсе слушателем, и я очень много всего изучил... Я вам свою библиотеку покажу. Вот этот шкаф, который позади вас, в нем полностью находятся мои статьи и работы сверху донизу. В другом шкафу – другие книги, справочные и т.д., а потом я вам покажу библиотеку, где у меня энциклопедии, художественная литература и книги по искусству... Вообще библиотека у меня очень большая. Я даже некоторые книги выбрасываю последнее время, поскольку те книги, которые были когда-то нужны, устарели, да и мне вообще их некуда девать. Я вам в конце нашего разговора покажу, у меня даже в коридоре целая полка книг. Некуда больше книги ставить. Вот такая ситуация... Возвращаюсь к вашему вопросу. Итак, я увлекся в академии криминологией. Меня это интересовало. И я вам скажу, когда я заканчивал обучение, хотя у нас криминология не преподавалась в то время, но я о ней слышал, естественно, так вот, когда я заканчивал военно-юридический факультет, я практически к этому времени знал почти всю криминологическую литературу, которая была в библиотеке имени В.И. Ленина, поскольку я этим очень интересовался. Даже когда я работал на следственно-прокурорской работе, я криминологию очень сильно использовал в моей практической деятельности. В книжке об этом все написано. Я очень много людей обособанно освобождал от уголовной ответственности. Меня прокурор округа вызывал и говорил, ты почему передаешь обвиняемого то на поруки, то еще куда-то? Я ему отвечаю, что считаю, что этого человека судить не следует, он и так понес наказание, и говорю ему, товарищ генерал, у вас есть право отменить мое постановление и передать дело другому. Да... У нас был с ним такой разговор. Он в молодости писал диссертацию, но

не защитил ее и отомстил мне, назначив меня на очень высокую должность с переводом в Сибирь. А я в Куйбышеве писал диссертацию на материале Приволжского военного округа. И я ему сказал, что я никуда не поеду. Он говорит мне: «Ты уже 4 года работаешь следователем, страшим следователем и так далее, тебе надо расти!» Вроде так по-доброму. Но в душе его доброты не было, это мне было ясно. Тогда он написал в Главную военную прокуратуру главному военному прокурору, с которым мы были в очень хороших отношениях потом (*Горный Артем Григорьевич был главным военным прокурором в 1957–1986 годах*), что, вот, предлагаю на должность такого-то, там, в Сибири, вакансия прокурора, а он (то есть – я) отказывается. Я приехал в Москву без его разрешения, пришел к В.Н. Кудрявцеву в институт прокуратуры и спрашиваю, что мне делать? Я у вас числюсь соискателем, а меня отправляют в Сибирь, и я не смогу закончить диссертацию. Он при мне написал записку А.Г. Горному, потому что с Горным он был знаком, что «прошу его оставить до защиты диссертации». Я пришел к А.Г. Горному, ныне покойному (с ним мы в очень хороших отношениях потом, как я сказал, были, я писал книжки, он был моим редактором), и он мне говорит: «Иди, работай, я тебя не трону». Когда я вернулся в Приволжский военный округ с таким ответом от Главного военного прокурора, то Орлов, прокурор округа, назначил меня в поселок Домбаровский помощником прокурора, вот в эту самую, значит, дыру, на строительство ракетных площадок. Он мне так отомстил. Я ему говорю, оставьте меня на один год на службе в Куйбышеве, и потом я поеду сам, куда прикажете. Он мне в ответ: «Я тебе даю 5 дней!» И я за 5 дней уехал. А что такое поселок Домбаровский? Вы плохо представляете себе, что это такое. Это – Оренбургская область, дальше село. Дальше – поле, Казахстан, степь. Летом там пыль на зубах все время, песок. Зимой лютые морозы. Там работали солдаты, военные строители, и общими усилиями в очень тяжелых условиях мы построили тридцать площадок для пуска ракет. Я сам лично не строил, конечно, но я взрывными работами тоже занимался. Во всяком случае, какое-то непосредственное участие в строительстве принимал. Там воровство было страшное! Вы можете себе представить – лучшие бетонные и прочие изделия, краски – все лежало в поле, и «инициативных» солдат, сержантов и офицеров было очень много. Они эти краски, трубы и другие строительные материалы возили в Челябинск, в Оренбург, в Казахстан и там продавали. У меня в производстве было такое «трубное дело». Ки-

лометры труб были украдены и проданы ликероводочному заводу. Директор ликероводочного завода купил эти нержавеющие ворованные трубы и весь завод свой перестроил. Я пришел к нему, когда следствие вел, и говорю: «Слушайте, я же вас в тюрьму посажу!» Он отвечает: «Я же не себе, я стране даю на тридцать миллионов рублей водки, а у меня без этих труб все гниет!» Он показал мне весь завод, где нержавеющие трубы, тоже показал, а потом привел меня в кабинет и говорит: «Водочки не хотите?» Я его не стал привлекать к уголовной ответственности, потому что у него корыстной цели не было, вот такая ситуация... Прокурор Орлов на мне таким образом отыгрался. Правда, судьба с ним довольно круто обошлась. Через три года он погиб в самолете от собственной мочи. Понимаете, у него почки отказали прямо в самолете, и он умер. Злой был человек. Наверное, его обижало, что я пишу диссертацию, а он в свое время не смог защититься. Я его раздражал этим, наверное.

Мацкевич И.М.: Ваша кандидатская диссертация была засекречена?

Лунеев В.В.: Да, засекречена.

Мацкевич И.М.: А сейчас?

Лунеев В.В.: Нет, она уже рассекречена. Больше того, в журнале «Российский криминологический взгляд» опубликована и моя кандидатская, и моя докторская, все это есть в открытом доступе. Я защищал в Институте прокуратуры кандидатскую диссертацию, она была секретная, а докторскую, совершенно секретную, я защищал в Академии МВД, потому что негде было больше защищать, там секретные сведения были. При защите кандидатской диссертации у меня были оппонентами Стручков Николай Алексеевич, очень известный человек, очень добрый, и Максимов Сергей Сергеевич, он был кандидатом наук и председателем в Управлении Военных Трибуналов. Можете себе представить? Майор юстиции приехал из тьмутаракани, (*Тмутараканское княжество — древнерусское княжество, существовавшее в X–XII веках на Таманском полуострове с центром в городе Тмутаракань*) из Домбаровского поселка в Институт прокуратуры. Меня С.С. Максимов спрашивает: «Волнуешься?» Я ему отвечаю: «Очень, Сергей Сергеевич». Он в ответ: «Я тебе дам таблеточку, ты волноваться не будешь». И он мне дал таблеточку, элениум, как я потом понял. Я выпил, и мне стало все «до лампочки», но самое главное, я потерял ориентацию. Когда я выступил с докладом, мне стали задавать вопросы. Задаёт вопрос В.Н. Кудрявцев. Я думаю, как я сейчас хорошо отвечу, и вдруг понимаю, что я забыл вопрос. Можете

себе представить, какая ситуация? Я стоял, думал, как мне сказать, что я не могу ответить? Это будет провал. Сказать, что я забыл вопрос? Это вообще смех будет. Я был в трансе настоящем, но как-то Всевышний мне помог. Ну, в общем, я вышел из положения.

Мацкевич И.М.: Как глобализация сегодня влияет на преступность, с Вашей точки зрения?

Лунеев В.В.: Я об этом написал книгу «Преступность XX века». Ну, я вам вот что скажу, я работаю в институте догматическом. Я когда-то был старшим научным сотрудником, потом заведующим сектором. Долгое время работал с американцами. Мы выдали около шестидесяти грантов в самое голодное время российским ученым, и я вам могу сказать, что поскольку должна быть аналитическая работа, не догматическая, из нашего института в этих грантах смогли принять участие только два человека. И то только под моим напором, из моего же сектора ребята были. Я буквально заставил их работать. А все остальные ученые были из Поволжья и из Сибири были. И представили вот такие отличные аналитические работы (*Показывает большой палец вверх*). Было объявлено, что догматические работы, строго юридические, уголовно-правовые, не принимаются, только реалии, изучение реалий, тенденции, прогнозы, закономерности и так далее. Ольга Дубовик, она из нашего института, писала такие работы, больше никто не мог, хотя гранты сначала были по три тысячи долларов США. (*Дубовик Ольга Леонидовна — главный научный сотрудник сектора эколого-правовых исследований ИГП РАН, доктор юридических наук, профессор*). Владимир Николаевич Кудрявцев получил такой грант, и еще были три человека, которые получили такие огромные по тем временам деньги. Потом я подумал, что это слишком много, и мы договорились с американцами, что будем делать самый большой грант в полторы тысячи долларов США, а малый грант для студентов и аспирантов — пятьсот долларов. Студентов, получивших гранты, было очень много — из Сибири, с Волги. Кстати из Москвы не было никого. Я хочу сказать, что юристы в Москве, в том числе и в нашем институте — это люди, которые буквально занимаются только тем, что есть, например, статья пятая пункт пятый, к ней можно добавить еще пункт шестой — вот чем занимается Институт государства и права. Там 20 секторов сидят на догматике, институт в котором я работаю, за тридцать лет ни разу не получал никаких данных статистических. Я все получал самостоятельно, работая над книгой «Преступность XX века». Я сотрудничал и с МВД, и с ГИАЦ (*Главный*

информационно-аналитический центр МВД РФ). Я участвовал в их работе, помогал им с точки зрения статистики и социологии, и в ответ я получал все материалы, которые они только могли мне дать. Они мне материалы с электронной машины присылали. До сих пор есть люди, с которыми я сотрудничаю в этом направлении, работаю с ними и им помогаю. А они помогают мне. Я обеспечивал сектор всем необходимым статистическим материалом, но никому это не надо было. На основании всех собранных данных я попытался написать четырехтомник о преступности, но не получилось, так как издательство, с которым я сотрудничал, «рухнуло». Я обеспечивал буквально всех статистической информацией, а сейчас институт ничего не получает. Используют только то, что берут из радио, телевидения, газет или откуда-нибудь еще. Системы сбора данных никакой не было и нет. Я даже изучал политическую преступность в Советском Союзе и полмесяца сидел в архивах КГБ. Ко мне был приставлен капитан, который давал мне то небольшое, что ему позволяли. Некоторые вещи я просил дополнительно, а он мне не давал, но о политической преступности я все же что-то написал (*«Преступность XX века»*). Когда было издано второе, а фактически третье издание, у меня появилось желание встретиться с Хуан Даосю, китайкой, которая в совершенстве знает русский язык, очень много переводила юридической литературы с русского на китайский язык. (*Хуан Даосю награждена Орденом Дружбы народов Указом Президента РФ*.) Когда мы с ней поговорили, она предложила перевести книгу «Преступность XX века» на китайский язык. В это время я разругался с издательством Волтер Клувер, оно Нидерландское было. Мне от них нужна была справка, что они разрешат переиздать мою книгу на китайском языке, они мне ее не дали. Был суд, но не в мою пользу. В это время случилась какая-то беда и издательство «рухнуло». Представители издательства не смогли продать несколько сот книг, и они просто отдали их мне. Я раздал эти книги самым разным организациям и ведомствам, в МГЮА, кстати, тоже отдал. (*Издательство Wolters Kluwer, правда под несколько другим названием, судя по сайту, продолжает свою деятельность на территории России*). Так что, возвращаясь к теме, хочу сказать, что я обеспечивал статистикой весь свой сектор. Очень толковые ребята там были и есть сейчас, но многие из них не хотят и не желают работать с аналитическим материалом. Были такие, которые на дух не терпели никакой статистики. Но ведь реалии изучаются по закономерностям, тенденциям, длинно, долго, всеохват-

но, с прогнозом. Только тогда они принесут какую-то пользу. Я не бросал сектор, пока был директором российско-американского центра, было как-то негоже, у меня с американцами были хорошие отношения, в частности, с Министерством юстиций США. Но ситуация сложилась таким образом, что статистикой до сих пор всерьез никто не занимается. И тогда не хотели заниматься. Я буквально заставлял насильно изучать статистику, поэтому, в конце концов, стал для многих, что называется, «персоной нон грата». Я много статей написал на эту тему: **наука начинается с измерения**, с изучения реалий! Этому придерживались такие известные ученые, как Карл Маркс, Поль Лафарг (*зять Маркса*). Даже в Древней Руси была всем известная поговорка — семь раз отмерь, один отрежь! А чем сейчас занимается юриспруденция? Созданием нового законодательства, изменениями старого без учета того, как это отразится на жизни реальных людей! То же самое происходит и с нашим Уголовным кодексом сейчас. Можете себе представить, например, что у нас осужденных было больше, чем в США! А США — это преступная страна, я это хорошо знаю, так как сотрудничал с их Министерством юстиции. По их расчетам у них совершалось 12 млн. преступлений в год, а по составленному мной отчету, который я направил человеку, издающему единый отчет о преступности в США, — 40 млн. преступлений. У них закреплено только 12 видов преступлений, которые обязательны для учета, еще два они добавили под нажимом ООН. (*Так называемые индексные преступления*). Несмотря на это, у нас осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы, было больше, чем у них! Правда, сейчас — намного меньше. Думаете, здесь криминологи поработали на славу? Ничего подобного! Тут поработали догматики, которые превратили огромное число преступлений в административные правонарушения, а последние несут в себе несправедливость! Там же нет науки соответствующей, а права и свободы человека абсолютно не защищены. Административной юрисдикцией (*правом наложения административных наказаний*) обладают тысячи человек, многие из которых не имеют юридического образования. Вроде бы все гуманно получается, лишение свободы заменяется штрафами, но это заблуждение. Самая главная причина распространения преступности — это безнаказанность. Даже на телевидении передачи и фильмы, произведения современной литературы сплошь содержат информацию о том, как избежать уголовной ответственности за совершение преступления. Поэтому хороший криминолог

всегда должен начинать с математики, с социологии, со статистики. Приведу вам яркий пример из практики. Я изучал работу 16 министров МВД СССР и РФ. Когда министр приходит на свою должность, преступность начинает расти, он объективирует реалии, не неся за это ответственности, которая лежит на ушедшем министре. Проходит год, и преступность начинает сокращаться! И так было с каждым министром! Другой пример. У нас народ подает около 27–30 млн. заявлений о совершенных преступлениях и правонарушениях. Из них уголовных дел возбуждается только около 2 млн., расследуется только около 50% от этих дел, а до суда доходит примерно 4% от реальных правонарушений и преступлений, о которых было сообщено. То есть важен еще такой параметр, как объективность статистики. Еще один пример. Я изучал убийства (в России) с 2001 по 2010 год и опубликовал статистику о людях, пропавших без вести, а их пропадают миллионы. Помимо просто пропавших без вести, есть также статистика по неопознанным трупам. Так вот за это десятилетие было найдено около миллиона неопознанных трупов, то есть в среднем до ста тысяч неопознанных трупов ежегодно. После моих исследований, я узнал в ГИАЦ, что была дана команда «сверху» не публиковать больше данные о без вести пропавших людях. Мною, конечно, не было доказано, что сто тысяч убивают ежегодно, это средний показатель. Но куда делся один миллион человек? Неизвестно! Расследования по этому поводу не проводятся, все брошено на самотек. Но тело пропавшего человека, если он погиб, разлагается. Ведь кости нельзя будет идентифицировать. Это очень тяжелая ситуация. Мы же не можем проводить идентификацию по ДНК всех! Нет такой возможности. А что делается в местах лишения свободы? Человека только поставили руководить этим важнейшим ведомством, а он уже научился делать ложные браслеты. (*Бывший руководитель ФСИН А.А. Реймер обвиняется в хищениях на более чем 2 млрд рублей*)

Мацкевич И.М.: Виктор Васильевич, что касается статистики, сейчас ее ведение передают в Генеральную Прокуратуру. Там даже создали целое управление, были внесены изменения в закон о прокуратуре в 2011 году. К Вам не обращались из прокуратуры?

Лунеев В.В.: Я с ними сотрудничаю. Но я сразу сказал, что если перейдет статистика из МВД в Генеральную Прокуратуру, то будет еще хуже, потому что там тоже мошенничают со статистикой. Со статистикой сейчас весь мир мошенничает! В Американской статистике тоже есть фальшь,

с которой я знаком. Есть только две книжки за авторством бывшего Министра юстиции США Р. Кларка, в которых честно написано о причинах преступности. Взять ту же Великобританию. Как вы знаете, там нет уголовного кодекса, но там есть официальная статистика, а кроме того, они два раза в год опрашивают население. Есть такая служба British Crime Survey, которая издает книгу с результатами этих опросов. В соответствии с этими данными уровень преступности в стране в четыре раза выше, чем по официальным данным. Но англичане хотя бы знают, что правительство лжет, этот статистический сборник ежегодно публикуется. У нас же такого нет. Когда кто-то обращается в полицию, те в первую очередь стараются, чтоб «дело не дошло до дела». Вот и все. Любыми путями! Я не раз сталкивался с этим, но не будем об этом говорить, вы все и сами про это знаете. Есть еще вопросы? Вы простите, преподаватель еще живет во мне, и поэтому я захватил инициативу в свои руки, на какие-то вопросы, возможно неважные, стараюсь более подробно ответить. Вот у вас, если есть вопросы — пожалуйста.

Малышев В.: Мы в рамках наших проектов изучали домашнее насилие. Хотелось бы узнать ваше мнение по данному вопросу. Как с ним бороться? Оно имеет значительное распространение в России с учетом различных исторических и прочих предпосылок.

Лунеев В.В.: Вы не женаты?

Малышев В.: Нет.

Лунеев В.В.: Ну, когда женитесь, тогда узнаете, как возникает семейное насилие.

Малышев В.: И все-таки, как с ним бороться, ведь иногда это доходит до ужасных крайностей, в результате которых люди получают увечья?

Лунеев В.В.: Как с обычным преступлением.

Малышев В.: Но что делать в случаях бездействия полиции?

Лунеев В.В.: Это уже совершенно другой вопрос. Не как бороться, а что делать с нашей полицией. Я вам уже говорил про то, что у нас было 16 министров МВД, и все они ввали. Даже сейчас пишут, что преступность в прошлом году сократилась на 6%, а я спрашиваю, на каком основании? Закон о профилактике был принят только в 2016 году, а других мер по профилактике не применялось. А преступность сократилась! Если мы с вами посмотрим статистическую кривую преступности, то она всегда сокращается при действующем министре. Как тут действовать? Надо, чтобы право действовало! Все свалить на милицию (полицию), но это будет огромное количество дел.

Как тогда обеспечить исполнение наказания? Ведь если народ понимает, что преступление не проходит бесследно, он начинает по-другому думать. Сейчас же вы можете выйти, избить кого-нибудь, а все обернется для вас всего лишь штрафом. Только второй раз, если вы совершите подобное в течение трех ближайших лет, то, может, с вами и поговорят по-серьезному. **Наказание должно быть таким же необратимым, как смерть!!!** Если уж совершил преступление, то неси ответственность. Я не выступаю за то, чтобы всех судить, однако сейчас все приходит к тому, что только выписывают штрафы за совершенные правонарушения — штрафная политика. В Советском Союзе не было штрафов в таких больших объемах в виде наказания. Они, конечно, были, но не в таком плане, как сейчас. Считалось, что богатый человек рассчитается, а бедный пойдет в тюрьму. Прямо по теореме одного знаменитого человека: «украл булку — в тюрьму, а железную дорогу — сенатором будешь». (*«Если ты украдешь булку, то сядешь в тюрьму. Если ты украдешь железную дорогу, то станешь сенатором» — Марк Твен*). И такие сенаторы у нас есть, вот ситуация какая. Считается, что при опубликовании статистики доходов должностных лиц ситуация со временем улучшится... Вы поймите, ведь у нас различия между бедностью и богатством невообразимые. Один греческий философ говорил, что различия должны быть 1/4, если больше, то могут быть социальные недоразумения. (*Платон: «Наличие в обществе богатых и бедных разрушает общественные связи, порождая внутри общества антагонизм»*). Но у нас же различие достигает сотен раз. Помните по телевизору передавали, Карина Багдасарова совершает правонарушение, а ее, значит, все заставляют писать какие-то оправдательные бумажки и все такое. И каждый человек начинает думать, раз ее не привлекли к ответственности, тогда почему меня должны привлекать? Каждый знает, что есть возможность увильнуть от ответственности. И вы хотите бороться с преступностью таким образом? Есть два пути: уголовно-правовая борьба с преступностью и криминологическая, когда устраняется причина. Но равенство мы не можем ввести. В нашей стране не может быть социально-экономического равенства, понимаете, не может быть, но **правовое равенство должно быть!** Например, один из кандидатов в президенты Франции использовал свое должностное положение для того, чтобы люди работали на него, чтобы он стал президентом. По окончании двух сроков и истечения иммунитета на неприкосновенность, его осудили на два года, и он заплатил крупный денежный штраф. И он сам готов был по-

нести за допущенные нарушения ответственность, быть наравне со всеми. *(Бывший Президент Франции Жак Ширак был приговорен судом к 2 годам лишения свободы условно, осужден за то, что, когда он был мэром Парижа, он создал 28 фиктивных рабочих мест)*. Вы приведете пример такого в нашей стране? А у нас огромное число людей бедствует. У нас, по данным Академии наук, 30 миллионов беднейших людей еле-еле сводят концы с концами. У них на хлеб денег нет. И вместе с этим, какие-то 10% населения владеют практически всей собственностью в стране. Существует основная социально-экономическая причина преступности, которая кроется в социально экономическом неравенстве. Но люди чувствуют несправедливость не только из-за этого. «Почему все воруют, а я голодный?» — думают они. Но вы ведь думающий человек, и если у вас оказалась какая-то возможность, почему бы ей не воспользоваться и не заработать? Вы эту возможность используете, но потом попадаетесь. Но у вас денег нет, и вы, как говорили раньше, пошли по этапам. Разве это борьба с преступностью? Разве это воспитает людей в уважении к уголовному закону? А что с уголовным кодексом творится? Ведь это же с ума можно сойти! Кодекс 1996 года, в который внесли более 2000 изменений и дополнений на 150 статей. Я, когда начиналось обсуждение новых законов, очень активно участвовал в работе Государственной Думы. Был в советах по коррупции и так далее, полагая, что это принесет пользу. Потом понял, что пользы никакой нет. Знаете Н.Д. Ковалева, который был директором ФСБ, а сейчас — депутат Государственной Думы? Когда он стал депутатом, я был в комиссии по борьбе с коррупцией в Думе. А он был председателем этой комиссии. Он собрал нас и говорит: «Нас ругают американцы, что мы не боремся с коррупцией. Надо что-то придумать, издать какой-то закон». Он сказал, что в разговоре с Президентом было тоже сказано, что надо реагировать. Я спросил Н.Д. Ковалева: «Это стратегия или тактика?» Будучи разумным человеком, он не ответил. Потому что сказать «тактика» — позорно, а сказать «стратегия» — ложь. Он промолчал. Я отказался работать там после этого. Николай Дмитриевич ко мне претензий не имел, мы с ним до сих пор здороваемся. Через недели две или три в Российской газете появилась статья о коррупции, где основная мысль такая: чиновники должны быть честными. Вы понимаете ситуацию? Они сами понимают, что они должны быть честными, и, в принципе, понимают порочность собственных действий... Да-а! Вот ситуация какая, дорогие мои.

Акуленко К.: Как известно, работа в правоохранительных органах отличается особой напря-

женностью. Существуют ли особые требования к сотрудникам военной прокуратуры? Какова специфика данной профессии?

Лунеев В.В.: Я понимаю ваш вопрос. Восемь лет проработав в военной прокуратуре, я получил всего одно частное определение из суда — я арестовал человека и должен был в течение десяти дней предъявить ему обвинение. А я был болен или задержался где-то из-за выполнения других следственных действий, и так вышло, что я на день или на два опоздал. В советское время, в то время, когда я работал, как бы это время сейчас не ругали, был очень строгий контроль. Больше того, в борьбе с преступностью участвовала общественность: товарищеские суды, передача людей, совершивших правонарушения, на поруки и так далее. Иногда это были такие житейские случаи, что только это и выручало. Был случай, когда солдату из Одессы, служившему под Самарой, пришло письмо от жены: «Я с тобой больше жить не буду, буду жить с Петькой, с которым жила раньше». Солдат стал пить, написал рапорт, в котором просил перевести его в железнодорожные войска в Одесской области, аргументируя это желанием сохранить семью. Его рапорт не удовлетворили, пить он не перестал. Его начали сажать на гауптвахту за нарушения, и однажды он взял нож и пришел к командиру роты для расправы. Спасло только то, что другие солдаты его схватили. Я расследовал это дело и прекратил его, потому что выходило так, что командир роты сам спровоцировал этого солдата на противоправные действия против себя. Офицеры, узнавшие об этом случае, написали письмо Н.С. Хрущеву (*Н.С. Хрущев — руководитель Советского Союза в 1953–1964 годах*), в котором доложили, что я освободил от уголовной ответственности покушавшегося на убийство командира человека. Ну, ничем это не кончилось, так и осталось... Вот как понимался этот вопрос. Самое главное — люди должны быть порядочными. Сегодня я смотрю телевизор и вижу, что полиция — сплошные преступники. Ну кто же ей поверит тогда? Может быть, здесь есть преувеличение, статистических данных у меня нет, но предполагаю, что они существуют. И как же быть? Должен быть отбор, но и отбора нет! Сокращение штата в правоохранительных органах, недостаток средств, сил, да и страна находится в бедственном положении, хотя многие и заявляют, что все отлично. Но это не так! Как люди живут, которые получают пенсию четыре тысячи рублей? Больше того, вы знаете Грефа? (*Г.О. Греф был министром экономического развития и торговли, в настоящее время — председатель правления Сбербанка России*). Он немец, жил в Казахстане. В начале 1990-х учился где-то там, потом переехал в Ле-

нинград и поступил в Санкт-Петербургский государственный университет на юридический факультет (*в аспирантуру*). Через некоторое время закончил его, стал юристом, но работал в мэрии, где работал Анатолий Собчак. Вы знаете, кстати, как погиб А.А. Собчак? Есть книжка, но по памяти не вспомню, кто автор, (*О. Лурье «Украденная Россия»*) в которой говорится в том числе про Собчака, где автор книги показывает, как Собчак проворовался. Тогда против него возбудили уголовное дело. Б.Н. Ельцин на него был, скажем так, нацелен. Что ему оставалось делать? Он (Собчак) сбежал в багажнике автомобиля Ростроповича (*М.Л. Ростропович — знаменитый виолончелист*) в Финляндию. Из Финляндии он перелетел во Францию, аргументируя это проблемами с сердцем. Вдруг, власть в России сменилась, и Владимир Владимирович назначил его руководителем избирательной компании в Калининграде, где немцы оставили очень хороший санаторий (я в нем как-то отдыхал, севернее Калининграда). Он там лечился. В один прекрасный день по коридору бежит женщина в negligje, кричащая дурным голосом. Выяснилось, что Собчак умер, приняв ударную дозу соответствующих лекарств и алкоголя. Сердце не выдержало. Возбуждено было уголовное дело. Один журналист общался с патологоанатомом, который проводил вскрытие. Врач подтвердил, что инсульта никакого не было, был инфаркт, причем один инфаркт, последний, который и привел к смерти. Вывод: Собчак убежал не лечить сердце, а от преследования. Журналист прямо пишет, что он, прежде чем опубликовать данную книгу, спросил у супруги Собчака разрешения, ведь супруг вел себя не вполне подобающе. Она ему ответила: «Мы вообще свободно вели себя». Но вся эта история не помешала ей быть избранной в члены Совета Федерации. За какие заслуги? А Собчаку поставили памятник. Был случай, когда наши войска оттесняли в Грузии в центре Тбилиси толпу протестующих, может быть, вы это помните. Тогда было задавлено 16 человек. (*Разгон митинга оппозиции в ночь на 9 апреля 1989 года начался после попыток протестующих захватить автомобили для сооружения баррикад и нападения на милиционеров. Погибло 16 человек и еще 2 скончались в больнице*). Собчака послали туда по его желанию расследовать это дело. Он сообщил, что 16 человек были изрублены солдатскими лопатками. Я читал уголовное дело. Там была только одна лопатка у одного солдата. У остальных ничего, кроме резиновых дубинок, не было. Митингующие сами себя подавили, ведь были беспорядки, и произошел хаос. Может быть, военные тоже что-то делали противоправное, но в уголовном деле я этого не видел. Мы разругались с Гру-

зией именно на этом основании и до сих пор не можем помириться. Собчак четыре раза защищал докторскую диссертацию и только в нашем институте защитил, с большим трудом прошел ВАК. Это болтун, но с хорошо подвешенным языком. Вот какая ситуация! У него работали многие члены нынешнего правительства. Была такая дама, которая писала о том, чем занимался Собчак. Как он распродавал достояние Ленинграда. И где эти деньги, не знает никто. Она об этом все написала, но впоследствии вынуждена была бежать в неизвестную деревню и скрываться от преследования. В интернете есть ее выступления, можете посмотреть. Она рассказала, что творилось тогда. Ленинград был в тяжком положении, его надо было спасать. Я полностью пересказывать это не буду, если захотите — прочтете сами... (*Марина Салье в 1990—1993 годах была депутатом Ленинградского городского совета. С января 1992 года работала членом Малого совета Санкт-Петербургского горсовета, а с 14 апреля 1992 года исполняла обязанности постоянного представителя Санкт-Петербургского горсовета при Верховном Совете РФ. Была участницей Конституционного совещания. В 2001 году уехала в деревню Ладино Псковской области. Умерла в 2012 году*). У меня в журнале «Государство и право» № 3 за прошлый год вышла статья — «Россия должна исторгнуть правовую систему планеты Транай». Есть такая книга американского фантаста Р. Шекли — «Путешествие на планету Транай». В двух словах: американец зашел в пивную и увидел, что какой-то человек кричал: «Мне транайского!» Главный герой Гудвин узнал, что есть такая планета Транай, где нет полиции, тюрем и так далее. Гудвин жаждал справедливости, много писал об этом, но его никто не слушал. Он собрал все свое состояние и полетел на эту планету. Оказалось, там нет никаких законов. Ему предложили жену, кресло президента, но его предыдущий президент умер на его глазах, потому что на шее у него была взрывчатка. Граждане, недовольные властью, могут подойти и нажать кнопку на взрывчатке, которая на шее президента, в любой момент. Чем больше нажатий — тем ближе взрыв. Гудвин отказался от кресла президента. «Мы, транайцы, не любим власть потому, что она несет ответственность. У нас нет прав, но есть ответственность правителей. Накопилось недовольство — правитель умирает», — говорили транайцы. Гудвин приходит домой и видит, как его супруга ему изменяет. Он начинает ее ругать, а она недоумевает над его ребячеством. В итоге Гудвин покидает планету. Прочитав мою статью, вы узнаете, откуда у нас транайские законы. Я перечисляю следующие преступления А.Б. Чубай-

са в ней. (А.Б. Чубайс — руководитель Роснано). Первое — незаконная приватизация, в которой он сам признается в книге «Приватизация по-русски». Второе — спасение людей, укравших у Государственной Думы 500 тысяч долларов США. Б.Н. Ельцин, когда к нему пришли по этому вопросу сказал: «Вы можете задержать здесь (в здании президентской гостиницы) человек 15 с пачками долларов в сумках, но если мы будем действовать законным путем, то выборы могут не состояться». Это все было записано и опубликовано. И он (Ельцин), имея 15% голосов, стал президентом. Третье. Вы помните 75 человек, погибших на Саяно-Шушенской электростанции? Это же все можно было предотвратить, спрогнозировать, но делать этого не стали...

(После некоторой паузы).

Мацкевич И.М.: Расскажите о ваших книгах?

Лунеев В.В.: Книга «Преступления XX Века» была переведена на китайский язык моей коллегой Хуан Даосю. Издал ее Пекинский юридический институт. В Китае не очень развита криминология по определенным причинам. По ее словам, эта книга единственная в Китае по данной тематике. Еще есть книга «Истоки и пороки Российского уголовного законодательства». Она была издана оппозиционным издательством Юрлитинформ в 2014 году. Глава этой организации, мой ученик, отказался выпускать в продажу эту книгу. В этой книге я описал то, как у нас все устроено, даже написал о том, кому служит Уголовный кодекс Российской Федерации. Эта книга каким-то путем попала в Администрацию Президента. Через некоторое время я получил письмо от одного из работников Администрации Президента. Он сообщил, что моя книга есть у них в библиотеке. «Мы знаем, что вы представлены к награде заслуженного деятеля науки уже три года, поэтому мы связались с РАН и попросили их ускорить оформление документов», — было указано в письме. Через две недели я стал Заслуженным деятелем науки. Данную книжку вы можете запросить в издательстве, в свободной продаже ее нет. В Администрации Президента поняли, что я написал правду. И я расцениваю их поступок по отношению ко мне как знак того, что наши чиновники и наши руководители не потеряли еще чувство реальности. Рад, что в Администрации Президента хватило духа меня похвалить.

Саламова С.Я.: Виктор Васильевич! Спасибо вам за интересную беседу!

Лунеев В.В.: Спасибо вам. Мне 86 лет. Вся моя история в записных книжках. За последние 30 лет накопилась целая коллекция таких записных книжек. Много лет я был преподавателем

и читал лекции, отдаваясь им от души. Многие работы я успел написать, знаю преступность и знаком со статистикой. Я хочу вам сказать, что если вы хотите стать криминологами, то начните с методов изучения реалий. Когда вы овладеете методами изучения статистики, социологией, то вы сможете сами узнавать эти реалии, вы сможете писать объективные книжки. Придет тот день, когда нам придется восстановить криминологию. В России криминология возникла задолго до революции 1917 года. До 1938 она развивалась, потом криминологические исследования закрыли. В 1968 году ее вновь открыли, все стало доступно, но статистики не было. Я много говорил с представителями ГИАЦ и руководителями различного уровня в Министерстве внутренних дел Советского Союза о необходимости проведения статистических исследований. В итоге я стал соавтором последних двух сборников статистики в СССР, которые были опубликованы впервые в истории. Издавали мы не как сейчас — в МВД, а в издательстве Юридическая литература. После этого сразу в МВД стали издавать статистические сборники они сами. Мне до сих пор присылают статистические сборники, однако на данных о преступлениях должностных лиц стоит гриф «секретно». Там может быть всего одна сотая доля должностных преступлений от всех преступлений, но она засекречена. Наука требует жертв и беспощадного отношения к реалиям. Только тогда можно будет что-нибудь сделать. Сейчас мы этим похвастаться не можем. Криминологов у нас очень много, они переписывают одно и то же друг у друга, переписывают статистику, но целостного, настоящего нового, ничего нет. У меня есть личный блог на кримправо.ру (<http://www.crimpravo.ru/blog/285.html>), где опубликовано многое, о чем я говорил. Но людям это мало интересно, поэтому пока я оставил это дело. Зачем людям навязывать то, чего они не хотят знать? Желая вам успеха.

Беседовали:

Президент Союза криминалистов и криминологов Игорь Михайлович Мацкевич.

Руководитель Криминологического кабинета Себила Якубовна Саламова.

Студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина Влас Мальшев.

Студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина Ксения Акуленко.

Студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина Максим Витлинский.

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС И (ИЛИ) ХОЛОДНЫЙ РАСЧЕТ: К ВОПРОСУ О КОНКУРЕНЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ МИРА

Захарова Мария Владимировна

Цель. Представить теоретико-компаративный анализ конкуренции правовых систем мира, дав при этом авторскую понятийную и видовую оценку данному явлению.

Методология. Формулирование доктринальных подходов к означенным в статье проблемам будет осуществлено через сравнительный анализ, осуществляемого в рамках междисциплинарного (сопоставление юридической доктрины со смежными областями знания, такими как социология, экономика и др.), межотраслевого (сравнительный анализ подходов, использующихся в общей теории права), трансграничного (сравнение различных национальных правовых систем друг с другом), а также хронологического (исторический сравнительный анализ) подходов.

Принимая во внимание особенности предмета, успешное выполнение целей исследования требует использования и специальных юридических методов познания, в числе которых можно выделить особо структурно-юридический метод. Также в ходе проведения исследования планируется обращение и к синергетическому научному поиску.

Выводы. Эволюция социальных отношений с необходимостью диктует трансформации и внутри правовых систем мира, к которым относят, в частности, конвергенцию и конкуренцию правовых систем мира. Конкуренция правовых систем мира представляет собой столкновение (соперничество) правовых систем мира и их элементами, между которыми субъект правоприменения делает свой свободный выбор. В современных условиях конкуренция правовых систем приводит к распространению института юридического туризма. В определенной мере трудовую миграцию также можно отнести к одной из многочисленных форм юридического туризма.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование дает углубленное и целостное представление о сущности конкуренции правовых систем мира. Выводы, содержащиеся в статье, имеют практическую значимость для развития сравнительного права, отраслевого права, а также общетеоретических юридических дисциплин.

Ключевые слова: конкуренция, трансформация, право, правовая система, юридический туризм.

Выступая в двойственной роли и объекта творческой энергии юристов, и отчасти созидающего общественную реальность Демиурга, право было и остается сложной головоломкой для живущих на нашей планете людей. Его эволюция – последовательная и прерывающаяся, закономерная и случайная череда трансформаций, поколений и опытов. Так, XIX век ознаменовал собой переход европейского права на новый веток развития. Он стал социальной платформой для становления матричных континентально – европейских правовых систем Франции и Германии. Партикуляризм

средневековой Европы уносил с собой локальные различия для населения единых европейских государств, возвышая на правовой олимп помпезное: «Национальный дух права». Это было время было время благодатное для развития протекционистских юридических учений и течений, коей и стала историческая школа права. Именно ее апологеты (Г. Гуго, К. Савиньи, Ф. Пухта) рассматривали право, как выражение «народного духа» («Volksgeist»), отмечая что: «С самого начала истории право, подобно языку, нравам и учреждениям, имеет определенный характер, свойственный

данному народу. Все эти проявления народной жизни в действительности неразрывно связаны между собой и только представляются нам обособленными. Их связью служит общее убеждение народа и одинаковое чувство внутренней необходимости, исключаяющую всякую мысль о случайном и произвольном происхождении. Подобно возникновению, и дальнейшее развитие права стоит в органической связи с сущностью и характером народа: им управляет тот же закон внутренней необходимости [1] ».

Юристы начала – середины XX века значительно расширили для себя границы актуального права, чему способствовали, как процессы интернационализации права, так и его конвергенции. В первом случае интеграционной пласт права прочно заявил о себе в остовах правовых систем мира, во втором – национально – государственное право было типологизировано в гомогенные правовые сообщества [2] и, отчасти, приобрело общие для них свойства и черты. Причем гомогенность эта была выстроена как в векторе идеологическом, так и в векторе сугубо юридическом. Как мы помним, более 70 лет истории нашей страны прошли под марши разделительных барьеров «право социалистическое – право буржуазное», тогда как юридический критерий выделения предполагал классическую дихотомию континентально – европейского и англосаксонского права; в особой группе правовых систем находились страны религиозной и обычно – правовой правовых традиций.

В современных условиях правовые системы мира вынуждены функционировать в сложных условиях правовой глобализации. Как мы уже отмечали ранее (в прошлых научных публикациях), правовая глобализация вызвала к жизни ряд серьезных трансформаций правовых систем мира. В частности:

– изменение под влиянием различного рода интеграционных процессов классических институтов государственной организации общества: институтов «гражданства», «территории», «государственного суверенитета»;

– транспарентность границ современного государства, ослабевание его роли, а порой полное или частичное вымывание его компетенций в тех или иных сферах общественной жизни приводит, в свою очередь, к эффектам регионализации и права, и государства;

– возрастание эффектов «дополнения» и «замещения» национального права со стороны внешних регуляторов общественных отношений;

– сращивание глобализаций различных качественных направленностей и, как следствие, по-

явление уникальных в своей основе институтов: «Lex electronica»; «Lex sportiva» (принципы спортивного права, выработанные наднациональными и международными организациями, представляющие собой так называемое «мягкое» право по разрешению спортивных споров).

– возрастание роли и значения внесударственных правотворческих институтов [3].

Не менее важна оценка и другой тенденции в развитии правовых систем мира – их конкуренции, то есть столкновение (соперничество) между правовыми системами мира и их элементами, между которыми субъект правоприменения делает свой свободный выбор. Термин конкуренция правовых систем мира пока не получил должной научной оценки. В европейской юридической литературе только на уровне научных коллоквиумов проходит осмысление означенной выше проблемы [4].

Классическими парадигмами – дилеммами, между которыми субъект правоприменения делает свой выбор, при конкуренции правовых систем являются:

«Common Law» – «Droit civil»;

«Твердое право» – «мягкое право»;

Светская правовая традиция и религиозная правовая традиция.

1. «Common Law» – «Droit civil». Достаточно показательно выглядит конкуренция первого типа в разрезе эволюции кочующих правовых систем в штате Луизиана в США и в Квебеке. В данной связи интересно заметить, что в отличие от многих стран французской зоны юридического влияния и экспансии, которые воспринимали нормы так называемого развитого права, сложившегося в рамках централизованной французской правовой системы начала XIX века, Квебек прежде всего воспринял партикулярное обычное право Франции. Речь идет о Кутюмах Парижа. В равной мере на территории современного Квебека применялись и королевские ордонансы.

Даже при разработке собственного гражданского кодекса в 1866 году, когда более чем полувекковой юбилей отметил Кодекс Наполеона, юристы Квебека ориентировались и на так называемое *Common Law*, сформировавшиеся под влиянием Кутюмов Парижа и на сам Французский гражданский кодекс (речь шла о рецепции, в частности, норм семейного права)[5, С. 728].

Что касается штата Луизиана в США, то мы можем констатировать неуклонную тенденцию к понижению роли и значения «Droit civil» в эволюции частного права в этом регионе. Так, специалисты оценивают, что 85 процентов Граж-

данского кодекса Луизианы 1808 года было основано на французских источниках (нормативных текстах и доктринальных материалах)[6, С. 10]. Речь идет и о самом Кодексе Наполеона и о источниках ему предшествующих: работы Domat, Pothier, ордонансе 1667 года и Кутюмах Парижа. Подобный выбор объясняется, прежде всего, невозможностью порвать в одночасье выстраиваемые в течение многих лет политико-правовые связи с метрополией в сочетании с качеством и степенью разработанности самих французских правовых норм на момент создания Гражданского кодекса Луизианы. Уже в следующем Гражданском кодексе Луизианы 1825 года количество французских источников права существенно уменьшается [7] Что остается неизменным для гражданского права с 1825 года вплоть до реформы 1975–2002 годов – это признание закона в качестве основного источника права в противовес общей англосаксонской правовой традиции права с лидирующей ролью суда в качестве источника правовых предписаний.

2. Мягкое право стало предметом научной оценки относительно недавно – в середине XX века. И в юридической науке не сложилось пока единого мнения о понятии мягкого права. Одни ученые полагают, что «мягкое» право охватывает только «необязательные правила или документы, которые интерпретируют или сообщают окружающим представление их создателей о юридически обязательных нормах либо представляют собой обещания, создающие ожидания о будущем поведении лица [8, С. 174] ». Другие – что термин «мягкое» право, как правило, «относится к любому международному документу, отличному от международного договора, который содержит принципы, нормы, стандарты и другие положения относительно ожидаемого поведения [9, С. 319] » Вместе с тем следует признать, что мягкое право уже открыто существует по юридической карте мира и в отдельных областях правового регулирования (например, в области спортивного права) составляет серьезную конкуренцию классическим максимам твердого права.

3. Конкуренция последнего из названных типов – между традициями светского и религиозного порядка прослеживаются сегодня не только в клерикальных и теократических государствах, но и в светских европейских государствах. В числе специфических тенденций исламского права, мы, в частности, можем констатировать его распространение за пределы границ государств про-исламской религиозной направленности и, как следствие, столкновение его со светскими право-

выми системами. Подобная практика стала возможной, прежде всего, по причине внутрисоциального, а не внутригосударственного характера действия самого исламского права. Исламское право для мусульманина актуально там, где есть мусульманская община – умма, вне зависимости от того, гражданином какого государства он является. Важной тенденцией в развитии исламской группы правовых систем следует также считать и повышение их общего уровня мозаичности. При этом исламский юридический мир открывает возможность рецепции иностранных правовых норм в сфере частного права, руководствуясь, прежде всего, прагматическими мотивами, но остается весьма консервативен в отношении сохранения традиционных инструментариев для защиты публичного порядка. В ближайшем будущем, в частности, не следует ожидать отказа от уголовных норм Шариата, тогда как полная или частичная трансплантация европейских гражданских и торговых кодексов для исламских правовых систем становится распространенной практикой.

Конкуренция правовых систем приводит к распространению среди субъектов права так называемого *юридического туризма*. В данном случае в поиске наиболее выгодного для себя правопорядка и (или) юрисдикции такой субъект совершает путешествие из зоны национальной правовой системы в зарубежную правовую систему. Так, например поступают супруги, желающие совершить процедуру суррогатного материнства, если в их собственной стране, данная процедура не получила легализацию. Нередко, правда, отсутствие синхронизации в правовых институтах различных правовых систем приводит к судебным спорам. Так, Европейский Суд по правам человека рассматривал дело относительно Французской Республики по вопросам легализации статуса детей, родившихся в результате процедуры суррогатного материнства. Согласно судебным материалам, заявителями по обоим делам выступили две супружеские пары французской национальности и их дети американского происхождения, проживающие во Франции. В связи с бесплодностью женщин из обеих пар супруги заключили в США соглашения с неназванными женщинами о суррогатном материнстве. Суды в штате Калифорния по первому делу и в штате Миннесота по второму признали обе пары родителями детей, родившихся от суррогатных матерей. Заявители обратились к французским властям за внесением американских свидетельств о рождении в соответствующий реестр и получили отказ, так как во Франции со-

глашение о суррогатном материнстве незаконно. Заявители обратились в ЕСПЧ с двумя жалобами, ссылаясь на статью 8 (право на уважение частной и семейной жизни) Европейской конвенции по правам человека. Кроме того, заявители по первому делу жаловались на нарушение статьи 6 (право на справедливое разбирательство), статьи 12 (право на брак) и 14 (запрет дискриминации) Конвенции. ЕСПЧ, рассмотрев жалобы, обнаружил частичное нарушение статьи 8 Конвенции по обоим делам в связи с правом детей на уважение их частной жизни. Суд обязал Францию по первому делу выплатить 5 тысяч евро компенсации морального вреда каждому ребенку и по 15 тысяч евро общих издержек всем заявителям. Кроме того, ЕСПЧ присудил по второму делу 5 тысяч евро компенсации морального вреда ребенку и 4 тысячи евро издержек всем заявителям [10].

В определенной мере можно считать, что и трудовая миграция, является одной из многочисленных форм юридического туризма. Как отмечает Е.С. Герасимова в Российской Федерации в данном отношении, хотя ч.1 ст.13 Закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» провозглашает, что иностранные граждане пользуются правом свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а также правом на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, процедура их доступа к труду, установленная по существу еще в 1993 году и сохраняющаяся до настоящего времени, носит разрешительный характер [11].

На наш взгляд, и далее развитие конкуренции и конвергенции правовых систем мира может привести к созданию юридического эсперанто или «горизонтального форума судей», на котором «заговорят» судьи различных стран мира.

Таким образом, следует отметить, что конец XX — начало XXI века дали в значительной мере новые основания для интернационализации правового феномена, не последнюю роль в которой сыграла конкуренция правовых систем мира. Протекционистские правовые конструкции и социальные течения в своем радикальном виде в сложившихся условиях выходят из эмпирики юридического сообщества, уступая место рационализму юридического благоприятствования для конкретного субъекта права или их групп. В данном отношении следует отметить, что даже К. Савиньи в финале своих рассуждений о национальном характере права приходит к следующим умозаключениям: «Если вследствие изменений нравов, воззрений и потребностей является необходимость в реформе существующего права или возникает потребность в совершенно новых институтах, то в этом случае влияние законодательства может быть чрезвычайно полезным и даже неизбежным» [1].

В будущем представляется, что разновекторные влияния внешнего характера на национальное право и правовые системы мира будут и дальше сопутствовать развитию правовой карты мира. В данном отношении научный анализ процессов конкуренции права будет служить цели раскрытия прогностических функций юриспруденции.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00628

Библиография и ссылки.

1. Новгородцев П., Муромцев С., Кареев Н. и др., Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010.
2. Захарова М.В. Правовые сообщества современности: опыты и ошибки типового строительства // Юридическое образование и наука. 2016, №1, С. 16–19.
3. Захарова М.В. Влияние глобализации на юридическую карту мира // Lex russica. 2011. №3. С. 417–444.
4. J du Gaudusson J., Ferrand F. (dir.) La concurrence des système juridique. PUAM, 2008. — 162 p.
5. Mignault P.-V. Le code civil au Canada /Le code civil 1804–1904 Livre du Centenaire. Paris, 1904. — 1128 p.
6. Batiza R. The Loisiaana Civil Code of 1808: Its Actual Sources and Present Relevance // 46 Tulane Law Review 4, 1971. pp. 4–66.
7. Palmer V. V. Concernan le 200 anniversaire du code napoleon: son importance historique et contemporaine sur la codification du droit en Louisiane /Le code civil 18004–2004 livre du Bicentenaire. Paris, 2004. — 718 p.

8. Guzman A. T., Meyer T. L. International Soft Law // *Journal of Legal Analysis*. 2010. Vol. 2— pp. 171–225.
9. Shelton D. L. Normative Hierarchy in International Law // *American Journal of International Law*. 2006. Vol. 100. № 2. — pp. 291–323.
10. Российское агентство по правовой и судебной информации. Доступно на: URL: http://rapsinews.ru/international_news/20140626/271603529.html (дата обращения: 14.08.2017).
11. Герасимова Е. С. Иностранцы работники в России // В кн.: Защита трудовых прав работников в России и Финляндии. М. : [б.и.], 2013. Гл. 5. С. 109–133.

References (transliterated)

1. Novgorodtsev P., Muromtsev S., Kareev N. i dr., Nemetskaia istoricheskaia shkola prava. Cheliabinsk: Sotsium, 2010.
2. Zakharova M.V. Pravovye soobshchestva sovremennosti: opyty i oshibki tipovogo stroitel'stva // *Iuridicheskoe obrazovanie i nauka*. 2016, №1, S. 16–19.
3. Zakharova M.V. Vliianie globalizatsii na iuridicheskuiu kartu mira // *Lex russica*. 2011. №3. S. 417–444.
4. J du Gaudusson J., Ferrand F. (dir.) *La concurrence des systè́me juridique*. PUAM, 2008. — 162 p.
5. Mignault P.-B. *Le code civil au Canada /Le code civil 1804–1904 Livre du Centenaire*. Paris, 1904. — 1128 p.
6. Batiza R. The Loisiaana Civil Code of 1808: Its Actual Sources and Present Relevance // *46 Tulane Law Review* 4, 1971. pp. 4–66.
7. Palmer V. V. Concernan le 200 anniversaire du code napoleon: son importance historique et contemporaine sur la codification du droit en Louisiane /*Le code civil 18004–2004 livre du Bicentenaire*. Paris, 2004. — 718 p.
8. Guzman A. T., Meyer T. L. International Soft Law // *Journal of Legal Analysis*. 2010. Vol. 2— pp. 171–225.
9. Shelton D. L. Normative Hierarchy in International Law // *American Journal of International Law*. 2006. Vol. 100. № 2. — pp. 291–323.
10. Rossiiskoe agentstvo po pravovoi i sudebnoi informatsii. Dostupno na: URL: http://rapsinews.ru/international_news/20140626/271603529.html (data obrashcheniia: 14.08.2017).
11. Gerasimova E. S. Inostrannye rabotniki v Rossii // V kn.: *Zashchita trudovykh prav rabotnikov v Rossii i Finliandii*. M. : [b.i.], 2013. Gl. 5. S. 109–133.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

НОВЫЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ОСУЖДЕННЫХ

Белик Валерий Николаевич

***Цель.** Проведен детальный анализ российской судебной практики в области реализации права осужденных на защиту. Автор останавливается подробно на содержании правовых позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ в сфере правового статуса осужденных. Автор рассматривает акты Конституционного Суда РФ, связанные с различными нарушениями правового режима предоставления юридической помощи осужденным к лишению свободы. Также автор осуществляет обзор правовых позиций Верховного Суда РФ относительно проблемы самозащиты осужденными своих прав.*

***Методология:** диалектический метод, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, социологический метод, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** По мнению автора, правовые позиции, вырабатываемые высшими судами, являются основой для внесения изменений в УИК РФ и другие нормативные правовые акты, регламентирующие защиту прав осужденных. Автор полагает, что при разработке нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации необходимо учесть, что изученная автором российская судебная практика свидетельствует о небольшом количестве случаев реагирования со стороны государственных органов, когда последние способствуют реализации права осужденных на защиту.*

***Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование развивает и уточняет сложную и практически значимую проблему реализации права осужденных на защиту. Автор предлагает при проведении реформы уголовно-исполнительного законодательства учитывать правовые позиции, вырабатываемые высшими судами Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** право на защиту, осужденные, Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, источник права, уголовно-исполнительное законодательство, Конституция РФ, юридическая помощь.*

Как отмечает профессор Селиверстов В.И., «за прошедшие 15 лет (с 1 июля 1997 г. по 30 декабря 2012 г.) было издано 58 федеральных законов, которыми в УИК РФ были внесены многочисленные изменения и дополнения. В кодексе появились 29 новых статей, утратили силу 16 статей и одно приложение». Отдельные изменения явились следствием правоприменительной деятельности, которая выразилась в материалах судебной практики высших судебных органов, приведших в последующем к корректировкам уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Конституционный Суд РФ осуществляет позитивное и негативное правотворчество, а по-

тому его решения могут рассматриваться в качестве источников права [1]. Так, Н.В. Витрук выделяет следующие правотворческие полномочия Конституционного Суда РФ: 1) негативные законодательные полномочия, в пределах которых данный суд отменяет законы и другие нормативные акты, международные и внутригосударственные договоры, их отдельные положения в случае их несоответствия Конституции РФ; 2) позитивные законодательные полномочия, которые заключаются в рекомендациях законодателю осуществлять необходимое нормативно-правовое регулирование в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда [2].

Подтверждением полномочий по негативному правотворчеству Конституционного Суда РФ могут служить следующие нормативные положения. В части 2 ст. 125 Конституции РФ определено, что Суд РФ уполномочен разрешать дела о соответствии Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Совета Федерации, Государственной Думы, не вступивших в силу международных договоров РФ. Согласно ч. 6 ст. 125 Конституции РФ акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции РФ международные договоры РФ не подлежат введению в действие и применению. Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. №1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в ст. 6 закрепляется положение о том, что решения Конституционного Суда РФ обязательны на всей территории России для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. Конституционный Суд РФ обладает и позитивными правотворческими полномочиями. На это указывает также зафиксированная им правовая позиция. В постановлении Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2003 г. №1-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 130 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан П.Л. Верещака, В.М. Гладкова, И.В. Гольшева и К.П. Данилова» отмечается, что данная Конституционным Судом РФ оценка проверяемой правовой нормы как не соответствующей или, напротив, как соответствующей Конституции РФ, а также выявленный им конституционный смысл правовой нормы считаются обязательными как для законодателя, так и для правоприменителя и не могут быть отвергнуты или преодолены в законодательной и правоприменительной практике [3]. Поэтому ни суды общей юрисдикции, разрешающие уголовные дела, ни органы, исполняющие наказание, реализуя свои полномочия, не вправе придавать соответствующему нормативному положению какое-либо иное значение, расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ в его постановлении.

Другим примером правотворчества высших судебных органов в сфере уголовного права являются постановления Пленума Верховного Суда РФ, по поводу природы и значения которых также существует давняя дискуссия.

Многие авторы считают, что постановления Пленума Верховного Суда РФ не есть источник права, в том числе уголовно-исполнительного права, поскольку: 1) отрицают правотворческие функции за Верховным Судом; 2) указывают на отсутствие в руководящих разъяснениях норм права; 3) апеллируют к тому, что Верховный Суд не рассматривает себя как правотворческий орган; 4) полагают, что соответствующие акты содержат только интерпретационные нормы (нормы о нормах, нормы-разъяснения) о применении юридических норм; 5) считают данные акты не общеобязательными, а рекомендательными, поскольку такая общеобязательность не предусмотрена законом; 6) полагают, что общеобязательность данных актов не соответствовала бы зафиксированному в ст. 120 Конституции РФ принципу независимости судей и подчинения их только федеральному закону, а также положениям ст. ст. 1,3 УК РФ, ст. 1 УПК РФ, ст.3 УИК РФ [4].

Существует и иная точка зрения на рассматриваемую проблему, согласно которой постановления Пленума Верховного Суда РФ являются источниками уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, поскольку права, расширительно и ограничительно толкуют данные нормы; 3) конкретизируют, уточняют и дополняют содержание уголовного закона; 4) являются нормативными правовыми актами, обладают всеми признаками правовой нормы, в том числе имеют общеобязательную силу в соответствии со ст. 56 Закона РФ «О судостроительстве», которая разъяснения Верховного Суда именует руководящими; 5) используются в судебной практике¹.

Авторы, предлагающие признать постановления Пленума Верховного Суда РФ источниками уголовного права, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права, обращают внимание также на то, что на основе указанных актов осуществляется фактическая криминализация определенных деяний без изменения «буквы» уголовного закона, поскольку Верховный Суд своим пониманием этой «буквы» расширяет сферу преступного и наказуемого [5]. По мнению ученых, постановления Пленума Верховного Суда «выполняют функцию фактического, «нелегального» источника», что рассматривается как вынужденная мера [6].

Переходя к непосредственному исследованию основополагающих материалов судебной практики в области реализации права на защиту осужденных, следует отметить, что большинство актов Конституционного Суда связаны с различными

нарушениями правового режима предоставления юридической помощи осужденным к лишению свободы.

Частью 2 ст. 10 УИК РФ установлено, что «при исполнении наказаний осужденным гарантируются права и свободы граждан Российской Федерации с изъятиями и ограничениями, установленными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации».

Конституционный Суд РФ обращает внимание на то, что ... установление ограничений прав и свобод должно быть соразмерно защищаемым Конституцией и законами ценностям правового государства. Эти ограничения должны учитывать необходимый баланс интересов человека, общества и государства». Суд подчеркивает, что «принципы определенности и соразмерности требуют также установления законодателем четких и разумных временных рамок, допускаемых ограничений прав и свобод» [7].

Право на получение юридической помощи гарантируется осужденным статьей 12 УИК РФ. Для ее получения осужденному, согласно т. 4 ст. 89 УИК РФ, по его заявлению предоставляются свидания с адвокатами и иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи. По желанию осужденного и указанных лиц свидания могут предоставляться наедине.

26 декабря 2003 г. Конституционный Суд Российской Федерации принял Постановление №20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного Кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича» [8].

Рассматривая жалобу, Конституционный Суд подчеркнул, что ч. 1 ст. 48 Конституции РФ гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи каждому гражданину, а каждому задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому в совершении преступления — право на помощь адвоката (защитника) соответственно с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. Причем, исходя из Конституции, это должно обеспечиваться на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при производстве в надзорной инстанции, а также исполнении наказания.

В судебной практике встречались случаи, когда осужденный ходатайствовал о предоставлении ему адвоката для защиты интересов в суде за счет государства, как установлено ст. 48 Конституции РФ. Подобного рода ходатайства фактически

оставались без удовлетворения и дела рассматривались без участия адвоката.

В этой связи Президиум Верховного Суда РФ рассмотрел уголовное дело по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора РФ на кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 января 2004 г. в отношении осужденного П. и отметил следующее: «Право на защиту закреплено в статье 16 УПК РФ в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства, в силу чего положения данной статьи распространяются на все стадии уголовного процесса. По смыслу статьи 16 УПК РФ, а также статьи 50 УПК РФ (регламентирующий порядок реализации права на защиту) приглашение, назначение, замена адвоката (защитника), оплата его труда в отношении осужденного осуществляется по тем же правилам, что и в отношении подозреваемого и обвиняемого.

Значимым в вопросе обеспечения права на защиту осужденных, является определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2008 г. №428-О-П «По жалобе гражданки Кирюхиной Ирины Петровны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и пунктом 6 статьи 14 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Как следует из представленных материалов, по настоянию сотрудника исправительной колонии строгого режима УШ-382/3 (город Балашов Саратовской области) адвокат И.П. Кирюхина, прибыв для оказания юридической помощи в составлении надзорной жалобы осужденному К.А. Даниеляну, несмотря на то, что предварительно ею были сданы все личные вещи, кроме ручки, бумаги, брошюры с текстом Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и договора поручения, была вынуждена пройти личный досмотр, в ходе проведения которого ей пришлось раздеться до пояса.

Конституционный Суд РФ определил, что «положения части шестой статьи 82 УИК Российской Федерации пункта 6 статьи 14 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» не могут рассматриваться как допускающие произвольное проведение личного досмотра адвоката, осуществляющего юридическую помощь осужденному к лишению свободы, без достаточных на то оснований, свидетельствующих о его намерении пронести на территорию

исправительного учреждения запрещенные предметы, и без принятия администрацией исправительного учреждения мотивированного решения о проведении личного досмотра и письменной фиксации хода и составления акта результата соответствующих действий.

Ряд актов Верховного Суда РФ касается обеспечения возможности самозащиты своих прав осужденным. Так, в целях соблюдения основополагающих принципов судопроизводства, обеспечения права на защиту при исполнении уголовных наказаний, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. №8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания» подчеркивается, что при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного от отбывания наказания или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, судья по просьбе осужденного обязан обеспечить ему личное участие в судебном заседании либо посредством видеосвязи для изложения своей позиции и представления в ее подтверждение необходимых сведений» [9].

Определенные аспекты реализации права на защиту осужденных содержатся также в постанов-

лениях Верховного Суда РФ от 20 декабря 2008 №16 и от 11 января 2007 г. №2, а также в 16-ти нормативных актах высших судебных органов Российской Федерации, которые были изданы за последние 5 лет.

При разработке нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации необходимо учесть, что по результатам исследования материалов судебной практики отмечаются крайне редкие случаи реагирования со стороны государственных органов, направленные на реализацию права на защиту осужденных. Как правило, это является инициативой со стороны самой личности, попавшей под уголовное преследование. В свою очередь, акты Верховного Суда РФ являются более разнообразными как по своей направленности, так и по содержанию. Анализ этих актов не позволяет утверждать однозначно право-защитную направленность в отношении осужденных. По своему содержанию большинство этих актов связано с конкретизацией режима исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы, далее следуют акты, конкретизирующие объем прав и обязанностей осужденных, и лишь относительно небольшое число среди последней группы непосредственно направлены на реализацию права на защиту осужденных.

Ссылки и библиография

1. Бахрах Д. Н., Бурков А. Л. Акты правосудия как источники административного права // Журнал российского права. 2004. №2. С. 11–22; Морозова Л. А. Еще раз о судебной практике как источнике права // Государство и право. 2004. №1. С. 19–23; Романова О. В. К вопросу о понятии и правовой природе правовых позиций Конституционного Суда РФ // Государство и право. 2001. №7. С. 87.
2. Витрук Н. В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. №3. С. 99–100.
3. СЗ РФ. 2003. №10. Ст. 953.
4. Шаргородский М. Д. Уголовный закон / В кн.: Шаргородский М. Д. Избранные труды. М., 2004. С. 148; Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2002. С. 150–157; Алексеев С. С. Общая теория права: В 2-х т. М., 1981. Т. I. С. 355.
5. Наумов А. В. Источники уголовного права. М., 2005. С. 20.
6. Коняхин В. П. Источники уголовно-правовых норм Общей части // Правоведение. 1988. №1. С. 42–43.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 1998 г. №86-О // СЗ РФ. 1998. №34. Ст. 4368.
8. СЗ РФ. 2004. №2. Ст. 160.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. №8 // СЗ РФ. 2009. №4. Ст. 89.

References (transliterated)

1. Baxrax D. N., Burkov A. L. Akty pravosudiya kak istochniki administrativnogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2004. №2. S. 11–22; Morozova L. A. Eshhe raz o sudebnoj praktike kak istochnike prava // Gosudarstvo i pravo. 2004. №1. S. 19–23; Romanova O. V. K voprosu o ponyatii i pravovoj prirode pravovykh pozicij Konstitucionnogo Suda RF // Gosudarstvo i pravo. 2001. №7. S. 87.

2. Vitruk N. V. Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: ponyatie, priroda, yuridicheskaya sila i znachenie // Konstitucionnoe pravo: Vostochnoevropeskoe obozrenie. 1999. №3. S. 99–100.
  3. SZ RF. 2003. №10. St. 953.
  4. Shargorodskij M. D. Ugolovnyj zakon / V kn.: Shargorodskij M. D. Izbrannye trudy. M., 2004. S. 148; Cherdancev A. F. Teoriya gosudarstva i prava. M., 2002. S. 150–157; Alekseev S. S. Obshhaya teoriya prava: V 2-x t. M., 1981. T. I. S. 355.
  5. Naumov A. V. Istochniki ugolovnogo prava. M., 2005. S. 20.
  6. Konyaxin V. P. Istochniki ugolovno-pravovykh norm Obshhej chasti // Pravovedenie. 1988. №1. S. 42–43.
  7. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14 iyulya 1998 g. №86-O // SZ RF. 1998. №34. St. 4368.
  8. SZ RF. 2004. №2. St. 160.
  9. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 21 aprelya 2009 g. №8 // SZ RF. 2009. №4. St. 89.
- (Endnotes)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УИК РФ: ОБОСНОВАНИЕ НОВЕЛЛ И РЕЗУЛЬТАТОВ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Селиверстов Вячеслав Иванович

Цель. Последняя законотворческая деятельность в нашем государстве наглядно демонстрирует определенный дефицит в конструировании новых экономически и криминологически обоснованных видов уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, отвечающих потребностям практики противодействия преступности. О таком же дефиците свидетельствуют и научные разработки в данной сфере. В связи с этим возникает необходимость создания Концепции разработки научно-теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, направленной на усовершенствование уголовно-исполнительного законодательства.

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, метод сравнительного правоведения.

Выводы. В представленной научно-теоретической модели не предусмотрена регламентация исполнения и отбывания уголовного наказания в виде принудительных работ. Эту нишу как раз должно занять наказание в виде ограничения свободы с направлением в специализированное государственное учреждение. В следствие довольно существенных различий между уголовным наказанием и иными мерами уголовно-правового характера весьма непросто обеспечить единообразное регулирование общих начал их исполнения и отбывания в нормах Общей части УИК РФ. Впервые на законодательном уровне в научно-теоретической модели предлагается раскрыть законные интересы осужденных в качестве самостоятельного элемента правового положения лиц, отбывающих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера. В качестве гарантии реализации законных интересов предложено закрепить обязанность администрации учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, обеспечить объективный, полный, своевременный и всесторонний учет, рассмотрение и реализацию законных интересов осужденных.

Научная и практическая значимость. Проведенное исследование позволяет дополнить и усовершенствовать существующие уголовно-исполнительное законодательство путем устранения имеющихся пробелов. Выводы данного исследования могут быть использованы при создании нормативно-правовых актов в сфере уголовно-исполнительного права, а также применяться при доработке учебных программ по уголовно-исполнительному праву и актуальным проблемам уголовно-исполнительного права.

Ключевые слова: научно-теоретическая модель, уголовно-исполнительное право, моделирование права, система исполнения уголовных наказаний, уголовно-исполнительный кодекс

2 ноября 2016 года в МГУ имени М.В. Ломоносова прошел круглый стол, посвященный обсуждению результатов научно-теоретического моделирования Общей части УИК РФ. Организаторами круглого стола выступили образованный решением Ученого совета Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова от 23 декабря 2015 году №10 Научно-образовательный центр

(НОЦ) «Проблемы уголовно-исполнительного права» и общественная региональная организации «Союз криминологов и криминалистов России (ОРО СКК)». Это было уже четвертое обсуждение модели научным и правозащитным сообществом. Первое состоялось 27 мая 2016 года в МГУ имени М.В. Ломоносова на круглом столе «Проблемы кодификации уголовно-исполнитель-

ного законодательства», проходившем в рамках юбилейного X Российского конгресса уголовного права. По его итогам научно-теоретическая модель была доработана и вместе с материалами обсуждения передана для публикации [4]. Второе обсуждение состоялось 30 июня 2016 года в Совете при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, третье – 14 октября 2016 года в правозащитной организации: Комитете «За гражданские права». Научно-теоретическая модель на данных заседаниях получила в целом одобрение правозащитного сообщества.

Существует несколько факторов, способствовавших в столь непростое время реализации данного научного проекта.

Первый фактор заключался в общем подходе к моделированию будущего уголовно-исполнительного законодательства. Данный подход основывался на учете современных реалий в сфере исполнения уголовных наказаний. Он был своеобразным антиподом, наблюдавшимся на протяжении последних шести лет фантастическим проектам реформирования уголовно-исполнительной системы нашего государства, выражавшимся в экономически и социально-политически не обеспеченном строительстве тюрем в России, в сепарации осужденных, создании для них системы социальных лифтов и прочее.

Второй фактор – это то, что в составе авторского коллектива собрались квалифицированные специалисты в области науки и практики уголовно-исполнительной деятельности. У каждого к этому времени был довольно солидный багаж знаний в области современного состояния исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера в России, странах СНГ и в других зарубежных государствах. В числе авторов были ученые, которые в 1987–1996 года разрабатывали ныне действующий УИК РФ. В авторском коллективе работали представители Российской науки, которые разрабатывали в составе международных организаций, а затем обеспечивали в международной практике соблюдение международных стандартов обращения с осужденными. Научный блок авторского коллектива органично дополняли практики, имевшие большой опыт прокурорской и правозащитной деятельности, а также опыт организации и реформирования уголовно-исполнительной системы не только в России, но и в странах СНГ. Здесь же трудились молодые ученые, ведущие научные исследования по наиболее актуальным проблемам уголовно-исполнительного права.

Третий фактор состоял в том, что в составе авторского коллектива собрались представители разных научных позиций, выражающих частью профессионально-целевые интересы в области уголовно-исполнительной деятельности, частью – аксиологические, правозащитные интересы. Поэтому шли довольно интенсивные дискуссии, нередко заканчивающиеся констатацией различных точек зрения. Однако именно такое «разногласие» не помешало купировать разногласия и выработать единые позиции по наиболее принципиальным вопросам. Хотя разность позиций в «остаточном объеме» проявляется при ознакомлении с научно-теоретической моделью Общей части УИК РФ.

Четвертый фактор выразался в надежном материально-техническом обеспечении деятельности авторского коллектива. Необходимо специально подчеркнуть то, что при реализации проекта были использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 17.01.2014 №11-рп и на основании конкурса, проведенного Движением «Гражданское достоинство» (<http://civildignity.ru>). Дополнительную финансовую и организационно-техническую помощь оказал Фонд поддержки социальных инноваций Олега Дерипаска «Вольное дело». Кроме того, активную информационную поддержку проекту предоставил Аппарат Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Конечно, следует отметить позитивную позицию руководства НОЦа «Проблемы уголовно-исполнительного права», кафедры уголовного права и криминологии, а также Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, предоставивших имеющиеся возможности для деятельности научного коллектива по подготовке научно-теоретической модели Общей части УИК РФ.

Существенно осложняло работу авторского коллектива то, что не было аналогичного проекта по подготовке Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). К сожалению, вполне обоснованных претензий к качеству УК РФ у специалистов в области уголовного права накопилось немало, однако пока что эти претензии не обрели созидательного начала, а именно подготовки своего научного видения будущего УК РФ. Следует отметить, что в Саратовской государственной юридической академии авторским коллективом под руководством профессора Н.А. Лопашенко осуществляются разработки будущих проектов Общей и Особенной

частей УК РФ, однако до настоящего времени они не опубликованы. Кроме того, профессором Н.В. Щедриным (Сибирский федеральный университет) подготовлен проект структуры одного из разделов «Меры уголовного воздействия» и сформулированы редакции некоторых статей будущего УК РФ [5]. Как же вышли из создавшегося положения?

Еще в предварительно разработанной и одобренной на заседании авторского коллектива Концепции разработки научно-теоретической модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – Концепция), было констатировано то, что последняя законодательная деятельность в нашем государстве наглядно демонстрирует определенный дефицит в конструировании новых, экономически и криминологически обоснованных видов уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, отвечающих потребностям практики противодействия преступности. О таком же дефиците свидетельствуют и научные разработки в данной сфере.

В связи с этим за основу были взяты имеющиеся в законодательстве виды уголовных наказаний (за исключением принудительных работ) и меры уголовно-правового характера. Арест как вид уголовного наказания был сохранен с учетом его применения к осужденным военнослужащим с отбыванием этого наказания на гауптвахтах.

Новеллой является то, что в научно-теоретической модели Общей части УИК РФ предусмотрено *уголовное наказание в виде ограничения свободы с направлением в специализированное государственное учреждение*. Данное наказание, как предполагается членами авторского коллектива, будет исполняться в исправительных центрах, образованных на базе существующих колоний-поселений. Все это находится в единстве с решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2016 года «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчуггов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации». Указанным решением констатировано наличие возможности федерального законодателя, последовательно реализуя принцип гуманизма в уголовном праве, оптимизировать систему уголовных наказаний, в том числе посредством перевода отдельных режимов отбывания лишения свободы в альтернативные виды наказаний, хотя и связанные с принудитель-

ным ограничением свободы осужденных, но не влекущие ограничения их избирательных прав.

В представленной научно-теоретической модели не предусмотрена регламентация исполнения и отбывания уголовного наказания в виде *принудительных работ*. Эту нишу как раз должно занять наказание в виде ограничения свободы с направлением в специализированное государственное учреждение. Аргументы отказа авторов научно-теоретической модели от наказания в виде принудительных работ конспективно изложены в Концепции. Отметим, что дело не только в отсутствии материальных ресурсов для его введения в действие, но и в системных недостатках данного вида уголовного наказания, проявляющихся как в неудачном названии, не отражающем содержание наказания, так и в излишней его суровости, приближающем принудительные работы к уголовному наказанию в виде лишения свободы. Во второй половине 2016 года руководство Минюста России и ФСИН России объявило о том, что наказание в виде принудительных работ с 1 января 2017 года будет введено в действие, для чего созданы 4 исправительных центра и отдельные изолированные участки при исправительных учреждениях общим лимитом мест 886. Однако следует иметь в виду то, что данного числа мест явно недостаточно. Учитывая то, что в России свыше 20 тысяч судей, которые рассматривают уголовные дела, придется вводить квотирование осуждения к принудительным работам, что явно не соотносится с принципами деятельности судебной системы [3].

В научно-теоретической модели Общей части УИК РФ получила свое воплощение идея регламентации исполнения и отбывания как уголовных наказаний, *так и иных мер уголовно-правового характера*. Незавершенность кодификации уголовно-исполнительного законодательства 1996–1997 годов обуславливает появление пробелов, отсутствие единых подходов к регулированию сходных общественных отношений. Речь идет в первую очередь о регулировании применения иных мер уголовно-правового характера, вернее об отсутствии такого регулирования в нормах уголовно-исполнительного законодательства. При этом незавершенность кодификации уголовно-исполнительного законодательства является первой и главной причиной подготовки научно-теоретического проекта нового УИК РФ, в противном случае речь может идти лишь о подготовке новой редакции этого законодательного акта.

Необходимо отметить, что воплощение идеи регламентации в нормах уголовно-исполнитель-

ного законодательства исполнения (отбывания) иных мер уголовно-правового характера чрезвычайно трудна в своей реализации по ряду причин.

Во-первых, в науке уголовного права существуют различные точки зрения ученых на юридическую природу и соответственно на перечень таких мер. Законодательная регламентация иных мер уголовно-правового характера в разделе VI УК РФ не основана на общих основаниях включения тех или иных мер в указанный раздел. Поэтому иные меры уголовно-правового характера рассредоточены по различным разделам и главам Общей части УК РФ, а отдельные институты, включенные в раздел VI УК РФ, мерами уголовно-правового характера не являются. Еще более запутало понимание иных мер уголовно-правового характера включение законодателем в их число судебного штрафа, который может назначаться судом при освобождении виновного лица от уголовной ответственности (см.: См.: Федеральный закон №323-ФЗ от 03.07.2016 года).

Во-вторых, вследствие довольно существенных различий между уголовным наказанием и иными мерами уголовно-правового характера весьма непросто обеспечить единообразное регулирование общих начал их исполнения и отбывания в нормах Общей части УИК РФ.

На основании присущего иным мерам уголовно-правового характера признака реализации уголовной ответственности и соответственно наличия уголовно-правовых отношений в научно-теоретической модели Общей части УИК РФ к иным мерам уголовно-правового характера отнесены: условное осуждение в соответствии со ст. 73 УК РФ, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в соответствии со ст. 79, 93 УК РФ, отсрочка отбывания наказания в соответствии со ст. 81, 82 УК РФ, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией в соответствии со ст.82¹ УК РФ, принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетнему осужденному, на основании части 2 ст. 92 УК РФ.

Довольно сложной проблемой в рамках разработки научно-теоретической модели Общей части УИК РФ было определение *целей уголовно-исполнительного законодательства*. Уголовное законодательство во многих положениях является базовым по отношению к уголовно-исполнительному. В нормах уголовного законодательства закреплены цели уголовного наказания (по мнению авторского коллектива, в новом уголовном законодательстве необходимо также закрепление целей иных мер уголовно-правового характера),

достижение которых должно обеспечиваться в процессе исполнения (отбывания) уголовных наказаний. Уголовно-исполнительное законодательство должно путем нормативной регламентации обеспечить достижение целей уголовного наказания, а именно восстановление социальной справедливости, а также исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Сохранение цели исправления осужденных вызвало достаточно бурную дискуссию как на стадии разработки научно-теоретической модели, так и во время ее обсуждения на круглом столе, проходившем в рамках X Российского конгресса уголовного права в МГУ имени М.В. Ломоносова 26–27 мая 2016 года.

Предложения о замене непонятного термина «исправление» на термины «русского языка» ресоциализация или реинтеграция не нашли поддержки вследствие их применимости исключительно к уголовному наказанию в виде лишения свободы.

Более серьезные аргументы были связаны с фактическим положением дел, а именно с низкой степенью достижения цели исправления осужденных после отбытия лишения свободы. Так, профессор В.И. Зубкова делает вывод о том, что «цель исправления в законе прописана декларативно и практически не срабатывает» [2], о чем свидетельствует большой рецидив после освобождения из мест лишения свободы. Однако, во-первых, данный вывод сделан применительно к лишению свободы, а цели уголовно-исполнительного законодательства распространятся на все уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера.

Во-вторых, статистической системы измерения постпенитенциарного рецидива в настоящее время нет. Она существовала в СССР и утратила свое действие с распадом этого государства. Выборочные научные исследования рецидива после освобождения из мест лишения свободы были проведены в 2006–2009 годах учеными Юридического института Томского госуниверситета. Они показали, что рецидив в течение трех лет после освобождения из колоний общего режима Сибирского региона составил 55,0%, а из колоний строгого режима – 29,6%. Общий рецидив, учитывая распространенность колоний строгого режима, оказался равен 35% [1]. Этот показатель существенно не отличается от показателей рецидива в большинстве зарубежных стран. Постпенитенциарный рецидив после отбывания наказаний без изоляции от общества и иных мер уголовно-пра-

вового характера также статистически не измеряется в России, а проводятся лишь отдельные эмпирические исследования в отдельных регионах. Поэтому для вывода о том, что цель исправления не достигается в подавляющем большинстве случаев, необходимы более веские аргументы, основанные на эмпирических исследованиях.

Считая, что перед уголовно-исполнительным законодательством должна стоять цель обеспечения исправления осужденных, на наш взгляд, указанная цель должна быть для уголовно-исполнительного законодательства приоритетной, то есть стоящей на первом месте. Такой приоритет цели исправления закреплен в части 2 ст. 2 научно-теоретической модели. Он объясняется рядом причин.

Во-первых, исправление осужденных представляет собою наиболее гарантированный способ достижения цели предупреждения совершения новых преступлений. Страх перед новым уголовным наказанием может исчезнуть, а установка на ведение правопослушного образа жизни, подкрепленная не разрушенными или вновь созданными во время отбывания уголовного наказания позитивными социальными связями и ценностями, дает более продолжительный и стабильный эффект.

Во-вторых, воздержание от совершения новых преступлений не по причине страха перед наказанием, а вследствие произошедших изменений в сознании человека, представляет собою наиболее труднодостижимый и одновременно социально значимый и гуманный результат.

В-третьих, поскольку данная норма будет находиться в Общей части УИК РФ, она будет нацеливать законодателя на наиболее полное и приоритетное отражение в нормах Особенной части УИК РФ основных средств исправительного воздействия на осужденных, применение новых исправительных технологий с одновременным сдерживанием введения дополнительных карательных правоограничений.

В-четвертых, приоритет обеспечения цели исправления осужденных ориентирует правоприменителя, в первую очередь, персонал учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, на постоянную работу с осужденными с целью возвращения их в общество, а не на формальное применение норм уголовно-исполнительного законодательства.

В научно-теоретической модели Общей части УИК РФ при формулировании приоритета достижения цели исправления осужденных ис-

пользован термин «обеспечение». Дело в том, что само исправление как результат применения наказания и основных средств исправительного воздействия представляет собою внутренний психологический сдвиг в самом осужденном. Законодательство не может ставить своей целью само исправление осужденного, но оно должно своей регламентацией создать условия для достижения данного результата. Данное положение является своеобразной реакцией на известный постулат о том, что «демократически организованное государство не имеет право принудительно улучшать своих граждан».

Кроме того, предлагается закрепить не только цели уголовно-исполнительного законодательства, но и условие, при выполнении которого достижение данных целей будет социально оправданно и эффективно. Речь идет о соблюдении прав человека при исполнении наказаний и иных мер уголовно-правового характера. При этом обеспечение соблюдения прав человека является, по сути, самостоятельной целью уголовно-исполнительного законодательства, значимой не только для осужденных, но и для иных субъектов уголовно-исполнительных правоотношений (потерпевших, родственников осужденных и т.д.)

В подготовленной научно-теоретической модели получили свое развитие *принципы уголовно-исполнительного законодательства*, которые одновременно являются и принципами уголовно-исполнительной политики и правоприменительной деятельности. Принципы не только были перечислены, но и в самом общем виде были раскрыты в отдельных статьях модели. Так, применительно к сфере исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера были раскрыты общеправовые принципы законности, гуманизма, демократизма, справедливости, целесообразности, равенства граждан перед законом. Была существенно обновлена система специальных принципов: соединения наказания с исправительно-предупредительным воздействием; дифференциации; индивидуализации; экономии принуждения; стимулирования правопослушного поведения и общественно-полезной активности осужденных; участия общества и граждан в исправлении осужденных и в обеспечении их прав и законных интересов.

В научно-теоретической модели Общей части УИК РФ существенно изменена и дополнена регламентация *основных прав и обязанностей осужденных*. Закрепленные в действующей ст. 12 УИК РФ основные права осужденных получили свое нормативное отражение в самостоятельных

статьях научно-теоретической модели: право на информацию, право на обеспечение достоинства личности осужденного, право осужденных на личную безопасность, свобода совести и свобода вероисповедания осужденных, право осужденных на юридическую помощь, право на охрану здоровья, право осужденных на психологическую помощь, право на материально-бытовое обеспечение. Кроме того, дополнительно регламентированы гарантии права осужденных на защиту персональных данных, права на выбор языка обращения.

Существенно расширены и усилены дополнительными гарантиями основные обязанности осужденных. Так, продублирована обязанность осужденных исполнять обязанности граждан Российской Федерации, а также соблюдать принятые в обществе нравственные нормы поведения. Они не могут быть освобождены от исполнения обязанностей граждан Российской Федерации, кроме случаев, установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Обязанность осужденных выполнять законные требования персонала гарантирована возможностью применения мер безопасности в случаях, установленных уголовно-исполнительным законодательством.

На основании законодательства об охране здоровья предусмотрена обязанность осужденных заботиться о сохранении своего здоровья. В случаях отказа осужденных, отбывающих арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок или пожизненное лишение свободы, от приема пищи и возникновение угрозы их жизни допускается принудительное питание осужденных по медицинским показаниям. Осужденные, страдающие социально опасными заболеваниями, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, обязаны проходить медицинское обследование и лечение, а также заниматься профилактикой этих заболеваний.

Впервые на законодательном уровне в научно-теоретической модели предлагается раскрыть *законные интересы осужденных* в качестве самостоятельного элемента правового положения лиц, отбывающих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера. Этот элемент правового статуса осужденных в последние двадцать лет плодотворно разрабатывается в теории уголовно-исполнительного права. В качестве таковых в Модели указаны стремления осужденных, отбывающих уголовные наказания, на:

– досрочное освобождение от отбывания наказания;

– замену наказания другим более мягким наказанием или иной мерой уголовно-правового характера;

– отсрочку и рассрочку исполнения уголовного наказания;

– смягчение условий отбывания наказания, в том числе путем изменения вида учреждения, исполняющего наказание;

– смягчение или отмену наложенных на осужденных ограничений, обязанностей или запретов;

– предоставление осужденным льгот;

– поощрение.

Осужденные, отбывающие иные меры уголовно-правового характера, имеют предусмотренные нормами уголовного и уголовно-исполнительного законодательства законные интересы на изменения своего правового статуса путем смягчения (отмены) наложенных на них ограничений, обязанностей или запретов, предоставления им льгот и поощрений.

В качестве гарантии реализации законных интересов предложено закрепить обязанность администрации учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, обеспечить объективный, полный, своевременный и всесторонний учет, рассмотрение и реализацию законных интересов осужденных.

Существенные новеллы присущи научно-теоретической модели в сфере применения *основных средств исправительного воздействия*. При этом, сохранился состав основных средств исправительного воздействия, закрепленный в настоящее время в действующем УИК РФ. Одновременно были закреплены и раскрыты в отдельных статьях такие новые средства исправительного воздействия на осужденных, как социальная работа с осужденными, психологическая работа с осужденными, поддержание социально-полезных связей осужденных.

Нашло отражение в научно-теоретической модели Общей части УИК РФ закрепление *требований к персоналу* учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера. Указанные требования основаны на положениях международных стандартов обращения с осужденными, в частности на Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными (Правилах Манделы), принятых Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 2015 года.

Необходимо обратить особое внимание на систему контроля (надзора) за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные

наказания и иные меры уголовно-правового характера, которая включает в себя *национальный государственный, общественный и международный контроль*. Следует отметить то, что на стадии подготовки и обсуждения научно-теоретической модели существовали разные позиции о целесообразности указания на международный контроль за деятельностью уголовно-исполнительной системы России. Эти позиции варьировались от полного отрицания такого вида контроля до снижения его статуса путем изменения названия, например, на международное наблюдение или международный мониторинг.

Получили свое развитие нормы, регламентирующие *посещение* учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера. При этом в научно-теоретической модели регламентировано два режима посещения указанных учреждений и органов: без специального на то разрешения и по специальному на то разрешению. К имеющимся субъектам посещения без специального на то разрешения, закрепленными в ст. 24 УИК РФ, дополнительно отнесены Председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, сотрудники рабочих аппаратов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, соответствующих уполномоченных в субъектах Российской Федерации, проводящих в соответствии с распоряжением Уполномоченного проверку нарушений прав человека во время отбывания уголовного наказания и (или) иной меры уголовно-правового характера. Особые условия для беспрепятственного посещения учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, определены в международных соглашениях для членов Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) во время проведения инспекций мест принудительного содержания.

Возможность расширения перечня лиц, имеющих право посещения учреждений и органов

без специального на то разрешения, обсуждалась в рамках подготовки научно-теоретической модели. Речь шла о членах Общественной палаты Российской Федерации и общественных палат в субъектах Российской Федерации, Общественного совета при Минюсте России и Общественного совета при Минобороны России, Общественного совета при ФСИН России и общественных советов при территориальных органах уголовно-исполнительной системы. Однако были опасения, что при столь радикальном расширении данного перечня можно усложнить деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания и иные меры уголовно-правового характера, поскольку любое такое посещение связано с отвлечением сотрудников от решения служебно-оперативных задач и с необходимостью обеспечения безопасности посещающих лиц.

Новеллами в правовой регламентации посещения учреждений и органов будут являться положения научно-теоретической модели о закреплении статуса посещающих лиц, гарантий их деятельности, а также о распространении на них ограничений, связанных с предотвращением негативных последствий конфликта интересов и обеспечением правопорядка в учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера.

Авторский коллектив понимает, что научно-теоретическая модель Общей части УИК РФ нуждается в дальнейшем совершенствовании. Она далека от идеала хотя бы потому, что не опирается на аналогичную модель УК РФ. У авторского коллектива есть время для доработки научно-теоретической модели, в том числе при предполагаемой в 2017 году подготовке аналогичного модельного проекта Особенной части УИК РФ. Однако при всем несовершенстве следует согласиться с тем, что представленная читателю научно-теоретическая модель Общей части — это важный этап в научном осмыслении будущего уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации. Уголовно-исполнительного законодательства, основанного на понимании реальных, а не фантастических, возможностей государства и общества в реформировании системы исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера.

Ссылки и библиография

1. Городнянская, В.В. Постпенитенциарный рецидив: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2011. С. 8–9

2. Зубкова, В.И. К некоторым вопросам научно-теоретической Модели Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации / Зубкова В.И. // В кн.: Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования. Под науч. ред. д.ю.н., профессора В.И. Селиверстова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017. С. 254
3. Максименко Валерий: в 2017 году в России будет новый вид наказания. 2016, 4 октября. Сайт ТАСС <http://tass.ru/opinions/interviews/3674377>.
4. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / Под науч. ред. д.ю.н., профессора В.И. Селиверстова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2017.
5. Щедрин, Н.В. Новый Уголовный кодекс России в контексте социального управления / Н.В. Щедрин // Lex Russika. – 2015. – №3. – С. 48–63.

References (transliterated)

1. Gorodnyanskaya, V.V. Postpenitentsiarnyy retsivid: Avtoref. dis. .. kand. jurid. nauk. – Tomsk, 2011. S. 8–9.
2. Zubkova, V.I. K nekotorym voprosam nauchno-teoreticheskoy Modeli Obshchey chasti Ugolovno-ispolnitelnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / Zubkova V.I. // V kn.: Obshchaya chast novogo Ugolovno-ispolnitelnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya. Pod nauch. red. d.yu.n., professora V.I. Seliverstova. – М.: ИД «Yurisprudentsiya», 2017. S. 254.
3. Maksimenko Valeriy: v 2017 godu v Rossii budet novyy vid nakazaniya. 2016, 4 oktyabrya. Sayt TASS <http://tass.ru/opinions/interviews/3674377>.
4. Obshchaya chast novogo Ugolovno-ispolnitelnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya / Pod nauch. red. d.yu.n., professora V.I. Seliverstova. – М.: ИД «Yurisprudentsiya», 2017.
5. Shchedrin, N.V. Novyy Ugolovnyy kodeks Rossii v kontekste sotsialnogo upravleniya / N.V. Shchedrin // Lex Russika. – 2015. – №3. – S. 48–63.

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ- КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

ДЖЕФФРИ ЧОСЕР – АВТОР И ПЕРСОНАЖ «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ»

Морозов Александр Алексеевич

Цель. Дать характеристику Джеффри Чосеру — одной из самых интересных фигур не только английской, но, в определенной мере, и мировой литературы, чей облик и деятельность оставили заметный след в истории, и одновременно обросли множеством легенд, домыслов, предвзятых мнений и сознательных искажений, на примере его произведения «Кентерберийские рассказы». Довести до широкого круга читателей идеи гуманизма и вольномыслия, характерные для приближающейся эпохи Возрождения, новые принципы изображения жизни и раскрытия человеческого характера.

Методология: диалектика, абстрагирование, анализ, синтез, дедукция, исторический метод.

Выводы. Новеллы «Кентерберийских рассказов», весьма разнообразные по своему содержанию, дают возможность ознакомиться со многими сторонами жизни Чосера. Они помогают прояснить взгляды поэта на те или иные жизненные вопросы, а также позволяют проследить эволюцию его мировоззрения, изучить его отношение к семье, его личные качества. Новеллы, написанные одним человеком, неодинаковы по масштабу, по-разному отражают глубину авторского восприятия, причем часто одного и того же явления, поскольку обращены к различным адресатам. Поэтому особенно важно попытаться комплексно и всесторонне изучить «Кентерберийские рассказы», дабы четко понять авторскую позицию и его видение ситуации.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи состоит в анализе литературного и идейного наследия Чосера, чье творчество несет в себе идеи гуманизма и вольномыслия, характерные для приближающейся эпохи Возрождения. Чосер пересматривал и видоизменял традиции средневекового искусства в соответствии со свойственным ему широким взглядом на мир и человека. В его произведениях происходит утверждение новых принципов изображения жизни и раскрытия человеческого характера.

Ключевые слова: «Кентерберийские рассказы», Столетняя война, английское общество, английский язык, французский язык, Флоренция, коммерческие спекулянты, Возрождение.

Поэтом, открывшим новые горизонты для дальнейшего развития английской литературы, был Джеффри Чосер. Творчество Чосера, которого «считают отцом английского языка и основоположником реализма» (Горький), ознаменовало в истории литературы Англии переход от эпохи средневековья к Возрождению, утверждение новых принципов изображения жизни и раскрытия человеческого характера. Во многом связанное с традициями культуры средних веков, отразившее ее лучшие достижения и особенности, творчество Чосера несет в себе идеи гуманизма и вольномыс-

ля, характерные для приближающейся эпохи Возрождения, предвестником которой этот писатель и выступил в английской литературе. Воспринимая традиции средневекового искусства, Чосер пересматривал и видоизменял их в соответствии со свойственным ему широким взглядом на мир и человека. Для него неприемлем средневековый схематизм. Он утверждает за человеком право на земное счастье, восхищается его умом и энергией, славит его находчивость и жизнелюбие. Для Чосера характерно чувство жизни в любых формах ее проявления, постоянное стремление к жизненной

правде. В связи с творческой эволюцией Чосера есть основания говорить о процессе формирования английского реализма.

Можно выделить следующие проблемы, которые являются недостаточно изученными и которые привлекают внимание современных исследователей: участие Чосера в политической жизни Англии и его деятельность на гражданской службе; формирование и эволюция его мировоззрения; круг его общения и его единомышленники; служба Чосера в армии; освещение им проблем внутренней политики Англии в «Кентерберийских рассказах» [4, с. 13].

Основным комплексом источников при изучении этих вопросов являются материалы личного происхождения. Первоочередной интерес представляют документы, вышедшие из-под пера самого Дж. Чосера, его произведения. В них можно явственно услышать собственный голос человека, прочувствовать его, проникнуть в его внутренний мир. Кроме того, в «Кентерберийских рассказах» ярко отразилась не только личность автора и повседневная жизнь его времени, но и важнейшие социально-политические события эпохи.

Кроме того, несомненную важность представляет тот факт, что Дж. Чосер первым начал писать не на латыни, а на английском языке. Как отмечал К. Дэниел, «на протяжении XIV века наблюдался процесс постепенного вытеснения французского языка — как литературного и придворного — языком английским. Доказательством того, что английский язык умудрился выжить вопреки норманнскому завоеванию, служила та тонкая, но не иссякающая струйка религиозной литературы, которая писалась для людей, незнакомых с латынью (языком официальной церкви) и французским языком общения при дворе» [1, с. 141].

Британский профессор Постан указывает именно на время жизни Чосера как на величайшую «эпоху зарождения английского капитализма; на ранних этапах Столетней войны — в период финансовых затруднений королевства, новых экспериментов с налоговым обложением, спекулятивных предприятий с шерстью, крахов итальянских финансистов и появлением суконной промышленности — все сочеталось воедино, чтобы создать новую породу военных финансистов, коммерческих спекулянтов, поставщиков армии и монополистов в деле торговли шерстью» [2].

Существовали и политические основания для вытеснения французского языка из жизни англичан. Англия более ста лет воевала с Францией, и, естественно, у островитян не было особых причин любить язык врагов. Эдуард III, как и все

короли нормандской династии, предпочитал говорить по-французски. Но в 1362 г. он впервые обратился к парламенту по-английски. Позже он издал указ, согласно которому при судопроизводстве надлежало использовать английский язык [1, с. 142]. Конец века ознаменовался настоящим расцветом художественной литературы на родном языке Британских островов. В это время Джеффри Чосер создает свой главный шедевр — «Кентерберийские рассказы».

Примечательна судьба будущего «отца английской поэзии». Точная дата рождения неизвестна, по разным источникам, он родился между 1340 и 1343 гг. в Лондоне. Отец Чосера, винотовец, поставлял вино ко двору, благодаря чему его сын попал ко двору уже в 17 лет в качестве пажа жены одного из сыновей Эдуарда III, Лионеля. В 1359 г. он принимал участие в походе на Францию, где был взят в плен. Король выкупил его и сделал своим камердинером, а впоследствии и оруженосцем. В это время он уже хорошо изучил доступных ему авторов и пробовал писать сам. Придя с войны, Чосер посещал, по-видимому, Лондонскую высшую юридическую школу, которая давала и хорошее общее образование. Там у него начал формироваться вкус к литературному творчеству. Чосер изучал классиков. Перевод Боэция, популярного у схоластиков, как и более поздний трактат об астрологии, отражал его интересы. Но более всего Чосер увлекался современными ему французскими авторами.

С 1367 г. имя Чосера начинает упоминаться все чаще и чаще; за популярностью последовали назначения, пособия, подарки. Одной из самых значимых дат его биографии является 1372 год, когда поэту поручили вести переговоры с генуэзским дожем. Это была его первая документально зафиксированная поездка в Италию, оказавшая, наряду со второй в 1377 г., огромное влияние на его творчество. Также он был в составе посольства во Флоренцию. Флоренция — Звезда Возрождения, без сомнения сыграла решающую роль в его литературной судьбе. Доподлинно неизвестно, встречался ли Чосер с гениями Ренессанса, но именно оттуда, по оперативным данным, Чосер вывез рукописи Данте, Петрарки и Боккаччо. Поездки в Италию, скорее всего, и сделали талантливого средневекового англичанина человеком эпохи Возрождения.

До Италии Чосер был увлечен Францией и ее куртуазной лирикой. Он не мог равнодушно относиться к стране Святого Людовика. Там он получил свое боевое крещение и попал в плен. Тяготы войны, кровопролитные бои с французской

армией и утонченная культура королевства лилий оставили неоднозначный след в душе поэта. Недаром перу Чосера принадлежит не дошедший до нас перевод одного из популярнейших произведений средних веков – «Романа о розе».

Тяжелая ноша, свалившаяся на Чосера, занявшего должность королевского оруженосца, заставила его покориться обстоятельствам и привыкнуть к совершенно иной роли и обязанностям. «С конца XIV века социальная группа сквайров становится практическим олицетворением целей, выполняет обязанности, которые считались рыцарскими. Большой и постоянно растущей долей рыцарей графств становятся сквайры. Титул сквайра означал как ранг, так и военную функцию его носителя. Раннее профессиональное определение – оруженосец – превратилось в почетный титул «скайр», свидетельствующий о благородном происхождении и богатстве его обладателя и дававший ему право на свой герб», – отмечал отечественный исследователь В.И. Золотов [3, с. 69].

Став королевским камердинером, Чосер не мог оставаться в стороне от жизни королевской семьи, ее радостей, горестей, семейных несчастий и тайн. В течение 13 лет, с 1367 по 1379 гг., с различными поручениями он ездил на континент. В ходе этих поездок будущий «отец английской поэзии» узнал много полезного и нового для себя. Именно посетив Италию, он почувствовал всю важность своего призвания, и это, безусловно, повлияло на его «Кентерберийские рассказы», которые он тогда же, вероятно, и задумал. Наряду с описаниями повседневности, в них проявляется восприятие и отношение поэта к важнейшим вопросам внутренней и внешней политики. Эти материалы представляют интерес не только потому, что дают представления о тех или иных аспектах жизни англичан той эпохи, но позволяют проследить процесс формирования английской нации. Кроме того, «Кентерберийские рассказы» позволяют лучше узнать их автора и услышать как бы из его уст о нем самом то, что могло быть неверно понято и оценено современниками.

Английское общество XIV века в Кентерберийских рассказах Джеффри Чосера, представлено следующим образом:

С О Ц И А Л Ь Н Ы Е Г Р У П Ы	Служители Церкви	В целом, негативное отношение к английскому клиру. Противопоставление большинству простого священника
	Рыцарство и землевладельцы	Рыцарь – самый почитаемый автором персонаж. Верность вассальной присяге в бытность Чосера при дворе выразились как в особом уважении к рыцарю, так и в положительном отношении к остальным представителям данной группы
	Горожане и те, кого можно к ним отнести	Наиболее широко представлены в поэме. Чосер рисует этот слой как наиболее передовую часть общества. Чувствуется личная симпатия к ним и близкое знакомство с их жизнью
	Образ правителя	Правителей нет среди героев поэмы, хотя каково отношение автора к власти, можно понять по содержанию Кентерберийских рассказов

Чосер любил и ценил хорошую книгу. В свои творческие годы, проведенные в башне Олдгэйт, он много читал, а позднее в одинокой старости книга заменяла ему и семью, и немногочисленных друзей. На многие годы его спутником стал трактат Боэция «Об утешении философией», который он не только прочел, но и перевел. Однако книги не могли заслонить от Чосера жизнь [4, с. 20].

Новеллы «Кентерберийских рассказов», весьма разнообразные по своему содержанию, дают возможность ознакомиться со многими сторонами жизни Чосера. Они помогают прояснить взгляды поэта на те или иные жизненные вопросы, а также

позволяют проследить эволюцию его мировоззрения, изучить его отношение к семье, его личные качества. Новеллы, написанные одним человеком, неодинаковы по масштабу, по-разному отражают глубину авторского восприятия, причем часто одного и того же явления, поскольку обращены к различным адресатам. Поэтому особенно важно попытаться комплексно и всесторонне изучить «Кентерберийские рассказы», дабы четко понять авторскую позицию и его видение ситуации.

Помещение в произведение самого себя в качестве персонажа и отслеживание черт поэта в других героях позволило Чосеру проанализиро-

вать свои поступки и переживания. На страницах поэмы появляются рассуждения о любви, о вере, долге и обязанностях. Чосер заносил свои впечатления от занятий государственными делами, о встречах с людьми, давал критические отзывы о людях и нравах. Сюжеты в «Кентерберийских рассказах», связанные с проблемами, которые особенно волновали Джеффри Чосера, отличает яркость, сильная эмоциональность, когда он зачастую не стеснялся резких выражений.

Очень емкую характеристику «Кентерберийским рассказам» дал известный английский историк Джон Ричард Грин: «Свое воспитание, не книжное, а житейское, Чосер получил на войне, в судах, на работе, в путешествиях, и он любит жизнь – тонкость ее чувства, широту ее иронии, ее смех и ее слезы, нежность ее Гризельды или

смехотворные приключения мельника и клерков. Эта сердечная широта, эта широкая терпимость позволяет ему изображать человека так, как не изображал его никто, кроме Шекспира, изображать его с такой живостью, тонким пониманием и добродушным юмором, которого не превзошел сам Шекспир» [5, с. 230].

Несмотря на широкую прижизненную славу, судьба Чосера была сложной, а старость – одинокой. В 1399 г. фортуна улыбнулась ему в последний раз. На английском престоле оказался сын его бывшего покровителя, Ланкастера, Генри Болингброк. Генрих IV вспомнил о Чосере и позаботился о нем. Однако покровительство было недолгим: в октябре 1400 г. Джеффри Чосер умер. Поэт был похоронен в Вестминстерском аббатстве.

Ссылки и библиография:

1. Дэниел К. Англия. История страны (пер. с англ). – М.: ЭКСМО, 2008. – 480 С.
2. Тревельян Д. М. Социальная история Англии / пер. с англ. – М., 1959. – 80 С.
3. Золотов В.И. Английское общество накануне Войны Роз. – Брянск: БГПУ, 1995. – 114 с.
4. Кашкин И.А. Вступительная статья к «Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера // Чосер Дж. Кентерберийские рассказы. – М., 1988. – 20 С.
5. Грин Д.Р. Краткая история английского народа /пер. с англ. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Кучково поле, 2007. – 886 с.

References (transliterated).

1. Deniel K. Angliya. Istoriya strany (per. s angl). – М.: EKSMO, 2008. –480 S.
2. Trevelyan D. M. Socialnaya istoriya Anglii. Per.s angl.–М., 1959. – 80 S.
3. Zolotov V.I. Anglijskoe obshhestvo nakanune Vojny Roz. – Bryansk: BGPU, 1995. – 114 s.
4. Kashkin I.A. Vstupitelnaya statya k «Kenterberijskim rasskazam» Dzh. Chosera // Choser Dzh. Kenterberijskie rasskazy. – М., 1988. – 20 S.
5. Grin D.R. Kratkaya istoriya anglijskogo naroda /per. s angl. – 2-e izd. ispr. i dop. – М.: Kuchkovo pole, 2007. – 886 s.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Альбрехт Анна – доктор права, профессор, юридический факультет Потсдамского университета.

Барышева Ксения Александровна – кандидат юридических наук, старший преподаватель, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), kbarysheva@hse.ru.

Белик Валерий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент Ведущий научный сотрудник Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, Почетный адвокат России, web@fa.ru.

Бодров Николай Филиппович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), эксперт АНО «СОДЭКС МГЮА имени О.Е. Кутафина», член Союза криминалистов и Криминологов.

Галяшина Елена Игоревна – доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), egalyashina@gmail.com.

Дубовик Ольга Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник ИГП РАН, o.l.dubovik@yandex.ru.

Есаков Геннадий Александрович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминалистики факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, Почетный работник высшего профессионального образования России, член Научно-консультативного совета Верховного Суда России, Вице-президент Союза криминалистов и криминологов.

Захарова Мария Владимировна – кандидат юридических наук доцент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), avis_777@mail.ru.

Кирпичев Александр Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, raj@aekirpichev.ru.

Кулаков Владимир Викторович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, faust-ul2004@ya.ru.

Лебедев Семен Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Мацкевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, президент союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, mackevich2004@mail.ru.

Мацкевич Оксана Валерьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Академии Следственного комитета РФ.

Митч Вольфганг – доктор права, профессор, Заведующий кафедрой уголовного права, ювенального уголовного права и криминологии юридического факультета Потсдамского университета.

Морозов Александр Алексеевич – преподаватель кафедры Истории МГЮА, аспирант кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики МПГУ, a.morozov.87@list.ru.

Понятовская Татьяна Григорьевна – доктор юридических наук, профессор, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Рарог Алексей Иванович – доктор юридических наук, профессор научный руководитель кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ.

Редникова Татьяна Владимировна – кандидат юридических наук, научный сотрудник ИГП РАН.

Селиверстов Вячеслав Иванович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры уголовного права и криминологии, научный руководитель НОЦ «Проблемы уголовно-исполнительного права» Юридического факультета Московского государственного университета (МГУ) им. М.В. Ломоносова.

Серебренникова Анна Валерьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Юридический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова.

Серова Ольга Александровна – доктор юридических наук, профессор, Заведующая кафедрой гражданского права и процесса Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, OlgSerova@kantiana.ru.

Степанов-Егиянц Владимир Георгиевич – кандидат юридических наук, заместитель декана юридического факультета, доцент кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, vgstepanov@rector.msu.ru.

Федоров Александр Вячеславович – кандидат юридических наук, профессор, заместитель председателя Следственного комитета Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва), 1956af@mail.ru.

Штайнберг Георг – доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Потсдамского университета.

ABOUT THE AUTHORS

Albrecht Anna H. – Doctor of Law, professor The law faculty of Potsdam University.

Barysheva Ksenia A. – Candidate of legal sciences, senior lecturer (National research University Higher school of Economics (HSE)), kbarysheva@hse.ru.

Belik Valeriy N. – Candidate of legal Sciences, associate Professor, Leading researcher of the Institute of effective state and civil society of Financial University under the Government of the Russian Federation, The honourable lawyer of Russia, web@fa.ru.

Bodrov Nikolay F. – Candidate of legal Sciences Moscow State Legal O. E. Kutafin University, The chair of forensics, senior lecturer expert ANO “SODEKS of the Moscow State Legal O. E. Kutafin University.

Dubovik Olga L. – Chief researcher of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, o.l.dubovik@yandex.ru.

Esakov Gennady A. – Doctor of law, professor, head of department of criminal law and criminalistics of National Research University Higher School of Economics.

Fedorov Alexander V. – Deputy Chairman of the Investigative Committee Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow), 1956af@mail.ru.

Galyashina Elena I. – Doctor of legal sciences, doctor of philological sciences, professor, deputy manager of chair Kutafin Moscow State Law University (MSAL), egalyashina@gmail.com.

Kirpichev Aleksandr E. – Candidate of Legal Sciences, Russian academy of justice Associate professor of the Civil Law Department, raj@aekirpichev.ru.

Kulakov Vladimir V. – Doctor of Law, professor, professor of the Civil law Department Russian Academy of Justice, faust-ul2004@ya.ru.

Lebedev Semyon Y. – Doctor of legal Sciences, Professor, honored lawyer of the Russian Federation.

Matskevich Igor M. – Doctor of Law, Professor, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Head of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Matskevich Oksana V. – Associate Professor of humanitarian and socio-economic disciplines of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of legal sciences.

Mitsch Wolfgang – Dr. iur. habil., Professor, Head of the Chair, Criminal law juvenile criminal law and criminology Department, Law faculty of Potsdam University.

Morozov Alexander A. – Lecturer of the Chamber history of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Postgraduate student of the Department of modern and contemporary history in Institute of history and politics of the Moscow State University of Education (MSPU), a.morozov.87@list.ru.

Ponyatovskaya Tatiana G. – Doctor of legal Sciences, Professor, The chair for criminal law Moscow State Legal O. E. Kutafin University (MSAL)).

Rarog Alexey I. – Doctor of legal Sciences, Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Head of the chair of criminal law Moscow State Legal O. E. Kutafin University (MSAL).

Rednikova Tatiana V. – Candidate of legal Sciences, Research associate, Department of environmental law research, Institute of state and law of Russian Academy of Sciences, Moscow.

Rudakouskaya Alena (LL.M.) – Member of academic staff in the department for Criminal and Commercial Criminal Law chaired by Prof. Dr. Uwe Hellmann at the University of Potsdam.

Seliverstov Vyacheslav I. – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, scientific supervisor of REC "Problems of the criminal-executive law Faculty of Law Moscow State University (MSU) of M.V. Lomonosov.

Serebrennikova Anna V. – Professor, Doctor of legal sciences, Chair for criminal law and criminology Moscow State M. V. Lomonosov University.

Serova Olga A. – Doctor of legal Sciences, Professor, Head of chair of civil law and process Immanuel Kant Federal University, OlgSerova@kantiana.ru.

Stage Diana – Doctor, Lawyer and member of academic staff in the department for Criminal and Commercial Criminal Law chaired by Prof. Dr. Uwe Hellmann at the University of Potsdam.

Steinberg Georg – Dr. iur. habil., Professor, Head of the Chair, Criminal law and the Criminal Process Department of the law faculty, Potsdam University.

Stepanov-Egiyants Vladimir G. – Deputy dean of Law Faculty, associate professor of Chair of criminal law and criminology, Lomonosov Moscow State University, Candidate of legal sciences, vgstepanov@rector.msu.ru.

Storey Jessica – Academic assistant in the department for Criminal and Commercial Criminal Law chaired by Prof. Dr. Uwe Hellmann at the University of Potsdam.

Zakharova Maria V. – Candidate of legal sciences, Associate Professor of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), avis_777@mail.ru.

Zaytsev Oleg A. – Doctor of legal Sciences, Professor, Honored Science worker of Russian Federation, Honoured worker of High Education of Russian Federation Vice-President of the Union of criminalists and criminologists.

ПАМЯТКА ПО ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ ЛЯ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация – от 1 500 до 3 000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance.	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора, и его силами и средствами.

II. Статья.

Сведения об авторе, которые необходимо указывать

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. Важно: в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки.

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Пример оформления ссылки на электронный источник:

Петров И.В. Актуальные вопросы уголовного права // библиографические данные источника. URL: <http://zhurnal.nhp.relarn.ru/articles/1985/028.pdf> (дата обращения: 06.05.2017)

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на английском языке:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // *Lex Russica*. 2016. № 12. С. 32–38

Kachalov V.V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv]. *Lex Russica*, 12, 32–38. (in Russ.)

ZUSAMMENFASSUNG UND SCHLÜSSELWÖRTER

Unternehmenshaftung: Strafrecht und Strafverfahrens Aspekte

Thesen des Berichts auf einer Sitzung der Union der Kriminalisten und Kriminologen

22 Dezember 2016, Moskau

Fedorov A.V.

Ziel. Die strafrechtliche Verantwortung von juristischen Personen wurde bereits in mehr als 70 Ländern eingeführt, und es gibt die Tendenz, die Zahl dieser Länder zu erhöhen. Dies ist auf objektive Gründe zurückzuführen, die in erster Linie auf die Entwicklung der sozioökonomischen Beziehungen zurückzuführen sind. Besonders wenn in Bezug auf bestimmte Arten von Verbrechen die Rolle eines Individuums als Verbrecher sekundär ist, wird die juristische Person als eigentlicher Verbrecher in den Vordergrund gestellt. Juristische Person erhält illegal monetäre oder sonstige Leistungen aus kriminellen Aktivitäten.

Methodik: die dialektische Methode, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, soziologische Methode, formal-rechtliche Methode, systematische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Als Ergebnis der Studie kommt der Autor zum Schluss, dass es Voraussetzungen für die Einführung der strafrechtlichen Haftung von juristischen Personen in der Russischen Föderation gibt. Der Autor beweist die Notwendigkeit der strafrechtlichen Haftung von juristischen Personen in Russland einzuführen und benutzt als Argumentation die Erfahrung im Ausland und die Unwirksamkeit der Maßnahmen, die gegenüber juristischen Personen angewandt werden können in der bestehenden Gesetzgebung der Russischen Föderation.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Studie entwickelt und präzisiert anspruchsvolle und praktisch relevante Problem der strafrechtlichen Haftung von juristischen Personen. der Autor begründet die Notwendigkeit der Einführung einer strafrechtlichen Haftung juristischer Personen in Russland mit dem Hinweis auf ausländische Erfahrungen und auf die Ineffizienz der im Russischen Recht vorhandenen Maßnahmen.

Stichwörter: strafrechtliche Haftung, Straftat, Schuld, Subjekt der Straftat, die strafrechtliche Haftung der juristischen Personen, die administrative Haftung der juristischen Personen, Subjekt der strafrechtlichen Haftung, sozial-gefährdende Handlungen der juristischen Personen, Strafverfahren und das Verfahren für die Untersuchung von Ordnungswidrigkeiten von juristischen Personen.

Kriminologie, strafrechtliche Haftung juristischer Personen

Matzkevich I.M.

Ziel ist eine Bewertung der strafrechtlichen Haftung der juristischen Personen zu geben und strittige Fragen im Zusammenhang mit der Notwendigkeit der Einführung einer solchen Haftung zu erkunden, die Argumente für die Einführung einer strafrechtlichen Haftung juristischer Personen und dagegen zu analysieren. Dabei müssen die vorgeschlagenen gesetzlichen Konstruktionen der strafrechtlichen Haftung von juristischen Personen beachtet werden.

Methodik: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien.

Schlussfolgerungen. Vorgeschlagen wird die Klassifizierung der grundlegenden Sichtweisen auf die strafrechtliche Haftung juristischer Personen: 1) das Problem der strafrechtlichen Haftung von juristischen Personen wurde aktuell nach dem Zweiten Weltkrieg; 2) die Pioniere der Einführung der strafrechtlichen Haftung von juristischen Personen sind wie auch in vielen anderen Rechtsfragen, USA geworden; 3) im sowjetischen Recht gab es kein Konzept der strafrechtlichen Haftung juristischer Personen. Die Schlussfolgerung über die Notwendigkeit einer schrittweisen Einführung der strafrechtlichen Haftung von juristischen Personen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Zusammenfassung der bestehenden Ansätze zur Einführung der strafrechtlichen Haftung von juristischen Personen in der Russischen Gesetzgebung. Auf der Grundlage der entwickelten Ansätze zur Einführung einer solchen im Projekt des Strafgesetzbuches von 1994, wird die Hypothese über die möglichen Auswirkungen auf legislative Prozesse der Rechtsanwendungspraxis. Wenn die strafrechtliche Haftung juristischer Personen damals worden wäre, würden wahrscheinlich viele komplexe Fragen durch Gerichtspraxis entschieden werden können.

Stichwörter: Konzept, Gesetz, Abkommen, juristische Person und strafrechtliche Haftung, die administrative Haftung, Gesellschaft, Rechtsanwender, kollektive Einheit, die Konvention, die Staatsanwaltschaft, das Gericht.

Strafrechtliche Haftung juristischer Personen als geeignete Konstruktion, die vergessen werden sollte

Esakow G.A.

Ziel. Durch eine kritische Aufarbeitung eine mit Gründen versehene Einschätzung der Nützlichkeit und Notwendigkeit der Einführung einer strafrechtlichen Haftung juristischer Personen in der Russischen Föderation zu geben.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-juristische Methode.

Schlussfolgerungen. Der Autor des Artikels kommt zu dem Schluss, dass aus der Sicht des materiellen Rechts eine längst überfällige Notwendigkeit angemessener Abgrenzung der Rechte der Ordnungswidrigkeiten und des Strafrechts und eine breitere Diskussion über die repressiven Bereiche unserer Rechte und Systematisierung der Sanktionen überhaupt notwendig ist. Zur gleichen Zeit, die üblichen Argumente zur Unterstützung der Einführung der strafrechtlichen Haftung von juristischen Personen können eine Antwort mit Hilfe der bestehenden gesetzlichen Modellen gesetzliche Haftung bieten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Beurteilung der Notwendigkeit der Einführung in der modernen Russischen Strafrecht des Instituts der strafrechtlichen Haftung juristischer Personen. der Autor fundiert begründet Frühreife seiner Einführung, sowie die Möglichkeit der Nutzung des betreffenden Instituts im Gegenzug die bestehenden gesetzlichen Modellen gesetzliche Haftung.

Stichwörter: Strafbarkeit juristischer Personen eine juristische Person, eine Ordnungswidrigkeit, eine Straftat, Strafe, Strafprozess.

Die strafrechtliche Haftung der juristischen Person ist die gleiche rechtliche Fiktion, wie auch eine juristische Person selbst (polemische Randnotizen der Rechnung «Über die Modifizierung in einigen Gesetzgebungsakten der Russischen Föderation im Zusammenhang mit der Einführung des Instituts der strafrechtlichen Haftung juristischer Personen»)

Lebedew S.Y.

Ziel. Geben Sie eine Bewertung der möglichen negativen Folgen der Einführung in der Russischen Föderation des Instituts der strafrechtlichen Verantwortlichkeit juristischer Personen, bieten Alternative seiner Einführung rechtliche Mittel zur Lösung von Problemen.

Methodik: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien.

Schlussfolgerungen. Die Entwicklung im Rahmen der inländischen Strafrecht des Instituts der strafrechtlichen Verantwortlichkeit der juristischen Person fähig ist, untergraben die Fundamente der Mehrheit der bestehenden, zumindest in seiner Allgemeinen Teile, kriminell-rechtlichen Institutionen und somit in der Summe führen zur Zerstörung des etablierten Systems in Russland Strafverfahren. Nach Meinung des Autors die Haftung der juristischen Personen – ist eine Fiktion, und damit Ihre rechtliche Legalisierung, gibt es die Beseitigung des Grundsatzes der Schuld als Grundlage der strafrechtlichen Verantwortlichkeit. Ähnliche Probleme ergeben sich mit der Anwendung und anderer Grundsätze des Strafrechts. Als Gegenleistung für die Errichtung der selbständigen Strafbarkeit der juristischen Person des Autors bietet eine Einführung in die russische strafrechtliche Umsatz des Instituts der Kommission des Verbrechens im Interesse und (oder) mit der Nutzung der Rechtsform einer juristischen Person. Der Autor wird auch angeboten, um das Ziel zu erreichen ist es sehr strenge gesetzliche Verantwortung der juristischen Person verwenden, die vorhandene Möglichkeit der Liquidation der juristischen Person in übereinstimmung mit den Bestimmungen des Artikels 61 des Bürgerlichen Gesetzbuches der Russischen Föderation.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung der wissenschaftlichen Artikels besteht in einer umfassenden Analyse der möglichen rechtlichen Konsequenzen der Einführung in der Russischen Föderation des Instituts der strafrechtlichen Verantwortlichkeit, Probleme der Anwendung zu einer juristischen Person der Grundsätze des Strafrechts, die Grundlage der strafrechtlichen Verantwortlichkeit, Zeichen der subjektiven Seite.

Stichwörter: Gesetz, juristische Person und strafrechtliche Verantwortung, das Prinzip der Schuld, die Kriterien der Schuld, ein Verbrechen, das Gericht, die Persönlichkeit des Täters, die subjektive Seite, Kriminalität.

Über die zivilrechtliche Haftung von natürlichen und juristischen Personen bei der Begehung von Korruptionsdelikten

Kulakov V.V. , Kirpichev A.E.

Ziel. Der Artikel analysiert die Fragen der zivilrechtlichen Haftung für Korruptionsdelikte. Autoren analysieren die Bestimmungen des internationalen Vertrags des Europarats über die zivilrechtliche Haftung für Korruption (1999) und seine Übereinstimmung mit der russischen Gesetzgebung. Die Autoren betrachten die zivilrechtlichen Maßnahmen, die für Korruptionsdelikte angewendet werden. Diese Maßnahmen sind wirksam, da sie materiell sind. Sie können zusätzlich zu der Strafverfolgung wirksam Korruption entgegenwirken. Das entspricht den Interessen Russlands. Autoren haben gleichzeitig nationales und internationales Recht im Kampf gegen die Korruption berücksichtigt.

Methodologie: die dialektische Methode, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, soziologische Methode, formal-rechtliche Methode, systematische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Die Autoren der Studie betonen die Notwendigkeit neben Maßnahmen der strafrechtlichen Haftung gleichzeitig wirksame zivilrechtliche Maßnahmen zur Bekämpfung der Korruption zu verwenden. Diese Maßnahmen werden wirksam im Ausland eingesetzt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Studie entwickelt und präzisiert anspruchsvolle praktisch relevante Problem der zivilrechtlichen Haftung von natürlichen und juristischen Personen bei der Begehung von Korruptionsdelikten.

Stichwörter: Korruption, zivilrechtliche Haftung, Rechtsgeschäft, unwirksames Rechtsgeschäft, die Verjährungsfrist, ein internationaler Vertrag, der russische BGB, natürliche und juristische Personen.

Strafrechtliche Haftung juristischer Personen: Probleme der Theorie und Praxis

Serova O.A.

Ziel. Analyse der Praxis der Anwendung der strafrechtlichen Haftung im Ausland. Eine vergleichende Analyse der Argumente «für» und «gegen» die Einführung des Instituts der strafrechtlichen Haftung juristischer Personen in der Russischen Föderation, Probleme zu identifizieren und die möglichen negativen Folgen seiner Einführung.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien.

Schlussfolgerungen. Die Einführung des Instituts der strafrechtlichen Haftung juristischer Personen in Russland würde eine große Veränderung des gesamten Rechtssystems bedeuten. Die meiste Schuld der juristischen Person steht im Zusammenhang mit dem Fehlen des Mechanismus der Kontrolle über die Tätigkeit der Teilnehmer, Vertreter der juristischen Person. In dem Artikel begründet der Autor die Notwendigkeit einer langfristigen Studie der Probleme, da die Einführung der strafrechtlichen Haftung von juristischen Personen zu unerwünschten Folgen führen kann.

Nach Meinung des Autors, erfordert die Umsetzung der Idee der Einführung der strafrechtlichen Haftung von juristischen Personen in die russische Gesetzgebung enorme Transformationen – nicht nur Änderungen in der Gesetzgebung, sondern auch die Bildung von speziellen rechtlichen Doktrinen in den Bereichen des Strafrechts, des Zivilrechts, der Allgemeine Theorie der Rechte.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Analyse der ausländischen Erfahrungen zu der Anwendung des Instituts der strafrechtlichen Haftung juristischer Personen, und auch in der Ermittlung der wichtigsten Hindernisse, die der Einführung in das russische Recht des Konzepts der strafrechtlichen Haftung juristischer Personen im Weg stehen.

Stichwörter: Schuldfähigkeit juristische Person, die die administrative Haftung, die rechtliche Doktrin, Fiktion, Strafrecht, Schuld, Verbrechen, Zivilrecht, Täter, Kontrolle, Strafe.

Rechtliche Verantwortung für umweldelikte in Ungarn, Polen, Tschechien und Russland: Konflikte und Berührungspunkte

Dubovik O.L.

Ziel ist die Charakteristik der ursprünglichen Positionen der Russischen Rechtslehre zur Frage über den Begriff und die Grundlagen der rechtlichen Verantwortung für die Angriffe auf die Umwelt als Objekt, und solche Arten wie strafrechtliche und administrative Verantwortung. Die ausführliche rechtsvergleichende Analyse des Straf- und des Verwaltungsrechts einer Reihe von Ländern Osteuropas und Russlands, die Positionen der Russischen Rechtslehre in diesem Bereich mit den rechtssetzlichen Lösungen für diese Länder.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, rechtsvergleichende formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien.

Schlussfolgerungen. Die Problematik des kriminell-ökologischen und administrativ-ökologischen Rechts ist außerordentlich wichtig und erfordert die Entwicklung neuer, interdisziplinärer Ansätze, entschlossene Revision verwurzelter Stereotypen und die Suche nach neuen Lösungen zur Überwindung der globalen Bedrohungen für die Umwelt und lokalen privaten Übergriffen auf deren Objekte. Von großer Bedeutung ist die Umsetzung der Bestimmungen der EU-Richtlinie von 2008 über den strafrechtlichen Schutz der Umwelt, die grundsätzlich die Position der überwiegenden Mehrheit der Länder verändert hat, was zu einer grundlegenden Reform des Strafrechts über die Verantwortung für Umweltverbrechen geführt hat. Zehn Jahre nach seiner Verabschiedung müssen erneut die Ergebnisse ihrer Realisierung in verschiedenen Ländern analysiert werden, um die Wirksamkeit ihrer Empfehlungen zu überprüfen und der Rahmen der gesetzlichen Haftung für die Verletzung von Umweltschutzvorschriften zu präzisieren.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Informationen über das kriminell-ökologische und administrativ-ökologische Recht der ehemaligen sozialistischen Länder sind nicht öffentlich verfügbar, was die Berücksichtigung der positiven und negativen Erfahrungen der gesetzlichen Regelung der Haftung für Verletzung der Anforderungen schwierig macht. Die praktische Bedeutung der vergleichsrechtlichen Forschung in diesem Bereich wird durch rein rechtliche Umstände bestimmt, die mit der Erfüllung der internationalen Verpflichtungen, mit der Zusammenwirkung der Organe der Untersuchung im Rahmen des Interpol und anderer Formen der Zusammenarbeit verbunden sind. Die praktische Bedeutung ist auch mit der Verwendung der Entwicklungen im Bereich der Identifizierung von ungesetzlichen Eingriffen auf die Umwelt, seine Komponenten und Objekte, die ökologischen Rechte und Interessen von Bürgern, Gesellschaft, Staat verbunden.

Stichwörter: Verantwortung, Recht, Ordnungswidrigkeit, Straftat, Ökologie, Umwelt, Reform, Umweltverschmutzung, Umweltschäden.

Strafbarkeitsrisiken für die Unternehmensleitung bei Straftatbegehung durch Mitarbeiter

Albrecht A.H.

Ziel. Die Prüfung der Wahrscheinlichkeit einer strafrechtlichen Verantwortung des Managements des Unternehmens bei einer Straftat von Mitarbeitern dieses Unternehmens.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Rechtlich und tatsächlich schwieriger ist zu beurteilen, ob bzw. unter welchen Voraussetzungen die Unternehmensleitung sich nach deutschem Recht strafbar gemacht hat, wenn Mitarbeiter bei ihrer Tätigkeit im Unternehmen Straftaten begehen. Soweit eine aktive Verstrickung von Leitungspersonen aus Unternehmen an Straftaten von Mitarbeitern feststeht, fällt die rechtliche Beurteilung noch recht leicht. Wer bei den Mitarbeitern den Straftatentschluss hervorgerufen hat, trägt die Verantwortung wegen Teilnahme an der Straftat in der Form von Anstiftung. Umstritten ist, ob auch eine mittelbare Täterschaft des Vorgesetzten in Betracht kommt. Mittelbarer Täter ist gem. Hat eine aktive Beteiligung an der Tat der Mitarbeiter nicht stattgefunden oder ist sie zumindest nicht nachweisbar, ist an eine Unterlassensstrafbarkeit der Führungsebene zu denken. Wenn auch die Voraussetzungen der Unterlassenstrafbarkeit sich nicht feststellen lassen, dann bleibt § 130 OWiG.

In praktischer Hinsicht fällt der Nachweis einer Strafbarkeit häufig sehr schwer. Das betrifft die aktive Beteiligung ebenso wie die Voraussetzungen der Kausalität, der Zurechnung und des Vorsatzes. Mit § 130 OWiG ist jedoch eine Sanktionsmöglichkeit eröffnet, die diese Nachweisschwierigkeiten in der Praxis zumindest teilweise auffängt.

Dennoch kann wohl schon jetzt vorhergesagt werden, dass etwaige finanzielle Sanktionen gegen den VW-Konzern wegen des Abgasskandals nach deutschem Strafrecht gegenüber den teilweise schon feststehenden zivilrechtlichen Ansprüchen gering ausfallen würden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung der wissenschaftlichen Artikels besteht in einer umfassenden Betrachtung am Beispiel einer konkreten Situation der Möglichkeit der Anwendung der strafrechtlichen Verantwortung für Führung des Unternehmens bei einer Straftat von Mitarbeitern dieses Unternehmens.

Stichwörter: Straftat, strafrechtliche Verantwortung, administrative Verantwortung, Ordnungswidrigkeit, Vorsatz, Schuld, Handlung, Unterlassung, Führer, Mitarbeiter

Cyberstalking als eine neue Form der strafbaren Tathandlung

Barysheva K.A.

Ziel ist es eine Charakteristik des Begriffs „Unterdrucksetzen“ (Stalking), Cyberstalking zugeben; eine Definierung der öffentliche Gefahr der Tat – Verfolgung; die Bestimmung der Möglichkeit der Heranziehung zur kriminellen

Verantwortung für die ungesetzliche Verfolgung, den Eingriff in die Privatsphäre, in das Privatleben der Menschen laut der Gesetzgebung der Russischen Föderation.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Man muss positive Erfahrungen anderer Länder in der Frage der Regelung der Eingriffe in privates, persönliches Leben mit Hilfe von Normen des Strafrechts unter Einhaltung der Besonderheiten der im Land bestehenden Realitäten berücksichtigen. Man soll eine separate Zusammensetzung der Straf-Verfolgung die Allgemeine Norm für alle Kategorien von Bürgern erarbeiten, die zur Verantwortung für den emotionalen Terrorismus, die Hetze, das Stalking heranziehen lässt. Man muss die Bestimmung von Artikel 137 des Strafgesetzbuches mit Worten «... sowie illegale Verfolgung von Personen, einschließlich mit Hilfe von Telekommunikationseinrichtungen Kommunikation im Internet» ergänzen .

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Analyse der ausländischen Rechtsvorschriften, die strafrechtliche Verantwortung für die kriminelle Strafverfolgung vorsehen. Der Verfasser des Artikels bestimmt die Zusammensetzung der Tat, untersucht die Definition von Stalking, Cyberstalking in der juristischen Wissenschaft, Gesetzgebung und Rechtsprechung.

Stichwörter: Stalking, Cyberstalking, Verfolgung, strafrechtliche Verantwortung, Privatsphäre, Strafen.

Probleme der Heranziehung zur strafrechtlichen Verantwortung wegen Extremismus im Internet gemäß russischer Gesetzgebung

Bodrov N.F.

Ziel. Die Charakteristik dieser Kategorie von Straftaten, wie Verbrechen einer extremistischen Orientierung; der Schwierigkeiten bei der Durchsetzung der geltenden Rechtsvorschriften in diesem Bereich beim Verfahren von Verbrechen, die mit der Verbreitung von extremistischen Inhalten im Internet zusammenhängen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Erhebliche Schwierigkeiten bei der Rechtsanwendung bereiten Verfahren von Verbrechen, die mit der Verbreitung von extremistischen Inhalten im Internet verbunden sind, und die Gerichts- und Ermittlungspraxis ist bei solchen Verfahren äußerst widersprüchlich.

Der russische Gesetzgeber bewertet inkonsequent die rechtliche Bedeutung der Verbreitung von extremistischen Inhalten gerade im Internet also nicht durch Veröffentlichung in den Massenmedien.

Es ist zudem darauf hinzuweisen, dass die rechtlichen Begriffe in diesem Bereich noch recht unpräzise sind. Begriffe „soziale Gruppe“, „Beleidigung der Gefühle von Gläubigen“, „offene Missachtung“ werden nach wie vor von den Rechtsanwendern unterschiedlich ausgelegt, was zu widersprüchlichen Urteilen führt.

So werden die einfachsten „mechanischen“ Handlungen der Benutzer durch die Strafverfolgungsbehörden nicht selten als öffentliche Billigung und Verbreitung der Inhalte ausgelegt, obwohl einige Benutzer von der Funktionsweise der sozialen Netzwerke keine Vorstellung haben und somit keinen bestimmten Zweck verfolgen. Oft wird der Kontext der verbreiteten Inhalte bei der Einstufung einer Handlung nicht berücksichtigt.

Die genannten Umstände haben dazu geführt, dass in der wissenschaftlich-praktischen Diskussion der Begriff „Unrechtmäßiger Antiextremismus“ geprägt wurde, was die besonderen Probleme dieses Themas veranschaulicht.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in einer detaillierten Charakterisierung der Schwierigkeiten bei der Durchsetzung des Strafrechts für Verbrechen, die mit der Verbreitung von extremistischen Inhalten im Internet zusammenhängen.

Stichwörter: Internet, Extremismus, Verbrechen, Informationen, Daten, Rechtsanwendung, Verantwortung, Strafe

Strafrechtliche Umweltpolitik des russischen Staates in der Gegenwart

Dubovik O.L.

Ziel. Die Charakteristik strafrechtlichen-Umweltpolitik der Russischen Föderation, ihrer Struktur, der Probleme im Zusammenhang mit ihrer Bildung in der gegenwärtigen Phase und ihrer Rolle im Umweltschutz.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die staatliche Umweltpolitik der Russischen Föderation ist eine Zusammensetzung von zwei Arten der Rechtspolitik, ausgeübt von den verschiedenen Akteuren in solchen Bereichen wie Umweltschutz und die

Sicherung der Rechtsordnung und Gesetzlichkeit, der Kampf gegen die Angriffe auf die ökologischen und wirtschaftlichen Rechte und Interessen der Bürger, der Gesellschaft und des Staates. Sie ist eng mit der Aufgabe des Schutzes der nationalen Sicherheit Russlands verbunden.

Strafrechtliche Umweltpolitik in der Russischen Föderation ist ein komplexes Gebilde, dass auf den Daten des Straf- und Umweltrechts basiert, im Rahmen der Straf- und Umweltschutzvorschriften durch verschiedenste Akteure als kontinuierliche Tätigkeit realisiert wird.

Das Entstehen der strafrechtlichen Umweltpolitik kann noch nicht als abgeschlossen aus einer Reihe von Gründen betrachtet werden. Überholende Entwicklung der ökologischen Kriminalität, einschließlich der Erscheinung von neuen Arten des gefährlichen rechtswidrigen Benehmens; die Vernachlässigung der Aufgaben der Bekämpfung der ökologischen Verbrechen; mangelnde Bereitschaft der Gesellschaft, erhebliche Mittel für die Organisation und den Betrieb von speziellen Strukturen einzusetzen, deren Aufgabe ist es, Umweltverbrechen zu verhüten und zu unterbinden; der Mangel an geeigneter wissenschaftlicher Begleitung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung der wissenschaftlichen Artikels liegt in der Entdeckung der Strukturen strafrechtlichen-Umweltpolitik Russlands als eines komplexen, sich auf Daten des Strafrechts und Umweltrechts stützenden Instituts.

Stichwörter: Strafrecht, Umweltrecht, Politik, Subjekt, ökologische Verbrechen, Verhütung, Staat.

Belehrung des Zeugen über seine Rechte im Strafverfahren

Zaytsev O.A.

Ziel. Eine vergleichende Analyse der Anforderungen der Gesetzgebungen von Russland und Deutschland im Teil der Erläuterungen den Zeugen ihrer Rechte im Rahmen des Strafverfahrens. Eine Einschätzung der Ebene der normativ gesetzlichen Regelung in diesem Bereich und der Angemessenheit der bestehenden Garantien der Rechte von Zeugen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Eine klare und rechtzeitige Belehrung des Zeugen über seine Rechte und Pflichten ist eine grundlegende Voraussetzung für ihre Ausübung und die effektive Beteiligung von Personen im Strafverfahren. Obwohl der Zeuge verfassungsrechtlich garantierte Rechte und einen Anspruch auf Beachtung dieser Rechte hat, genügen diese Garantien allein nicht, seine Rechte im Strafverfahren wirksam zu schützen.

Zur Gewährleistung der größtmöglichen Wirksamkeit der Belehrung genügt es, dem Verfahrensbeteiligten seine grundlegenden Rechte (die in der für den Betroffenen einschlägigen Vorschrift der Strafprozessordnung geregelt sind) und die Rechte in der konkreten Verfahrenssituation (d.h. die Rechte, die gerade für die Durchführung des bevorstehenden Untersuchungsverfahrens relevant sind) mitzuteilen, und zwar vor der Vornahme der Maßnahme in schriftlicher Form, um die Verständlichkeit zu gewährleisten, sowie unter Beachtung der gesetzlichen Vorschriften.

Die vergleichende Analyse der russischen und deutschen Strafprozessgesetzgebung zur Belehrung des Zeugen über seine Rechte und Pflichten zeigt, dass die deutsche Strafprozessordnung detaillierte Regelungen enthält. Dadurch werden in einem größeren Ausmaß die notwendigen Voraussetzungen für die wirksame Ausübung der Rechte durch den Zeugen sowohl im Ermittlungsverfahren als auch in der Hauptverhandlung geschaffen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Artikel bringt Nachteile und ermöglicht die Bestimmung der wichtigsten Richtungen der Verbesserung der strafrechtlich-prozessualen Gesetzgebung der Russischen Föderation im Bereich der Sicherung den Zeugen des Schutzes ihrer verfassungsmäßigen Rechte und Interessen im Rahmen des Strafverfahrens.

Stichwörter: Strafprozess, Strafprozessrecht, Zeuge, Rechte, Interessen, Gerichtsverfahren.

Strafrechtliche Nebengesetze der Russischen Föderation

Matskevich I.M.

Ziel. Eine Charakteristik des bestehenden Systems der strafrechtlichen Nebengesetze der Russischen Föderation, der Gründe deren Entstehung. Ein Vergleich mit ähnlichen Instituten in der Gesetzgebung der UdSSR, die Bestimmung der Vorteile der modernen strafrechtlichen Nebengesetze Russlands sowie die Begründung der Notwendigkeit der Anerkennung ihrer Existenz.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Zu den Vorteilen des modernen russischen Strafrechts werden dagegen die folgenden Aspekte gezählt:

- 1) Gezielte Ausrichtung (auf die Lösung der bestimmten Aufgaben);
- 2) Temporalität (nachdem die Aufgaben gelöst werden, kann das Gesetz abgeschafft werden);
- 3) Systemcharakter der Gesetze (Änderungen des allgemeinen Strafrechts sind nicht notwendig).

Die Ignoranz der bestehenden strafrechtlichen Nebengesetze hat jedoch die Unvollständigkeit des allgemeinen Strafrechts zur Folge. Die Ignoranz der gerichtlichen Präzedenzfälle durch den Obersten Russischen Gerichtshof in der Form kann zur Doppelsinnigkeit und Unklarheiten führen. Das ist für jegliche moderne Gesetzgebung schädlich.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Begründung der Anerkennung des Instituts der strafrechtlichen Nebengesetze in der Russischen Föderation.

Stichwörter: strafrechtlichen Nebengesetze, Strafrecht, Rechtsakt, Gesetz, Verantwortung, Verbrechen .

Strafbarkeit der Nichtzahlung des Arbeitslohns

Matskevich O. V.

Ziel. Eine Charakteristik der Straftat nach § 145.1 StGB RF für die Nichtzahlung des Gehaltes. Es gibt zwei Gruppen von Methoden der kriminell strafbaren Nichtzahlung: die vollständige Nichtzahlung der Löhne und die Auszahlung der Löhne nicht in voller Höhe; die Analyse der statistischen Daten der Anwendung der angegebenen Vorschriften in der Russischen Föderation, um die Ursache von Entscheidungen über die Verweigerung in der Einleitung von kriminellen Fällen auf die Nichtzahlung des Gehaltes.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Bei einer wirtschaftlichen Destabilisierung des Landes können die Fälle der Nichtzahlung des Arbeitslohns häufiger auftreten. Die Anzeigen der Straftat nach Art. 145.1 StGB RF stammen häufig von Arbeitnehmern, die seit längerer Zeit die gesetzlich bestimmte Entlohnung nicht erhalten haben.

Oft genug werden die angegebenen Verbrechen während der Kontrollen von Staatsanwälten der Umsetzung der Rechtsvorschriften festgestellt, viel weniger bekommt man Nachrichten von anderen Aufsichtsbehörden.

Zu den Gründen für die überwiegende Ablehnung der Einleitung eines Strafverfahrens gehören die folgenden: das gewerbliche Unternehmen hat keine finanziellen Mittel aufgrund von Verlusten aus der wirtschaftlichen Tätigkeit; der Zeitraum der Nichtzahlung des Arbeitslohns war geringer, als es Art. 145.1 StGB RF vorsieht; das tatsächliche Arbeitsverhältnis wurde nicht festgestellt; die Höhe des dem Arbeitnehmer mündlich zugesagten Arbeitslohnes stimmte nicht mit der im Arbeitsvertrag festgelegten Entlohnung überein; die Steuerzahlungen an die Steuerbehörden, die vorrangig zu leisten sind, wurden erfüllt; der Arbeitnehmer hat schuldhaft die arbeitsvertraglichen Pflichten nicht erfüllt oder dem Arbeitgeber die für die Auszahlung von Unterstützungen erforderlichen Dokumente nicht angefertigt oder nicht vorgelegt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels ist die Charakterisierung des Straftatbestandes nach Artikel 145.1 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation, sowie der Identifizierung die Gründe, die zur Ablehnung eines Strafverfahrens für die Nichtzahlung des Gehaltes führen.

Stichwörter: Strafgesetzbuch, Verbrechen, Löhne, Motiv, Täter, Nichtzahlung, Ordnung, Fristen.

Glyphosat und Strafrecht

Mitsch W.

Ziel. Die Analyse die Möglichkeit der Anwendung von Maßnahmen der strafrechtlichen Verantwortlichkeit der EU-Mitgliedstaaten für die Glyphosat Nutzung.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die Durchführungsverordnung der EU-Kommission ist keine unmittelbar strafrechtliche Maßnahme, hat aber erhebliche Beschränkungswirkungen gegenüber der Anwendung des Strafrechts in den EU-Mitgliedstaaten. Sachlicher Grund ist letztendlich das Fehlen hinreichend belegter Risikoprognosen. Die Kriminalpolitik in den Mitgliedstaaten hat keine Möglichkeit, sich über die europarechtliche Vorgabe hinwegzusetzen und zur Erhöhung des Schutzniveaus dem Strafrecht eine niedrigere Risikoschwelle zugrunde zu legen. Zur Abwehr möglicher Krebsgefahren wäre ein Glyphosatverbot mit Strafdrohung auf dieser Basis ohne weiteres legitimierbar.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des Artikels liegt in der Beurteilung der Notwendigkeit einer Verbesserung des Strafrechts im Falle der Einführung des Verbots der Verwendung von Glyphosat.

Stichwörter: Regulierungen, strafrechtliche Verantwortung, Risiko, Prognose, Europäische Union, Verbot, Kriminalpolitik Politik, Glyphosat

Beunruhigende Entwicklung der Russischen strafrechtlichen Politik

Ponyatovskaya T.G.

Ziel. Die rechtliche Beurteilung von Problemen der Differenzierung und Individualisierung der strafrechtlichen Verantwortung.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. In der Lösung von strafrechtlichen Aufgaben haben der Gesetzgeber und das Gericht verschiedene Funktionen. Die Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortung ist eine integrale Funktion des Gesetzgebers. Die Funktion des Gerichtes ist Individualisierung der strafrechtlichen Verantwortung, bei deren Umsetzung das richterliche Ermessen ein unverzichtbarer Mechanismus ist. Die Abgrenzung dieser Funktionen ist eines der zentralen Themen der strafrechtlichen Politik.

In der heutigen Zeit enthält Teil 6 § 15 StGB eine Bestimmung, wonach das Gericht berechtigt ist, eine Kategorie für wenig schwere Verbrechen unter Berücksichtigung der Umstände des Einzelfalls zu ändern. Somit ist die Differenzierung der Verantwortung durch den Eingriff von Mechanismen der Individualisierung verletzt, was zwangsläufig eine Lawine von strafrechtlichen Folgen hervorruft.

Diese zerstörerische Arbeit war mit dem Institut des Rückfalls als juristische Tatsache getan. Der Staat als Subjekt des Strafrechts entweicht im wesentlichen der objektiven sozialpolitischen Bewertung am meisten einer schwereren Art der Wiederholung von Verbrechen, so dass die Entscheidung einer juristischen Angelegenheit völlig auf das richterliche Ermessen fällt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels ist in der analytischen Beurteilung von Problemen der Differenzierung und Individualisierung der strafrechtlichen Verantwortung im Zusammenhang mit der Abgrenzung dieser Funktionen zwischen dem Gesetzgeber und dem Gericht.

Stichwörter: der Gesetzgeber, Gericht, strafrechtliche Verantwortung, Differenzierung, Individualisierung, Verbrechen, Kategorie

„Kleine“ Bestechung im russischen Strafrecht

Rarog A.I.

Ziel. Analyse der Entwicklung der Normen, die strafrechtliche Verantwortung für die Bestechung, im historischen Aspekt. Eine rechtliche Bewertung der heute bestehenden Normen des Strafgesetzbuches, die Haftung für die kleine Bestechung.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Den nächsten Schritt auf dem Weg der Differenzierung der Sanktionen in Abhängigkeit von der Höhe der Bestechungssumme machte der Gesetzgeber durch die Ergänzung des StGB RF im Zusammenhang mit der Bestechung durch eine geringe Summe. Art. 2912 StGB RF sieht für Bestechlichkeit, Bestechung und Vermittlung der Bestechung leichtere Arten der Bestrafung vor..

Diese Norm konkretisiert zudem den Begriff der geringen Höhe der Bestechungssumme. Eine Anmerkung zu Art. 2912 StGB RF bestimmt, dass der Bestechende nicht bestraft wird, wenn er aktiv zu der Aufdeckung und/oder der Untersuchung einer Tat, an der er beteiligt war, beigetragen hat oder zur Zahlung eines Bestechungsgeldes genötigt wurde oder die Strafverfolgungsorgane über ein begangenes Bestechungsdelikt freiwillig informiert. Alternativ kommt die Strafbefreiung in Betracht, wenn der Täter zur Zahlung eines Bestechungsgeldes genötigt wurde oder wenn er die Bestechung der Strafverfolgungsbehörde freiwillig (nach der Tatbegehung) gemeldet hat.

Artikel 2042 StGB RF um die Bestechung im geschäftlichen Verkehr mittels einer kleinen Bestechungssumme. Die Wirtschaftsbestechung ist in Anlehnung an die Amtsträgerbestechung ausgestaltet und erfasst Tätigkeiten im Bereich kommerzieller und anderer Organisationen. Im Gegensatz zu der Anmerkung zu Art. 2912 StGB RF, nach der nur der Bestechende Straffreiheit erlangen kann, bezieht sich die Anmerkung zu Art. 2042 StGB RF auf alle Wirtschaftsbestechungsfälle mit einer kleinen Bestechungssumme; nach dem Wortlaut des Gesetzes gilt die Strafbefreiungsmöglichkeit also nicht nur für die aktive, sondern auch für die passive Bestechung im geschäftlichen Verkehr. Diese abweichenden Entscheidungen zeigen einmal mehr, dass der russische Gesetzgeber nicht immer durchdachte Positionen bei der Lösung identischer Probleme findet.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung der wissenschaftlichen Artikels besteht in der Analyse von neuen Normen des Strafgesetzbuches, die die Haftung für Bestechung und Korruption in der Wirtschaft, vorsieht, und im durchgeführten Vergleich deren Anforderungen.

Stichwörter: Verbrechen, Bestechung, Verantwortung, Korruption, Höhe, Gesetzgebung, Bestechende, Bestechene, Vermittler

Die Praxis der Anwendung der Normen des Art. 258.1. des Strafkodexes der Russischen Föderation

Rednikova T.V.

Ziel. Die Analyse der Praxis der Anwendung der Normen des Artikels 258.1 des Strafgesetzbuches und die Festlegung von Probleme der Rechtsanwendung der angegebenen Normen.

Methodologie: Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Strafrechtliche Verbote sind wichtige Instrumente, die für den Schutz der Umwelt im Allgemeinen und der Tierwelt als einer ihrer Komponenten gegen Kriminalität eingesetzt werden. Verbrechen, die die unmittelbare Verantwortung für die Angriffe auf Objekte der Fauna auslösen, sind quantitativ nach der Zahl der registrierten Straftaten stabil auf dem zweiten Platz direkt nach den kriminellen Angriffen auf Waldressourcen. Allerdings muss bei der Analyse der Statistiken der Anzahl der registrierten Straftaten in dieser Kategorie ihre hohe Dunkelziffer berücksichtigt werden.

Die Einbeziehung des Artikel 258.1 in das Kapitel 26 des StGB RF im Jahr 2013, das die Verantwortung für den Schmuggel sowie illegale Gewinnung und Umsatz, einschließlich der Lagerung, der Beförderung, des Verkaufs von besonders wertvollen wilden Tieren und Wasserressourcen, die ins Rote Buch der Russischen Föderation eingetragen sind oder durch internationale Verträge geschützt werden vorsieht, ist ein positiver Trend in der Entwicklung des Russischen Strafrechts im Bereich des Tierschutzes. Die in diesem Artikel vorgesehenen Sanktionen gehören zu den höchsten in Kapitel 26 des StGB RF, was zur Vorbeugung der Begehung von Straftaten in dieser Kategorie beitragen soll.

Die Probleme der Anwendung der strafrechtlichen Normen im Bereich der Übergriffe auf die Objekte der Fauna, die im Zusammenhang mit der Konstruktion der Allgemeinen und Besonderen Rechtswidrigkeit, der Identifizierung und Registrierung der Straftaten im Bereich des Tierschutzes, der Umsetzung der Qualifikationen der Taten, der Festlegung der Folgen, der Schadensbenennung, der Beweisschwierigkeiten des kausalen Zusammenhangs zwischen der Tat und ihren Folgen sowie der Bestimmung der Schuldform bedingt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels ist in der erweiterten Charakterisierung von Normen Artikel 258.1 des Strafgesetzbuches und der Identifizierung unter Berücksichtigung der statistischen Daten für die Probleme seiner Rechtsanwendung.

Stichwörter: Gesetzgebung, Verbrechen, Verstoß, Strafgesetzbuch, Fauna, Biodiversität, Umweltschutz.

Körperverletzungsdelikte – Eine vergleichende Darstellung des deutschen, englischen und belarussischen Strafrechts

Rudakouskaya A., Stage D., Storey J.

Ziel. Eine vergleichende Darstellung der rechtlichen Behandlung der Körperverletzung mit Todesfolge in Deutschland, England (und Wales) und Belarus anhand eines Beispiels. Eine rechtsvergleichende Schilderung der Systematik der Körperverletzungsdelikte in den jeweiligen Ländern und dessen bedrohten Strafen.

Methodologie: die rechtsvergleichende Methode

Schlussfolgerungen. Die Regelungen der Körperverletzungsdelikte weisen in Deutschland, England (und Wales) und Belarus sowohl Gemeinsamkeiten als auch Unterschiede auf. Trotz der unterschiedlichen Systematik der Delikte im jeweiligen Gesetzbuch bzw. Strafkodex und „common law“, handelt es sich nicht selten um ähnliche Ergebnisse für den Täter.

Stichwörter: Strafrecht, rechtsvergleichendes Strafrecht, Körperverletzungsdelikte, Körperverletzung mit Todesfolge, Strafe

Die Strafbarkeit der weiblichen Genitalverstümmelung: pro und contra

Serebrennikova A.V.

Ziel. Eine rechtliche Bewertung der Vorschläge der Menschenrechtsverteidiger, weibliche Beschneidung zu kriminalisieren und die in diesem Bereich bestehende Praxis in Deutschland zu analysieren.

Methodologie: *Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.*

Schlussfolgerungen. *Die Vollversammlung der Weltgesundheitsorganisation hat im Jahre 2008 eine EntschlieÙung über die Notwendigkeit der vollständigen Elimination der weiblichen Genitalverstümmelung getroffen. Die Russische Föderation, die ein Rechtsstaat ist und die Priorität des internationalen Rechts anerkennt, muss der EntschlieÙung der UNO vom 28.11.2012 zustimmen. Diese EntschlieÙung verbietet Teil- oder Totalexstirpation von weiblichen Geschlechtsorganen. Keine sakralen Kulte können „weibliche Genitalverstümmelung“ rechtfertigen, denn sonst würden bestimmte Glaubenssätze ihrer Anhänger höher eingestuft als die Verfassungsgrundsätze des Landes, die für alle Bürger, unabhängig von ihrem Glauben, gleich sind.*

In Deutschland wurde der Straftatbestand der „Verstümmelung weiblicher Genitalien“ als § 226a in das StGB eingefügt. Geschützte Rechtsgüter sind die körperliche Unversehrtheit und die psychische Gesundheit weiblicher Personen.

Zurzeit gibt es in Russland keine ausdrücklichen Vorschriften gegen die weibliche Genitalverstümmelung, aber von einem Abgeordneten wurde der Staatsduma der Russischen Föderation ein Gesetzesvorschlag vorgelegt, in dem Kriminalstrafe für die weibliche Genitalverstümmelung vorgesehen ist. Unserer Meinung nach wird keine spezielle Regelung im UK RF gegen die weibliche Genitalverstümmelung benötigt, da schon die allgemeinen Straftatbestände in Art. 111, 112, 115 UK RF es ermöglichen, solche Taten abhängig von dem Grad des zugefügten Schadens angemessen zu bestrafen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels ist es Informationen über die weibliche Beschneidung zu liefern und die rechtliche Beurteilung des Bedarfes am strafrechtlichen Verbot in der Russischen Föderation zu geben.*

Stichwörter: *Resolution, Völkerrecht, weibliche Beschneidung, strafrechtliches Verbot, Verantwortlichkeit, Rechtsstaat*

Strafrechtlicher Schutz illegalen Vermögens? Bemerkungen zum Beschluss des BGH vom 1. Juni 2016, BGH 2 StR 335/15

Steinberg G.

Ziel. *Eine rechtliche Bewertung der Möglichkeiten des strafrechtlichen Schutzes von illegalen Vermögen am Beispiel von Rauschgiften.*

Methodologie: *Dialektik, Analyse, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien, die rechtsvergleichende Methode.*

Schlussfolgerungen. *Zwar mag es auch Vermögen geben, das außerhalb der Rechtsordnung existiert. Aber dieses muss eben nicht von der Rechtsordnung geschützt werden. Wenn man das illegale Vermögen für nicht strafrechtlich geschützt erklärt, können diesbezüglich keine Vermögensdelikte verwirklicht werden – andere Delikte aber schon: Das gewaltsame Abpressen von Drogen ist dann zwar nicht als räuberische Erpressung, aber immerhin als Nötigung strafbar und außerdem natürlich als illegale Drogenbeschaffung.*

Das Strafrecht ist das schärfste Mittel, um Rechtsgüter zu schützen. Deswegen soll es nur eingesetzt werden, wenn das strafbare Verhalten besonders schädlich und seine Verhinderung besonders wichtig sei. Strafrecht muss, weil es das letzte und strengste Mittel ist, auch eng ausgelegt und vorsichtig angewendet werden. Bei diesem Maßstab ist der unerlaubte Besitz von Drogen nicht schutzwürdig. Die Entziehung des unerlaubten Besitzes ist daher nicht so schädlich und unerträglich, dass es mit dem schärfsten Mittel, dem Strafrecht, verhindert werden müsste.

Es ist nicht Aufgabe des Strafrechts, Rechtsfrieden dort zu schaffen, wo das Recht überhaupt nicht beachtet wird. Eine illegale Vermögensposition ist nicht schutzwürdig; die Verschiebung des illegalen Vermögens ist keine Rechtsverletzung, die mit dem Mittel des Strafrechts unterbunden werden müsste.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Begründung der Unmöglichkeit des strafrechtlichen Schutzes von illegalen Vermögen.*

Stichwörter: *Vermögen, Strafrecht, illegales Vermögen, strafrechtliche Verantwortung, Objekt, legales Vermögen, Drogen*

Strafrechtliche Haftung für die Förderung terroristischer Aktivitäten: Probleme der Qualifikation

Stepanov-Egiyants W.G.

Ziel. *Angesichts der Realität und den globalen Charakter des Problems des Terrorismus und des hohen Niveaus der terroristischen Bedrohung ist das Ziel des Artikels Eigenschaften und bestehende Probleme der Qualifikation von Straftaten terroristischer Ausrichtung unter Berücksichtigung der getroffenen Anti-Terror-änderungen in der Gesetzgebung der Russischen Föderation zu benennen.*

Methodik: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-juristische Methode.

Schlussfolgerungen. Zu den jüngsten Änderungen der Rechtsvorschriften, die Einfluss auf Rechtsanwendung nehmen, betont der Autor die erhebliche Zunahme der Verbrechenszahl, in die insbesondere die Einbeziehung strafrechtliche Haftung nach sich zieht. Die größte Herausforderung mit den Positionen der Rechtsanwendung ist das Problem der Qualifikation der Beteiligung an einem terroristischen Verbrechen. Der andere problematische Punkt ist das paradoxe Verhältnis von Strafe für die Interpretation und die Mitschuld des Anschlagshelfers. Bei Verbrechen terroristischer Ausrichtung droht ihm schwerere Haftung als direktem Vollstrecker. Signifikante Veränderung wurde auch die Klärung des Begriffs der Finanzierung terroristischer Aktivitäten durch die Zusätze wie «die Finanzierung oder andere materielle Unterstützung von Personen zur Begehung» von Straftaten terroristischer Ausrichtung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht darin, auf der Grundlage dieser Analyse der Probleme der Qualifikation von Straftaten terroristischer Ausrichtung Vorschläge zur Verbesserung der Gesetzgebung in diesem Bereich und auch in der Beurteilung der Auswirkungen der ergriffenen Anti-Terroränderungen in der Gesetzgebung der Russischen Föderation auf die Qualifikation dieser Kategorie von Verbrechen zu erreichen.

Stichworte: Gesetz, Terrorismus, terroristische Bedrohung, Terroranschlag, ein Verbrechen, Qualifizierung, Beihilfe, Finanzierung, Anstiftung, Strafe, öffentliche Gefahr, Disposition, vor Gericht.

Die Festlegung der Position der Person in der Hierarchie einer kriminellen Vereinigung (Organisation) aus Telefonaten

Galyashina E.I.

Ziel. Die Möglichkeit der Nutzung des speziellen linguistischen Wissens für die Feststellung der Position der Person in der Hierarchie einer kriminellen Vereinigung (Organisation) anhand telefonischer Verhandlungen.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der interdisziplinären juristischen Studien.

Schlussfolgerungen. Die Position in der Hierarchie vermittelt menschliche Kommunikation. Das zeigt sich in der Beachtung der Distanzen zwischen den Teilnehmern des Dialogs und in den sozialen Normen, die zwischenmenschliche Kommunikation bestimmen und sowohl in dem inoffiziellen als auch dem offiziellen Verhalten der Menschen wirken. Die Verwendung von speziellen Kenntnissen in den Bereichen Justiz Linguistische Expertise in der gegenwärtigen Phase der Entwicklung Ihrer Theorie und Praxis hilft die methodischen Ansätze für die Festlegung der für Sprech-Verhalten der Teilnehmer bei Telefongesprächen zu erarbeiten um Hinweise auf die hierarchische Position in der kriminellen Gemeinschaft erlangen und Personen, die führende Position in krimineller Hierarchie inne haben zu identifizieren.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Festlegung der grundlegenden sprachlichen Zeichen, die zum Kodieren von Status und Prestige verwendet werden und kommunikative Distanz in asymmetrischen sozialen Beziehungen der Art «Chef-Untergebene» markieren. Das hat absolute Bedeutung in der praktischen Arbeit: die Beweislast für die Tatsache der Teilnahme der Person in der Tätigkeit einer kriminellen Vereinigung, die Bestimmung seiner Position in der Struktur und der erfüllten Funktionen in Übereinstimmung mit den festgelegten Regeln in der Organisation, bei der besonderer Wert auf die Bestimmung des Organisations, des Führers oder der Person, die höchsten Positionen in der kriminellen Hierarchie besetzen.

Stichwörter: gerichtliche sprachliche Kompetenz, sprachliche Merkmale, sozialer Status, Telefonate, die Hierarchie einer kriminellen Vereinigung.

Das nationale Interesse und (oder) kalte Berechnung: zur Frage der Konkurrenz der Rechtssysteme der Welt

Zakharova M.V.

Ziel ist es, theoretisch vergleichende Analyse der Konkurrenz der Rechtssysteme der Welt zusammen mit der autorbegrifflichen und spezifischen Beurteilung für dieses Phänomen zu präsentieren.

Methodologie: Die Formulierung der dogmatischen Ansätze zu den im Artikel benannten Problemen wird durch die vergleichende Analyse verwirklicht. Sie wird im Rahmen der interdisziplinären Zuordnung durchgeführt, d.h. Zusammenstellung der juristischen Lehre mit den angrenzenden Bereichen des Wissens, wie Soziologie, Wirtschaft, etc., zusammen mit interdisziplinären, grenzüberschreitenden, chronologischen und strukturell-rechtliche Ansätzen durchgeführt. Im Rahmen des Artikels wird die Benutzung der synergetisch wissenschaftlichen Forschung geplant.

Schlussfolgerungen. Die Entwicklung der sozialen Beziehungen fordert die Transformation innerhalb der Rechtssysteme der Welt, zu denen, insbesondere Konvergenz und Wettbewerb der Rechtssysteme der Welt gehören.

Kollision im besten Fall Rivalität, Rechtssysteme der Welt trägt einen positiven Ansatz in sich. Sie ermöglicht dem Subjekt der Rechtsanwendung, eine freie Wahl zugunsten der Rechtsordnung zu tun, die ihm bequemer ist.

Heutzutage führt der Wettbewerb der Rechtssysteme zur Verbreitung des Instituts der juristischen Tourismus. In einem bestimmten Maß kann man auch die Arbeitsmigration zu einer der zahlreichen Formen des juristischen Tourismus zählen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Studie bietet eine fundierte und ganzheitliche Vorstellung über das Wesen der Konkurrenz der Rechtssysteme der Welt. Die Schlussfolgerungen, die im Artikel gemacht werden, haben eine praktische Bedeutung für die Entwicklung des vergleichenden Rechts, sektoralen Rechts sowie die allgemeinen theoretischen juristischen Disziplinen.

Stichwörter: Wettbewerb, Transformation, Recht, Rechtssystem, juristischer Tourismus.

Neues Strafgesetzbuch der Russischen Föderation: eine Analyse der Rechtsprechung im Bereich der Umsetzung des Rechts auf Verteidigung Verurteilter

Belik V.N.

Ziel. Die detaillierte Analyse der russischen Rechtspraxis bei der Verwirklichung des Rechts der Verurteilten ist durchgeführt. Der Autor geht auf den Inhalt der Rechtspositionen des Verfassungsgerichts, des Obersten Gerichts der Russischen Föderation im Gebiet der Rechtsstellung von Verurteilten ein. Der Autor betrachtet in diesem Zusammenhang die Entscheidungen des Verfassungsgerichts der Russischen Föderation auf dem Gebiet der verschiedenen Verstöße gegen die gesetzliche Regulierung der Rechtshilfe für Verurteilte. Der Autor stellt auch einen Überblick über die Rechtsposition des Obersten Gerichts der RF in Bezug auf das Problem der Selbstverteidigung der Rechte durch Verurteilte.

Methodologie: die dialektische Methode, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, soziologische Methode, formal-rechtliche Methode, systematische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Nach Ansicht des Autors, erzeugt die Rechtspraxis der höchsten Gerichte die Grundlage für die Änderung des Strafvollstreckungscodes und der anderen Rechtsakte im Gebiet des Schutzes der Rechte von Strafgefangenen. Der Autor glaubt, dass die Russische Föderation beachten soll, dass die russische Gerichtspraxis, die von Autor untersucht wurde, eine kleine Anzahl von Fällen mit effektiver Reaktion auf Verstöße der Rechte von Verurteilten zeigt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Dieser Artikel entwickelt und verfeinert das komplizierte und praktisch signifikant Problem der Rechte von Verurteilten auf Verteidigung. Der Autor schlägt vor, im Rahmen der Reform der Strafvollstreckungsgesetzgebung die Rechtspraxis der russischen höchsten Gerichte zu berücksichtigen.

Stichwörter: Recht auf Verteidigung, Verurteilten, das Verfassungsgericht der Russischen Föderation, der Oberste Gerichtshof der Russischen Föderation, die Quelle des Rechts, die Strafvollstreckungsgesetzgebung, die Verfassung der Russischen Föderation, die Rechtshilfe.

Das wissenschaftlich-theoretische Modell des Allgemeinen Teils der Strafvollstreckungsordnung der Russischen Föderation: die Begründung der Novellen und Simulationsergebnisse

Seliverstov V.I.

Ziel ist es, das Konzept der Entwicklung der wissenschaftlich-theoretischen Modelle des Allgemeinen Teiles der Strafvollstreckungsordnung der Russischen Föderation zur Verbesserung der Strafvollstreckungsrechtsvorschriften zwecks der Konstruierung neuer wirtschaftlich und kriminell begründeter Arten von Kriminalstrafen und sonstiger Maßnahmen des strafrechtlichen Charakters zu erstellen, die den Bedürfnissen der Praxis der Kriminalitätsgegenwirkung entsprechen.

Methodologie: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-juristische Methode, die Methode der vergleichenden Rechtswissenschaft.

Schlussfolgerungen. Im vorliegenden wissenschaftlich-theoretischen Modell ist die Reglementierung der Strafvollstreckung und Verbüßung der kriminellen Strafe in Form von Zwangsarbeit nicht vorgesehen. Diese Nische gerade sollte die Strafe in der Form der Freiheitsbeschränkung mit der Einweisung in die spezialisierte Staatliche Institution. Infolge der recht erheblichen Unterschiede zwischen Strafrecht und anderen Maßnahmen des strafrechtlichen Charakters ist es sehr schwierig, einheitliche Regelung der Allgemeinen Grundlagen ihrer Vollstreckung und des Vollzuges

in den Normen des Allgemeinen Teiles der Strafvollstreckungsordnung der Russischen Föderation zu gewährleisten. Zum ersten Mal auf der legislativen Ebene, im wissenschaftlich-theoretischen Modell ist vorgeschlagen, die berechtigten Interessen von Strafgefangenen als eigenständiges Element der Rechtsstellung von Personen zu offenbaren, die Strafen und sonstige Maßnahmen strafrechtlichen Charakters verbüßen. Als Garantie für die Verwirklichung der legitimen Interessen wird vorgeschlagen, die Pflicht der Verwaltung der Institutionen und Organe, Erfüllungs-Strafen und sonstige Maßnahmen strafrechtlichen Charakters zu verankern, eine objektive, vollständige, allgemeine und zeitnahe Berücksichtigung, Prüfung und Umsetzung der legitimen Interessen der Sträflinge zu gewährleisten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Studie ermöglicht eine Ergänzung und Verbesserung des bestehenden Strafvollstreckungsrechts durch Beseitigung der vorhandenen Lücken. Die Schlussfolgerungen dieser Studie können bei der Erstellung der Rechtsakte im Strafvollstreckungsrecht und sowie bei der Überarbeitung der Lehrpläne für Strafvollstreckungsrecht und seine aktuellen Probleme verwendet werden.

Stichwörter: wissenschaftlich-theoretisches Modell, Strafvollstreckungsrecht, Simulation Recht, das System des Vollzugs von kriminellen Strafen, Strafvollstreckungsordnung.

Geoffrey Chaucer – der Autor und Charakter «Canterbury Tales»

Morozov A.A.

Ziel. ist eine Bewertung der Figur des Jeffrey Chaucer – eine der interessantesten Figuren nicht nur der englischen, aber in einem bestimmten Maß auch der Weltliteratur zu geben, dessen Gestalt und Tätigkeit Spuren in der Geschichte hinterlassen hat. Gleichzeitig gibt es viele Legenden, Vermutungen, vorgefasste Meinungen und bewusste Verzerrungen, die am Beispiel seiner Komposition «Canterbury Tales» gezeigt werden. Weiteres Ziel ist für eine Breite Palette der Leser die Ideen des Humanismus und des Freiheitsdenkens, die typisch für die Annäherung der Renaissance sind, sowie neue Prinzipien des Bildes des Lebens und der Weitergabe des menschlichen Charakters zugänglich zu machen.

Methodien: Dialektik, Abstraktion, Analyse, Synthese, Deduktion, historische Methode.

Schlussfolgerungen. Novelle «Canterbury Tales» ist sehr vielfältig in seinem Inhalt und gibt die Möglichkeit, sich mit vielen Seiten des Lebens Chaucer auseinanderzusetzen. Sie hilft den Blick des Dichters auf die eine oder andere Fragen des Lebens zu klären, und lässt es zu die Entwicklung seiner Weltanschauung, sein Verhältnis zur Familie, seine persönlichen Qualitäten zu studieren. Die Novellen, geschrieben von einer Person sind nicht von identischer Bedeutung. Sie spiegeln die Tiefe Wahrnehmung von Urheber auf unterschiedliche Weise -, wobei oft ein und dasselbe Phänomen, da wandte sich an verschiedene Adressaten. Daher ist es besonders wichtig zu versuchen, ganzheitlich und umfassend «Canterbury Tales» zu untersuchen um klar zu verstehen was die Position des Autors und seine Sicht der Dinge ist.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels besteht in der Analyse der literarischen und ideologischen Erbe Chaucers, dessen Arbeit in sich die Ideen des Humanismus und des freiheitlichen Denkens trägt, die typisch für die Annäherung der Renaissance ist. Chaucer überprüft und verändert die Tradition der mittelalterlichen Kunst in Einklang mit der ihm eigenen breiten Blick auf die Welt und den Menschen. In seinen Werken tritt durch die Annahme der neuen Prinzipien Bild des Lebens und der Weitergabe des menschlichen Charakters auf.

Stichwörter: «The Canterbury Tales», der Hundertjährige Krieg, die englische Firma, englische Sprache, französische Sprache, Florenz, kommerzielle Spekulanten, die Wiedergeburt.

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Liability of legal entities: criminal law and criminal procedure aspects

Theses of the report at the meeting of the Union of Criminalists and Criminologists

December 22, 2016, Moscow

Fedorov A.V

Mission. *The criminal liability of legal entities has already been introduced in more than 70 countries, and there is a tendency to increase the number of such countries. This is due to objective reasons, primarily related to the development of socio-economic relations, when in relation to certain types of crimes the role of an individual as a criminal is secondary, the legal entity is brought to the forefront as a real criminal who illegally receives monetary or other benefits from criminal activity.*

Methodology: *dialectical method, abstraction, analysis, synthesis, deduction, sociological method, formal-legal method, system method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *As a result of the study, the author comes to the conclusion that there are prerequisites for the introduction of criminal liability of legal entities in the Russian Federation. Analysis of legislative regulation of criminal liability of legal entities abroad and the practice of its implementation allows to identify possible options for establishing criminal liability of legal entities in the Russian Federation.*

Scientific and practical significance. *This research develops and clarifies the complex and practically significant problem of criminal liability of legal entities. The author justifies the need to introduce criminal liability of legal entities in Russia, referring to foreign experience and the ineffectiveness of existing measures in Russian law applicable to legal entities.*

Keywords: *criminal responsibility, crime, guilt, subject of crime, criminal liability of legal entities, administrative responsibility of legal entities, subject of criminal liability, public danger of acts of legal entities, criminal procedure for investigation and consideration of administrative violations of legal entities.*

Criminology of the criminal liability of legal entities

Matskevich I.M.

Mission. *Describe the criminal liability of legal entities. To explore the discussion issues related to the need to introduce such responsibility. Analyze the arguments – for the introduction of criminal liability of legal entities – and against the introduction of such responsibility. To consider proposed legislative constructions of criminal liability of legal entities.*

Methodology: *dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *Classification of the main points of view on the criminal liability of legal entities: 1) the problem of the criminal liability of legal entities emerged most acute after the Second World War; 2) the pioneers of the criminal liability of legal entities were the United States; 3) in the Soviet law there was no place for the concept of criminal liability of legal entities. A conclusion is drawn on the need for a phased introduction of criminal liability of legal entities.*

Scientific and practical significance. *The significance of the scientific article is to summarize the existing approaches to introducing criminal liability of legal entities into Russian legislation. Based on the developed approaches to the introduction of such responsibility in the draft Criminal Code of the Russian Federation in 1994, the assumption is made about the possible impact on the legislative processes of law enforcement practice. If the criminal liability of legal persons were introduced at that time, probably many complicated issues could be resolved by judicial practice.*

Keywords: *concept, law, transaction, legal person, criminal responsibility, administrative responsibility, corporation, law enforcement, collective entity, convention, prosecutor's office, court.*

Corporate Criminal Liability as a Useful Construct Which Should to Be Forgotten

Esakov G.A.

Mission. *Through critical thinking to give a reasoned assessment of the usefulness and necessity of introducing criminal liability of legal entities of the Russian Federation.*

Methodology. *Dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal legal method.*

Conclusions. *The author comes to the conclusion that from the point of view of the substantive law long overdue for the proper distinction between administrative offences and criminal law and wider discussion about punitive areas of our law and systematization of sanctions. At the same time, the usual arguments in support of the introduction of criminal liability of legal entities can get the answer by using the existing legislative models for legal liability.*

Scientific and practical significance. *The importance of the present scientific article is assessing the need of introduction to modern Russian criminal law the legal Institute of criminal liability of legal entities. The author convincingly substantiates the prematurity of its introduction, and concludes that usual arguments used in support of such liability may be replied with existing legislative models of legal liability.*

Keywords: *corporate criminal liability, legal entity, administrative offence, crime, punishment, criminal procedure*

Criminal liability of a legal entity same legal fiction as the legal entity itself (polemical notes in the margins of the draft law “On amendments to legislative acts of the Russian Federation in connection with the introduction of criminal liability of legal persons”)

Lebedev S. Y.

Mission. *To characterize the possible negative consequences of the introduction in the Russian Federation of the Institute of criminal liability of legal entities, to offer an alternative legal means of solving problems to it’s enacting.*

Methodology: *dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal studies.*

Conclusions. *Development within the domestic criminal law of the Institute of criminal liability of legal entities is able to undermine most of the existing, at least in the General part of criminal law institutions and, thus, eventually lead to the destruction of the current Russian criminal justice system. According to the author, the liability of legal entities is a fiction and therefore its legalization, is the elimination of the fault principle as the basis for criminal liability. Similar problems arise with the use of other principles of criminal law. Instead of establishing a separate criminal liability of the legal entity the author offers an introduction to Russian criminal law, the turnover of the institution of the offence in the interests and (or) using the legal form of a legal entity. The author also proposed to achieve the goal of very strict legal liability of a legal entity to use the existing possibility of the liquidation of the legal entity in accordance with the provisions of article 61 of the Civil Code of the Russian Federation.*

Scientific and practical significance. *The importance of the scientific article consists in a comprehensive analysis of the possible legal consequences of the introduction in the Russian Federation the institution of the criminal liability of legal entities, problems of applying to the legal entity of principles of criminal law, bases of criminal responsibility, signs of the subjective side.*

Keywords: *law, legal entity, criminal responsibility, the principle of guilt, the criteria of guilt, crime, court, identity of the perpetrator, the subjective side, the crime acts.*

On the civil liability of physical persons and legal entities, committed acts of corruption

Kulakov V.V., Kirpichev A.E.

Mission. *In the article its authors analyze key points of the civil liability as result of commitment of acts of corruption. Authors explore conformity of the Russian legislation and the Council of Europe’s Civil Law Convention on Corruption (1999). The authors of the article consider civil-law measures of liability applied for corruption offenses. These measures are effective because they are of a property nature and, along with criminal prosecution, are able to effectively counteract corruption, which is in the interests of the Russian Federation. The authors simultaneously consider both national and international legal rules in the field of combating corruption.*

Methodology: *dialectical method, abstraction, analysis, synthesis, deduction, sociological method, formal-legal method, system method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *As a result of the study, the authors come to the conclusion that, along with measures of criminal responsibility, effective civil-law measures should be used to counter corruption. These measures are effectively applied in foreign countries.*

Scientific and practical significance. *This research develops and clarifies the complex and practically significant problem of civil liability of individuals and legal entities in the commission of corruption offenses.*

Keywords: *Corruption, civil liability, transactions, invalid transactions, statute of limitations, an international treaty, the Civil Code of the Russian Federation, individuals, legal entities.*

Criminal liability of legal entities: problems of theory and practice

Serova O.A.

Mission. To analyse the practical implementation of criminal responsibility abroad. To conduct a comparative analysis of arguments “for” and “against” the introduction of criminal liability of legal entities in the Russian Federation, to identify problems and possible negative consequences of its introduction.

Methodology: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal studies.

Conclusions. The introduction of criminal liability of legal entities in Russia will require serious changes in the overall legal system. The main fault of the legal entity is connected with the absence of a mechanism of control over the activities of participants and representatives of the legal entity. In the article the author substantiates the necessity of a conduction of longer study of the problem, since the introduction of the criminal liability of legal entities can lead to adverse consequences. According to the author, the idea of introduction in the Russian legislation the criminal liability of legal entities requires enormous transformation – not just changing legislation, but also the formation of special legal doctrines in criminal law and in civil law, as long as in general theory of law.

Scientific and practical significance. The importance of a scientific article is to analyse foreign experience in the use of the Institute of criminal liability of legal entities, as well as to identify critical obstacles that stand in the way of the introduction into Russian law the concept of criminal liability of legal entities.

Keywords: criminal responsibility, legal entity, administrative responsibility, legal doctrine, fiction, criminal law, fault, crime, civil law, the subject of crime, control and punishment.

Legal liability for environmental offences in Hungary, Poland, Czech Republic and Russia: contradictions and points of contact

Dubovik O.L.

Mission. To characterize the original positions of the Russian legal doctrine concerning the concept and basis of legal liability for encroachment on the environment in general, and these types of as criminal and administrative liability. To undertake a detailed comparative legal analysis of criminal and administrative laws of several countries in Eastern Europe and Russia, to compare the position of the Russian legal doctrine in this area with the practice of law-making decisions of these countries.

Methodology: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, comparative legal and formal legal method, method of intersectoral legal studies.

Conclusions. Issues of criminal environmental and administrative environmental law is extremely complex and requires the development of new, multidisciplinary approaches, a strong revision of ingrained patterns and find new solutions in order to overcome global threats to the environment and the local private encroachments on its facilities. An important role in this process is given to the implementation of the provisions of the EU Directive of 2008 on the protection of the environment through criminal law, radically altered the position of the vast majority of countries, which has led to radical reform of the criminal legislation on liability for environmental crimes. Ten years after its adoption it is necessary to re-examine the results of its implementation in different countries and to verify effectiveness of its recommendations and to clarify the framework of legal responsibility for violation of requirements of environmental legislation.

Scientific and practical significance. Information about the criminal, environmental and administrative and environmental law of the former socialist countries is not publicly available, which complicates the calculation of positive and negative experiences of legal regulation of responsibility for violation of requirements of environmental protection. The practical importance of comparative legal research in this area is determined by purely legal circumstances of international commitments, the interaction of the investigating authorities in the framework of the Interpol and other forms of cooperation, as well as with developments in the field of detection of illegal encroachments on the environment, its components and objects, environmental rights and interests of citizens, society, state.

Key words: responsibility, right, offence, crime, ecology, environment, reform, pollution, environmental damage.

Risks of criminal liability of company management in the Commission of a crime by employees of the company

Albrecht A.H.

Mission. To consider the likelihood of criminal proceedings against the management of the enterprise in the case of a crime committing by employees of the company.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. From a legal and factual point of view, it is rather difficult to assess whether the management of the enterprise is criminally liable and if liable, when the presence of which prerequisites, if employees commit criminal acts within their work in the enterprise. In the case when the active part of the governing persons of the enterprise in the commission of crimes by the employees of the company, the legal assessment can be given relatively easily. The one who caused the intention to commit an offence, is criminally responsible for participating in the offence of incitement. Controversial is the question of “mediocre performance”. “Mediocre performer” in accordance with § 25 (par. 1) Alt. 2 UU is the one who commits a criminal act through the use of another person, that is, someone who himself commits a criminal act and is using another person as a “tool”. In that case, if the active participation of employees has not taken place, or at least unprovable, then you should think about the criminalization of failure to act at a senior level. If the conditions of criminal liability for omissions cannot be set, it remains § 130 of the Law on administrative offences.

From a practical point of view to prove that the person is subject to criminal liability in many cases very difficult. This applies both to active participation in the Commission of the crime, and conditions of a causal link, objective imputation and intent. § 130 of the Law on administrative offences opens up the possibility of imposing sanctions, which in practice are difficulties in proving at least partially cover. However, we can already predict that the onset of possible financial sanctions against Volkswagen because of the scandal with the exhaust gases according to the German law with regard to the already partly established legal requirements is hardly avoidable.

Scientific and practical significance. The importance of scientific articles is the full review using the example of a particular situation, the possibility of applying criminal responsibility to the management of the enterprise in the case of commission of a crime by employees of the company.

Keywords: criminal offense, criminal liability, administrative liability, wrongdoing, intent, fault, act, omission, supervisor, employee

Cyberstalking as a new kind of criminal acts

Barysheva K.A.

Mission. To characterize the concept of stalking (stalking), cyberstalking; to determine the social danger of acts of persecution; to determine the possibility of criminal prosecution for illegal surveillance, breaking in upon personal privacy according to the legislation of the Russian Federation.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. It is necessary to consider positive experience of foreign countries in regulation of interference in private life through the criminal law taking into account specifics of the country’s existing realities. It is necessary to develop a particular corpus delicti of the criminal prosecution, the general rule for all categories of citizens, allowing provision of the liability for emotional terrorism, harassment, stalking. It is necessary to Supplement the provisions of article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation with the words “... and unlawful prosecution of a person, including the acts committed with the help of telecommunication means or on the Internet”.

Scientific and practical significance. The importance of a scientific article is the analysis of the foreign legislation providing for criminal liability for criminal prosecution, the composition act; researched the definition of stalking, cyberstalking in legal science, legislation and judicial practice.

Key words: stalking, cyberstalking, persecution, criminal liability, privacy, criminal penalties.

Problems of criminal liability for extremism on the Internet according to the Russian legislation

Bodrov N.F.

Mission. To characterize the specific category of criminal offenses – crimes of an extremist orientation, difficulties in enforcement of existing legislation during criminal proceedings of the crimes linked with distribution of extremist materials on the Internet.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. Significant difficulties in enforcement causes criminal proceedings of the crimes connected with distribution of extremist materials on the Internet, and judicial-investigatory practice on such cases is highly controversial.

The legislator is inconsistent in assessing the legal significance of the fact of dissemination of extremist materials on the Internet, and not through publication in the media. Legal terminology in this area is still very mixed. The terms “social group”, “the feelings of believers”, “clear disrespect” are interpreted differently by the law enforcers, leading to conflicting judicial decisions. The simplest “mechanical” user actions are often interpreted by law enforcement as public approval and dissemination of the material, although some users do not have information about the principles of social networking and don’t implement that way any intent. Often the context of spread material not considered in any way in the classification act. These circumstances have led to the development in the scientific community such terms as unlawful anti-extremism, which is a clear indicator of problematic subject matter.

Scientific and practical significance. The scientific significance of the article lies in the detailed characterization of the difficulties of criminal law enforcement for crimes related to the dissemination of extremist materials on the Internet.

Keywords: Internet, extremism, crime, information, data, enforcement, responsibility, punishment.

Criminal environmental policy of the Russian state at the present stage

Dubovik O.L.

Mission. Characteristics of criminal environmental policy of the Russian Federation, its structure, problems associated with its formation at the contemporary stage and its role in environmental protection.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. The environmental policy of the Russian Federation is a mixture of two varieties of legal policy carried out by the various actors in areas such as environmental protection, rule of law and lawfulness, fight against attacks on environmental and economic rights and interests of citizens, society and the state. It is closely connected with the task of protecting Russia’s national security.

Criminal environmental policy in the Russian Federation is complex institution, based on the data of criminal and environmental law, carried out in the framework of criminal and environmental legislation by a variety of subjects of constant (continuous) activities.

The formation of criminal environmental policy that can not be considered completed for a number of reasons: rapid development of environmental crime, including the emergence of new types of threat of unlawful behaviour; disregard for the task of combating environmental crime; society’s unwillingness to spend heavily on the organization and functioning of special structures, the task of which is the suppression of and the prevention of environmental crimes; the lack of scientific support.

Scientific and practical significance. The importance of scientific articles is in the relevance of the criminal environmental policy of Russia structure as a complex, based on the data of criminal and environmental law institute.

Keywords: criminal law, environmental law, policy, subject, environmental crime, prevention, state.

Informing the witnesses of their rights during the criminal proceedings (comparative analysis of Russian and German legislation)

Zaytsev O.A.

Mission is to provide the comparative analysis of requirements of the Russian and German legislation in terms of explanation to witnesses of their rights during the criminal proceedings, to assess the level of normative legal regulation in this area, and the adequacy of existing safeguards of the rights of witnesses.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. Clear and timely explanation to the witness of his rights and duties is one of the main guarantees of their implementation and effective participation of the person in the criminal proceedings. The existing legislated additional safeguards are clearly insufficient for real protection of the during the criminal proceedings.

In order to achieve maximum efficiency in clarifying to the witness their rights will be enough to transfer only essential rights (mentioned in the special article devoted to this party of proceedings) and situational rights (i.e., specific only for the conduction of the upcoming procedural steps), on assumption of being preliminary, written (clear) and using the proper procedure of fixing this procedure.

A comparative analysis of Russian and German criminal procedure legislation in terms of explanation to witnesses of their rights leads to the conclusion that the criminal procedure code of Germany contains a more detailed

regulation of the procedure, which, of course, to a greater extent creates the necessary conditions for the realization of their rights as witnesses during the preliminary investigation and during court proceedings.

Scientific and practical significance. The article identifies the insufficiency of current legislation and allows the determination of the main directions of criminal-procedural legislation of the Russian Federation improvement in order to ensure the witnesses constitutional rights and interests protection during the criminal proceedings.

Key words: criminal trial, criminal procedural law, witness, rights, interests, trial.

Complementary criminal law of the Russian Federation

Matskevich I.M.

Mission. To characterize the current system of complementary criminal law in the Russian Federation and the reasons for its formation. To make a comparison with similar institutions of the Soviet Union legislation, to determine the additional benefits of modern complementary criminal law of Russia and justify the need of recognizing its existence.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. Additional advantages of the modern complementary criminal law of Russia are as follows: 1) the target area (specific tasks); 2) temporality (after problem solving, the law can be repealed); 3) maintaining consistency of a codified act (no need to constantly amend the criminal code).

The ignoring of the established complementary criminal law leads to the inferiority of the adopted criminal legal acts, similarly ignoring judicial precedent of the Supreme Court of Russia, though expressed in a specific form, so-called explanations, leads to ambiguity and uncertainty, being for the any of modern laws a disaster.

Scientific and practical significance. The importance of scientific articles is to justify the importance of the recognition of Institute of additional criminal law in the Russian Federation.

Keywords: additional criminal law, criminal law, legal act, law, responsibility, crime.

Criminal liability for non-payment of wages

Matskevich O.V.

Mission. To characterize the formal components of the crime provided by article 145.1 of the Criminal Code of Russian Federation for non-payment of wages. To identify the two groups of criminally punishable acts: non-payment of wages in full and payment not in full, to allow the analysis of statistical data of this norm implementation under the legislation of the Russian Federation, to identify reasons for specific decisions to refuse the institution of criminal proceeding for non-payment of wages.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. In the case of a destabilization in the economy, the risk of wage arrears cases is rising sharply. Claims for the committing a crime under article 145.1 of the Criminal Code of Russian Federation, in most cases, comes from persons who for a long time did not receive statutory payments. Quite often, such crimes detected in the course of prosecutorial inspections of law enforcement, much less the messages received from other regulatory authorities.

Among the most frequent reasons for specific decisions to refuse the institution of criminal proceeding for non-payment of wages the author identifies the following: the absence in the commercial organization of the real possibility of wages and benefits payment; a mismatch of the period during which the arrears to the employee were formed, with the period specified in the provisions of article 145.1 of the Criminal Code; the lack of an established legal fact of labour relations; the failure to acknowledge the amount owed to the employee wages in excess of the payments provided for in the employment contract; availability of the subject to priority execution of requirements of tax authorities for payment of taxes and fees; guilty actions of the employee associated with the failure to comply with his obligations, non preparation and submission to the employer of necessary for payment documents. A circumstance, excluding criminality of act, is also a state of necessity.

Scientific and practical significance. The importance of a scientific article is in the characterization of a crime under article 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as identifying the for specific decisions to refuse the institution of criminal proceeding for non-payment of wages.

Key words: criminal code, crime, wages, motive, perpetrator, non-payment, fine, term .

Glyphosate and criminal law

Mitsch W.

Mission. To investigate the possibility of criminal liability for the use of glyphosat in the case of imposition of ban on its use.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. The Regulation of the European Commission is not directly a criminal law measure, but it has significant restrictive effect in relation to the application of criminal law in member countries of the European Union. The reason for this is the lack of substantiated to a sufficient degree of risk forecasts. Criminal policy of member States is not able to ignore European regulations and with the purpose of increase of level of safety to lower standard of risk in the criminal law measures. However, to reflect the possible risk of cancer, criminal law prohibition on the use of glyphosate would be legitimized without an empirically proven knowledge about its harmfulness.

Scientific and practical significance. The significance of the article is to assess the need to improve criminal law in the case of the introduction of the ban on the use of glyphosat.

Keywords: Glyphosat, regulation, criminal liability, risk, forecast, European Union, ban, criminal policy

A worrying trend of Russian penal policy

Ponyatovskaya T.G.

Mission. To provide a legal assessment of the problems of differentiation and individualization of criminal responsibility.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. In solving criminal law tasks, the legislator and the court sent various functions. Differentiation of criminal responsibility is an integral function of the legislator. The function of the court is the individualization of criminal responsibility, in which judicial discretion is an indispensable mechanism. Separating of these functions one of the central issues of criminal policy.

Currently part 6 of article 15 of the RF Criminal code contains a provision under which the court shall have the right to change the category of crimes to one which is less serious in the circumstances of the particular case. Thus, the differentiation of responsibility violated by the intervention of mechanisms of identification, which inevitably leads to an avalanche of criminal legal consequences.

The same destructive work was done with the institute of recidivism as a legal fact. The state as a subject of criminal law, essentially shied away from the objective socio-political assessment of the most serious kind of repetition of the crime, leaving the decision of the legal case entirely on judicial discretion.

Scientific and practical significance of the scientific article is an analytical assessment of the problems of differentiation and individualization of criminal responsibility related to the separation of these functions between the legislator and the courts.

Keywords: legislator, court, criminal liability, differentiation, individualization, crime category.

Petty bribery in criminal law of Russia

Rarog A.I.

Mission. To consider the evolution of the norms providing criminal liability for bribery in the historical aspect. To give a legal assessment of current norms of the criminal code, envisaging responsibility for petty bribery.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. The next step of the legislator on the way of differentiation of penalties depending on the size of the bribe was the addition of the criminal code a corpus delicti of the petty bribery. Article 2912 of the criminal code specified the notion of a minor of size of bribes, the bribery mediation is not subject to this article. Intermediary in bribery falls out of the circle of persons criminally responsible not only if it is a minor, but insignificant bribe. Thus, the criminal responsibility of the intermediary comes only with a substantial bribe. The release of the briber from criminal responsibility comes only in the presence of one of the mandatory conditions – active contribution to disclosing and (or) the investigation of crime and the alternative one of two conditions: either extortion or voluntary (after the crime) message about it to the authority competent to initiate criminal proceedings.

The criminal code is supplemented by article 2042 of petty commercial bribery, which is similar to bribery, but done in the sphere of activity of public authorities and business and other organizations. But if in the note to article 2912 of the criminal code clearly stated that criminal responsibility is released the person who committed bribery in the note to article 2042 of the criminal code says about small commercial bribery, and so note on the letter of the law applies not only to active but also to passive commercial bribery. This duality of legislative action once again indicates the absence of the Russian legislator clearly logical position for solving two identical problems.

Scientific and practical significance. The importance of a scientific article is the analysis of the new norms of the criminal code, providing responsibility for bribery and commercial bribery, and conducted a comparison of their requirements.

Keywords: crime, bribery, responsibility, commercial bribery, size, legislation, briber, bribe-taker, mediator

The practice the implementation of article 258.1 of the Russian Federation Criminal code

Rednikova T.V.

Mission. To analyse the practical application of the provisions of article 258.1 of the Russian Federation Criminal code, to identify problematic issues of enforcement of this provision.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. Criminal prohibitions are one of the most effective tools for environmental protection in general and the animal world as one of its components of criminal assault. The crimes providing liability for infringement of directly on the objects of the animal world in the number of reported crimes are consistently in second place after the criminal attacks on forest resources. When analysing statistics, the number of registered crimes of this category should also take into account their high degree of latency.

The inclusion to the Criminal code of the article 258.1 providing for liability for smuggling, and the illicit poaching and trafficking, including storage, transportation, and selling of especially valuable wild animals and aquatic biological resources listed in the Red book of the Russian Federation or protected by international treaties is a positive trend of development of Russian criminal legislation in the sphere of protection of the animal world. Size stipulated by this article the fines is one of the most high in Chapter 26 of the criminal code, which should facilitate the prevention of crimes of this category.

The problems of enforcement of the regulations associated with the establishment of general and special illegality, identification and registration of offences in the sphere of protection and use of fauna, implementation of the definition of offences, the imposition of effects, scale of damage, proving a causal link between the act and its consequences, the determination of the form of guilt.

Scientific and practical significance. The importance of scientific articles is deployed to the characteristic norms of article 258.1 of the RF Criminal code and identifying of the problems of enforcement on the base of statistical data.

Keywords: law, crime, infringement, criminal code, wildlife, biodiversity, environmental protection.

Offences against the person – A comparative overview of the German, English and Belarusian criminal law

Rudakouskaya A., Stage D., Storey J.

Mission: To comparatively assess how the offence of bodily harm resulting in death is regulated in Germany, England (and Wales) and Belarus by way of a practical example. Furthermore, this paper seeks to comparatively outline the structural similarities and differences between the most important offences against the person in each jurisdiction and the sanctions imposed.

Methodology: Comparative legal method

Conclusions: The law on offences against the person exhibits many similarities and differences in Germany, England (and Wales) and Belarus. Though the structure of the offences in the respective criminal codes and common law differs, the outcome for the perpetrator can be similar.

Keywords: criminal law, comparative criminal law, offences against the person, bodily harm, unlawful act manslaughter, punishment

Criminal liability for female circumcision: pros and cons

Serebrennikova A. V.

Mission. To give a legal assessment of the proposals of human rights activists to criminalize female circumcision, to examine the current practice in Germany in this field.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. In 2008, the Assembly the World Health Organisation adopted a resolution on the need for complete elimination of female genital mutilation. The Russian Federation as a law-governed state, recognizing the priority of international law, cannot endorse a UN resolution that prohibits the partial or total removal of the female genitalia. No sacred cults can't be an excuse of "female circumcision", because the individual dogmas put their followers above provisions, of the basic law common to all citizens, regardless of their religious views.

In Germany the criminalization of female circumcision (§ 226a UK Germany). This rule protected legal benefit is the bodily integrity of the person. To date, in the Criminal code of Russian Federation there is no special sanctions for female circumcision, but at the state Duma of Russia Deputy introduced a bill criminalizing female circumcision. From our view, the introduction of special rules in the Criminal code on female circumcision is not required, because the existing articles 111, 112, 115 of the RF Criminal code allows to qualify such guilty actions, in the event of a relevant criminal consequences depending on the extent of the damage caused.

Scientific and practical significance. The importance of scientific articles is to provide background information about female circumcision and the legal evaluation of the need for its criminal prohibitions in the Russian Federation.

Keywords: Resolution, international law, female circumcision, the penal prohibition, responsibility, rule of law

Federal Supreme court of 1 June 2016, BGH 2 StR 335/15

Steinberg G.

Mission. To give a legal assessment of the criminal-law protection possibility of illegal property on the example of narcotic drugs.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal research, comparative legal method.

Conclusions. The property, which is outside the rule of law may exist, but by law it is not protected. In the case of an illegal property is not protected by criminal law, property crimes in this case can't be committed, but other crimes can: violent extortion of drugs in this case is not a robbery extortion, but a compulsion, and besides it could be considered as illegal purchase of drugs.

Criminal law is the one of the strongest means of legal goods protecting. Therefore, criminal law should be used when wrongful conduct is particularly dangerous, and the suppression of such unlawful behaviour is particularly important. Due to the fact that criminal law is the latest and most stringent remedy, it should be narrowly construed and applied very carefully. At this scale, the prohibited possession of narcotic drugs is not a subject to protection. Therefore, the deprivation of illegal possession is not so injurious and unbearable that it should be prevented by the most serious remedy – the criminal law.

The task of criminal law is not to create public order, and it should not exist in the situations when the law itself is not taken into account. Illegal property is not a subject to protection. The movement of illegal property is not a violation of the legal benefits that should be protected by criminal law.

Scientific and practical significance. The importance of scientific articles is to justify the inability of illegal property being a subject of the protection by the criminal law.

Keywords: property, criminal law, illegal property, criminal liability, the object of legal property, drug

Criminal liability for assistance to terrorist activities: problems of qualification

Stepanov-Egiyants V.G.

Mission. Given the reality and global nature of the problem of terrorism and a high level terrorist threats the aim of the article is the characteristics of the existing problems of qualification of crimes of a terrorist orientation, with account taken of the anti-terrorism amendments to the legislation of the Russian Federation.

Methodology: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal legal method.

Conclusions. Among the recent changes in legislation that may affect the practice of law enforcement, the author identifies a significant increase in the number of crimes involved in the commission of which entails criminal liability. The most difficult from the standpoint of enforcement is the problem of qualification of complicity in terrorist crimes. Another problematic point is the paradoxical relationship of penalties for performance and aiding in the attack accomplices in the terrorist crimes faces a more severe responsibility than the direct executors. Significant change has been made by the clarification of the concept of financing of terrorist activities by adding such signs as “financing or other material support entity for the purpose of committing” terrorist crimes.

Scientific and practical significance. The importance of scientific article is in formulated by the author on the basis of the analysis of problems of qualification of crimes of a terrorist orientation proposals on improving legislation in this sphere, and in the assessment of the impact of the taken anti-terrorist amendments to the legislation of the Russian Federation on qualification of this category of crime.

Key words: law, terrorism, terrorist threat, terrorist act, criminal offence, qualification, aiding, financing, abetting, penalty, danger to the public, the disposition of the court.

The establishment of personal position in the hierarchy of criminal community (organization) by phone talks

Galyashina E.I.

Mission. Consider the use of special linguistic knowledge to establish using the telephone talks the status of the person in the hierarchy of criminal community (organization).

Methodology: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, method of intersectoral legal studies.

Conclusions. Position in the hierarchy of human mediated communication, manifested in the observance of a distance between the dialogue participants and the social norms of interpersonal communication, in both informal and formal behaviour. The use of special knowledge in the field of forensic linguistic examination at the present stage of development of its theory and practice allows us to develop methodological approaches for establishing verbal behaviour of participants to the calls negotiations signs of their hierarchical position in the criminal community and to identify the persons in leadership, leading position.

Scientific and practical significance. The importance of a scientific article is to determine the basic speech characteristics that are used to encode status and prestige, and mark communicative distance in asymmetrical social relationship of type “boss-subordinate”, which has an absolute value in practical work in order to prove participation of person in the criminal community, determining its position in its structure and his functions in accordance with established organizational rules, with special emphasis on definition of the organizer, leader or person occupying the higher position in criminal hierarchy.

Key words: forensic linguistic expertise, speech characteristics, social status, telephone calls, the hierarchy of the criminal community.

Interview of Viktor Vasilyevich Luneev for the Criminological Cabinet

Purpose. It is very important to preserve the connection of generations nowadays. The knowledge, experience, cultural and spiritual values accumulated by one generation are passed on to the descendants. The lives of people are interrelated, and each new generation inherits the traditions of the previous one, introduces its own changes, determines the further path of development. For such transfer of experience within the framework of the Criminological Cabinet, series of meetings were held with outstanding scientists. Meeting of students of the Moscow State Law University of O.E. Kutafin with an outstanding domestic criminologist V.V. Luneev became one of them. **Methods:** the method of interview. **Results.** The meeting of the President of the Union of Criminologists, the head of the Criminological Cabinet and students with Viktor Vasilevich Luneev allowed to learn little-known facts from his biography, his opinion about the current state of criminological science, to go deeper into the history of criminology and learn firsthand who was behind the revival of domestic criminology in the XX century. **Scientific and practical significance.** The results of the interview can be applied in the educational process when studying the course of criminology in higher educational institutions.

Key words: biography of criminologist, interview with criminologist, criminology, history of criminology, criminological cabinet.

National interest and (or) cold calculation: to the question of competition of legal systems of the world

Zakharova M.V.

Mission. To present a theoretical and comparative analysis of the competition between the legal systems of the world providing the author's conceptual and aspectual assessment of the phenomenon.

Methodology. Doctrinal approaches to the problems considered in the article will be formulated through a comparative analysis performed within the framework of interdisciplinary (comparison of the legal doctrine with the related areas of knowledge such as sociology, economics, etc.), cross-sectoral (comparative analysis of the approaches used in general law theory), cross-border (comparison of different national legal systems) as well as chronological (historical comparative analysis) approaches.

Taking into account the peculiarities of the subject, the successful accomplishment of the research objectives also requires using special legal methods of cognition, among which the structural legal method can be emphasized. Besides, it is planned to apply synergistic scientific search in course of the study.

Conclusions. The evolution of social relations necessarily dictates transformations within the legal systems of the world as well, including, in particular, their convergence and competition. The competition between the legal systems of the world represents a collision (rivalry) between such systems and the elements thereof from which the subject-matter of law enforcement (administration of law) makes free choice. In the contemporary context, the competition between legal systems results in proliferation of the institution of legal tourism. To some extent, labor migration may also be qualified as one of the many forms of legal tourism.

Scientific and practical relevance. The research provides an in-depth and holistic representation of the essence of competition between the legal systems of the world. The conclusions contained in the article are of practical importance for the development of comparative law, branch law as well as general theoretical legal disciplines.

Key words: competition, transformation, law, legal system, legal tourism.

New Criminal-Executive code of the Russian Federation: analysis of judicial practice in the implementation of the right to protection of prisoners

Belik V.N.

Mission. A detailed analysis of the Russian judicial opinion in the sphere of realization of convicts' right to defense was carried out. The author dwells in detail on the content of the judicial opinions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation in the sphere of the legal status of convicts. The author considers the acts of the Constitutional Court of the Russian Federation related to various violations of the legal regime for providing legal assistance to prisoners sentenced to deprivation of liberty. The author also reviews the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the problem of self-defense of convicts with their rights.

Methodology: dialectical method, abstraction, analysis, synthesis, deduction, sociological method, formal-legal method, system method, method of intersectoral legal research.

Conclusions. According to the author's opinion, the legal opinions developed by the higher courts are the basis for introducing changes in the Criminal- Executive Code of the Russian Federation and other laws regulating the protection of the rights of convicts. The author believes that during drafting of a new Criminal-Executive Code of the Russian Federation, it is necessary to take into account that the Russian judicial practice studied by the author testifies to a small number of cases of reaction on the part of state bodies aimed at realizing the right of convicts to defense.

Scientific and practical significance. Research develops and clarifies a controversial and practically significant problem of realization of the right of convicts to defense. The author suggests to take into account the legal positions developed by the higher courts of the Russian Federation during the reform of criminal-executive legislation.

Keywords: right to defense, convicts, the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, the source of law, the criminal-executive legislation, the Constitution of the Russian Federation, legal assistance.

The scientific and theoretical model of the General Part of the Penitentiary Code of the Russian Federation: justification of novels and simulation results

Seliverstov V.I.

Mission. The latest lawmaking activity in our state clearly demonstrates a certain deficit in the design of new economically and criminologically grounded types of criminal penalties and other criminal law measures that meet

the needs of counter-crime practices. The same deficit is also evidenced by scientific developments in this field. In this connection, there arises the need to create a Concept for the development of a scientific-theoretical model of the General Part of the Penitentiary Code of the Russian Federation aimed at improving the criminal-executive legislation.

Methodology: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, method of comparative jurisprudence.

Conclusions. *The presented scientific-theoretical model does not provide for regulation of execution and serving of criminal punishment in the form of forced labor. This niche just should be punished by restricting freedom with referral to a specialized state institution. In consequence of rather essential distinctions between criminal punishment and other measures of criminally-legal character it is rather uneasy to provide uniform regulation of the general beginnings of their performance and serving in norms of the General part of the PC. For the first time at the legislative level, it is proposed in the scientific-theoretical model to disclose the legitimate interests of convicts as an independent element of the legal status of persons serving criminal penalties and other criminal-law measures. As a guarantee for the realization of legitimate interests, it is proposed to fix the duty of the administration of institutions and bodies executing criminal penalties and other measures of a criminal-legal nature to ensure objective, complete, timely and comprehensive accounting, consideration and implementation of the legitimate interests of convicts.*

Scientific and practical significance. *The conducted research allows to supplement and improve the existing criminal-executive legislation, eliminating the existing gaps. The findings of this study can be used to create normative and legal acts in the field of penitentiary law, and also to be applied when finalizing the curricula for the penitentiary law and the actual problems of the penitentiary law.*

Keywords: *scientific-theoretical model, the penitentiary law, the modeling of law, the system of execution of criminal punishments, the penitentiary code.*

Geoffrey Chaucer – the author and the character of “The Canterbury tales”

Morozov A.A.

Mission. *To characterize Geoffrey Chaucer – one of the most interesting figures not only English, but, to a certain extent, the world literature, whose appearance and activities has left an appreciable trace in history, but also have acquired many legends, speculation, preconceived notions and conscious distortions, on the example of his book “The Canterbury tales”. To bring to a wide readership the ideas of humanism and freethinking characteristic of the approaching of the Renaissance, the principles of a new image of life and of human nature.*

Methodology: dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, historical method.

Conclusions. *Novels “The Canterbury tales”, which are very diverse in their content, give the opportunity to study many aspects of the Chaucer’s life. They help to clarify the views of the poet on certain vital issues and also allow us to trace the evolution of his worldview, examine its relationship to family, his personal qualities. The novels, written by one person, have different scale, different reflect the depth of the author’s perception, and often the same phenomena, as addressed to different addressees. It is therefore particularly important to try to comprehensively and thoroughly study the “Canterbury tales”, in order to clearly understand the author’s position and his vision of the situation.*

Scientific and practical significance. *The importance of a scientific article is to analyse the literary and ideological heritage of Chaucer, whose work carries the ideas of humanism and freethinking characteristic of the approaching Renaissance. Chaucer review and modified the traditions of medieval art in accordance with his usual broad view of the world and of man. His works are approved of new principles of the image of life and of human nature.*

Keywords: *“The Canterbury Tales”, English language, English society, French language, Florence, commercial profiteers, the Hundred Years War, the Renaissance.*